

ТЕЛЕНОС

С. НЕВИНС, Г. КОММАДЖЕР

ИСТОРИЯ США

ИСТОРИЯ США

А. Невинс, Г. Коммаджер

ИСТОРИЯ США

От английской колонии
до мировой державы

Телекс • 1991 • Нью-Йорк

A POCKET HISTORY OF THE U.S.A.

by Allan Nevins and Henry Steele Commager

Translated by V. Obolensky and B. Pryanishnikov

А. Невинс, Г. Коммаджер

ИСТОРИЯ США

От английской колонии до мировой державы

Перевод с английского В. Оболенского

и Б. Прянишникова

Редактор А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ISBN 0-938181-17-3

Copyright © 1991 by TELEX

Первое издание книги «История США» на русском языке осуществлено издательством «Фредерик А. Прегер» (Нью-Йорк, 1956).

ОБ АВТОРАХ

АЛЛАН НЕВИНС с 1931 г. по 1958 г. был профессором американской истории в Колумбийском университете; преподавал также в университете Корнэлл, в Калифорнийском технологическом институте и в Еврейском университете Иерусалима; сотрудничал в журналах и в газетах. Автор многих книг, из коих две удостоились премии Пулицера.

ГЕНРИ СТИЛЬ КОММАДЖЕР — профессор истории и американистики в университете Амхерста; преподавал и читал лекции в ряде других высших учебных заведений, в частности, в университетах Виргинии, в Нью-Йорке, в Оксфорде и в Кембридже; автор многих книг.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Неполных четыре столетия отделяют нас от начала истории Америки, самой молодой, но во многом самой интересной из великих держав. Америка интересна тем, что в ее истории как бы повторена история человечества. В сжатом виде в ней можно проследить развитие различных социальных, экономических и политических систем. Америка интересна тем, что на ней отразилась большая часть тех мощных исторических сил и факторов, под воздействием которых складывался современный мир: империализм, национализм, иммиграция, индустриализация, наука, религия, демократия, свобода, — и что влияние этих сил на общество наблюдается в ней с большей ясностью, чем в истории других стран. Она интересна тем, что в настоящее время, несмотря на свою молодость, Америка — старейшая в мире республика и старейшая демократия с самой старой писаной конституцией. Она интересна тем, что с самого основания ее народ создавал свое особое призвание, что к ней были обращены чаяния и надежды людей всего мира, что она оправдала свое назначение и не обманула этих надежд.

История Америки — это история старой культуры, перенесенная на необъятные, дикие просторы. Америка как бы перескочила через первые шесть тысячелетий истории человечества и начала творить собственную историю, уже зрелая, уверенная в себе; ибо первые поселенцы были не дикари, а цивилизованные люди, пересадившие в Америку культуру многовековой давности. Вместе с тем, Новый Свет никогда не был просто придатком Старого; он стал тем, что первые поселенцы предвидели и чего ее основатели сознательно добивались — *новым явлением в истории*. Неосвоенные, дикие пространства, встречавшие мно-

неров на всем пути от Атлантического побережья до Тихого океана, глубочайшим образом меняли привычный уклад жизни, а смешение народностей и рас видоизменяло унаследованную культуру. Америка представляет собой самый смелый опыт, когда-либо предпринятый в области слияния народов, в области веротерпимости, социального равенства, экономических возможностей и политической демократии.

Европейские историки и путешественники, охотно отдавая должное основным достоинствам американского народа, долго утверждали, однако, что история Америки прозаична и бесцветна, что ей недостаёт разнообразия, богатства происшествий, изящества. В действительности же, она насыщена напряжением, драматизмом и героикой. Стремительное распространение небольшого, слабого народа по целому континенту, превращение нескольких разбросанных колоний в одно из самых могущественных в мире государств — это эпопея, которой нет равных в новой истории. Наши горные ущелья живописны, как феодальные замки; наши городские собрания величественны, как королевский двор; проникновение нашего народа вглубь континента поражает воображение не менее, чем территориальные завоевания норманов или сарацинов; наши национальные герои — Вашингтон, Джефферсон, Линкольн — не уступают героям любого другого народа.

Эта история написана для рядового читателя, не для специалиста. Мы не производили новых исторических изысканий и не пытались по-новому истолковывать события. Книга написана с целью восполнить недостаток в кратком изложении истории американского народа. Если в ней и есть определенный лейт-мотив, — это развитие народа достаточно сознательного для того, чтобы желать свободы, готового добиваться свободы и за нее бороться.

*Аллан Невинс
Генри Стиль Коммаджер*

СОЗДАНИЕ КОЛОНИИ

Природные условия Северной Америки. Начало истории английских поселений в Америке относится к ясному майскому утру 1607 г., когда три пострадавших от бурь корабля капитана Христофора Ньюпорта стали на якорь у входа в Чесапикский залив. Посланные на берег люди увидели «луга прекрасные, чудесные высокие деревья и такие чистые воды, что восхитились ими». На кораблях находились, в числе прочих, энергичный сын графа Портумберлендского Джордж Перси и капитан Джон Смит. В записях Перси говорится, что они обнаружили величественные леса; луга, сплошь усыпанные цветами; чудесную землянику, «в четыре раза больше и лучше нашей английской»; устрицы, «очень большие и нежные на вкус»; множество мелкой дичи; «большое количество гнезд индюшек и много яиц», а также город индейцев. Дикари поднесли им мансвовый хлеб и табак, который курят в глиняной трубке с медной чашечкой. Сначала все в Виргинии их очаровывало. В «Наблюдениях» Перси описывается, как они восторгались богатой расцветкой птиц, плодами, ягодами, вкусными осетрами и живописной местностью. Его изобилующее поэтическими образами повествование завершается, однако, своего рода криком ужаса: на поселенцев напали индейцы, «выползшие из-за холмов, подобно медведям, на четвереньках, с луками в зубах»; у людей появились «ужасные болезни — опухоли, понос, горячка»; многие умерли от голода и «трупы их, точно трупы собак, вытаскивали из хижин для того, чтобы закопать».

Создание новой страны на американской земле было делом нелегким, связанным с упорным, грязным, тяже-

лым и опасным трудом. Поселенцы очутились на огромном и диком континенте, треть которого на востоке, была покрыта непроходимыми лесами; размах его гор, рек, озер и равнин поистине грандиозен; на северных просторах зимой лютый мороз, а южные области летом нестерпимо жарки; на этом континенте в большом количестве водились дикие звери, а население состояло из воинственных, коварных и жестоких племен, все еще находившихся на культурной ступени каменного века. Во многих отношениях Америка была материком неприступным. Достичь ее берегов можно было только после столь изнурительного и опасного плавания, что порой половина пассажиров умирала в пути. И тем не менее, несмотря на все отрицательные стороны, этот континент был как будто создан для энергичного и преуспевающего народа.

Северная Америка — материк, по форме напоминающий треугольник, самая широкая часть которого расположена между 26° и 55° с. ш. Эта часть Америки обладает богатыми и разнообразными природными и, в частности, гидроэнергетическими ресурсами. Климат здоровый. Лето теплое, способствующее хорошим урожаям, а зима холодная, бодрящая. Селясь здесь, европейцы довольно легко приспосабливались к новым условиям. Они могли выращивать здесь всё, что прежде составляло их основную пищу: пшеницу, рожь, овёс, бобы, морковь и лук. Кроме того, на новом месте они нашли новый вид пищи — картофель и кукурузу, имевшие огромное значение. «Индийская кукуруза», посаженная в мае, в июле давала съедобные початки, а позже корм для скота, шелуху для постелей и непревзойденные урожан зерна. Тут было изобилие дичи, миллионы оленей и бизонов; стаи голубей затмевали небо, а в прибрежных водах водилось множество рыбы. Со временем выяснилось еще, что Северная Америка богаче железом, углем, медью и нефтью, чем какой-либо другой континент. Американские леса были почти безграничны. Все преимущественно изменное восточное побережье изрезано удобными для захода судов заливами и бухтами, а широкие реки — св. Лаврентия, Коннектикут, Гудзон, Делавер, Саскуиханна, Потомак, Джемс, Инди, Саванна — позволяли легко проникать на большое рас-

стояние вглубь континента, где без особых трудностей удавалось устанавливать и закреплять форпосты.

Некоторые природные особенности континента не могли не оказать большого влияния на ход американской истории. Многочисленные заливы и бухты Атлантического побережья более способствовали возникновению многих мелких колоний, чем нескольких крупных. И действительно, вскоре таких небольших колоний вместе с Новой Шотландией и Квебеком было пятнадцать. Еще в ранний период американской истории это обусловило большое разнообразие в укладе жизни страны. Каждая колония ревностно оберегала свои особенности, и совершенно естественно, поэтому, что в основу созданного тринадцатью из них независимого государства был положен принцип федерации. За прибрежной равниной возвышается широкий и дикий горный барьер — Аппалачский хребет. Перевалить через него было так трудно, что к тому времени, когда на освоение зааппалачских пространств устремилось сравнительно большое число людей, прибрежная полоса была уже довольно густо заселена и там были большие поселения с установившимся и прочным укладом жизни. Когда же, наконец, люди двинулись на запад, то, совершив перевал, они увидели перед собою необозримые равнины центральной части континента — бассейн р. Миссисипи. Эти равнины охватывают почти половину всей территории и более половины площади обрабатываемых земель Соединенных Штатов. Связи между отдельными пунктами благоприятствовала равнинная поверхность и, в особенности, соединяющие восточную и западную части равнины реки: Висконсин, Айова, Иллинойс, Огайо, Камберленд, Теннесси, Арканзас и Ред-Ривер — и соединяющая север с югом система Миссисипи-Миссури. Колонисты заселяли этот плодородный бассейн быстро и легко; и тут на равных правах стали жить выходцы из всех прибрежных районов Северной Америки и из всех стран западной Европы, что явилось важным фактором создания демократии нового типа и новых идеалов.

Дальше на запад простираются прерии, плато Великих равнин, которое, постепенно повышаясь, доходит до подножья высоких Скалистых гор. Засушливость

плато и барьер Скалистых гор надолго задержали дальнейшее продвижение колонистов. Однако еще за несколько десятилетий до того, как эти полупустынные равнины были отвоеваны у индейцев, золотого и другие ценные металлы далеких тихоокеанских склонов привлекли множество смелых пионеров. Калифорния стала густо населенным и сильным штатом еще тогда, когда она и Орегон были отделены широкой пустынной полосой от районов более старого заселения. Но и эта полоса недолго оставалась безлюдной. Вслед за охотниками на буйволов, в прерии потянулись скотоводы. Население полосы начало расти после постройки железной дороги, по которой стали поступать необходимые для освоения пустынной местности материалы: колючая проволока, ветряные мельницы, строевой лес, сельскохозяйственное оборудование. Развилось орошаемое сельское хозяйство. К 1890 г. «граница» почти исчезла и «дикий» Запад перестал существовать.

Совершенно естественно, что колонизация Америки, в основном, шла с востока на запад. Наиболее доступный путь вглубь страны — водный путь от Атлантического побережья по р. св. Лаврентия и Великим озерам — идет более или менее в западном направлении. Другой путь на запад — пересекающая северную часть Аппалачских гор впадина р. Мохок, где впоследствии был сооружен Эри-канал. Третья крупная артерия переселения — долина р. Огайо — также идет в общем направлении восток-запад. Поразительно, что на всем пути от Атлантического океана до Скалистых гор колонизация, в основном, придерживалась строго широтного направления. Естественно, что под напором продвигавшихся на запад англоязычных американцев рухнуло французское господство в Луизиане и мексиканское владычество в Калифорнии и на Юго-Западе. Еще в колониальный период дальновидные люди предсказывали, что поселенцы, занявшие долину р. Огайо, со временем покорят Миссисипи; тем более естественным было то, что овладевшие бассейном Миссисипи колонисты в конце концов подчинили себе и всю территорию, лежащую к западу от нее. Имея на своей стороне численное превосходство и проявив кипучую энергию,

американцы до конца использовали все преимущества географического порядка.

Малочисленность и отсталость североамериканских индейцев, неспособных оказать серьезное сопротивление колонизации, явились счастливым обстоятельством для белых переселенцев. Индейцы мешали колонизации, подчас задерживали ее, но никогда по-настоящему ее не останавливали. Когда появились первые европейцы, индейцев восточнее Миссисипи насчитывалось, по всей вероятности, не более 200 тыс. человек, — общее же число индейцев на всем континенте к северу от Мексики не превышало 500 тысяч. Вооруженные луком и стрелами, томагавком и палицей, неискушенные в военном деле, знакомые лишь с приемом засады, они как правило, не могли устоять перед хорошо вооруженными охраняемыми частями белых. Они не умели подчинять себе природу и, живя преимущественно охотой и рыбной ловлей, располагали скудными запасами продовольствия. К северу от Мексики из нескольких сот племен, принадлежавших к пятидесяти девяти племенным группам, большинство было малочисленно и не имело возможности собрать крупные военные силы. Самой мощной индейской организацией был Союз пяти, а позже шести племен из группы ирокезов. Их центр находился в западной части нынешнего штата Нью-Йорк; у них был общий союзный совет, и своей воинственностью они наводили ужас на соседние алгонкинские племена. На Юго-Востоке крики создали другую мощную конфедерацию, в которую входили индейцы из группы мускогов, а далеко на Северо-Западе, в прериях, возник еще один, но менее сплоченный союз индейцев группы сиу.

История борьбы поселенцев с индейцами в колониальный период делится на несколько очень определенных периодов. Большая часть первых колоний с самого их возникновения, начала вступать в острые местные конфликты с мелкими соседними племенами. Характерной в этом отношении была кратковременная, но ожесточенная борьба с индейцами племени некота, жившими в долине р. Коннектикут, в Новой Англии, война, которая закончилась в 1637 г. их полным разгромом. Другой пример — война поселенцев Вирги-

нии с племенами Повхатана, которая началась в 1622 г. и тоже закончилась поражением индейцев. Но по мере дальнейшего продвижения белых поселенцев, захватывавших все большую территорию, стали возникать крупные оборонительные союзы индейских племен. Так, например, в Новой Англии «король Филипп»¹ объединил несколько больших племен, героически сражавшихся в течение двух лет, но потерпевших полное поражение. Колонистам Северной Каролины пришлось иметь дело с аналогичной коалицией в войне с племенем тускарора, а жителям Южной Каролины — в войне с племенем йемасси. Эти ожесточенные войны велись на большой территории и причинили белым крупные потери жизнями и имуществом. Наконец, в третьей стадии борьбы индейцы оказались союзниками европейцев. Некоторые из северных племен сражались вместе с французами, а на юге часть племен пользовалась поддержкой испанцев и получала от них оружие. К счастью для американских поселенцев, мощная Конфедерация прокавов заняла по отношению к ним дружественную позицию и активно помогала им в военных действиях против французов. Однако, в конечном итоге, этот третий период борьбы между белыми колонистами и индейцами, как и предыдущие два, завершился полным поражением последних.

Ранние поселенцы. Первые британские колонисты на новом, диком континенте, были небольшие группы отважных людей. На кораблях Христофора Ньюпорта, вошедших 13 мая 1607 г. в пролив Хэмптон-Родса, находились только мужчины. Они основали Джамстаун, построив форт, церковь, амбар, ряд небольших хижин. Перед лицом постигших их бедствий капитан Джон Смит проявил выдержку, находчивость и энергию, которые уже на втором году выдвинули его в президенты и, фактически, диктаторы колонии. Постепенно стало развиваться земледелие. В 1612 г. Джон Рольф начал культивировать табак, продававшийся по высоким ценам на лондонском рынке. Его примеру последовали другие, и вскоре даже рыноч-

¹ Индейское имя — Метаком. (Прим. пер.).

ная площадь города была засажена табаком! Кроме того, увеличилось поголовье свиней и рогатого скота.

Колония росла, но медленно. К 1619 г. в Виргинии насчитывалось не более 2 тыс. жителей. Этот год памятен по трем событиям. Первым из них было прибытие из Англии корабля, на котором находилось девять «молоденьких девушек». Они предназначались в жены тех поселенцев, которые были согласны внести 120 фунтов табака в уплату за их проезд. Этот корабль был столь радостно встречен, что вскоре стали прибывать новые корабли с подобным «грузом».

Не менее важным событием было зарождение представительного правительства в Америке. 30 июля в той самой джемстаунской церкви, где за несколько лет до того Джон Рольф закрепил временный мир с индейцами путем бракосочетания с Покахонтас,² собралось первое на континенте законодательное собрание: губернатор, шесть советников и по два делегата от каждой из десяти плантаций. Третьим значительным событием 1619 г. было прибытие в августе голландского корабля с рабами-неграми, из коих двадцать было продано поселенцам.

В эти годы развития Виргинии, к переезду в Новый Свет готовилась группа поселившихся в Нидерландах английских калвинистов. Это были так называемые «пилигримы», родом из деревни Скруби (Ноттингамшир), которых преследовали в Англии за отрицание церковного главенства короля и за стремление создать собственную отдельную церковь. Они были замечательными людьми во всех отношениях. Их группу возглавляли три очень способных человека: учитель Джон Робинсон, получивший образование в Кембриджском университете, человек большой эрудиции, широких взглядов и щедрый; мудрый старейшина группы Уильям Брюстер, также получивший образование в Кембридже, и Уильям Бадфорд, сочетавший в себе идеализм с хитростью и настойчивостью. В остальном, эта группа состояла из выносливых и мужественных людей, которые были честны, трудолюбивы и, к тому же, трезвенники. Они испытали гонение в Англии, одиночество и тяжкий труд в Нидер-

² Дочь индейского вождя Повхатана. (Прим. пер.).

ландах. Теперь, получив разрешение на поселение в Америке, приобретя корабль, называвшийся «Мэй-флауэр» («Майский цветок») и необходимые запасы, они готовились к суровым испытаниям, связанным с переселением в дикую местность. Пилигримы — их было сто два человека — вышли из Плимута 11 декабря (по старому стилю) 1620 г. прибыли к берегам Массачусетса. В первую зиму больше половины из них умерло от голода и цынги. Но летом они вырастили хороший урожай, а осенью прибыл корабль с новыми поселенцами. Решимость пилигримов была непоколебимой: когда вождь наррагансетов Каноник в знак вызова на войну послал им завернутые в змеиную кожу стрелы, Бадфорд наполнил кожу пулями и вернул ее с высокомерным посланием.

Затем, одна за другой, стали возникать другие английские колонии. Как пчелы из улья, поселенцы роями покидали Англию, чтобы осесть на новом месте. В один майский день 1629 г. на лондонских пристанях царило особое оживление: пять кораблей отплывали в Массачусетский залив, везя с собой четыреста голов скота, к тому времени самую большую партию скота, когда-либо перевозимую через северную часть Атлантического океана. В конце июня они прибыли в Сейлем, город, основанный предыдущей осенью Джоном Эндикоттом с небольшой группой сподвижников. Это были пуритане, то-есть члены англиканской церкви, которые сначала пытались реформировать или очистить ее учение, а затем из нее вышли, положив начало великому пуританскому исходу. Весной 1630 г. Джон Уинтроп достиг Сейлема с одиннадцатью кораблями, перевезшими девятьсот новых поселенцев, — число, оказавшееся достаточным для основания восьми новых городов, включая Бостон. Колония Массачусетского залива быстро разрасталась и вскоре начала распространяться на юг и на запад. Сейлемский священник Роджер Уильямс, смело проповедовавший отделение церкви от государства и другие радикальные идеи, был изгнан в дикую местность, в Род-Айленд. В 1636 г. он основал там Провиденс, город, где, по его замыслу, должна была соблюдаться полная веротерпимость. В том же году под руководством решительного священника Томаса Хукера, по-

ведшего значительную часть своего прихода из Кембриджа на запад, началось первое переселение в Коннектикут. Другая большая колония возникла в 1634 г., когда в Мэриленде было основано первое поселение под руководством либерального Цецилия Кальверта, второго лорда Балтимора. Большинство приехавших в Мэриленд английских аристократов были, подобно основателю колонии, католики, тогда как простые люди были, в основном, протестанты. Терпимость, поэтому, была необходима, и Мэриленд стал очагом религиозной свободы, где селились люди различных вероисповеданий. Вскоре поселенцы начали проникать из Виргинии на территорию нынешней Северной Каролины, и приблизительно в 1650 г. многие заняли земли вдоль берегов залива Албемарла.

Центр одной богатой колонии был захвачен силой оружия. Произошло это так. Голландцы послали английского мореплавателя Генри Гудзона исследовать реку, впоследствии названную его именем. В 1609 г. он выполнил эту задачу. За ним последовали голландские торговцы пушниной, и в 1624 г. на острове Манхаттан было основано небольшое поселение. Провинция Новых Нидерландов с островом Манхаттан разрасталась, но медленно, и органов самоуправления там не возникло. Англичане попрежнему претендовали на все побережье, а коннектикутские поселенцы стремились к захвату мешавшего им соседа: зачем было допускать инородный элемент в самом центре британской Америки? — думали они. Карл II даровал эту область своему брату, герцогу Йоркскому, который и предпринял решительные действия. Летом 1664 г. у Нового Амстердама появились три военных корабля с отрядом солдат на борту. Подкреплением служили коннектикутские войска. Массачусетс и Лонг-Айленд тоже обещали поддержку. Большинство голландских поселенцев, которым деспотичная власть надоела, не возражало против смены суверенитета, и хоть престарелый Петрус Стайвезант и заявил, что, мол, «пусть меня лучше вынесут мертвым», у него не было иного выхода, кроме капитуляции. Над переименованным в «Нью-Йорк» городом взвился британский флаг и, не считая краткого перерыва во время англо-голландской войны 1672-1674 гг., там он и оставался. Более того,

британский флаг развевался теперь от р. Кеннебек до Флориды.

К концу XVII в. определенные очертания получила одна из интереснейших колоний. Английские, голландские и шведские поселенцы проникли на территорию нынешних штатов Пенсильвании и Делавэра. В 1681 г. Уильям Пенн, человек дальновидный и добрый, став владельцем этой территории, приступил к созданию идеальной общины на основе принципов квакеров — секты, впоследствии названной Вольтером «самой подлинно христианской» из всех. Со свойственной Пенну благожелательностью он расположил к себе индейцев тем, что землю покупал не иначе, как с их полного согласия, а колонистов привлекал выгодными условиями, обещая, что каждый получит землю, сможет создать экономное личное хозяйство и будет жить с соседями на началах справедливости и равноправия. Ни один христианин, — говорил он, — не будет подвергаться религиозной дискриминации, в гражданских делах будет господствовать законность, и само население будет участвовать в принятии законов. Под руководством Пенна была основана Филадельфия, «город братской любви». Он мечтал о вечно здоровом, цветущем «городе-деревне», где каждый дом утопал бы в садах. В 1682 г. Уильям Пенн привез с собой в Америку человек сто колонистов. Сохраняя свой квакерский характер, Пенсильвания начала цвести и привлекать самых различных переселенцев из Великобритании и с европейского континента.

В деле переправки англичан и других колонистов через океан и создания новых колоний важнейшую роль играли, в основном, торговые компании. Виргиния и Массачусетс были созданы торговой компанией, организованной, главным образом, в целях наживы и пользовавшейся правами, предоставленными ей короной. В 1606 г. королевские грамоты передали в распоряжение Лондонской компании (созданной пайщиками, постоянно проживавшими в Лондоне) земли между 34° и 41° с. ш. В том же году хартию на основание колонии между 38° и 45° с. ш. получила Плимутская компания (созданная пайщиками, постоянно проживавшими в Плимуте, Бристоле

и других городах). Эти компании получили право распределять земли, управлять копиями, чеканить монету и организовывать оборону колоний. Верховную власть над правительствами колоний сохранял за собой король, предоставивший хартии. В 1624 г., после того, как Лондонская компания понесла тяжелые финансовые потери, король отнял у нее хартию и объявил Виргинию королевской колонией. Плимутская компания помогла на севере созданию различных поселений и рыболовных поселков, но прибыли не извлекла, и в 1635 г., после реорганизации, назвав себя «бездыханным трупом», просила об аннулировании хартии.

Ни Лондонская, ни Плимутская компания не добились финансовой удачи, но обе многое сделали для колонизации. Лондонская компания совершенно определенно явилась создателем Виргинии; Плимутская компания и ее преемник — Совет Новой Англии — основывали в Мэне, Нью-Гэмпшире и Массачусетсе один город за другим. Иная судьба была у третьей корпорации — компании Массачусетского залива, носившей своеобразный характер. Ее создали пайщики, в большинстве пуритане, не только из коммерческих, но и из патристических соображений. Не смущаясь тем, что первые компании не выплачивали дивидендов, они были убеждены, что более правильное руководство может привести к извлечению прибыли. В начале 1629 г. Карл I пожаловал компании хартию. Затем произошло странное событие. В тот момент, когда король и возглавляемое архиепископом Лодом консервативное направление в англиканской церкви подчинили себе церковь, многие руководители пуритан решили эмигрировать. Это были люди независимого образа мысли, состоятельные и занимавшие в обществе известное положение. Они не желали ехать на побережье Массачусетского залива в качестве вассалов Лондонской компании; больше того, они надеялись обеспечить себе там свободу для создания такого церковного управления, какого они хотели. Поэтому главные пуритане-пайщики компании просто скупили все пай, забрали хартию и уплыли с ней в Америку. Коммерческая компания превратилась, таким образом, в са-

моуправляющуюся колонию — в колонию Массачусетского залива.

Другим содействовавшим колонизации фактором было предоставление отдельным лицам права на владение американскими колониями. Их получали состоятельные английские дворяне, которым корона давала земли в Америке подобно тому, как она даровала имения в Англии. По старому английскому закону, никому не принадлежавшие земли были собственностью короны. Под этот закон подпала и Америка. Лорд Балтимор получил Мэриленд; Уильям Пенн, сын адмирала, которому король был должен деньги, — Пенсильванию; а группа придворных короля Карла II Каролины. Всем этим собственникам были даны широкие полномочия по управлению своими территориями. Лорд Балтимор, сторонник некоторых абсолютистских идей Стюартов, был против предоставления колонистам законодательной власти, но, в конце концов, сдал свои позиции и признал созданное колонистами законодательное собрание. Умнее других оказался Пенн. В 1682 г. он сам созвал собрание, все делегаты которого были избраны поселенцами. Пенн разрешил им провозгласить конституцию или «Великую хартию». Согласно этой хартии, многие права правительства были переданы представителям народа, — и Пенн дал свое согласие на введение этой системы.

Как только выяснилось, что жизнь в Америке может быть зажиточной и что страна имеет большие перспективы, началось стихийное переселение из Европы. Оно шло рывками, подталкиваемое самыми различными факторами. Первые две большие волны переселенцев направились в Массачусетс и в Виргинию. С 1628 по 1640 гг., пуритане жили в Англии в состоянии подавленности и страха. Они подвергались настоящим гонениям. Королевская власть вела политику восстановления старых форм церковной жизни и решительно стремилась полностью подчинить церковь королю и архиепископам; в стране царил политическая и церковная смута; король распустил парламент и десять лет обходился без него, а своих главных противников посадил в тюрьму. Ввиду того, что его окружение явно стремилось подорвать

свободу в Англии, многие пуритане считали, что следует покинуть остров и создать в Америке новое государство. В ходе великого переселения 1628-1640 гг. тысяч двадцать из самой крепкой части английского народа покинули родину. За этот период через Атлантический океан было совершено по крайней мере тысяча двести морских переходов. На борту находились переселенцы, скот и мебель. Бостон стал большим портом, обслуживавшим оживленный, кипящий жизнью район. Был основан Гарвардский колледж. Среди поселенцев были предки Франклина, Адамсов, Эмерсона, Готорна и Авраама Линкольна. Характерной чертой этого движения было переселение многих пуритан не в личном порядке и даже не семьями, а целыми общинами. Некоторые английские города наполовину опустели. Среди новых поселенцев были не только торговцы и фермеры, но и врачи, адвокаты, учителя, деловые люди, ремесленники, священники. Новая Англия стала микрокосмом Англии старой и несла в себе семена дальнейшего роста.

В 1642 г. в Англии началась гражданская война и темпы пуританского переселения снизились. Однако, вскоре начался новый исход, который может быть охарактеризован как исход «кавалеров». Это переселение начало принимать все большие масштабы в 1649 г., в год казни Карла I, и продолжалось до реставрации монархии в 1660 г. Так же, как переселение пуритан явилось причиной того, что население Новой Англии превысило тридцать тысяч, так и переселение «кавалеров» явилось главным фактором, доведшим население Виргинии в 1670 г. почти до сорока тысяч. К тому же приток новых поселенцев дал Виргинии большие богатства, — хотя настоящих «кавалеров» среди этих поселенцев было мало, многие принадлежали к зажиточным классам. Располагая капиталом, они приобретали большие поместья и вели в них свое хозяйство. Так, Виргиния, первоначально колония бедных, заселялась зажиточными людьми. В ходе этого переселения «кавалеров» прибыли семьи, впоследствии ставшие знаменитыми в американской истории. Прадед Вашингтона, Джон Вашингтон, прибыл в Виргинию в 1657 г., а согласно семейным преданиям Маршаллов, их американский

предок во время войны в Англии был капитаном в королевских войсках и переехал в Виргинию после поражения сторонников короля. После переселения «кавалеров» мы встречаем в истории Виргинии такие известные фамилии, как Гаррисоны, Кэри, Мейсоны, Картеры и Тайлеры.

Тем не менее, между поселенцами Массачусетса и Виргинии нельзя провести определенной социальной грани. Люди, создавшие величие обеих колоний, были выходцами из одного и того же большого слоя средних классов населения. В Англии Вашингтоны были просто владельцами крохотного поместья «Сулгрейв» в Нортгемптоншире; один из них был мэром Нортгемптона. Прадед Джона Маршалла, повидимому, был плотником. Первый Рэндольф в Виргинии был из семьи ничем не выделявшихся помещиков Уорикшира. Никто из этих «кавалеров» в Виргинии не был по рождению и по положению в дворянстве выше пуританина Джона Уинтрона, который принадлежал к зажиточной семье, владевшей в Суффолке поместьем «Гротон». Никто по происхождению не был выше сэра Ричарда Салтопсталла, многие потомки которого выдвинулись в Новой Англии, или Уильяма Брюстера, пользовавшегося влиянием при дворе на посту заместителя штатс-секретаря. Подавляющее большинство эмигрантов в Массачусетсе и Виргинии до 1660 г. были поменами, механиками, лавочниками и скромными клерками; в то время, как другие во всех частях Америки были «временно обязанными слугами», которые должны были отработать стоимость своего переезда. Все их богатство состояло из энергии, честности и уверенности в себе.

Возникновение самоуправления. Куда бы ни ехали колонисты, они везли с собой права свободнорожденных британцев, наследников традиций английской борьбы за свободу. В первой хартии Виргинии прямо говорилось, что поселенцы обладают всеми свободами, избирательными правами и неприкосновенностью, «как если бы они жили и родились в этом нашем Королевстве английском»; и что они находятся под защитой Великой хартии вольностей и норм английского права. Это был фундаментальный прин-

ции огромного значения. Однако для того, чтобы этот принцип стал реальностью, колонистам пришлось проявлять постоянную бдительность и временно вести упорную борьбу. Почти с самого начала их истории они стали создавать собственную структуру конституционного правительства, стремясь к возможно более прочной представительной системе, к контролю над казной и ко все более полным гарантиям личной свободы.

Созданная в 1619 г. в Виргинии легислатура (законодательный орган) сразу приступила к принятию различных законов. Когда королевская власть отняла хартию у Виргинской компании, орган этот, тем не менее, продолжал существовать. Больше того, в течение нескольких лет, легислатура приняла ряд основополагающих правил, касающихся ее прав. Она объявила, что губернатор не вправе взимать налоги без ее одобрения, что собранные средства могут расходоваться только в соответствии с ее указаниями и что члены ее не подлежат аресту. Спустя некоторое время легислатура объявила, что ничто не может противоречить законодательному акту, и предприняла шаги к упрочению системы суда присяжных. Пока в Англии существовала республика,³ виргинская легислатура была сильным органом. К несчастью она ослабела после реставрации Стюартов, но ее подчинение королевскому губернатору вызвало сильную реакцию.

В колонии Массачусетского залива вскоре также была создана представительная система управления. По условиям хартии, Джон Уинтроп и его двенадцать помощников, видимо, располагали властью над всеми поселенцами. Осенью 1630 г. большая группа колонистов обратилась к этим правителям с прошением о том, чтобы их признали полноправными гражданами. В следующем году было решено удовлетворить их просьбу. Однако «для того, чтобы общины и впредь состояли из добропорядочных и честных людей», было решено допускать к гражданству только лиц, «принадлежащих к одной из церквей в их пре-

³ Период первой английской революции (1649—1660). (Прим. пер.).

делах». Таким образом, была создана теократия, церковное государство. Тем временем, двенадцать помощников Уинтропа решили сохранять занимаемые им должности из года в год до тех пор, пока они не будут смещены особым голосованием граждан. Ввиду того, что в их руках была почти вся судебная и законодательная власть, постоянство занимаемой должности создало малочисленную олигархию. Губернатор, его помощники и министры держали колонию в своих руках.

К счастью, протеста пришлось ждать недолго. В 1632 г., когда г. Уотертаун был обложен налогом на оборону, непредставленные в собрании граждане отказались его платить, опасаясь того, что — в случае уплаты налога — «себя и свое потомство отдадут в кабалу». Для успокоения недовольных, было решено, что губернатор и его помощники будут руководствоваться в вопросах налогообложения пожеланиями особого совета, состоящего из двух делегатов от каждого города. Так были заложены основы подлинной легислатуры. Эта группа делегатов городов, совещаясь с губернатором и его помощниками, фактически стала законодательной властью, состоявшей из одной палаты (однопалатная легислатура). Собравшись в 1634 г., совет взял в свои руки всю полноту законодательной власти: стал принимать законы, допускать лиц к гражданству, приводить к присяге. Так, на американском континенте возник второй по счету орган народных представителей. Ввиду того, что однопалатная система плохо работала, десятью годами позже была введена двухпалатная система: помощники губернатора образовали верхнюю палату, представители городов — нижнюю. На протяжении полувека колония Массачусетского залива была пуританской республикой, управлявшейся собственными законодательными органами. Когда же в 1691 г. она превратилась в королевскую провинцию, легислатура продолжала оставаться сильным органом: король назначал губернатора, но народ избирал палату, крепко державшую в своих руках казну.

Тем временем, на американской земле возникли две постоянных малых республики — Род-Айленд и Коннектикут. Ушедшие из колонии Массачусетского за-

лива поселенцы основали несколько городов в нижней части долины р. Коннектикут. В 1639 г. их граждане собрались в Хартфорде и выработали «Основной закон» Коннектикута; это была не только первая писаная конституция, выработанная американским обществом, но и первая конституция во всем Западном мире. Она предусматривала губернатора, нескольких помощников и нижнюю палату, состоящую из четырех депутатов от каждого города, причем все эти должностные лица должны были избираться путем народного голосования. После реставрации Стюартов Коннектикут получил от короля хартию (1662 г.), условия которой были поразительно либеральными: граждане получили право самоуправления, с той довольно туманной оговоркой, что их законы не должны были противоречить английским законам. Так же удачно сложилась судьба Род-Айленда. Когда его города впервые объединились, Роджер Уильямс получил для них хартию, обеспечивавшую им максимум самоуправления. После реставрации пришлось подать новое прошение. Подобно Коннектикуту, хартия 1633 года превратила Род-Айленд в малую республику, входящую в состав Британской империи, и таковой он оставался до самой революции. Род-Айленд избирал всех должностных лиц, сам принимал собственные законы и, надо полагать, был самой свободной общиной на земном шаре.

К 1700 г. установилась общая система колониального управления. Коннектикут и Род-Айленд находились на особом положении, являясь совершенно самостоятельными республиками, где все должностные лица избирались. Другие колонии были частной собственностью или владениями короны. Их внутреннее политическое устройство было примерно одинаковым. Сам король или владелец колонии назначал губернатора и (за исключением Массачусетса) его советников. Губернаторы почти всегда были британцы, а советники, как правило, американцы; и несмотря на то, что они обычно представляли интересы более зажиточного класса, их взгляды часто сильно отличались от взглядов губернатора. Вначале функции советников были, главным образом, административными и судебными, но со временем они фактически превра-

тились в высшую законодательную палату. В каждой колонии было также собрание представителей, избранных взрослыми мужчинами, удовлетворявшими имущественному и другим цензам. Эта народная палата являлась инициатором законопроектов, распределяла ассигнования и собирала налоги. Ее сила была в том, что она отражала общественное мнение и осуществляла контроль над казной, — два фактора, которые и в самой Англии после 1689 г. сделали парламент столь сильным органом.

Добившись создания представительных учреждений и сохранив их, колонисты оказали большую услугу самим себе и своим потомкам. Их политическая система характеризуется тремя основными факторами. Первый — особое значение, которое колонисты придавали письменным хартиям как гарантии их свобод. В Англии не было писаной конституции. Но с первых же лет в Америке колонисты научились свято ценить права, вписанные в хартии, предоставлявшиеся торговым компаниям, владельцам и самим жителям колоний. Это уважение к системе писаного основного закона оказало глубокое влияние на всю американскую историю. Второй — постоянная вражда между губернаторами и собраниями. Они представляли собой два антагонистических элемента: губернатор стоял за власть и интересы империи, собрание — за народные права и местные интересы. Наконец, третьей характерной чертой политической жизни колоний была настойчивость, с которой собрания добивались контроля над ассигнованиями. Кроме того они боролись за частые выборы, за недопущение в состав собраний королевских должностных лиц, за право выбирать собственного председателя, — но главное, они настаивали на том, что только они вправе утверждать и не утверждать ассигнования. Несмотря на оказываемое им сопротивление, собраниям обычно удавалось добиваться своего.

Неверно было бы думать, что британские колонии страдали под гнетом тирании. У них была политическая свобода, какой в XVII и XVIII вв. не было нигде в мире. Тем не менее, и они в сильной мере испытывали классовое управление. В теократической Новой Англии правили немногие, — их власть предстояло

сломить, а на Юге политическую монополию пытались установить патрицианские помещики и купцы.

Временами классовая тирания становилась особенно жестокой, и тогда колонисты наносили по ней удары. Первый такой удар был нанесен в 1676 г. в Виргинии восстанием Бэкона. Отработавшие стоимость проезда временно обязанные слуги, работавшие на «пограничных» фермах иммигранты, мелкие плантаторы и множество рабочих и надсмотрщиков рабов были недовольны несправедливым к ним отношением. После 1670 г. все безземельные были лишены права голоса и различными другими средствами — отстранены от участия в политической жизни. Состав собраний иногда подолгу не менялся. Одно собрание оставалось в том же составе с 1661 г. по 1675 г., т. е. в течение четырнадцати лет. Ответственные посты раздавались любимцам королевского губернатора и богатейшим плантаторам. Бедные не имели доступа к образованию. Они были плохо защищены от набегов индейцев, так как губернатор и его приближенные в погоне за пушниной не хотели портить отношений с индейцами. Налоги были обременительны. Рынки находились далеко от периферийных ферм, а любое падение цен на табак наносило фермерам большой денежный ущерб.

Нанесение индейцев на незащищенные поселения привело, в конце концов, к восстанию. Поселенцы потребовали защиты, и когда губернатор Беркли и плантаторы прибрежных районов стали медлить, они возмутились. Пафанал Бэкон, возглавив жителей верховьев рек Джеймс и Йорк, напал на индейцев, разгромил их главный оплот и убил сто пятьдесят человек. Позже, когда он поехал в Уильямсберг для того, чтобы принять участие в работе собрания, высокомерный губернатор приказал схватить его. За этим последовало восстание жителей верховий рек и вынудило губернатора отпустить Бэкона, который скрылся. Вернулся Бэкон во главе четырехсот вооруженных людей. Беркли и его советники поспешили из здания Капитолия навстречу решительному молодому плантатору. Разрывая одежду на груди, губернатор крикнул: «Вот! Стреляйте! Знает Бог, хорошая мишень! Стреляйте!» Но Бэкон ответил: «Нет! Мы

не тронем волоса на вашей голове и ни на чьей другой. Мы пришли просить спасти наши жизни от индейцев. Вы неоднократно обещали это сделать, и теперь мы без этого не уйдем». Сторонники Бэкона, целясь винтовками в окна собрания, закричали: «Мы этого добьемся!» Обращаясь к собранию с получасовой речью, часто прерываемой бурными возгласами, Бэкон требовал защиты поселенцев, честной ревизии отчетности общественных финансов, снижения налогов и проведения других реформ.

Восставшие быстро рассеялись, как летняя гроза, проносящаяся над пыльными полями Виргинии. Губернатор Беркли и его советники дали ряд обещаний, которых, по мнению проникательных людей, и не собирались исполнить. Затем губернатор вызвал глостерскую и мидлсекскую милицию, численностью в 1.200 человек, и потребовал, чтобы она помогла ему подавить восстание Бэкона. Тогда раздался низкий, возмущенный шопот: «Бэкон, Бэкон, Бэкон» — и служащие милиции с чувством отвращения начали расходиться, все еще приговаривая: «Бэкон, Бэкон, Бэкон». Последовали открытые военные действия. Бэкон штурмовал Джемстаун и в ясный летний день сжег город до тла. На р. Джемс он овладел кораблем с двадцатью одним орудием. В самый критический момент военных действий Бэкон умер от малярии и восстание провалилось. Началось оно как вполне справедливое утверждение права собственников небольших ферм, рабочих и жителей периферии на защиту от дикарей и на справедливое отношение в политических и финансовых делах, а завершилось — открытым восстанием против королевской власти. Мстительный Беркли, кланяясь одному из помощников Бэкона, взятому в плен, язвительно сказал: «Господин Драммонд, добро, добро пожаловать. Я вам рад больше, чем кому-либо в Виргинии. Господин Драммонд, через полчаса вы будете... висеть!» Несмотря на то, что восстание окончилось поражением, оно явилось демонстрацией «пограничного» духа независимости и решительного самоутверждения, демонстрацией подлинного американского духа, и забыто оно не было.

Церковь и власть в колониях. По мере усиления жажды политической свободы, в Америке укреплялся и дух веротерпимости. С ранних времен в британских колониях находилось множество различных сект, и они научились жить в согласии друг с другом.

Англиканская церковь была перенесена в Виргинию самыми первыми поселенцами. Та простая церковь (ныне замечательно реставрированная), которая возвышается на берегу р. Джеймс, была одним из первых зданий, выстроенных в Джеймстауне. В 1616 г., когда лорд Делавер прибыл в Америку в качестве губернатора, он отремонтировал эту церковь и расширил ее: церковь стала импозантным зданием с кедровыми скамьями, с алтарем из орехового дерева, с высокой кафедрой и купелью для крещения. Здесь владельцы плантаций венчались, здесь они крестили детей. По мере развития Виргинии создавались новые приходы, строились новые церкви. Они содержались на средства налогоплательщиков так же, как содержалась официальная церковь в Англии. В течение нескольких лет каждый поселенец отдавал на духовенство бушель кукурузы и десять фунтов табака. Этого было недостаточно. В 1632 г. легислатура приняла закон, согласно которому каждый поселенец должен был дополнительно отдавать на духовенство каждого двадцатого теленка, каждого двадцатого козла и каждую двадцатую свинью. После реставрации Стюартов ежегодный налог в виде табака был увеличен и стал строже соблюдаться. Кроме того, духовенство должно было получать безвозмездные земельные наделы и другие привилегии. В Виргинии, как впоследствии и в других частях Юга, в частности, в Мэриленде и в Южной Каролине, англиканская церковь была вполне реальной организацией.

Тем не менее, виргинская церковь не очень преуспевала. Ее материальное положение было неудовлетворительным и она не оказывала особого влияния на духовную и интеллектуальную жизнь поселенцев. Социальные и экономические условия не благоприятствовали ее развитию. Прихожане большинства церквей распылялись на большой площади редко заселенной земли. Границы многих приходов охватывали от тридцати до шестидесяти миль вдоль речного бе-

рега. Те, кто посещал церковь, должны были проезжать большие расстояния по отвратительным дорогам или часами гребти вверх и вниз по течению. Естественно, что в церковь ходили не регулярно. Даже набожного Джорджа Вашингтона можно было упрекнуть в нерегулярном посещении церкви. Зимой в скверную погоду священник должен был считаться с тем, что большинство скамей пустовало. Священники жаловались, что им случалось проезжать до церкви пятьдесят миль и находить там лишь малую группу прихожан. Материальное положение священников в этих мало заселенных районах было тяжелым. Когда падали цены, местных налогов, неравномерно собираемых в виде табака и скота, бывало недостаточно, а когда легислатура повышала налоги, жаловались приходы победнее.

При низких окладах, непостоянстве службы и многих других трудностях нелегко было получить способных, набожных и усердных служителей. Лучшие священники не переселялись из Англии в колонии. Те же, кто эмигрировал, часто были неумны, ленивы и сомнительной нравственности. Губернаторы и население стало скоро жаловаться, что виргинское духовенство — это «кучка скандалистов», у которых «много пороков, не пристойных их званию»; что они прибегают к «ругательствам, пьянству и дракам». Это были люди, напоминавшие фильдинговского священника Труллибера. Начались попытки реформировать церковь. Одна из них привела к основанию в 1693 г. второго по счету колледжа в колониях — «Уильям энд Мэри». Этот колледж был создан в первую очередь для подготовки молодых священников. Тем не менее, состояние официальной церкви оставалось неудовлетворительным, вплоть до самой революции.

Как в Виргинии, так и в других районах Юга англиканская церковь пользовалась поддержкой казны, но не имела никакой политической власти. Что же касается пуританской церкви в Массачусетсе и в Коннектикуте, то она десятилетиями в сильной мере отождествлялась с государством и обладала заметным контролем над правительством. Более того, в течение продолжительного времени она фактически осуществляла жесткий церковный деспотизм.

Основным поводом к переселению пуритан в Массачусетс было желание установить церковное государство, а не жажда религиозной свободы. Пуритане не были религиозными радикалами, — они были религиозными консерваторами. В Англии они принадлежали к англиканской церкви, но хотели изменить ее нерархический абсолютизм, упразднить католические формы Богослужения, строго соблюдать воскресный день и пристально следить за нравственностью. Их надежда на захват церкви не сбылась и в американской «пустыне» они попытались создать «отдельную церковь», которая должна была существовать на общественные средства, быть связанной с государством и не допускать никакой оппозиции. Когда Эндикотт основал в Сейлеме первую пуританскую церковь, два человека из его окружения достали из багажа англиканский молитвенник и пожелали по нему читать. Эндикотт немедленно посадил их вместе с молитвенником на корабль и отправил назад в Англию. На новой земле пуританские лидеры тотчас создали тесно сплоченное теократическое общество, где власть находилась в руках аристократии способных и деспотичных церковных руководителей, людей железной воли.

Установление этого кальвинистского церковного государства, с его суровой дисциплиной, означал отказ от идеала пилигримов — сепаратистского идеала самоуправляющихся приходов. В Плимуте пилигримы создали малую церковную демократию и вели свои церковные дела без оглядки на епископов и на синоды. Но пуритане сторонники твердого централизованного контроля, сочли это анархическим и деморализующим опытом.

Массачусетская теократия покоилась на четырех положениях. Во-первых, только члены пуританской церкви, бывшие на хорошем счету, могли голосовать или занимать официальную должность, во-вторых, посещение церкви было обязательным, что ограждало церковь и колонию от неверующих. В-третьих, любая новая церковь на территории колонии должна была получить признание от официальной церкви и государства. Таким образом, инакомыслящие и неверующие не могли создать собственного гнезда

на территории Массачусетса; сторонники церкви, в какой-либо мере отличной от пуританского образца, должны были ехать в иную часть Америки. Наконец, была предусмотрена материальная поддержка церкви со стороны гражданских властей, что давало правительству возможность, действуя совместно с главами церкви, наказывать любое неповиновение или нарушение дисциплины. В 1646 г. синод пуританских церквей принял так называемую Кембриджскую платформу, предусматривавшую, что в случае неповиновения прихода синоду или церковным правилам, гражданские власти прекращают выплату жалования настоятелю данного прихода, снимают его с занимаемой им должности и назначают на его место готового подчиниться человека.

Теократия в Массачусетсе, представлявшая комбинацию власти священников и членов магистрата продолжалась, постепенно смягчаясь, до 1691 г., когда король Вильгельм III и королева Мария, превратив колонию в королевскую провинцию, предоставили Массачусетсу улучшенную хартию.

За теократией следует признать только одно большое достижение. Суровая пуританская организация сопротивлялась давлению Карла II с решимостью и упорством, оказавшим большое влияние на развитие политической свободы в Новом Свете. Это сопротивление содействовало подготовке политической независимости в конце XVIII в. Однако в теократии было и много неприемлемого. Это была гнетущая тирания, преследовавшая квакеров и других. Она была враждебна свободе мысли и слова; ее фанатические настроения содействовали расправам с сеїлемскими ведьмами и колдунами, когда девятнадцать мужчин и женщин было повешено. По мере роста населения и укрепления новых идей, возникла сильная либеральная партия для борьбы с консерваторами, которую возглавляли два известных бостонских священника — Пикрис Матер и его педантичный сын Коттон. Закат теократии явился отрадным явлением для Америки.

В лице Роджера Уильямса и Анны Хэтчинсон Массачусетс дал двух замечательных проповедников религиозной свободы. Уильямс, человек большой эру-

диции, получивший образование в Кембриджском университете в Англии, был набожным христианином и решительным противником всей идеи пуританской теократии. Он считал, что церковь должна быть полностью отделена от государства; что заставлять людей ходить в церковь — безумие; что следует допускать инакомыслящих. Защита правительства, по его мнению, должна распространяться на все секты, не нарушающие моральных норм. Массачусетские власти приказали Уильямсу вернуться в Англию. Вместо этого, он бежал в Род-Айленд, где собирался создать общество, которое проводило бы в жизнь его принципы. Историческая роль Анны Хэтчинсон не имеет такого значения. Она проповедывала учение, похожее на то, что впоследствии, в эпоху Эмерсона, называлось трансцендентализмом. Долг каждого, — говорила она, — следовать велениям внутреннего сверхъестественного голоса, и не добрые дела и не санкционирование — залог спасения человека, а присутствие внутри человека Духа Святого. Она прожила некоторое время в Род-Айленде и погибла в Нью-Йорке во время изгнания, убитая индейцами.

Во всех Средне-Атлантических колониях терпимость стала общим правилом еще в ранний период их истории. В одном только Нью-Йорке была сделана попытка утвердить англиканскую церковь, но и там эта попытка потерпела полное поражение, т. к. большинство населения принадлежало к другим религиям. Как писал живший в то время историк Уильям Смит, население стояло за «равную, повсеместную терпимость по отношению к протестантам». У евреев была своя синагога. В квакерских колониях Пенсильвании и Делавэра приветствовались все религии и там утвердилось множество мелких, необычных, главным образом, немецких сект. Католиков не трогали, и в Филадельфии они открыто служили мессу. В Мэриленде также сосуществовали верования, в прошлом враждовавшие друг с другом. В 1649 г. состоявшее из католиков и протестантов собрание приняло «Закон о терпимости», являющийся одной из важнейших вех на пути к религиозной свободе. Он сурово обходится с не-христианами и сектантами, но предоставляет совершенно одинаковые права протестантам

и католикам. В этот мэрилендский Закон о терпимости была вписана фраза глубокого смысла. Его составители заявляли, что веротерпимость --- это мудрость, потому что «насилие над совестью в вопросах религии часто приводило к опасным последствиям». Шли десятилетия, и колонисты убеждались в том, что справедливость и благоразумие требуют не мешать другим молиться Богу так, как они хотят.

ГЛАВА 2

НАСЛЕДИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Развитие американизма. Образованию особой американской нации и формированию национального характера, получившему к началу революции довольно определенные очертания, содействовали в колониальный период два фактора. Во-первых, то обстоятельство, что население Америки представляло собой сплав различных этнических групп. Во-вторых, --- географические условия богатой и незаселенной новой страны, природа которой щедро вознаграждала своими плодами деятельных и мужественных людей. К 1775 г. складывается уже своеобразное американское общество с присущими ему социальными, экономическими и политическими особенностями. В некоторых отношениях, это общество было похоже на европейские. Торговцев, людей интеллектуального труда и мастеровых Бостона и Нью-Йорка нелегко было отличить от таких же людей Лондона или Бристоля; но основная масса американцев жила совершенно иной жизнью, чем европейцы.

Процесс заселения Америки привел к тому, что английский язык и общественное устройство английского типа стали повсеместно господствующими и это придавало стране единство. Ни немцы, ни французские гугеноты, вопреки ожиданиям, не создали отдельных колоний. Вместо этого, они смешались с первыми английскими поселенцами и переняли у них

язык и взгляды. Голландцы, поселившиеся в долине р. Гудзона, тоже вскоре были «затоплены» английской миграцией. Таким образом единство языка и политического строя существовало наряду с этнической пестротой населения.

Не следует преувеличивать значения фактора смешения народов в колониальный период, но недооценивать его тоже нельзя. Надо полагать, что к началу революции 75-90% белых колонистов были английской крови. Однако влияние голландцев, немцев, французов и выходцев из других европейских стран было значительным. Первые большие волны эмиграции были английскими; Новая Англия и низменная часть Юга оставались почти исключительно английскими районами. Но в XVIII в., наряду с дальнейшим прибытием англичан, из Европы пришли две другие большие волны эмиграции: немцы и ирландские шотландцы. К началу революции и тех и других в Америке насчитывалось сотни тысяч.

Первой больших размеров достигла иммиграция немцев. В западной части Германии, в особенности в Рейнской области, царили нищета и недовольство. Опустошение, причиненное французскими войсками при Людовике XIV, было ужасно, а за этим последовало систематическое религиозное гонение на лютеран и сектантов других толков. Кроме того, в политическом отношении там была тирания правителей мелких германских княжеств. Когда правительство английской королевы Анны и ее преемников предложило немцам убежище и религиозную свободу под защитой британского флага, они десятками тысяч устремились в Англию и в ее колонии.

В 1683 г. во владения Уильяма Пенна, прибыл первый отряд из Кресфельда, и г. Джермантаун стал цветущим ремесленным центром. Семей Риттенгауз была там построена первая в колониях бумажная фабрика; в Джермантауне стали варить пиво и ткать полотно. Но настоящий прилив немцев начался уже после 1700 г. Одни направлялись в долину р. Мохок (Нью-Йорк), другие — в Нью-Брансуик (Нью-Джерси); большинство же селилось в Пенсильвании. Через несколько лет за один только год в Америку приехало несколько тысяч немцев и швейцарцев.

Это переселение достигло столь значительных размеров, что к началу революции, как утверждает Бенджамин Франклин, немцы составляли треть всего населения Пенсильвании. Во многих местах почти не слышно было английской речи, а в 1739 г. в Джермантауне стала выходить газета на немецком языке. Поселения лютеран, моравцев, меннонитов и «объединенных братьев» были разбросаны по всему району. Плавильня железа и стеклянный завод барона Штигеля стали знамениты, равно как и типография Зауэра. Большинство немцев были расчетливыми сельскими хозяевами. Их труд превратил известняковый район Пенсильвании в огромную житницу.

Немцы неохотно становились пионерами, предпочитая приобретать землю в уже заселенной местности, защищенной и частично освоенной. Они тщательно расчищали землю; сооружали большие амбары еще до того, как были устроены их дома; заборы строили крепкие и высокие, а скот их был улитанным и чистым. Жили они экономно и продавали из своих продуктов все, что могли. Женщины работали в поле, что не мешало им иметь большие семьи.

Более агрессивные по характеру шотландские выходцы из Ирландии составили основное ядро пионеров в Пенсильвании, долине Шенандоа и в верхней части Каролины. Как и немцы, они тоже бежали в Америку от гнета. В Ирландии они испытали притеснения со стороны англиканской церкви, а английские законы, направленные против ирландских мануфактур, разорили их ткацкую промышленность. Приезжали они целыми кораблями, и построения их были резко антианглийскими. В сущности, эти переселенцы скорее были ирландцами, чем шотландцами. В большинстве своем они были из тех пресвитериан, которые в XVII в. эмигрировали из Шотландии в провинцию Ольстер и которым пресвитерианская церковь привила понимание демократических принципов. Некоторые из них поселились в Нью-Гэмпшире, другие в округах Ольстера и Орэнджа колонии Нью-Йорк; но главным их убежищем стала Пенсильвания и долины, уходящие на юг — в Виргинию и в Каролину. Устремляясь в дикие местности, они жили охотой, расчищали землю, строили бревенча-

тые хижины и создавали в лесах первые примитивные фермы. Эти «отважные и немущие индосемцы», как их называл один пенсильванский чиновник, нетерпимо относились к ограничениям и к издольщине, которую они должны были платить Пеннам и другим землевладельцам. Они ненавидели индейцев и постоянно вступали с ними в конфликты. Их стяжательство вполне соответствовало старой поговорке о том, что они не только цеплялись за традиции Субботнего дня, но и за все остальное, что можно было прибрать к рукам. Из них вышли, однако, замечательные пионеры-колонисты. Продвигаясь на юг и на запад, они еще до революции достигли возвышенной части Джорджии и проникли в Кентукки. Они растили большие семьи, проявляли большие способности в политике и умело воевали с индейцами. Постепенно шотландские ирландцы начали играть заметную роль в жизни Америки. Среди них были люди с именами, впоследствии ставшие знаменитыми: Колхуны, Джексоны, Полки, Хьюстоны, МакКинли.

В долине Шенандоа и в других долинах внутри страны вскоре начало происходить слияние ирландских шотландцев, англичан, немцев, голландцев и других в один, общий американский народ. Последняя из основанных колоний — Джорджия — была заселена смешанным населением. В 1732 г. генерал Джеймс Оглторп, при поддержке других англичан филантропов, получил королевскую хартию, превращавшую эту колонию в убежище для немущих должников и других несчастных и в форпост против испанской и индейской угроз. Эти попечители привезли в Джорджию тщательно отобранных англичан, большую группу немецких протестантов и ряд шотландцев-горцев. Рабство вначале было запрещено. Все вероисповедания, кроме католического, пользовались поощрением, и в одной и той же колонии члены англиканской церкви, пресвитериане, анабаптисты, лютеране и иудеи молились Богу, каждый по-своему. Англиканская церковь в Саванне прославилась тем, что там проповедывали два знаменитых священника — Джон Уэсли и Джордж Уайтфилд.

Другие группы иммигрантов не-английского происхождения численно уступали немцам и ирландским

шотландцам. Тем не менее, они тоже имели определенное значение в американской истории. После отмены Памтского эдикта сотни, а, может быть, и тысячи французских гугенотов переехали в британские колонии. Имена Лоранс и Легарэ в Южной Каролине, Мори в Виргинии, Дэано и Жэй (Джэй) в Нью-Йорке, Ревэр (Ревир) и Фанёй в Массачусетсе свидетельствуют о том, как они расплылись на новом континенте. Вместе с немцами прибыло небольшое число швейцарцев; вдоль берегов р. Делавер поселилось значительное число шведов и финнов; появились и небольшие группы итальянцев и португальских евреев, осевших преимущественно в городах. Названия некоторых городов, как например, Раднор и Брилл-Мор в Пенсильвании и Уэлли-Пэк в Южной Каролине служат напоминанием о том, что валлийцы также внесли свой вклад в формирование американского народа. Таким образом, совершенно очевидно, что даже в колониальный период Америка представляла собой нечто вроде этнического «плавильного котла».

Вторым важным фактором формирования особой американской нации была сама страна и, в особенности, ее так называемая «граница». Вначале «границей» являлась сама прибрежная полоса, за которой тянулись дремучие леса. Трудно поверить, насколько неопытны были первые поселенцы. Пилигримы искали приправ в плимутских чащах и воображали, что те дикие звери, о которых они слышали, — это, быть может, львы; некоторым джемастаунским эндади казалось, что там можно вести такой же образ жизни, как и в Лондоне. Однако суровая действительность ставила перед поселенцами выбор — приспособиться к суровой, примитивной дикости или погибнуть. В самый ранний период мы находим смелых и выносливых людей — капитана Джона Смита и Майльза Стэндинга, которым в более позднее время соответствуют другие герои: Роберт Роджерс, Даниэль Бун и Кит Карсон. От индейцев поселенцы научились выращивать кукурузу на удобренной почве, варить саккоташ,⁴ строить челноки из коры и делать лыжы, охотиться на дичь, дубить оленью кожу, об-

⁴ Блюдо из кукурузы, бобов и свинины. (Прим. пер.).

рабатывать дерево. В силу необходимости пионер становился охотником, фермером, воином. Возникло новое сельское хозяйство, новая архитектура, новые способы ведения домашнего хозяйства. Не прошло и десяти лет, как у некоторых людей в Новом Свете было уже мало общего с прежними соседями, оставленными в Англии, а у их детей с ними было еще меньше. Тут выработалось более суровое, практичное и простое отношение к жизни. Примерно к 1700 г. «граница» была отодвинута до крайних судоходных пунктов рек, в 1765 г. — до Аллеган, а к началу революции она отошла за горы. Одно поколение за другим вырастало под условием пограничной жизни, оказавшейся горнилом новой породы людей.

В социальном отношении на границе преобладало равенство; в сущности, оно было господствующим явлением всюду, за исключением нескольких больших городов. Сахарной глазури на американской действительности не было. Английские «временно обязанные слуги», в течение пяти лет отработывавшие стоимость своего проезда; выпущенные из тюрем нищие должники; бежавшие из опустошенного Палатипата немцы; изгнанные английскими меркантильными законами ирландские шотландцы — ни у кого из них ничего не было, и имущество приобреталось ими путем упорного труда. Будучи «плебейми», они относились враждебно к аристократам, получившим крупные земельные наделы или разбогатевшим на торговле и спекуляциях. И все-таки, какими бы бедными они ни были, поселенцы, в общем, чувствовали, что Америка открывает перед ними такие возможности, дает им такую независимость, каких в Европе они не знали. Это чувство рождалось при виде пространств без конца и края, при сознании неисчерпаемости природных богатств страны. Сэн-Жан Кревкёр, французский аристократ, прибывший в американские колонии примерно в 1759 г., писал, что «состоятельные люди остаются в Европе, — эмигрируют только люди среднего достатка и бедные», — и добавлял: «Всё способствует их перерождению: новые законы, новый образ жизни, новая социальная система. Здесь они становятся людьми». Очень красноречиво Сэн-Жан Кревкёр описал

зарождение американизма, основанного на свободной деятельности в стране огромных природных богатств:

«Впервые прибывший в Америку европеец кажется ограниченным в своих намерениях, равно как и в своих взглядах; но очень скоро он сменяет масштаб свой. Едва вдохнув наш воздух, он строит новые планы и пускается в предприятия, о которых и не помышлял в своей стране, где изобилие общества ограничивает множество полезных мыслей и часто уничтожает самые похвальные начинания прежде, чем они созреют... Ему кажется, что он воскресает, что до сих пор он не жил, а просто существовал; теперь он чувствует себя человеком, потому что с ним обращаются, как с человеком; в своей стране он был слишком ничтожным и остался незамеченным ее законами, а законы этой страны облекают его в мантию. Судите, какая перемена должна произойти в уме и мыслях этого человека! Он начинает забывать свою прежнюю подчиненность и зависимость; он ликует от избытка чувств и от первого ощущения гордости, он окрылен новыми мыслями. В этом заключается отличительная черта американца!»

Тем не менее, вплоть до 1750 г., а то и позже, мало кто из колонистов по-настоящему сознавал свою принадлежность к новой нации. Поселенцы считали себя в первую очередь лояльными британскими подданными и только потом — виргинцами, нью-йоркцами или род-айлендцами. К 1750 г. вдоль всей приатлантической полосы, от канадских елей долины р. Андроскоджин до палм долины р. Сент-Джонс, насчитывалось тринадцать колоний, с почти полуторамиллионным населением. Каждая колония имела свои особенности, и распределялись они на четыре довольно определенных группы.

Первая из них — Новая Англия, скалистый район небольших, хорошо содержавшихся ферм, лесного хозяйства и многочисленных видов труда, связанного с морем: судостроение, подобное тому, какое Лонгфелло описал в «Постройке корабля»; ловля трески, о которой рассказано Киплингем в «Кэнтейнс Ко-

рэйджус», и морская торговля, вроде той, о которой говорится в книге Р. Х. Дэна «Два года у мачты». Вторая группа — Средне-Атлантические колонии, где наряду с мелкими фермерами находились и большие поместья, довольно много мелких мануфактур и значительные морские торговые предприятия в Нью-Йорке и Филадельфии. Третья группа состояла из колоний Юга, характерной, по отнюдь не главной особенностью которых были крупные плантации, где невольники-негры выращивали индиго, рис и табак. Наконец, наиболее «американская» группа — это великая «пограничная» полоса, Хинтерланд, тянувшийся от Мэна до Джорджии. Там охотники-пионеры, отважные обитатели бревенчатых хижин и небольшая часть наиболее выпосланных фермеров непрерывно продвигалась вглубь страны. Хинтерланд был более или менее однородным как на севере, так и на юге. В западном Массачусетсе, в западной Пенсильвании, как и в западной Каролине появились люди особой закалки: изобретательные, равнодушные к книжным наукам, нетерпимые к ограничениям, обладавшие непоколебимым оптимизмом.

Колонии Новой Англии. У прибрежных поселений Новой Англии была поразительная способность к экспансии. Мы уже видели, как одна группа колонистов из Массачусетса основала Род-Айленд, а другая — впоследствии объединившиеся колонии Коннектикут и Нью-Хейвен. Третья группа пуритан ушла на север, в Мэн и Нью-Гэмпшир, в район, на который первоначально претендовали не-пуритане, и стала там господствующим элементом. К 1650 г. Массачусетс установил политический контроль над поселениями Нью-Гэмпшира и Мэна, но к концу XVII в. Нью-Гэмпшир превратился в обособленную королевскую провинцию. Эта способность к экспансии переходила из поколения в поколение и потомки пуритан, как одна волна за другой, шли на Запад до тех пор, пока не вышли на побережье Тихого океана.

На протяжении всего колониального периода население Новой Англии было наредкость однородным: к началу революции ее население в 700 тыс. жителей состояло почти исключительно из людей английской

крови, связанных общностью языка, обхождения, веры и образа мысли. Лишь одна маленькая колония — Род-Айленд — несколько отличалась от других из-за наличия политических радикалов и инакомыслящих церковных групп. Янки, в основном, происходили от исключительно крепкой, независимой и умной породы англичан и горделиво считали своих предков, но выражению одного из руководителей, «отборными семенами, предназначенными для целинных земель». Землепашцы и рыболовы хорошо зарабатывали; купцы, судовладельцы и мелкие мануфактуристы нередко делали себе состояние. Во внешней торговле одного Бостона к 1770 г. принимало участие шестьсот судов. Благодаря значительному объему экспорта рыбы в Европу и в Вест-Индию, доход с рыболовного промысла в Массачусетсе составлял ежегодно сумму, равную 1 миллиону 250 тыс. долларов. Педаром треска стала эмблемой Массачусетса. Большинство хозяйств Новой Англии сами изготовляли все, что требовалось для жизни: ткани, обувь, мебель, — все было домашнего производства, а итались поселенцы тем, что выращивали на своей земле. Янки отличались трудолюбием, расчетливостью, настойчивой предприимчивостью и фанатичной набожностью. Пусть в других частях страны их и недолюбливали, они пользовались всеобщим уважением.

Церковь и школы занимали в Новой Англии особо почетное место. В каждой пуританской общине к священнику относились не только как к духовному наставнику, но и как к руководителю интеллектуальной жизни. К тому же в его доме происходила значительная часть общественной жизни паствы. Духовенство состояло из людей энергичных, настойчивых, образованных; они обладали качествами, необходимыми для занятия руководящего положения в общине. Прихожане перед ними трепетали. Священники с удовольствием проповедывали возмездие за грехи, и описания мучений грешников в аду, которые дал Джонатан Эдуардс, были всем известны; Джон Коттон утверждал, что каждую ночь перед сном любил «успокоить уста» выдержками из писаний сурового Кальвина. От духовенства требовалось, чтобы оно состояло из людей властных, прямолинейных и образо-

важных; у них были большие познания в богословии и в древних языках. Президенту Гарварда Чонси по утрам вслух читали Ветхий Завет на древнееврейском языке, а днем — Новый Завет на древнегреческом, причем он комментировал их по-латыни. То же самое могли делать и многие другие священники. Что касается образования населения, то о нем позаботились довольно рано. В 1636 г. был основан Гарвардский колледж. В тех же тридцатых годах XVII в. во многих местах были созданы и начальные школы. Еще в самом начале истории Массачусетса законодательное собрание потребовало, чтобы каждый город, где жило по крайней мере пятьдесят семей, содержал школу на свои средства.

Существовавшая в начале строгость жизненного уклада в Новой Англии со временем стала смягчаться. Перевозные промыслы и торговля содействовали не только росту благосостояния, но и появлению новых идей. Число юристов, врачей и людей других профессий стало весьма значительным. Сначала в Массачусетсе и в Коннектикуте чрезвычайно строго соблюдался «День Субботний» — от шести часов вечера в субботу до захода солнца в воскресенье. В это время нельзя было путешествовать, таверны были закрыты, игры запрещены; даже разговор на улице нескольких человек мог повлечь за собой арест. Но вот, стали проникать новые моды, например, парики, а последователи англиканской церкви привезли с собой обычай весело справлять Рождество, и постепенно в жизни общества открыто стали признаваться занятия политикой, деньги, любовь и увеселения.

Ярчайшим документом, свидетельствующим об этом переходе от старого порядка в Массачусетсе к новому, являются записи Сэмюэля Снуолла, окончившего Гарвард в 1671 г. Тремя годами позже он начал делать записи в дневнике, доведенном до 1729 г. Этот мрачно-старорежимный пуританин, ставший верховным судьей, любил выпить бокал мадеры, любил прокатиться в своем экипаже, но питал отвращение к любому повнеству. При чтении трех томов его записей перед нами появляются картины, одна другой разнообразнее. Мы видим Бостон, каким он был тогда, — плотно застроенный городок на узком перешейке с

тремя холмами, со шпилями церквей, с крепостью, с переполненным кораблями портом. Мы слышим сторожа, выкрикивающего время, и городского глашатая, совершающего свой обход. Мы чувствуем охватившее город волнение при вести о появлении на побережье пиратов или о том, что граф де Фронтепак с войском, состоящим из французов и индейцев, собирается в поход на Новую Англию. Мы — свидетели погони горожан за заблудившимися коровами, погоня, которая, как пишет Снуолл, велась «от одного конца города до другого». Перед нашим взором бостонцы собираются для обсуждения новых назначений в совет и стекаются на свое излюбленное развлечение — похороны. Когда гавань, вплоть до о. Кастль покрыта сплошным льдом, мы дрожим от холода вместе с бедными прихожанами и слышим, как «с печальным стуком на подносы падает» твердо замерзший разломанный св. Хлеб. В городе — эпидемия оспы. Рождаемость высокая, ибо каждая добродетельная жена — «Лоза Плодовитая», но детская смертность почти не уступает рождаемости. Мы видим, как на поляне в центре города празднуется день военного обучения; ребята Старинной и Почетной артиллерии и других рот bravо выглядят в мундирах. Стрельба, оживление, дамы и кавалеры закусывают в разбитых на траве палатках. Мы испытываем враждебное отношение к «красным камзолам»⁵ и к ужасу своему узнаем, что королевский губернатор дал в своем дворце бал, затянувшийся до трех часов утра. Мы присоединяемся к толпе, устремившейся на Браунтонсхилл и присутствуем при повешении злодеев. Мы видим, как полисмены разгоняют играющих в кегли на Биконхилле, прозванном нетерпимыми пуританами «холмом Проституции». А вот и сам бдительный судья Снуолл в субботу вечером едет по Чарльзтауну или Бостону и приказывает закрывать ставни лавок. Но мало по малу мы видим, как старая пуританская строгость уступает место новой эпохе.

В бережливой и упорядоченной Новой Англии преступность и нищество были явлением более редким, чем в других колониях. Временно обязанных слуг сна-

⁵ «Красные камзолы» — прозвище английских солдат.

чала совсем не было, но в XVIII в. их стало уже довольно много. Однако временно обязанным слугам и другим рабочим сравнительно легко было добиться вольного положения, и рабовладение шло на убыль. Система городского управления, при которой все общественные дела решались на городских собраниях людей, имевших право голоса, вселяло уверенность в себе. В Бостоне, Нью-Хейвене и других крупных центрах появилась своя многочисленная аристократия, жившая в красивых домах, имевшая свои гербы и фамильное серебро. Там существовало настоящее и четкое классовое разграничение, и все-таки нигде на земном шаре простой народ не испытывал большего чувства собственного достоинства, чем в Новой Англии.

Средне-Атлантические колонии. Население Средне-Атлантических колоний было гораздо разнообразнее, космополитичнее, терпимее, менее богобоязненным и менее строгим. К началу революции в Пенсильвании и в прилегавшей к ней провинции Делавэр насчитывалось около 350 тыс. жителей. Численность населения Нью-Йорка и Нью-Джерси было не на много меньше. Как и в других частях Америки, огромное большинство поселенцев жило там с земли. В наиболее плодородных районах этих провинций землевладельцы быстро богатели. Фермеры-квакеры в Пенсильвании могли, например, хвалиться поместительными кирпичными домами, где были обои, тяжелая мебель, хороший фарфор и хрусталь. Стол, за который фермеры садились, обычно вместе со своими работниками, изобилует простой, но разнообразной пищей. Мясо, столь редкое во многих европейских странах, здесь ели три раза в день. Предметов сельскохозяйственного оборудования становилось все больше и к 1765 г. в Пенсильвании насчитывалось уже 9 тыс. подвод. Сельское хозяйство здесь было разнообразнее, чем в других частях Америки: тут сеялись различные злаки, тут было множество фруктовых садов, разводились различные виды скота, а многие землевладельцы держали собственные пчельники и живорыбные садки. В долине р. Гудзона образовались поместья таких аристократических семей, как

ван Ренсселеры, Кортленды, Ливингстоны и другие; у них были огромные дома, с целым штатом слуг, и издольщина (вносимая ежегодно аренда), напоминала феодальные порядки. На Лонг-Айленде и в северной части провинции Нью-Йорк было также множество мелких фермерских хозяйств.

Наряду с крупными и мелкими сельскими хозяйствами, в Пенсильвании и Нью-Йорке появлялось все больше купцов, торговцев и рабочих. Внешняя торговля, состоявшая преимущественно из вывоза леса, меха, зерна и других естественных продуктов и ввоза мануфактурных изделий, сахара и вина, велась в большом объеме и была весьма доходным делом. Перед самой революцией из Делавэрского залива вышла в море почти пятьсот кораблей, на борту которых находилось более 7 тыс. человек экипажа, а на Гудзоне и в заливе Лонг-Айленда стояло тогда же множество других судов. Как Филадельфия, так и Нью-Йорк стали крупными центрами внутренней торговли. В то время одним из средств обогащения была отправка груженых вяленой рыбой и зерном судов в Вест-Индию, откуда они возвращались с рабами-неграми и с патокой. Другим средством наживы был обмен в Лондоне груженых из Олбани мехов на хорошего качества материи, фарфор и мебель. Постепенно начали возникать небольшие мануфактурные предприятия. В Пенсильвании и в Нью-Йорке появились железоплавильные печи, и экспорт железа привел к тому, что британский парламент принял закон о закрытии железопрокатных заводов в американских колониях. В Нью-Йорке налажилось производство стеклянных изделий и фетровых шляп. Увеличилось благосостояние; появлялось все больше людей интеллигентных профессий. Адвокатам, жившим в главных городах, удалось добиться ведущего положения в политической жизни и они содействовали революции в большей мере, чем многие другие группы населения.

В Нью-Йорке и даже в степенной Филадельфии общество было разнообразное, с большим доском, чем в Новой Англии. Торговцы и судовладельцы, поддерживавшие тесную связь с Европой, вели светский и гостеприимный образ жизни. Остановившись в Филадельфии по пути в Нью-Йорк, Джон Адамс был по-

ражен великолепием домов, изяществом серебра и изысканностью кулинарии. Нью-Йорк славился своими клубами, балами, концертами, парками для развлечений, своими кафе и домашними театральными спектаклями. В Нью-Йорке иногда устраивались такие пышные похороны, что они обходились в несколько тысяч долларов.

Любовь голландцев к веселым празднествам оказалась заразной и ее постепенно переняли англичане; состоятельные люди одевались по последней лондонской моде в шелка и бархат, носили пудренные парики и небольшие шляпы, а смешение религиозных сект и национальностей способствовало быстрой циркуляции идей. Филадельфия, с ее широкими улицами и чисто выметенными тротуарами, отличалась более строгой элегантностью. Она была известна своими общественными организациями и там процветали точные науки, в которых завоевали себе известность Франклин, Бенджамин Раш и ботаник Уильям Барtram. Этот чистый, солидный, зажиточный город казался Томасу Джефферсону более внушительным, чем Лондон или Париж, а Джефферсон был тонким наблюдателем. В Нью-Йорке религиозные учения стали настолько либеральными, что духовенство начало жаловаться на вольнодумство, и нигде в британской Америке политические страсти так не разгорались, как там. В Пенсильвании, где преобладали квакеры, люди были консервативнее. Но перед самой революцией господствующему в политических делах влиянию квакеров был нанесен сильный удар со стороны ирландских шотландцев и немцев.

Среди населения этих Средне-Атлантических штатов был большой процент негров. Квакеры были убежденными противниками рабства. В позднейший колониальный период из их среды вышел известный во всем мире противник рабства Джон Вульмен, «человек прекрасной души», как охарактеризовал его Лэм. В среде ирландских шотландцев и немцев рабовладичество тоже не прижилось; они труднились собственными силами. Однако рабство было распространено в городах и в расположенных вдоль р. Гудзон поместьях. В общем жизнь Средне-Атлантических провинций была поставлена на более широкую ногу,

чем в Новой Англии. Не только люди, но и климат и земля были жизнерадостнее. Ничто на Севере не могло сравниться с новогодним весельем в Нью-Йорке, где на заре гремели орудийные залпы, где господа отправлялись с новогодними визитами к знакомым, угощавшим их изысканными кушаньями и таким количеством вина и пушша, что нередко домой их везли уже в карете. Ничто на всем Севере не могло полностью сравниться с приемом нового королевского губернатора в Нью-Йорке или с торжествами в поместьях по случаю женитьбы старшего сына.

Южные колонии. Южные колонии, в особенности самые богатые и влиятельные из них — Виргиния и Южная Каролина, имели три характерных черты. Во-первых, преобладание сельского образа жизни (Чарлстон и Балтимор были единственными более или менее крупными городами); во-вторых, наличие больших поместий с целыми армиями рабов, с великолепными барскими домами, с жизнью, поставленной на широкую ногу; в-третьих, резкое классовое расслоение общества. Высший класс белых состоял из состоятельных плантаторов, часто аристократического происхождения, из среды которых выдвигались нередко одаренные политические деятели; средний класс состоял из мелких плантаторов и фермеров и из небольшого числа торговцев, комиссионеров и рабочих мануфактур. Низший класс состоял из так называемых «Белых Бедняков», а под этими тремя классами находилась четвертая категория людей — рабы. К 1770 г. число невольников в Виргинии составляло почти половину всего населения провинции в 450 тысяч человек; в Мэриленде — треть всего населения, нечислявшегося примерно в 200 тыс., а в Южной Каролине на каждого белого приходилось по два негра.

Разбросанность населения была вызвана плантаторской системой, при которой каждое поместье было в значительной мере самодавлеющей единицей, и — отталкиванием южан от городской жизни. Крупные помещики завязывали непосредственные торговые связи с Англией и с северными городами Америки и не очень нуждались в услугах торговцев. Что касается

рабовладения, оно фактически уничтожило много-обещающий ремесленный промысел. Виргиния тщетно принимала законы, направленные к тому, чтобы создать крупные города (например, требование, чтобы каждый округ провинции выстроил дом в Уильямсберге), — к началу революции самым крупным центром в колонии был Норфолк (примерно 7 тыс. жителей), а в Уильямсберге имелось всего около двухсот разбросанных домов. В 1732 г. полковник Бёрд писал о Фредериксберге, что кроме городского головы, там жили «торговец, портной, кузнец, писарь, да дама, совмещавшая медицинскую практику с хозяйской кафе». В других районах Юга положение было примерно таким же. Чарлстон накануне революции представлял собой провинциальный городок с немощеными песчаными улицами и с населением в 15 тыс. человек, из коих половина были негры. Балтимор был довольно примитивным портом, примерно такой же величины, как и Чарлстон; торговля его находилась в прямой зависимости от поступающих из Хинтерланда сельскохозяйственных продуктов. Отсутствие городов имело неблагоприятные последствия. В Бостоне уже в 1690 г. выходила газета, тогда как «Вирджиния газетт» появилась лишь в 1736 г. Первый профессиональный театральные спектакль в Виргинии был дан лет через двадцать пять после революции, а зависимость прибрежной полосы от более предпринимчивых частей страны даже в таких товарах, как например, метлы, стулья, мотыги и глиняная посуда, вызывала жалобы наиболее дальновидных политических деятелей.

Крупные плантации Виргинии, Мэриленда и Южной Каролины были разбросаны по всей изменности и обычно прилегал к какой-нибудь реке или к заливу, что давало возможность водного сообщения. В каждом поместье был барский дом, обычно кирпичный или каменный, амбары, кузница, курятник и другие постройки, а также разбросанные хижины негров. Во многих больших поместьях, вроде «Фаунтен Рок» генерала Ринггольда, «Уэстовер» Уильяма Бёрда, «Гастон-Холл» Джорджа Мейсона или поместья Джона Ратледжа близ Чарлстона, дома были поистине прекрасной архитектуры, с замечательной отдел-

кой; их залы имели паркетные полы; в домах были красивые лестницы и просторные комнаты. Лучшие из этих особняков обставлялись мебелью красного дерева иногда отечественного производства, но чаще --- привезенной из Англии; столовое серебро было массивным, --- тоже --- из Лондона; портьеры --- из шелка или бархата; на стенах висели фамильные портреты и гравюры (любимым художником был Хогарт), а домашние библиотеки были очень обширны. В библиотеке, поместья Роберта Картера «Помини Холл» было свыше тысячи пятисот томов, а у Уильяма Бёрда Третьего --- более 4 тыс. Многие плантаторы имели дома в Аппаполисе, Уильямсберге, Чарлстоне, куда они отправлялись осенью в своих семейных каретах на сезон балов, обедов, карточной игры, скачек, а также для того, чтобы заниматься политикой. Плантаторов часто упрекали в праздности. Однако хорошее управление большой плантацией требовало не мало труда и забот. Вашингтону приходилось тяжело работать, руководя «Маунт-Верноном», а владелец «Помини-Холла» Роберт Картер, которому принадлежали разбросанные по всей Виргинии 60 тыс. акров земли, текстильные предприятия, ремесленные мастерские, различные рудники, а также часть железодельательного завода, --- был занят по горло. Плантаторов упрекали также в отсутствии интеллектуальных запросов, но они принимали живейшее участие в политике, занимали большинство выборных должностей и нередко талантливо выступали устно и письменно по вопросам управления государством. К тому же многие из них занимались наукой и даже добились избрания в лондонское Королевское общество.

Мелкие плантаторы и фермеры Юга, типичным представителем которых был отец Томаса Джефферсона Питер, который приобрел дешевую приграничную землю благодаря тому, что сам произвел съемку и собственноручно помог расчистить землю, --- были людьми работающими, умными, бережливыми. Они вырубали леса, строили скромные дома, приобретали имущество. Многие возделывали большие пространства с помощью невольников; некоторые, как Питер Джефферсон, женились на дочерях аристокра-

тов. Это были люди особой закалки — самоуверенные, независимые и преисполненные решимости сохранить свои британские свободы. Пусть им не доставало светского лоска и образования, зато у них было много здравого смысла и из их среды вышли такие блестящие политические деятели демократического толка, как Томас Джефферсон, Джеймс Мадисон и Патрик Генри. Надо сказать, что различие между высшим и средним классом на Юге подчас становилось расплывчатым; большую роль в этом отношении играли браки, связывавшие представителей двух разных классов. В Мэриленде более, чем в других провинциях, в XVIII в. наблюдалась определенная тенденция к дроблению слишком больших, громоздких поместий на небольшие, но доходные фермы. Кушцы и адвокаты стояли на социальной лестнице несколько ниже помещиков, а к купцам в течение нескольких поколений относились так же пренебрежительно, как и в Англии. Торговые центры, подобные Балтимору и Норфолку, занимали несомненно более низкое место, чем столицы колоний. Однако спекулятивная продажа земли процветала в высших кругах общества Юга не меньше, чем на Севере. В 1737 г. Уильям Бёрд Второй основал г. Ричмонд путем раздробления поместья в верховьях р. Джеймс и продажи его в качестве отдельных городских участков.

Низшее сословие белого населения Юга было отделено от других резкой гранью. Некоторые были осужденными, другие отпущенными должниками и временно обязанными слугами. Приехав сюда из Европы они опустились в условиях «пограничной» жизни и стали элементом неграмотным, грубым, неосевшим, презираемым даже неграми. Разумеется сам факт подписания кабального договора не являлся позорным. Многие чрезвычайно достойные эмигранты оплачивали путь в Америку обязательством отработать его стоимость. Среди них были ремесленники из Англии и из стран континентальной Европы — столяры, портные, ювелиры, оружейные мастера и т. п., — которые могли бы придать Югу гораздо более промышленный характер, если бы не быстрое распространение рабовладения. Из Флитской тюрьмы в Лон-

доне бежало и спаслось путем заранее подготовленной эмиграции немало достойных людей, а среди перевозимых в колонии каторжников многие совершили лишь небольшие правонарушения. В тяжелые времена многие британцы совершали мелкие проступки лишь для того, чтобы попасть за океан. По их прибытии кабальный срок этих людей продавался тому, кто больше предложит. Тем не менее, на Юге появился довольно крупный элемент неоседлых, безинициативных и мятежных людей, из которых выходили ленивые фермеры и плохие горожане. Со временем наука установила, что климат, плохое питание и желудочные заболевания были более виновны в лени и свосравии этих людей, чем их врожденные качества. К тому же, презрение к физическому труду было вызвано наличием рабов. В дневнике Уильяма Бёрда, который он вел во время одной геодезической экспедиции («История границы между Виргинией и Северной Каролиной») мы находим юмористическое описание этого бродячего люда, довольствовавшегося минимальным комфортом; враждебно относившегося к законам, налогам и официальной церкви и любившего «блаженство праздности».

Рабов-негров покупали, главным образом, на западном побережье Африки, между Сенегамбией на севере и Анголой на юге. В начале XVIII в., когда была ликвидирована монополия Королевской африканской компании, торговля рабами перешла в руки целого ряда фирм и отдельных лиц, американцев и англичан. В Бостоне, Ньюпорте, Нью-Йорке и в южных портах многие составили себе состояние именно посредством работорговли. Наиболее активной работорговля была, повидимому, в Чарлстоне, где на этом поприще конкурировали многие фирмы. В течение первых лет второй половины XVIII в. Генри Лоуренс, видная фигура на невольничьем рынке, писал, что плантаторы приезжали из далеких мест и охотно предлагали за сильных молодых негров до 40 фунтов стерлингов. В то время, как на Севере ввозившие рабов люди обычно продавали их покупателям за наличные, на Юге невольники часто целыми партиями поступали в руки торговцев и других посредников, обменивавших их на табак, рис или индиго. Рабы, работавшие на

плантациях, получали грубую одежду, жили в примитивных хижинах, тяжело трудились на полях под строгим надзором. С рабами-слугами, работавшими при доме, обращались обычно лучше. Как на Севере, так и на Юге вскоре появилось много мулатов. По мере того, как росло количество рабов на Юге, на больших табачных и рисовых плантациях временно обязанные слуги и другие белые работники становились все более редким явлением.

Совершенно очевидно, что Новая Англия и низменная часть Юга были совершенно непохожи друг на друга по своему укладу, а Средне-Атлантические колонии совмещали в себе характерные черты двух других групп колоний. В Новой Англии процветали только небольшие фермерские хозяйства, а в Виргинии, в Южной Каролине и в Джорджии — крупные плантации. В Новой Англии люди трудились собственными руками, в условиях бодрящего климата; в Виргинии же, под палящим солнцем, тяжелую работу выполняли целые армии рабов под надзором погонщиков. В Новой Англии из-за того, что владения были небольшие, а пространства неосвоенной земли — велики, родители поровну делили свои поместья между детьми; на Юге же, где трудно было разделить возделываемые невольниками большие плантации без нанесения ущерба их доходности, укоренилась система майората. В Новой Англии колонисты постоянно общались друг с другом, так как селились вместе, ради сохранения своих церковных общин; на Юге, напротив, приходам придавалось мало значения, а плантации охватывали такие большие пространства, что для возникновения поселков не было никакой возможности. В то время, как в Новой Англии город являлся естественной единицей административного управления (хотя были и округа), на Юге именно округа стояли на первом месте. В Новой Англии, в общем, придерживались принципа, что местные общественные должности должны занимать люди, избранные народом; на Юге некоторые должности занимались лицами, назначенными властями, а некоторые — людьми, избранными аристократической кликой. Так например, церковные прислужники не избирались приходом, а назначались своими предшественниками.

Пуритане, хотя они и не были тем жестким, фанатичным и несчастным народом, каким их часто изображают, были людьми сознательными и с внутренней дисциплиной. Южане были людьми более жизнерадостными, более свободными и больше любили удовольствия. Средне-Атлантические колонии стояли посередине не только в географическом отношении, но и во всех других.

Однако, к концу XVIII в., когда увеличилась численность населения и возросли богатства, когда общество усложнилось, отдельные социальные и экономические группы уже нельзя было четко разграничивать по географическому признаку. Кушны Чарлстона и Портсмута, Порфолка и Бостона, с их конторами, где сплывало множество клерков, с красивыми домами, с обстановкой из красного дерева, столовым серебром и зеркалами, имели между собой много общего. Какой-нибудь Лоуренс и Хэнкок в гостях друг у друга сразу почувствовали бы себя как дома. Рабочие мануфактур, грубые, буйные люди, пренебреженные сознаниями классового радикализма, готовые по малейшему поводу покинуть таверну и ватагой ринуться в драку, были во многом схожи друг с другом на всем побережье от Каролины до Массачусетса. Владельцы небольших ферм, расчетливые, работающие, нередко почти целиком сами обеспечивавшие себя всем необходимым, были такими же в Нью-Гэмпшире и в Пенсильвании, как в Мэриленде и в Виргинии. Что же касается пионеров хинтерланда, они повсюду имели одни и те же качества.

Хинтерланд. Четвертый крупный район страны, пограничная полоса или хинтерланд, окончательно оформился в XVIII в. Он простирался на севере от тех мест в Зеленых горах, где действовали отважные отряды вермонтцев, известных под названием «зеленогорских ребят», и лесных прогалин долины р. Мохок, вдоль восточных склонов Аллеганских гор, через долину Шенандоа в Виргинии и доходил до Индианского плато в Каролинах. Здесь жили грубоватые, простые, неустрашимые люди чисто американского склада.

Покупая дешевую землю по шиллингу за акр или просто овладевая ею, они расчищали в лесах прога-

лины, выжигали кустарник и между пнями сеяли кукурузу и пшеницу. Из стволов грецкого и американского ореха, а также из хурмы, они сооружали простые бревенчатые хижины, замазывали щели глиной и в окна вставляли бумагу, вымоченную в сале или в медвежьем жиру. Мужчины носили домотканые охотничьи рубахи и штаны из оленьей кожи. Женщины тоже ходили в домотканной одежде. Прялка и ткацкий станок были в каждом доме. Скрепляя доски шпильками, пионеры делали из них столы и стулья, а муку мололи в выдолбленных колодках; они ели деревянными ложками и ходили в кожаных мокасинах или вообще босиком. Пища их состояла из жареной оленины, диких индюшек, куропаток или рыбы, пойманной в ближайшей реке. Для защиты от нападения индейцев, расселенные поселенцы строили форты у центрально-расположенных источников воды. Стены блокгаузов и складов были настолько толстыми, что пули их не пробивали. У этих поселенцев были свои пышные празднества: веселые пиршества у костра на политических сходках, где целиком жарили быков; пляски и возлияния на новосельи молодоженов; состязания в стрельбе; совместное шитье одеял из цветных лоскутов; балы, на которых танцевали виргинский танец. Как и в наиболее глухих местах Шотландии и Ирландии, немалое разнообразие вносили в жизнь кровавая вражда и просто драки. На границе Пенсильвании мстительные битвы велись ирландскими шотландцами, и немцами. В Виргинии и в обеих Каролинах для поединков не существовало никаких правил и нередко приходилось видеть мужчин, потерявших глаз потому, что им захотелось с кем-то померяться силами. Все поселенцы хинтерланда недружелюбно относились к индейцам. Несмотря на то что некоторые индейские племена были дружественными, колонисты, как правило, находились в постоянном состоянии войны с дикой природой и с индейцами, в результате чего у них выработалась бдительность, суровость и своего рода клановая солидарность.

Из среды колонизаторов хинтерланда выходили такие самобытные и энергичные купцы, торговавшие с индейцами, как Джордж Кроган на Севере и много-

сторонний, образованный Джеймс Адэр на Юго-Западе. И тот и другой дружили с индейцами и были людьми чрезвычайно предприимчивыми и предвидевшими стремительное развитие Запада. Кроган в более поздний колониальный период приложил все старания к тому, чтобы проказы в Нью-Йорке не предпринимали враждебных действий. Он осваивал земли в верховьях р. Огайо. Адэр хвалился тем, что знал, как утверждал, две тысячи миль индейских троп.

Из пограничной полосы вышли такие крупные земельные спекулянты, как Ричард Гендерсон в Северной Каролине, который незадолго до революции решил скунить у племени чироки большую часть территории нынешнего штата Кентукки и превратить ее в своего рода частную колонию. Хинтерланд дал также таких отважных воинов, как Роберта Роджерса из Нью-Гэмпшира, принадлежавшего к ирландским шотландцам, человека, ставшего героем северо-восточной границы во время англо-французской войны, и Джона Севнера, утверждавшего, что «выдержал тридцать пять сражений и одержал тридцать пять побед» на территории Теннесси. Там появились люди, олицетворявшие пионерскую неутомимость, как Даниэль Бун из Северной Каролины, семья которого переехала в Америку из Девоншира. В 1769 г. он проник сквозь волшебные ворота Камберлендского ущелья, пересекающего неприступную стену Аппалачей и ведущего в Кентукки. Благодаря целому ряду совершенных им в одиночестве исследовательских экспедиций, Бун многое сделал для того, чтобы люди узнали о природных богатствах Кентукки; он оказал большие услуги Гендерсону и другим колонистам. Но самое важное то, что пограничная полоса породила упорных пионеров-фермеров, непрестанно расширявших территорию поселений и вместе с этим — цивилизации.

Хинтерланд был местом лишений и опасностей, но для многих был землей неотразимо привлекательной и новой. От повествований Уильяма Бёрда так и веет прелестью благодатного края. Описывая, как следуя границе, он добрался до глуши, Бёрд говорит о сладких гроздьях белого и черного винограда, обвивавшего деревья до самой верхушки; о том, как

на каждом шагу поднимаются испуганные стаи диких индеек; о множестве голубей, чьи стаи, совершая перелет от Мексиканского залива в Канаду, подчас затмевали небо и даже ломали крупные ветви дубов и шелковиц. Он описывает пузатых медведей, неуклюже переплывавших реку; питавшихся дикими плодами опоссумов и волков, вой которых «развлекал» их почти всю ночь; лениво жевавших траву бизонов, из которых спутникам Бёрда удалось убить одного сильного двухгодовалого самца. Бёрд упоминает об осетрах, летом гревшихся на солнце у самой поверхности реки. Он рассказывает о залежах белого мрамора с пурпуровыми жилками, о прозрачных реках, на песчаном дне которых слюда блестит, словно золото; о богатых лесах, где растет дуб, гикори и робиния; о далеких горных вершинах, озаряемых лучами заходящего солнца. Бёрд подмечает легкую дымку на небе, когда индейцы племени катавба или тускароора поджигали хворост, чтобы выкурить дичь. Он описывает волнение, охватывавшее его группу, когда случалось набрести на индейский лагерь и наблюдать, как сурово и благородно держат себя мужчины, в облике которых было «что-то величественное и даже священное»; как хорошие не слишком опрятные и не слишком целомудренные, но робевшие перед белыми мужчинами девушки с кожей цвета меди. Многие пионеры, вкусившие прелесть дикой глуши, навсегда предпочитали ее любой иной среде.

Культура. В период позднего колониального периода культура в отдельных местах начала пышно расцветать. Образованию придавалось особенно большое значение в Новой Англии, где (за исключением Род-Айленда) получение элементарного образования было обязательным еще в самые ранние колониальные времена. В результате возникло довольно много начальных школ. Два колледжа — Гарвард и Йель — процветали; два других — Дартмутский и Род-Айлендский — начали прочно закреплять свои позиции. Гарвард, имевший хорошие кирпичные здания, библиотеку из пяти тысяч томов, хорошо оборудованную лабораторию, не во многом уступал лучшим европейским университетам того времени по препода-

даванию богословия, философии и классической литературы.

Из Средне-Атлантических колоний только в Мэриленде была создана сеть народных школ, да и те были плохо организованы. У квакеров и пемпсвов были свои школы, находившиеся в известной мере под церковным надзором, а в Пенсильвании существовал ряд частных школ. В провинции Нью-Йорк было несколько хороших городских школ на Лонг-Айленде и несколько начальных школ в самом городе Нью-Йорке, но всеобщей системы образования там не было. В Америке в то время существовало немало частных школ, из коих многие были основаны священниками. Ректор школы в Виргинии Джонатан Баучер, например, брал 20 фунтов стерлингов за каждого мальчика; в числе его учеников был, между прочим, и пасынок Вашингтона. Богатые плантаторы Виргинии и обеих Каролин нанимали частных воспитателей из Англии и из колоний Севера, обучавших детей чтению, письму, арифметике, латыни и греческому. Только в Виргинии и в Южной Каролине существовало по две бесплатных школы. В Средне-Атлантических колониях и в колониях Юга был создан ряд колледжей: колледж Уильяма и Мэри в Виргинии, воспитанником которого был Джефферсон и многие другие видные общественные деятели; Филадельфийский колледж, который сейчас называется Пенсильванским университетом и созданию которого немало содействовал Франклин; Принстонский колледж, а в Нью-Йорке — Королевский колледж (ныне Колумбийский университет), где в свое время учились Александр Гамильтон и губернатор Моррис. Состоятельные люди в Нью-Йорке и на Юге часто посылали своих сыновей в английские университеты и в лондонские юридические корпорации, готовившие адвокатов.

В колониях выходили газеты, журналы, альманахи и даже книги большого литературного значения. Первый печатный станок был установлен в 1639 г. в Кембридже, и работа его не прекращалась. Накануне революции в Бостоне выходило пять газет, а в Филадельфии — три. Книготорговцы заняли видное положение в колониальном обществе. Был основан ряд библиотек. Бостонская библиотека, например, была

создана еще в 1656 г. В 1771 г. один филладельфийский издатель ввез из-за океана тысячу экземпляров «Комментариев» Блэкстона и сам дополнительно издал еще тысячу. Двум американским писателям удалось получить признание в Европе. Это — богослов и философ Джонатан Эдуардс, и Вениамин Франклин, стяжавший известность и как ученый и как беллетрист. Состоятельный судья Сэмюель Снуолл, упрямый янки, консерватор и неутомимый администратор, и полковник Уильям Бёрд, образованный виргинский плантатор, член лондонского Королевского общества и первый человек виргинского общества, — вели дневники, которые, как и «Журнал» Джона Уулмана, никогда не будут преданы забвению. Простой фермер, квакер Джон Бартрам, тонкий наблюдатель природы, был назван знаменитым шведским ботаником Карлом фон Линнеэ «величайшим в мире доморощенным ботаником». Неутомимо трудившийся Кедуолладер Колден из Нью-Йорка прославился «Историей пяти индейских народов». Пенсильванец Дейвид Риттенгауз стал известен во всем мире, как астроном и математик. Виргинец Джон Митчелл, член Королевского общества, был заслуженным ботаником, медиком и специалистом по сельскому хозяйству. Ученый богослов Коттон Мейзер в Новой Англии, прозванный «литературным бегемотом», издал не более и не менее, как 383 книг и брошюр, из коих одни его «Американские чудеса Христа» — представляют целую библиотеку. Одного из историков позднего колониального периода — Томаса Хатчинсона, жившего в Массачусетсе, — и по сей день с удовольствием читают, извлекая из его сочинений полезные сведения. Были в колониях и хорошие художники. В частности, знаменитый Вениамин Уэст, поехавший незадолго до революции в Англию, сменил сэра Джоуна Рэнольдса на посту президента Королевской академии.

О культурном росте колоний можно судить по «Автобиографии Франклина. Франклин родился в 1706 г. в Бостоне. Его семья была очень велика и он помнил, что за столом сидело тринадцать человек детей. Франклин, в сущности, был самоучкой. Его отец, выходец из Нортгемптоншира в Англии, имел небольшую библиотеку, где помимо схоластических бо-

гословских трудов, были также: «Очерк о проектах» Дефо, «Очерки о добре» Коттон Мейзера и «Жизни» Плутарха. В двенадцать лет, будучи подмастерьем печатника, способный Франклин прочел другие книги: Буньяна, Локка, Шафтсбюри, Коллинса и переводы некоторых классических произведений. За несколько пенсов он приобрел томик «Зрителя» Аддисона, вселившего в него страстное желание самому писать очерки. Когда же Франклин отправился в Филадельфию совершенствоваться в науках, он увидел, что там литература уже начала прививаться. У печатника Кеймера был «старый, расхлябанный станок и небольшой ящик споспешного английского прирфта». Вернувшись в Филадельфию после краткого пребывания в Англии, неутомимо предприимчивый Франклин принялся усовершенствовать этот квакерский город.

Он основал «клуб взаимного усовершенствования», в котором сначала насчитывалось девять членов, а впоследствии появился ряд ответвлений, оказавших большое влияние на окружающую клуб среду. В 1731 г. Франклин организовал первую в Америке открытую платную библиотеку, которая стала быстро расти. Он основал также академию, впоследствии превратившуюся, благодаря пожертвованиям Пеннов и других, в университет. Он создал журнал, который должен был избегать полемики и печатать подлинные новости — «Сатурдей Ивнинг Пост». В 1743 г. он основал Американское философское общество. В «Автобиографии» Франклин рассказывает о поразительном впечатлении, которое производили красноречивые проповеди Джорджа Уайтфильда, умевшего заставить раскошелиться даже скуповатых квакеров. Он говорит о том, что в таких домах, как его собственный, на смену глиняной посуде и оловянным ложкам пришли фарфор и серебро, и указывает, что была введена прививка от оспы; кстати — Франклин никогда не мог себе простить потерю четырехлетнего сына, которому во-время не сделал прививки.

Науки всегда интересовали Франклина. Однажды запустив в небо бумажного змея, он произвел знаменитый опыт, давший повод французскому сочинителю эпиграмм заявить, что он «вырвал молнию у неба».

Политическая деятельность Франклина, оправдавшая вторую часть эпитафии: «...и скипетр у тирана» — приняла весьма серьезный оборот в 1754 г., когда он явился делегатом Пенсильвании на первом межколонийном съезде — на так называемом Конгрессе Олбани. С 1753 г. по 1774 г. Франклин занимал должность заместителя начальника почтового управления колоний. То, что он сделал для улучшения доставки почты, немало способствовало развитию американской культуры. Жизненный путь Франклина показывает, как много можно было извлечь из культурных ресурсов колоний и как много мог сделать для их развития талантливый общественный деятель.

Накопление материальных богатств увеличивалось; строились прекрасные дома; пища становилась все более изысканная, а одежда — все роскошнее; светские встречи становились обычным явлением. К 1750 г. во всех приатлантических колониях среди состоятельного слоя можно было встретить людей, знакомых с лучшими плодами европейской мысли. Бостон и Нью-Йорк, Филадельфия и Чарлстон ничуть не уступали по элегантности европейским городам, за исключением Лондона и Парижа. Одновременно, под напором колонизации западная граница непрерывно отодвигалась вглубь страны, и по горным проходам Аппалачей первые переселенцы хлынули в Огайо и Кентукки. Отважным пионерам пограничья, вооруженным длинным ружьем да топором, и дела не было до роскоши, мод и идей: их призвание было — подчинить себе землю. Между светскими плантаторами и купцами, с одной стороны, и истреблявшими индейцев пионерами, с другой, находился многочисленный средний класс типичных американцев 1775 г. Это были фермеры-помещики, мелкие плантаторы, мускулистые мастера, суетливые торговцы. Почти все они не знали ни одной страны, кроме Америки, но американский образ жизни был им по вкусу. Они были верными подданными короля, уважали Англию, гордились своими правами людей, родившихся на британской территории, но где-то в подсознании понимали, что у Америки — собственная историческая судьба.

Колониальное наследие. Некоторые стороны доставшегося Соединенным Штатам от колониального периода наследия ясны с первого взгляда. Важнейшим фактором оказалось наличие общего английского языка. Это был тот связующий элемент, благодаря которому образование подлинной нации оказалось возможным. Другим ценнейшим элементом был долгий и постоянно углублявшийся опыт в области представительной формы правления. Нам это может показаться вполне естественным, но нельзя забывать что ни французские, ни испанские колонии не внесли у себя представительной системы управления. Только англичане позволили колонистам учредить народные собрания и создать такую форму правления, при которой избиратели и депутаты принимали на себя обязательства политического характера. В результате, у британских колонистов выработался политический склад ума и появился политический опыт. Не менее важным элементом колониального наследия было уважение к фундаментальным гражданским правам. Колонисты столь же твердо стояли за свободу слова, печати и собраний, как и оставшиеся дома англичане. Пусть эти права не были полностью обеспечены, колонисты к ним неуклонно стремились. Такое же значение имел и повсеместный дух веротерпимости в колониях, где считали, что различные вероисповедания не только могут, но и должны жить в дружбе. Любая религия пользовалась защитой британского флага; и после 1763 г., несмотря на традиционный страх перед католицизмом в Англии, парламенту даже пришлось иметь дело с обвинением со стороны колонистов в том, что он чрезмерно благоволил к этой религии. Не менее ценным был дух национальной терпимости. Англичане, ирландцы, немцы, гугеноты, голландцы, шведы — все общались друг с другом и заключали смешанные браки, не придавая особого значения национальному различию.

Следует упомянуть и о проявившемся в колониях чрезвычайно сильном духе частного предпринимательства. Индивидуализм всегда был характерен для Англии, но в новых условиях, под влиянием условий жизни в богатой, но трудовой стране, он проявился с особой силой. Англичане никогда не допускали,

чтобы в их колониях возникли монополии, которые подавили бы частную инициативу, как это случилось во французских и в испанских колониях. В результате, любая новая возможность стимулировала предпринимательство. Все эти аспекты колониального наследия — сокровище несравненно более ценное, чем любые грузы, вывезенные судами или алмазные россыпи.

В колониальное время в Америке укоренились две специфически американские идеи. Первая — это идея демократии, демократии в том смысле, что каждый человек имеет право хотя бы на приблизительное равенство возможностей. Тысячи поселенцев приезжали в Новый Свет именно в поисках возможностей для себя, а главное для своих детей. Они мечтали создать такое общество, где у каждого были бы хорошие шансы на успех, где человек мог бы подняться с самых низов на самую вершину. Это стремление к равенству возможностей впоследствии привело к целому ряду перемен в социальной структуре Америки, ломавших самые различные социальные привилегии. Оно привело к значительным изменениям в области образования и интеллектуальной жизни, сделав Америку страной с самым высоким средним уровнем образования в мире. Оно привело к коренным политическим сдвигам, давшим простому человеку большой контроль над правительством. Стремление к равенству возможностей оказалось мощным катализатором улучшения жизни широких народных масс.

Вторая специфически американская идея состояла в предчувствии особой судьбы американского народа и таких широких возможностей преуспевания, каких едва ли мог бы добиться другой народ. Богатство страны, энергия населения и общая обстановка свободы вселяли в американцев бодрый оптимизм и наступательную самоуверенность. Этой уверенности в нарядность счастливой судьбе суждено было стать одной из главных движущих сил быстрого распространения американского народа по всему континенту. Подчас эта уверенность играла и отрицательную роль. Иногда вместо того, чтобы внимательно обдумать тот или иной вопрос, американцы полагались «на авось»; уверенность в успехе нередко приводила их к самодовольству в то время, как необходимо бы-

ло подойти к себе критически. Тем не менее, наряду с идеей демократии, вера в особую судьбу Америки придала американской жизни свежесть, размах и бодрость, равных которым нигде не найти. Новая страна была землей обетованной, землей надежды, землей непрестанно расширявшихся горизонтов.

ГЛАВА 3

ИМПЕРСКАЯ ПРОБЛЕМА

Англо-французские войны. Британские колонии в Америке крепли и разрастались, и столкновение на севере, западе и юге, с французами и испанцами было неизбежно. Невозможно было и то, что в европейские англо-франко-испанские войны были вовлечены и подданные этих стран в Новом Свете, ибо Америка никогда не жила в полной изоляции от остального Западного мира. Эпическую страницу североамериканской истории составляет ряд важнейших конфликтов между латинскими и англо-саксонскими народами, конфликтов тем более драматических, что столкнулись не только народы, но идеи и культуры. Это были войны между абсолютизмом и демократией, между строго дисциплинированным деспотизмом и свободными учреждениями, между сторонниками одной нетерпимой веры и относящимися терпимо друг к другу приверженцами многих вероисповеданий. На фоне огромных диких просторов, с участием индейцев, под руководством очень способных военачальников (Фронтенака, Монкальма, Уульфа, Амхерста, Вашингтона), — эти войны были отмечены эпизодами дикой жестокости, высокого героизма, мастерской стратегии. А победа означала господство над континентом.

Испанцы первыми прочно закрепились в Северной Америке. Вскоре после открытия Нового Света Колумбом они заняли главные острова Вест-Индии. В 1519 г. Эрнандо Кортес, человек необычайного упорства, вторгся с небольшим войском в самый центр

Мексики, разгромил войска императора ацтеков Монтесумы и захватил страну. Двадцать лет спустя другой испанский дворянин, обладавший железной волей, Эрнандо де Сото, высадился во Флориде (где испанцы еще раньше пускались в ряд неудачных авантюр), разгромил индейцев, оставил за собой гарнизон и с отрядом в шестьсот человек в течение четырех лет блуждал по огромной территории, теперешних южных штатов, доходя на западе до Оклахомы и Техаса. Другие испанские завоеватели, в особенности Коронадо, используя Мексику как базу, проводили экспедиции в северном направлении в поисках таких сказочных чудес, как например, «семь городов», будто бы расположенных на большой высоте, ворота которых должны были быть выложены драгоценными камнями, а на улицах — трудились мастера золотых дел. В 1565 г. испанцы основали свое первое поселение во Флориде, названное в честь св. Августина (нынешний Сент-Огастин). Еще в XVI в. испанские войска и духовенство, после кровавых сражений, установили свою власть на территории нынешнего Нью-Мексико, и в течение долгого времени сонная провинция управлялась из города Санта-Фе длинной чередой военных губернаторов. Тем временем, смелый миссионер-иезуит итальянского происхождения Эзубино Франциско Кино исследовал южную Калифорнию и территорию нынешнего штата Аризона. Он крестил изумленных индейцев и строил часовни. Но сама Калифорния была оккупирована отрядом испанских войск только в 1769 г. С испанцами прибыли и францисканские миссионеры во главе с Хуниперо Серра. При их участии были основаны города Сан-Диего и Монтерей.

Французы закрепились в Канаде лишь незадолго до того, как английские колонисты поселились в Виргинии. Правда, бретонский путешественник Жак Картье еще в 1535 г. донес французский флаг вверх по р. св. Лаврентия до того места, где теперь находится Монреаль, а лет двенадцать спустя он безуспешно пытался колонизировать часть новой территории, но враждебное отношение индейцев и лютые зимние морозы вынудили разочарованных колонистов вернуться домой. Основатель Новой Франции — Саму-

эль Шамплен появился только в 1603 г. Ему тогда было тридцать шесть лет. Этот опытный военный и мореплаватель так хорошо описал свои приключения в районе Карибского моря, что король назначил его королевским географом. В 1608 г. он заложил основание Квебека, первого постоянного поселения в Новой Франции, а год спустя в исследовательских целях присоединился к группе гуронов и алгонкинов, воевавших с прокезами. Он переправился через озеро, впоследствии названное его именем, и близ Тикондероги стрелял из мушкета во враждебных дикарей. Иные полагали, что именно этот инцидент явился причиной продолжительного враждебного отношения прокезов к французам; однако вражда эта была скорее результатом географических условий и торговли пушниной, в которой Союз пяти наций являлся естественным посредником между англичанами и племенами, жившими дальше на запад. Компания Новой Франции, созданная в 1628 г. под эгидой Риншелье, несколько оживила колонизацию, а в 1661 г., после того, как Людовик XIV стал полным хозяином Франции, а мудрый Кольбер — главным министром, королевские власти начали оказывать канадским поселениям широкую поддержку.

Колониальные затеи испанцев, французоз и англичан имели то общее, что они носили довольно случайный характер, но в остальном они сильно отличались друг от друга. Испанские завоевания были связаны с покорением довольно многочисленного оседлого и трудолюбивого туземного населения малым числом предприимчивых военных, торговцев и авантюристов, стремившихся к быстрой наживе. Это означало, что Испания перенесла в Америку многие особенности феодальной системы. Несколько тысяч упорных и жестоких конкистадоров подчинили себе вскоре миллионы индейцев. Гуманные церковные деятели, подобно Лан Казасу, пытались смягчить суровый испанский режим, но попытки эти оказались довольно безуспешными. Испанцы открыли богатые рудники, в которых они заставляли работать десятки тысяч индейцев, немилосердно их эксплуатируя. Они создали огромные ранчо, где занимались животноводством, а также производили такие тропические продук-

ты, как сахар, паниль, какао и индиго. Испанцы были хозяевами; индейцы, негры (которых вскоре начали ввозить в особенно большом количестве в Карибские страны и в португальскую Бразилию) и потомство смешанной крови трех рас были крепостными и рабами. Эта система производила большие богатства, но они шли в жадные руки небольшого числа людей, тогда как массы продолжали оставаться нищими. Среднего класса там, в сущности, не возникло. Испанцы охотно становились владельцами ранчо, священниками, военными, но не любили заниматься торговлей или промышленностью. Иностранцев, в особенности протестантов, в испанские владения не пускали и терпимости там не существовало. Не было там и представительных органов, — если не считать редких городских советов, — и вся власть, исходившая сверху вниз, была иерархической.

В то же время испанцы и португальцы распространяли христианство среди миллионов дикарей, обучали туземцев новым ремеслам, более передовым методам земледелия, развели на своих землях миллионы рогатого скота; приобщили их к некоторым основам европейского образования; создали университеты, где изучались произведения классиков и отцов церкви. Пусть неравномерно и лишь очень поверхностно, — они все же распространили цивилизацию на огромных пространствах к югу от Рио-Гранде.

Французы приезжали в Америку в малом числе, и цивилизация их была обусловлена, главным образом, географическими и экономическими условиями, самодержавием французской власти и католической церковью. Их не соблазняло серебро, золото, или владение ранчо, а рыба и пушнина. Они проникали на холодную и негостеприимную территорию, где жили кочевники-индейцы, из коих многие враждебно к ним относились. Чем дальше они уходили вглубь континента, тем больше пушнины они могли приобрести. Поэтому, создав ряд слабых сельскохозяйственных поселений, они стали все дальше проникать вглубь страны и устанавливать там свои посты. При этом, они продвигались по главным водным путям — по р. св. Лаврентия, по Великим озерам, по рр. Висконсин, Иллинойс, Уобаш, Миссисипи и даже Мани-

тоба. Английские колонисты создали самоуправляющиеся общины и проявили безграничную личную инициативу, — французские поселенцы имели в лице Парижа деспотичную отечественную власть. Среди них были смелые руководители, но они никогда не научились полной самостоятельности. Англия поощряла эмиграцию людей самых различных религиозных убеждений, Франция — позволяла селиться в Канаде только католикам. Когда началось последнее сражение, английских колонистов насчитывалось в двадцать раз больше, чем французских; они уже твердо обосновались, тогда как трудившиеся на феодальную аристократию французские крестьяне-«обитатели» не имели прочных корней. Английские колонисты были находчивы и энергичны; французские — полагались на централизованную власть.

В истории Новой Франции — пять периодов. Первый, тридцатипятилетний период, совпадает с деятельностью отважного Шамплена. В 1603 г. Шамплен поднялся вверх по р. св. Лаврентия, а в 1604 г. он помог основать Порт-Рояль (Аннаполис) в нынешней Новой Шотландии. До самой смерти, наступившей в 1635 г., он решительно действовал, пытаясь развить Канаду как французскую колонию и стремясь подтолкнуть исследование территории. Он лично достиг озер: Джордж, Онтарио и Гурон. Наконец, он стремился развить торговлю пушниной. Отличительной чертой второго периода является миссионерская деятельность группы преданных людей, представлявших францисканцев, реколлектов, урсулинов и, главным образом, иезуитов. Некоторые из них, например Исаак Жюге и Жан де Бребёф, оба замученные проказы, проявили беспримерный героизм. В своих «Взаимоотношениях» они внесли одну из самых вдохновенных страниц католической истории. Но их самое плодотворное поприще было уничтожено в 1649-1650 гг., когда проказы почти полностью истребили гуронов, среди которых у иезуитов был наибольший успех, а в 1654 г. племя эри также было уничтожено. С коммерческой точки зрения в этот второй период колония себя не оправдала. Показательно, что за 1660 г. во всей Канаде поселилось не более нескольких тысяч человек, да и те укрепились не очень прочно.

Третий период плодотворнее предыдущих. Новая Франция стала королевской провинцией, где, как и в провинциях Франции, были губернатор, интендант и другие должностные лица. Людовик XIV проявлял личный интерес к колонии, предоставляя переселенцам крупные субсидии, давая инструкции и советы. В Канаду прибыли новые партии колонистов. В 1659 г. в Квебек приехал первый епископ, Франсуа Ксавье де Лаваль-Монморенси, который решил, что Канада должна управляться церковью при режиме столь же строгом и суровом, как и пуританская теократия в Новой Англии. Следы его господства еще по сей день ощущаются в Квебеке, ибо при всех конфликтах с губернаторами он добивался своего и выходил победителем.

Тем не менее тщеславным клерикалам пришлось в конце концов натолкнуться на железную волю нового губернатора, графа де Фронтенака, прибывшего в Канаду в 1672 г. С этой поры начинается четвертый период. Будучи чрезвычайно одаренным и решительным человеком, он утвердил господство мирской власти над церковью, временно сломил мощь прокезов и отбил нападение тридцати четырех судов, которые сэр Уильям Финкс вел на Квебек во время так называемой «войны короля Вильгельма» (1690 г.). Этот период ознаменован также экспедициями французских исследователей на Дальнем Западе: Радиссон и Грозелье проникли за оз. Верхнее; Жолье и Маркет составили карту значительной части верхнего течения Миссисипи, а Ла Салль прошел вниз по Миссисипи до самого устья. К концу столетия уже перед самой смертью Фронтенак начал готовить Новую Францию к отчаянной борьбе с англичанами, которую — как понимали все дальновидные люди — невозможно было избежать. Эта борьба, которая проходит через войны испанского и австрийского наследия («война королевы Анны» и «война короля Георга») и через Семилетнюю войну, составляет пятый, заключительный период истории Новой Франции.

В этой продолжительной борьбе у французов были известные преимущества. В их руках находились посты стратегического значения. Постепенно линии фортов и торговых постов (где скупалась пушнина) они наметили огромную империю в форме полумесяца, ко-

торая через Детройт и Сент-Луис простиралась от Квебека на северо-востоке до Нового Орлеана на юге. Французы рассчитывали на то, что им удастся удержать и развить этот огромный хинтерланд и, тем самым, удержать англичан на узкой полосе к востоку от Аппалачей. В военном отношении Франция была сильнее Англии и могла посылать в Америку крупные контингенты войск. Сильно централизованное управление Новой Францией было лучше приспособлено к ведению войны, чем слабая и плохо координированная ассоциация правительств британских колоний.

Было, однако, три обстоятельства, благодаря которым конечную победу неизбежно должны были одержать не французы, а англичане. Во-первых, в 1754 г. британские колонии насчитывали полутора миллионное население, продолжавшее непрестанно расти и состоявшее из людей упрямых и изобретательных. Новая же Франция насчитывала неполных сто тысяч, хотя и отважных, но разбросанных и лишенных инициативы людей. Во-вторых, англичане занимали более выгодное стратегическое положение. Веля операции по внутренним линиям, они могли нападать на западе — в районе нынешнего Питтсбурга, на северо-западе — по направлению Иньяры, а на севере — на Квебек и Монреаль. Их флот был лучше французского, мог быстрее доставлять подкрепления и снабжение войскам и имел возможность устроить осаду Квебека с воды. Наконец, среди англичан выдвигались более одаренные люди, чем у французов: в лице Чатама Англия нашла настоящего политического лидера, а в лице Уульфа, Амхэрста и лорда Хау (которому Массачусетс поставил памятник в Вестминстерском аббатстве) — генералов, равных которым у французов не было. То же самое можно сказать и относительно колониальных военачальников. Многие из них в частности, Вашингтон, ведший армию Брэддока, Финнеас Лаймен, отразивший французов у оз. Джордж и подполковник Брэдстрит, захвативший форт Фронтенак, получили высокие отличия. Чатам, который был человек поистине гениальный, в течение двух лет организовывал англо-американские силы прежде, чем Франция нашла способного государственного деятеля в лице герцога де Шуазёль.

Семьдесят лет закончившейся в 1763 г. борьбы полны волнующих событий. Из французов особое внимание привлекают: основатель Детройта Кадильяк; Ибервиль, великий операции против англичан от Гудзонова залива до Вест-Индии; Бьенвиль, основатель Нового Орлеана, который претендовал на долину р. Огайо. На британской стороне: бдительный и агрессивный губернатор Массачусетса Уильям Шерли, стремительный вояка сэр Уильям Пеннерель и хитрый губернатор Мэриленда Хорейшио Шарп. В ходе этой борьбы имели место упорные осады, как осада Луибура, дважды захваченного британскими войсками; кровавые ожесточенные сражения, как например, битва при Тикондероге, в которой сначала одержали верх французы, а потом англичане; страшные нападения индейцев на пограничные селения, как например, нападение на Дирфильд в Массачусетсе; изнуряющие походы по диким местам. Разгром Браддока французами и индейцами в 1755 г., когда его армия подходила к Питтсбургу, превратился в унижительную катастрофу. Но поражение было вскоре возмещено захватом этого стратегического пункта Форбсом.

В 1759 г. Уульф, пытаясь помериться силами с Монкальмом в Квебеке, решился на отчаянный шаг: он ночью поднялся по крутым утесам и навязал противнику сражение на лежащей над городом Равнине Авраама. В ходе сражения Уульф и Монкальм были убиты. Английскому военачальнику не было еще тридцати трех лет. Накануне вечером он сказал, что предпочел бы быть автором «Элгии» Грея, чем добиваться славы победой над французами. Подлинная слава состоит, однако, в том, что он навеки связал свое имя с превосходством англоязычного населения в Северной Америке, ибо захват Квебека явился решающим для исхода войны.

Мирным договором 1763 г. Англия отняла у Франции всю Канаду, а у вступившей в войну против Британской империи Испании — Флориду. Вся Северная Америка от Атлантического океана до Миссисипи, за исключением Нового Орлеана, стала британской. В то же время Луизиана отошла от Франции к Испании. Следует отметить, что окончательная победа англичан в Канаде совпала с аналогичными успехами Клайва в

Индии. Это была одна из решающих в истории мировых войн, в результате которой французы были изгнаны из Индии и Северной Америки.

Взаимоотношения между колониями и метрополией. Победоносная Семилетняя война вывела американские колонии на совершенно новые позиции по отношению к Великобритании. Эта война положила конец серьезной угрозе со стороны хорошо вооруженных французских владений на севере и на западе, охватывавших колонии наподобие зазубренной косы. Она покончила с более слабым, но все-таки ощутимым испанским давлением на юге. Ее кампании дали многим колониальным офицерам и солдатам ценный военный опыт и вселили в них большую уверенность в себе. Война содействовала чувству общности колоний: был внесен ряд предложений об объединении, в частности, предложение, выработанное в 1754 г. конгрессом в Олбани, на котором присутствовали представители семи колоний. Этот план, в разработке которого главную роль играл Франклин, предусматривал назначенного королем генерального президента и избранный колониальными собраниями федеральный совет. Совет должен был обеспечивать общую оборону, контролировать взаимоотношения с индейцами и собирать налоги на общие цели. Генеральный президент обладал бы правом вето. Хотя этот план и не встретил должной поддержки, он способствовал распространению идеи единства. Чувству общности содействовало и то, что жителям различных провинций пришлось воевать в одних рядах.

Уменьшив прежнюю зависимость колоний от Великобритании, война подорвала и уважение к ней. Недисциплинированные, плохо обмундированные и плохо снабженные колониальные войска нередко видели, что они могут сражаться не хуже регулярных британских частей, а в дикой местности — даже лучше них. И хотя англичане считали колонистов некомпетентными, колонисты замечали совершенные многими английскими офицерами ошибки. Они видели, что храброму, но недалекому Брэддоку было бы разумнее послушаться совета молодого Джорджа Вашингтона. Жители Новой Англии избирали своих офицеров и весьма отрица-

тельно относились к аристократической системе назначения военачальников, которой придерживались англичане.

Наконец, успешное завершение войны и колоссальная экспансия империи привели к практическим разногласиям между колонистами и британской властью. Сознательной политики «тирании» Англия не проводила. Но ей необходимо было консолидировать и упорядочить управление империей, и сосредоточить внимание на обороне ее от завистливых соседей. Это было связано с налогообложением, и пересмотром экономической организации, основанной на «навигационных актах», или «законах о торговле».

До того времени британский административный контроль над колониями был весьма слабым. Под властью короны основным правительственным органом по делам империи было «Правление комиссаров по делам торговли и плантаций», которое почти окончательно оформилось к 1696 г. Главные члены кабинета входили в это правление в силу их министерской должности, но вся работа фактически велась небольшой группой довольно трудолюбивых специалистов. Правление охраняло коммерческие интересы метрополии и колоний, следило за колониальными финансами и судопроизводством, давало некоторые указания колониальным начинаниям и делало рекомендации лондонскому правительству в области колониальной политики. Оно располагало известными полномочиями по расследованию дел, составляло проекты инструкций королевским губернаторам, назначало колониальных должностных лиц при образовании вакансий и было вправе требовать от них отчета. Разумеется, парламент тоже обладал значительной законодательной властью над колониями. Больше того, он был единственным органом, ведавшим общими внутренними и внешними торговыми и иными сношениями Британской империи. Большая власть была и у короны. Король не только назначал губернаторов восьми королевских провинций (ибо к 1760 г. только Род-Айленд и Коннектикут имели хартии самоуправляющихся колоний и только Пенсильвания, Делавэр и Мэриленд принадлежали частным владельцам), но он мог отменить любой закон, принятый колониальным

законодательным собранием. Подобное вето, как правило, налагалось Тайным советом на основании тщательно обдуманной рекомендации Правления комиссаров. Тайный совет мог выполнять также функцию апелляционной инстанции в колониальных делах.

До конца Семилетней войны главными парламентскими законами были различные «навигационные акты», воплощавшие экономические принципы, на которых должно было покоиться благосостояние Британской империи. Согласно меркантильной теории того времени, считалось, что богатство страны — прямо пропорционально имуществу, золоту и серебру, которыми она располагает, и что частные и корпоративные предприятия должны находиться под контролем государства, заботящегося об увеличении мощи страны. Империя рассматривалась не как федерация, а как единое целое, как монолитное государство. Предполагалось, что внутри этого единого целого колонии могут содействовать общему обогащению и росту общей мощи путем использования морского торгового флота империи и производства таких товаров, которые иначе Англии пришлось бы покупать в иностранных государствах, — сахара, табака, риса, смолы, дегтя и других видов сырья. В обмен метрополия могла снабжать колонии промышленными изделиями. Таким образом, колонии и метрополия рассматривались как две взаимодополняющие части единой империи.

Еще в 1651 г. парламент, обеспокоенный ростом голландского судоходства, принял Навигационный акт (Закон о мореплавании), по которому ввоз в Англию товаров из колоний разрешался только на английских судах с английской на них командой. Ряд принятых впоследствии дополнительных законов расширил эту систему. Они предоставили Англии и колониям монополию на торговлю в пределах империи, охраняя и Англию и колонии от голландского и иного иностранного судоходства; они предусматривали перегрузку некоторых предназначенных для европейского континента колониальных товаров в английских портах; они регулировали импорт европейских товаров в колонии таким образом, чтобы поощрять английскую промышленность. Лондон ограничивал инициативу колоний в ряде областей, но поощрял ее во многих других.

Вначале эти законы строго не соблюдались; но в 1763 г., когда Великобритания предприняла пересмотр и реорганизацию всей колониальной системы, рассмотрению были подвергнуты и меркантильные законы.

Проблема федерализма в Британской империи. Охватившая всю Британскую империю «реорганизация» была связана с пересмотром взаимоотношений между колониями и метрополией и послужила сильным толчком к революции. Именно проблема организации империи, которая тогда была впервые конкретно поставлена, придает единство и смысл многому из сложной и запутанной истории следующего поколения. Как организовать и управлять империей, чтобы сохранить преимущества и централизованной власти и местной автономии? — в этом заключался сложнейший вопрос, с каким приходилось иметь дело государственным деятелям любой эпохи. Можно ли выработать такую систему, которая предоставит правительству в Вестминстере ведение всех дел общеперского характера — войны и мира, внешних сношений, западных земель, взаимоотношений с индейцами, торговли и т. п., — в то время, как все чисто местные вопросы останутся в ведении местных правительств Массачусетса, Виргинии, Южной Каролины и других колоний? Можно ли провести грань между общими и местными вопросами таким образом, чтобы, с одной стороны, центральное правительство сохранило в своих руках достаточную власть, а, с другой, не ущемляло свободу людей по-своему решать свои местные дела?

Это была, конечно, — проблема федерализма. В середине XVIII в. Британская империя, если не в теории и не по закону, то на деле, являлась империей федеральной. Власть в ней была разделена между центральным и местными правительствами. На протяжении полутора века парламент ведал всеми общими вопросами, а местные собрания, с самого начала на практике ведали всеми местными делами. Если бы империя «застыла» на 1750 г., это положение было бы для нас совершенно очевидно.

По закону однако империя была не федеральной, а централизованной. В теории вся полнота власти принадлежала парламенту. И в 1763 г., когда британские

государственные деятели приступили к реорганизации империи, они вновь обратились к юридическому и теоретическому обоснованию примата парламента. Они настояли на том, что колонии, по определению «Декларативного акта» 1766 г., «были, есть и по праву должны быть в состоянии подчинения имперской Короне и Парламенту Великобритании и находиться в зависимости от них». Они настояли на том, что парламент располагает «полнотой власти и полномочиями издавать нерушимые законы и статуты и обязывать к их соблюдению колонии и народ Америки... во всех решительных случаях».

Перед британскими государственными деятелями открывалась возможность создать подлинно федеральную систему, но они эту возможность упустили. Проблема федерализма не была разрешена в 1776 г. и отделение колоний от метрополии ее не ликвидировало. Она была просто перенесена в Соединенные Штаты. С 1775 по 1787 гг. американцы стояли перед той же проблемой единого государства и центральной власти, ведающей общими вопросами, с сохранением автономии правительств отдельных штатов в местных делах. Первая американская попытка решить этот вопрос — «Статьи конфедерации» — не увенчалась успехом. Наученные горьким опытом, они сделали повторную попытку, на этот раз удачную, и в 1787 г. приняли федеральную Конституцию, создавшую прочную федеральную систему.

Одной из великих тем революционного периода, которую не следует упускать в пылу сражений и побед на пути к демократии из виду, является решение вопроса от организации империи и появления федеральной системы. Эта система в ее окончательном виде была основана на столетнем опыте Британской империи, на спорах и дискуссиях в Великобритании и Америке после 1763 г., на военных испытаниях и на горестном опыте конфедерации. Конечное претворение в жизнь воплощенного в «Конституции» 1787 г. принципа федерализма явилось одним из величайших достижений этого века.

Общие причины недовольства. Трудно сказать, когда именно началась революция, но бесспорно одно:

она не началась в 1775 г. Джон Адамс, пытаясь установить различие между самой революцией и Революционной войной, заявлял, что первая кончилась тогда, когда началась вторая. «Революция и объединение колоний были в умах людей, — писал он, — и то и другое совершилось до начала военных действий. Революция и объединение назревали постепенно в период между 1760 и 1776 гг.». Адамс был наблюдательным и энергичным молодым адвокатом, и к его мнению стоит прислушиваться. Но его слова о том, что революция была только «в умах людей», указывают нам и на другое обстоятельство. В июле 1776 г. только меньшинство американских колонистов были убеждены в разумности откола от Британской империи. Надо полагать, что примерно половина американцев в тот момент желала предотвращения политического разрыва. По свидетельству самого Джона Адамса, на протяжении всей войны не менее трети колонистов было против восстания, а другая треть населения оставалась в стороне. Поэтому точнее было бы сказать, что до 1776 г. революция была в умах части народа, а борьба 1776-1781 гг. была борьбой за то, чтобы навязать ее всему народу и вынудить британское правительство к ее признанию.

Говоря об экономических причинах революции, мы должны проводить отчетливую грань между различными частями страны и различными экономическими интересами. Северный торговец был недоволен одним, южный плантатор — другим, земельный спекулянт на Западе — третьим.

Меркантильные или «навигационные» акты наносили гораздо больший ущерб северным колониям, чем южным. Северные колонии не располагали ценными товарами, которые они могли вывозить прямо в Англию в обмен на промышленные изделия. Им приходилось обычно платить за английский импорт в твердой валюте, для получения которой они должны были торговать с Вест-Индией. Они вывозили в Вест-Индию пищу, мясо и лес, а импортировали оттуда хлопок, индиго и сахар. Они ввозили также патоку, которую перерабатывали в ром, а на него покупали рабов в Африке. Этих рабов они продавали в Вест-Индии и в южных колониях. В 1733 г. парламент принял

«платочный акт», который путем высокой пошлины сводил торговлю Новой Англии с Вест-Индией только к островам, принадлежавшим Великобритании. Новая Англия понесла бы большие убытки в том случае, если бы этот закон строго проводился в жизнь. Но «платочный акт» нарушался постоянно. К примеру, Род-Айленд импортировал приблизительно 14 тысяч бочек⁶ патоки в год, из коих 11,5 тыс. были куплены во французской и испанской Вест-Индии. Контрабанда не считалась преступлением. Английские власти смотрели на нее сквозь пальцы, а некоторые английские должностные лица даже откровенно указывали, что в конечном счете выручка от этой незаконной торговли шла в карманы английских торговцев и английских промышленных предпринимателей. Семья Линнестонов в Нью-Йорке и Джон Хэнкок в Массачусетсе составили себе на контрабанде состояние.

«Сахарный акт» 1764 г. фактически был новым вариантом старого «платочного акта» 1733 г., но составленный таким образом, что его нельзя было не соблюдать. Прежняя непомерно высокая пошлина — 6 пенсов за галлон, — которую невозможно было заставить людей платить, была снижена до 3 пенсов, и закон предусматривал захват всех судов, уклонявшихся от выполнения этого требования. 2 пенса, по всей вероятности, еще можно было оправдать, но группа, защищавшая в парламенте интересы британской Вест-Индии, довела пошлину до 3 пенсов, и это явилось серьезным ударом по экономическим интересам Новой Англии. Род-Айленд протестовал, заявляя, что торговля с Вест-Индией — основа его торговли с Англией и что из 14 тыс. бочек ввозимых Род-Айлендом патоки британские острова Вест-Индии могут в лучшем случае дать не более 2,5 тыс. Одна из статей закона предусматривала, что возникшие в связи с «Сахарным актом» дела подлежат юрисдикции любого вице-адмирального суда в Америке. Это означало, что корабль и экипаж подсудимого торговца могли быть отправлены для суда в далекий Галифакс, а в том случае, если присяжные признали бы владельца невиновным, он не мог требовать возмещения убытков.

⁶ Каждая бочка (hogslead) = 63 галлона. (Прим. перев.).

Колониальный лидер Джэрд Ингерсолл сравнил эту процедуру с поджогом амбара для того, чтобы поджарить яйцо, --- определенно неприятный способ для владельца амбара!

Другая причина недовольства заключалась в том, что в 1764 г. налог на экспорт западно-европейских товаров, вывозимых в колонии из Англии, был повышен с 2,5 до 5%. Таможенным чиновникам было приказано строже относиться к правонарушителям, а также были приняты другие меры к соблюдению закона: в американские воды были, например, посланы военные суда для захвата контрабандистов, а офицерам короны выдавались специальные «предписания о содействии», позволявшие им производить обыск.

Юг находился в совершенно ином положении. Он почти не торговал с Вест-Индией, вывозил свои собственные продукты: табак, индиго, смолу, деготь, лес, шкуры — непосредственно в Англию и получал в обмен промышленные изделия. Однако эта торговля с Англией была основана на системе, выгодной метрополии и невыгодной колонистам. Она находилась в руках британских торговых домов и их представителей и агентов, посылаемых в провинции. Эти представители часто закупали табак и другие продукты по непомерно заниженным ценам и продавали одежду, мебель, вино, экипажи и другие товары по непомерно завышенным. Беспечные плантаторы заказывали в Лондоне все, что хотели, подписывая долговые обязательства, и нередко эти долги грозили им полным разорением. Часто долги переходили от отца к сыну. После революции Джефферсон писал: «Эти плантаторы являлись своего рода собственностью некоторых торговых домов Лондона».

И действительно, Джефферсон подсчитал, что к моменту начала революции общая задолженность виргинских плантаторов британским торговцам превышала 2 млн. фунтов стерлингов — сумму в двадцать или даже в тридцать раз большую, чем все деньги, находившиеся в обороте Виргинии. Совершенно естественно, что плантаторы недолюбливали своих английских кредиторов, так же как в более поздний период западные фермеры не любили восточных держателей ипотек. Они хорошо сознавали, что самым легким спо-

собом разделаться с этим тяжким бременем было — восстать против английского гнета и искать спасения в мараториуме или в прощении долгов в результате войны. Британским кредиторам тоже было на что пожаловаться. Они давали кредиты для того, чтобы оказать услугу плантаторам, долг которых достиг двух миллионов фунтов, суммы достаточно большой, и которую кредиторам не хотелось потерять!

После 1750 г. некоторые южные законодательные собрания в течение двадцати пяти лет принимали выгодные для должников законы о банкротстве и об отсрочке разбирательства их дел, но когда эти законы доходили до Англии, Тайный совет почти неизменно налагал на них вето. В результате, многие стали выставлять англичан в роли притеснителей бедных. Парламент, к тому же, пытался не допустить того, чтобы колонии прибегали к собственным бумажным деньгам, которые после 1730 г. выпускались в большинстве провинций и были узаконены некоторыми из них.

Это наталкивалось, конечно, на все растущую оппозицию Лондона. Наконец, в 1764 г. парламент категорически запретил колониям объявлять бумажные деньги законным средством платежа за долги. Тем самым парламент создал новую и значительную причину недовольства должников по всей британской Америке.

Еще один крупный экономический интерес был связан со спекуляцией землей и с заселением Запада. На Западе разбогатеть можно было двойным путем: скупкой пушнины у индейцев и организацией земельных компаний с целью приобретения, раздела и продажи больших участков. Торговцы пушниной и земельные спекулянты хотели иметь полную свободу действия, точно так же как в наши дни ее хотят искатели нефти или лесопромышленники. Наряду с этими двумя группами после 1760 г. мы находим еще одну недовольную группу, — это колоннальные ветераны Семилетней войны, получившие на Западе землю в качестве вознаграждения. Так, в частности, вознаградила своих солдат Виргиния, а губернатор Динундди обещал 200 тыс. акров земли (приблизительно 80 тыс. га) войскам, которые сумеют выбить французов из их огромных владений в долине р. Огайо.

О земле мечтало множество простых людей в Пенсильвании, в Виргинии, в Каролинах. К концу войны стало ясно, что вскоре произойдет массовое переселение на Запад. Создавалась одна земельная компания за другой; в этом принимали участие величайшие люди на континенте — Бенджамин Франклин, Джордж Вашингтон, сэр Уильям Джонсон; поднялась неразбериха в претензиях, в покупках и в межевании.

Однако в то самое время, когда на западных землях появились новые хозяева, британское правительство решило проводить новую политику строгого контроля над Западом. Ради сохранения мира с индейцами, для предотвращения слишком широкого расселения колонистов на Западе (что затруднило бы английский контроль), а также для того, чтобы положить конец всему хаосу претензий на землю, в 1763 г. британское правительство объявило, что заселение должно остановиться на Аппалачах. Земли, расположенные за установленной этим указом линией, объявлялись «королевскими», а земли индейцев могли продаваться только британской короне. Британское правительство полагало, что задержка с дальнейшим переселением на Запад повредить не может, что встревоженным индейцам следует дать время успокоиться и что тогда эти земли можно будет постепенно открывать для колонизации. Департамент по делам торговли и плантаций поддерживал план создания новой колонии на Западе — «Вандейлии». Но королевский указ 1763 г. наносил сильнейший удар по интересам торговцев пушниной, земельных компаний, людей, получивших земельные награды, и вообще всех тех, кто стремился обзавестись землею на Западе. Он захлопывал ту дверь, которую американцы только что распахнули победой над Францией.

В области церковной жизни недовольство в колониях сосредотачивалось на взаимоотношениях с англиканской церковью, которая пользовалась государственной поддержкой во всех колониях к югу от Делавэра и в части Нью-Йорка. Правда, в трех колониях государственной была конгрегационная церковь, но несмотря на то, что она была более строгой, антагонизм был направлен именно на англиканскую церковь.

В основе этого антагонизма были две причины: во-первых, многие колонисты решительно возражали против уплаты налогов на церковь и, во-вторых, они опасались политических тенденций епископального духовенства. Каждый англиканский священник на Юге имел свой приход, свой земельный участок, установленное жалованье из средств, полученных путем налогообложения, и плату от частных лиц. Во всех колониях члены епископальной церкви были в меньшинстве, хотя в Виргинии почти все известные семьи низменной части колонии принадлежали к епископальной церкви — Вашингтоны, Ли, Рэндоल्фы, Картеры, Мейсоны, Кэри. К западу же от Ричмонда было гораздо больше членов других церквей — квакеров, баптистов, лютеран, пресвитериан. В Северной Каролине епископалов было совсем мало, но власти пытались заставить население содержать девять епископальных священников. В Южной Каролине церковь была сильнее, но и там большинство принадлежало к иным церквям, насчитывавшим примерно восемьдесят приходов. Тот факт что людям приходилось платить за содержание епископального священника, наряду с членскими взносами в приход их собственного вероисповедания, ни у кого, разумеется, восторга вызвать не мог.

Еще одним поводом к разногласиям служила политика империи в вопросах обороны. Дальнейшие войны с индейцами были неизбежны; французы жаждали реванша; на испанцев, находившихся по ту сторону Миссисиппи, тоже нельзя было полагаться. Британское правительство считало, что колонии могут сами обеспечить свою безопасность. Оно жаловалось на то, что в недавней войне колонии слишком медленно собирали войска и отпускали на них слишком мало средств, и что колонии не действовали сообща. Единственным центральным органом было имперское правительство в Лондоне. В то время у власти находился Джордж Гренвилл, и вскоре было решено держать в Северной Америке 10 тыс. солдат. Треть стоимости их содержания должны были покрывать колонии. Это означало, что колониям нужно было предоставлять 360 тыс. фунтов стерлингов в год. Дав колониям год на подготовку и заверив их в том, что

если будет представлен лучший план, то он будет принят, Гренвилл внес в парламент законопроект о введении в колониях гербового сбора на газеты, судебные и иные документы. Парламент принял этот закон в 1765 г. «при меньшей оппозиции, чем вызывают законопроекты о постройке новых дорог» и потребовал также, чтобы колонии обеспечили войска горючим, светом, постелями, кухонной утварью и оказали бы содействие в расквартировании. Англиче все это казалось мелочью, но колонисты рассматривали Закон о гербовом сборе как яркий пример налогообложения без представительства в парламенте.

Наконец, Америка явилась благодатной почвой для идей республиканского или полуреспубликанского характера. На протяжении полутора веков население жило в демократической обстановке, или уравнивания в правах. Экономических различий было мало; равные экономические возможности открывались перед всеми. Та немногочисленная аристократия, которая там существовала, лишь стимулировала укрепление демократических принципов. Против того немногочисленного класса, или вернее группы, жившей вдоль побережья, в руках которой находилась большая часть богатства, а в некоторых провинциях, например в Виргинии и в Южной Каролине, — и политическая власть, крепнувшая внутри страны демократия вела длительную борьбу. Мелкие фермеры хинтерланда, ирландские шотландцы и немецкие иммигранты, рабочие и ремесленники в городах неустанно противопоставляли себя купцам и плантаторам. Дореволюционное поколение проявило решимость, неприятно поразившую «высший слой». Тот же революционный дух был проявлен ими и против метрополии.

Перечень руководителей восстания против Англии делится на две главных группы. В первую группу входят образованные люди, писатели и мыслители: Сэмюель Адамс, Джон Адамс, Джон Джей, Джеймс Отис, Александр Гамильтон, Джон Морин Скотт, Джордж Клинтон, Уильям Ливингстон, Бенжамин Франклин, Джон Дикинсон, Чарльз Карролл-ов-Карроллтон, Томас Джефферсон, Ричард Генри Ли, Джордж Мейсон Уилли Джонс и Джон Ратледж. Их сподвижниками была группа радикалов из среды мастеровых, обитателей

лесной глуши, людей либо вообще необразованных либо имевших небольшое образование. Это были: Александр Макдугал, Исаак Сирс и Джон Лам в Нью-Йорке; Чарльз Роберто и Джордж Брайан в Пенсильвании; Патрик Генри в Виргинии; Томас Персон и Тимоти Бладуорс в Северной Каролине; Христофор Гадсен и Томас Самтер в Южной Каролине. В эту вторую группу входили люди порывистые, вспыльчивые и склонные к радикальным политическим взглядам. Они хотели чистой демократии, или нечто близкое к ней. Их вдохновителями были такие великие вожди, как Джефферсон и Сэмюэль Адамс, но после того, как революция началась, эти люди внесли в нее значительную долю ее грубой энергии. Первая группа несомненно играла гораздо более важную роль в деле поднятия восстания. Образованные люди боролись словом и пером; они рассылали в большом количестве памфлеты, заполняли газеты очерками, и распространяли свои политические взгляды на публичных митингах.

Эти колоннальные писатели и памфлетисты ссылались на две влиятельные группы британских мыслителей: на тех, кто обосновал учение пуританских общин, и на тех, кто дал обоснование революции вигоу 1688 г. Иными словами, они пользовались аргументами Сиднея, Гаррингтона, Милтона и, в особенности, Джона Локка. Вторая часть его «Двух трактатов о государстве» содержит зерна американской «Декларации независимости». Локк доказывал, что верховная функция государства — это охрана жизни, свободы и имущества, на которые имеет право каждый. Политическая власть, — писал он, — сохраняется исключительно в целях народной пользы. Когда нарушаются естественные права человека, народ вправе, и даже обязан, упразднить или переменить правительство. Это учение включено в преамбулу к «Декларации независимости». «Истинным средством против незаконной силы является сила», — утверждал Локк. Он заложил и другой краеугольный камень революции, высказав в «Письме о терпимости» свою точку зрения, что церковь и государство, по существу, занимают различные сферы и должны быть отделены друг от друга. Он показал, что церковь всего больше

соответствует своему назначению, когда она является организацией добровольной и существует на добровольные пожертвования своих членов, а не на средства, добытые правительством путем налогообложения.

Образование американцы, интересовавшиеся политикой, глубоко восхищались Локком и другими проповедывавшими аналогичные идеи мыслителями. Больше того, американцы переняли эту политическую философию как раз в момент, когда англичане от нее отходили. После 1688 г. британская конституционная практика привела к созданию извращенной и недемократической системы представительства. Возникла правящая олигархия, опиравшаяся на систему «гнилых местечек», отказа новым промышленным городам в представительстве и систематического лишения избирательных прав больших групп населения. Лишенные избирательных прав и «гнилые местечки» или их эквивалент — все это существовало и в Америке, но не в такой степени. В сущности, на всем протяжении XVIII в. в Америке велась постоянная борьба за расширение состава избирателей, за предоставление представительства новым округам и западным районам, наряду с более старыми поселениями. Американская система становилась все более представительной в то время, как английская превращалась в менее представительную. Оба народа были сторонниками естественных прав; «Билль о правах» (декларация прав человека) был великим британским наследием; но многие англичане готовы были признать почти абсолютную власть парламента, а большинство американцев на это не шло. В 1765 г., когда начался конфликт с метрополией, американцы располагали готовой политической философией, вполне соответствовавшей их нуждам.

Недоразумения. В истории мало примеров такого полного непонимания друг друга, какое проявлялось американскими колонистами и британской короной в течение десяти предшествовавших революции лет. Следует напомнить, что ни одно из ранних британских мероприятий не заключало в себе намерения «тиранизировать» Америку. Попытка решить индейский

вопрос, разместить войска в колониях для их же собственной безопасности и укрепить таможенную систему — все это казалось лондонским министрам справедливыми и умеренными мероприятиями. Но многие американцы восприняли это как свидетельство хорошо организованного нажима и гнета.

После окончания Семилетней войны настало тяжелое время. Безработные и бедствующие стремились к переселению за горы, а установленная королевским указом «линия» преграждала им путь. Торговля шла плохо, денег было мало, а британская корона как раз в этот момент решила выкачивать из страны золото и серебро, установив новые, строго проводимые в жизнь таможенные сборы. По Закону о гербовом сборе английские власти обложили колонистов налогом без их согласия. На собранные деньги содержалась регулярная армия, в которой большинство колонистов не видело настоящей необходимости. К тому же, этот мрачный гарнизон использовался для того, чтобы обеспечить соблюдение обременительных таможенных правил и несправедливых налоговых законов. В 1761 г. офицеры короны не видели ничего предосудительного в том, чтобы просить суды о выдаче «свидетельств о содействии», т. е. ордеров на обыск помещений в целях борьбы с контрабандой. Но для колонистов эти затрагивавшие всех «свидетельства», которые давали абсолютную власть офицерам и позволяли им обыскивать жилища и лавки каждого, были нетерпимы. Британское правительство приняло ряд законов, ограничивавших или вовсе запрещающих производство в колониях. Оно считало это правильным, ибо думало, что империя добьется больших результатов, если колонии будут заниматься сырьем, а Великобритания — промышленными изделиями. Но многие колонисты негодовали по поводу этого вмешательства в дела колоний.

А за этими ссорами из-за практических вопросов было теоретическое расхождение, углубившее конфликт и создавшее непреодолимую пропасть.

Британские должностные лица по большей части считали, что парламент — общеперсский орган, обладающий такой же властью в колониях, как и в метрополии, и что он вправе издавать законы для Мас-

сачусетса, как он это делает для Беркшира. Правда, — рассуждали они, — колонии имеют собственные правительства, но они тем не менее просто корпорации и, как таковые, подлежат всем английским законам. Парламент вправе расширять полномочия этих правительств или их ограничивать; он может даже в любой момент вообще распустить их. Это не так, — возражали американские лидеры, — ибо никакого «имперского» парламента не существует. Согласно закону колонии имеют дело только с короной. Корона дала согласие на создание заморских колоний и корона предоставила им право иметь собственные правительства. Король у Англии и у Массачусетса — общий, но английский парламент так же не вправе издавать законы для Массачусетса, как законодательное собрание Массачусетса не вправе издавать законы для Англии. Если король хочет получить деньги от колонии, — он должен обратиться к ней непосредственно; парламент не имеет права собирать эти деньги посредством закона о гербовом сборе или любого другого налогового закона. Короче говоря, британский подданный, будь то в Англии или в Америке, мог облагаться налогом только своим парламентом, в избрании депутатов которого он сам участвовал.

Следует, однако, учесть, что и в Великобритании и в Америке единства общественного мнения по главному вопросу не было. Назревавший конфликт был не столько борьбой между колониями и метрополией, сколько гражданским конфликтом внутри колоний и внутри самой Великобритании. В парламенте знаменитые лидеры партии вигов: Чатам, Берк, Баррэ и Фокс — сильно склонялись на сторону американских патриотов, тогда как среди колонистов была стойкая группа приверженцев партии торь, поддерживавшая британское правительство. Следует учесть также и то обстоятельство, что некоторые приверженцы крайних взглядов были рады использовать назревавший конфликт в целях осуществления своих собственных идей. Лорд Бьют, например, охотно расправился бы с колонистами ради нанесения удара по духу демократии, который был проявлен в Англии Джоном Уильямсом и другими. Равным образом, Сэмюель Адамс в Массачусетсе и Патрик Генри в Виргинии готовы

были воспользоваться конфликтом для продвижения своих радикальных идей в местной политике и перестройки общества на более благоприятных простых людям началах.

Организация восстания. Восстание против британского правительства не было широким, стихийным движением, — оно было тщательно подготовлено опытными людьми и осуществлено выдающимися головами. В противном случае, оно не могло бы увенчаться успехом. Патриоты одержали победу именно благодаря тому, что в отличие от лояльных торь, они были хорошо организованы.

Первым шагом оказались внезапные и несвязанные друг с другом беспорядки, направленные против британских мероприятий. Закон о гербовом сборе 1765 г. вызвал волнения в нескольких колониях. Были заявлены протесты законодательных собраний; ряд особенно веских резолюций был принят Виргинией; однако самыми эффективными оказались протесты толпы. В Массачусетсе, Нью-Йорке, Виргинии, Северной Каролине и в других провинциях толпы людей уничтожали гербовую бумагу и печати, вынуждали сборщиков подавать в отставку или бежать и даже угрожали жизни королевским губернаторам. Вначале эти беспорядки встретили большую поддержку всего населения, но вскоре добропорядочные и зажиточные граждане стали выражать свое неодобрение. Наряду с этими беспорядками, была создана сеть организаций, именуемых «Сыны свободы», ставивших своей целью поддержку народного сопротивления британскому парламентскому гнету.

Вторым шагом было объявление экономического бойкота группой торговцев, которых в некоторых провинциях поддерживали законодательные собрания. Бойкот был вызван законом 1767 г. о введении пошлин на чай, бумагу, стекло и краску («Акт Таунишенда»). Торговцы и зажиточные граждане во многих местах приняли решение не ввозить и не потреблять те английские товары, на которые была наложена пошлина. Это решение было принято в марте 1768 г. в Бостоне и распространилось по всем колониям. Через два года оно охватило почти все провинции. В некоторых

колониях импорт английских товаров сократился почти наполовину; в других же бойкот больше осуществлялся на словах. В 1770 г. парламент отменил пошлину на все товары, кроме чая и бойкот прекратился.

Третьим шагом было создание целой сети местных и межконтинентальных корреспондентских комитетов. Сэмюель Адамс из Массачусетса, прирожденный пропагандист и организатор, был главным руководителем этого дела. Он был самой влиятельной личностью в общем собрании горбжан Бостона, собиравшихся в «Фонейл-холле» и контролировавших жизнь города, и играл руководящую роль в законодательном собрании Массачусетса. Летом 1772 г. граждане узнали, что королевское правительство намерено предоставить губернатору и верховным судьям постоянное жалование, освобождая их тем самым от контроля со стороны населения. 2 ноября было создано городское собрание, которое предприняло шаг, «содержавший в себе всю революцию». На этом собрании был создан корреспондентский комитет для связи с другими городами провинции. Вскоре такие комитеты заработали в каждой местности и вся провинция зажужжала, как ободенный улей. В результате все население от Массачусетского залива до Беркширских холмов было охвачено хорошо работавшей организацией. Позже один писатель-тори заметил: «Это был источник восстания. Я видел это малое зерно в момент когда его сажали. Это было горчичное зерно. Я следил за тем, как это растение превратилось в большое дерево».

Аналогичные местные комитеты возникли и в других колониях. Виргинские горожане создали первый межколонияльный комитет в 1773 г. За ним последовали другие, и вскоре эта система распространилась по всему континенту.

Четвертым шагом к восстанию было создание революционных законодательных собраний, обычно именуемых «провинциальными конгрессами». Прежние законодательные собрания не удовлетворяли радикалов по двум причинам. Они состояли в значительной мере из консервативных элементов, главным образом плантаторов, привязанных к существовавшему порядку и тяжелых на подъем. Кроме того, эти законодатель-

ные собрания частично находились под контролем королевских губернаторов, которые могли по желанию откладывать и прерывать их сессии. Первые провинциальные конгрессы возникли в 1774 г. после вети о принятии Закона о Бостонском порте. Создавались они обычно чрезвычайно просто.

В Виргинии, например, известие, о принятии Закона о Бостонском порте пришло в мае 1774 г. и взбудоражило всю провинцию. Это совпало с сессией законодательного собрания. Джефферсон, Патрик Генри, Ричард Генри Ли и четыре или пять других членов собрания немедленно провели совещание в зале совета и решили объявить день поста и молитвы. Это было необычно торжественным актом, ибо подобных «дней» не объявлялось со времени окончания Семилетней войны. Инициаторы ознакомились с прецедентами в парламенте при Кромвеле и убедили членов собрания объявить этим днем 1 июня 1774 г. Губернатор Данмор тотчас же распустил собрание за неповиновение. Тогда члены собрания — восемьдесят девять человек — отправились пешим по длинной улице к таверне «Рэлей» и там, в зале Апполона, где устраивались балы и банкеты, открыли собрание под председательством Пейтона Рэндольфа (Рэндольф был председателем законодательного собрания Виргинии). Радикальные члены внесли предложение о недонущении ввоза английских товаров. Ричард Генри Ли высказался за ряд дополнительных мер, но часть участников не соглашалась, ибо «было установлено различие между их тогдашним положением и их функциями в качестве членов законодательного собрания». Это продолжалось недолго. 29 мая из Бостона прискакали люди с посланиями из других колониальных столиц. Они привезли предложение о прекращении всякой торговли с Англией. Пейтон Рэндольф, по рекомендации двадцати пяти членов законодательного собрания, решил созвать на 1 августа всех членов прежнего собрания. Так возник первый Провинциальный конвент, первое революционное законодательное собрание.

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНФЕДЕРАЦИЯ

С оружием в руках. Раздражение и непокорность в колониях постепенно нарастали. Присутствие в городах британских войск давало радикальным лидерам повод к возбуждению населения. В 1770 г. в Нью-Йорке произошла бескровная «битва при Голденхилле». По словам Кэдуолладера Коллена, «между жителями города и солдатами были искусственно созданы скверные отношения». Наконец, «некоторые горожане взяли за оружие, и солдаты выбежали из барачков на помощь своим товарищам-солдатам». Только вмешательство армейских офицеров и членов магистратуры предупредило конфликт. В Бостоне произошло более серьезное столкновение. Звук военного оркестра, сопровождавший смену караула двух полков гарнизона, вызывал раздражение некоторых пуритански настроенных горожан, а более беспорядочные элементы открыто дразнили «спины омаров».⁷ Ввиду того, что войскам было приказано проявлять максимальную сдержанность, эти оскорбления становились все более дерзкими.

5 марта горожане напали на двух солдат и избили их. Раздался звон колоколов, чтобы вызвать народ на улицу. Часовой у здания таможни подвергся оскорблениям. В него стали бросать куски льда и другие предметы. Когда появился капитан Престон с небольшим отрядом, чтобы защитить часового, оскорбления усилились и собравшиеся стали еще интенсивнее забрасывать их всем, что попадалось под руку. Толпа кричала: «Стреляйте, если смеее, стреляйте и будьте прокляты!» Солдаты вели себя сдержанно до тех пор, пока кто-то не повалил одного из них ударом на землю. Поднявшись, солдат выстрелил из мушкета. За этим последовала общая неразбериха, и другие

⁷ Так пренебрежительно называли одетых в красные мундиры английских солдат (прим. пер.).

солдаты тоже начали без приказа стрелять. Три человека были убиты пановал, а двое других — смертельно ранены. Когда забили барабаны, давая сигнал об общем выводе войск, появился губернатор, которому удалось восстановить порядок. Один из раненых, умирая, сказал, что «видел мятежные толпы еще в Ирландии, но никогда не видел войск, которые бы столько вынесли, не стреляя». Это «Бостонское избиение» многим показалось кульминационным пунктом британской тирании. Его годовщина была торжественно отмечена, и население оно возбудило больше, чем все иное, предшествовавшее этому событию.

Британское правительство, во главе которого стоял лорд Порс, не извлекло надлежащего урока из этого роста недоверия и враждебности. В 1772 г. произошел другой значительный инцидент. В июне небольшой военный корабль «Гэспин», с восемью орудиями, преследовавший контрабандистов в водах Род-Айленда, сел на мель близ Провиденса. Группа горожан напала на него, одолела экипаж и сожгла ненавистный им корабль.

К тому времени пошлина на все товары, наложенная «актом Тоунишенда», была отменена; оставалась только пошлина на чай, и это исключение было сделано для сохранения в силе принципа. В результате, в колониях почти совсем перестали пить чай, и Ост-Индская компания попала в затруднительное финансовое положение. Для того, чтобы ей помочь, министерство разрешило компании в 1773 г. посылать чай в Америку на условиях, делавших его очень дешевым продуктом; но лорд Порс попрежнему настаивал на сохранении пошлины в три пенса на фунт, заявляя, что король рассматривает это как испытание своей власти. Это «испытание власти» непосредственно привело к американскому восстанию. Американцам все это казалось уверткой и вызывало сильное недовольство. Когда Ост-Индская компания послала в Америку ряд кораблей, население каждого портового города было пренебрежено решимости сопротивляться. В Чарлстоне чай был заперт в подвалах. В Филадельфии и Нью-Йорке чай был отослан обратно в Англию на привезших его кораблях, а в Бостоне было особенно сильное волнение. В ночь на 16 декабря 1773 г.

человек пятьдесят во главе с Сэмюелем Адамсом, переодетшись индейцами, влезли на борт кораблей, раскрыли триста сорок три ящика с чаем и выбросили чай в воду. Ни одно городское должностное лицо не пыталось предотвратить это уничтожение собственности. Этим актом насилия, которому апплодировали от Мэна до Джорджии, Бостон бросил вызов короне, и британское правительство не замедлило его принять.

Георг III и большинство в парламенте решили наказать непокорный Бостон. Бёрк и Чатам отстаивали политику примирения. Тем не менее министерство провело через парламент пять крутых законов. Первый — коренным образом менял массачусетскую хартию, которой так дорожили жители провинции, и упразднял некоторые из наиболее либеральных ее положений. Второй закон назначал британского военного командующего в Америке генерала Гейджа губернатором Массачусетса и обеспечивал ему поддержку четырех полков, причем разрешал расквартирование солдат в частных домах. Третий закон предусматривал, что офицеры, которым было предъявлено обвинение в совершении уголовных преступлений при исполнении обязанностей, могут вернуться в Англию со свидетелями для того, чтобы там предстать перед судом. Четвертый закон закрывал бостонский порт для торговли, пока не будет уплачена компенсация за уничтоженный чай и не будет дана гарантия лояльного подчинения закону об уплате пошлины. Наконец, «Квебекским актом» была присоединена к Канаде вся территория к северу от р. Огайо и к западу от Аллеганских гор. Эта последняя мера не носила карательного характера; ее давно уже собирались провести на основании тщательного изучения всего положения, для того, чтобы лучше регулировать северо-западную торговлю пушниной и дать французским католикам, жившим на территории Мичигана и Иллинойса, близкую по духу власть. Но момент был выбран неудачный. Население приатлантических колоний, естественно, решило, что это закрывает им путь на Северо-Запад.

Принятые парламентом суровые законы вызвали недоумение и озлобление. Пришли в движение межколоннальные корреспондентские комитеты. Стали про-

водиться митинги, писаться газетные статьи и широко распространяться памфлеты. Когда члены законодательного собрания Виргинии на совещании в таверне «Рэлей» постановили обратиться с призывом к созыву ежегодного конгресса в целях обсуждения «общих интересов Америки», — воззвание это немедленно встретило восторженный отклик. Провинциальный конвент Виргинии избрал своих делегатов, а за ним последовали другие колонии. 5 сентября 1774 г. в Филадельфии собрался Первый континентальный конгресс, на котором были представлены все колонии, кроме Джорджии. В числе пятидесяти одного делегата были Вашингтон, Бенжамин Франклин, Джон Адамс и другие выдающиеся люди. Намеренно игнорируя британский парламент, они приняли непосредственное обращение к королю и к народам Великобритании и Америки. Делегаты выработали жесткую декларацию прав колоний, в которой говорилось, что провинции обладают «исключительным правом» законодательства у себя, предоставляли право вето только королю, и выражали согласие на парламентские законы в области внешней торговли при условии, что законы эти отражают подлинные интересы империи.

Паряду с этим, Континентальный конгресс принял, однако, две меры, которые неизбежно должны были привести к разрыву с британским правительством. Было подготовлено, предназначенное для широкого оглашения, соглашение. Все подписавшие его лица давали обязательство в течение трех месяцев прекратить ввоз английских товаров, а в течение года — весь экспорт из Америки в британские порты, включая и вест-индские. Это было связано с большими жертвами. Плантаторы Виргинии должны были прекратить вывоз табака, предназначенного английским потребителям; массачусетские капитаны торговых судов должны были отказаться от выгодной вест-индской торговли. Тем не менее это соглашение, или «ассоциация», как оно называлось, было ратифицировано одиннадцатью колониями при двух воздержавшихся — Нью-Йорк и Джорджия, — а энергичные местные комитеты взяли на себя работу по проведению в жизнь этой «ассоциации» во всех тринадцати колониях. Они приводили людей к присяге, опубликовывали

вали списки нарушителей, а порой прибегали даже к публичному бичеванию или мазали нарушителей дегтем и вываливали в перьях. Вторым мероприятием было составление резолюции — почти ультиматума, — согласно которой конгресс не только одобрял сопротивление Массачусетса недавним парламентским законам, но заявлял, что в случае применения насилия «вся Америка должна будет поддержать» население этой колонии в его борьбе.

Столкновение стало неизбежным. Британский парламент находился перед дилеммой: либо допустить, что его законы останутся мертвой буквой, либо применить силу для их проведения в жизнь. При создавшемся положении ни одна из сторон не могла отступить. Парламент объявил Массачусетс в состоянии мятежа и предоставил короне все ресурсы империи для подавления восстания. По всей Америке население приобретало оружие и началось обучение воинских частей. В Бостоне генерал Гейдж считал, что весной 1775 г. произойдет нападение на его войска. Решив захватить некоторые незаконные военные склады колонистов в Конкорде, он послал туда вечером 18 апреля колонну в 800 человек. Но патриоты были наготове. С башни Северной церкви был дан сигнал фонарем Полю Ревилу, находившемуся по другую сторону р. Чарльз, и он помчался поднимать всю местность. Прошедшие через боевую закалку фермеры собрались на заре с мушкетами и, как впоследствии писал Эмерсон, дали залп, прозвучавший по всему миру. Находившийся неподалеку Сэмюель Адамс, услышав стрельбу, воскликнул: «Какое славное утро!»

Революционная война. Несколько дней спустя недисциплинированная и наполовину безоружная, но грозная масса патриотов вела осаду Бостона, где находились Гейдж и его армия; несколько недель спустя были свергнуты последние королевские правительства в стране. Второй Континентальный конгресс, собравшийся 10 мая в Филадельфии как открыто мятежный орган (хотя он и обратился к королю с последним примирительным посланием), организовал войска, находившиеся в районе Бостона в «Американскую континентальную армию» и назначил Джорджа Ва-

шингтона главнокомандующим. Блестящей операцией войск, находившихся под командой Итана Аллена, предводителя «зеленогорцев», была захвачена крепость Тикондерога, преграждавшая путь в Канаду. Когда американские войска осадили Бостон, Гейдж понял, что его позиции уязвимы на юге со стороны Дорчестерхайтса, а на севере — со стороны холмов, лежащих за Чарльзтауном. 16-17 июня патриоты приступили к штурму последней позиции, и произошло первое большое сражение революционной войны — сражение при Бэнкерхилле.

Как и битва у р. Балл-Пан, имевшая место восемьдесят семь лет спустя, сражение при Бэнкерхилле имело совершенно несопоставимое с его непосредственными результатами значение. Ночью американцы численностью в 3.500 человек заняли Бридсхилл, где ими был построен редут, и Бэнкерхилл. На заре их присутствие было обнаружено англичанами. Гейдж созвал военный совет и, несмотря на то, что у него была возможность отрезать американцев с тыла, решил идти в лобовую атаку. Эта смелость, очевидно, была вызвана британским нетерпением, желанием открытого прямого боя. Пехота построилась ниже американской позиции в ряды и в три часа пополудни, несмотря на палящий зной, была брошена в атаку. В парадных мундирах, неся на себе ранцы, трехдневный паёк, аммуницию и мушкеты, что составляло примерно 125 фунтов веса на каждого солдата, они шли, медленно, в полном порядке. Когда они были в сорока ярдах от американских укреплений, патриоты, целясь в талию английских солдат, открыли большой силы огонь. Англичане отступили, перестроили ряды и снова пошли в атаку. На расстоянии двенадцати ярдов их опять встретили ураганным огнем. Сперва они снова отступили, перестроились, атаковали в третий раз и ворвались в американские укрепления, так как у патриотов вышли последние патроны. Это восхитительное по своей отваге сражение было преступно-бессмысленным. С теми же силами, заняв при поддержке военных судов Чарльзтаунский перешеек, англичане могли взять американцев измором. В сражении при Бэнкерхилле британская сторона потеряла 1.054 человека, американская — только 441.

Это сражение доказало американцам, что даже без надлежащей организации и вооружения они способны отразить лучшие регулярные части Европы, и вселяло в них уверенность, которой прежде не было. Командовавший британскими войсками Хау был в ужасе от понесенных потерь и никогда не мог забыть этого сражения. Когда попав в немилость Гейдж был отозван в Англию, сменивший его Хау проявил в военных операциях большую перешительность и это явилось одной из причин потери войны Англией.

Американские недостатки. Война продолжалась шесть лет. Военные действия велись во всех колониях. Важных сражений было примерно двенадцать. Силы патриотов неоднократно были на краю полной катастрофы. Вашингтону трудно было создать настоящую армию из находившихся в его распоряжении смешанных и плохо обученных сил и еще труднее было сохранить эту армию. Лоялистские настроения были широко распространены, но чувство безразличия было еще более общим. Решительный боевой дух был проявлен населением Новой Англии, Виргинии и некоторых частей Каролины. В Нью-Йорке было примерно столько же приверженцев торн, сколько и патриотов. В Пенсильвании квакеры не хотели сражаться, а большинство немцев не желало оставлять свои хозяйства. Многие поселенцы горной части Северной Каролины, ненавидевшие жителей равнины, активно выступили на стороне короля. Значительная часть Джорджии, находившаяся под угрозой со стороны индейцев и испытывавшая благодарность королю за особую финансовую поддержку, воздержалась от участия в войне. По самым скромным подсчетам, на стороне короля сражалось по крайней мере двадцать пять тысяч американцев, и если бы силы лоялистов были полностью мобилизованы, хорошо обучены и имели хорошее руководство, исход войны был бы иным.

Силы патриотов вначале были организованы из рук вон плохо. Когда штабной офицер Фридриха Великого, барон фон Стюбен, приехал в 1778 г. в качестве добровольца и намеревался улучшить положение американских войск (вскоре он стал гене-

ральным инспектором), — он нашел полки с составом от трех до двадцати трех рот. Качество офицерского состава было низким, ибо в некоторых колониях любой человек с хорошо подвешенным языком и внушающей доверие внешностью мог убедить людей служить под его начальством и превратиться в капитана, а при помощи рома и денег мог быть избран и на более высокую должность. Демократический уклад Новой Англии и других частей страны, приводил к неповиновению. Фермер или житель деревни, который знал своего капитана, как соседа, неохотно принимал от него приказы; и Вашингтон писал, что для янки их офицеры не что иное, как просто «метла». Кроме того, мало у кого из солдат было развито чувство ответственности. Они считали, что вступили в армию на тот срок, на какой им заблагорассудится. Когда наступали зимние холода, когда они узнавали, что урожай поспел, а собирать его некому, когда их осенью тянуло домой или когда они были обескуражены, — солдаты просто уходили из казарм. Вашингтон просил Конгресс обеспечить законодательными мерами долгосрочное пребывание в армии, что и было проведено в сентябре 1776 г. Но этого было недостаточно. Наконец, для того, чтобы поднять дисциплину, Вашингтон обратился к Конгрессу с предложением предоставить военным судам право наказывать дезертиров плетью до пятисот ударов.

Тем не менее, войско снова стало таять. В марте 1776 г. патриоты заняли Бостон. Но когда Вашингтон перевел свои войска в Нью-Йорк, он установил, что у него только восемь тысяч человек, годных к военной службе. Британских войск было тридцать пять тысяч. Хау высадился на Лонг-Айленде по крайней мере с двадцатитысячным войском и, разумеется, без особого труда разбил небольшое войско патриотов, обнаруженное им в Флэтбуше. Перед ним оставалось всего около пяти с половиной тысяч вражеских солдат. Он мог бы захватить их всех в плен, если бы действовал быстро. Но Хау упустил эту возможность и Вашингтон под прикрытием тумана переправился на остров Манхаттан. За этим последовали поражения патриотов на Манхаттане и при Хайт-

плейнсе, и по мере отступления Вашингтона через Нью-Джерси, его армия таяла и почти совершенно распалась. Милиция Нью-Йорка и Новой Англии дезертировала в большом количестве. Он потерял значительную часть продовольствия, обозов и пушек. Еще до р. Делавэр, его бросила милиция Нью-Джерси и Мэриленда. Когда он занял зимние позиции, у него оставалось приблизительно три тысячи человек, из коих половина были люди, на которых он не мог положиться. В ту зиму страну спасли только смелость Вашингтона, его умение и блестящие победы при Трентоне и Принстоне. Ему удалось начать кампанию 1777 г. — «года трех виселиц», как говорили тогда — с одиннадцатитысячным войском. Такова была численность войск, маршировавших по улицам Филадельфии 24 августа 1777 г. По словам одного свидетеля, это были «оборванные, вшивые, голые полки». Хау двинулся на Филадельфию с двадцатитысячным обученным войском, и Вашингтон разбитый при Джермантауне, вынужден был отступить и провести тяжелую зиму в Валли-Фордже.

Другой трудностью патриотов было отсутствие возможности эффективного финансирования войны. Они не могли выпускать облигации, а о налогообложении, по существу, не могло быть и речи. Конгресс должен был просить все тринадцать колоний о сборе налогов, а ввиду того, что отдельные штаты завидовали друг другу, были скупы и к тому же плохо управлялись, они помогали неохотно и помощь их была недостаточной. Общая сумма, собранная вплоть до 1784 г. на национальные нужды путем штатного налогообложения, составила менее 6 миллионов долларов, иначе говоря, менее двух долларов на душу населения. Займы также дали совершенно недостаточные суммы: внутренние займы — неполных 12 миллионов долларов, заграничные займы (главным образом, из Франции, а также из Нидерландов и Испании) — неполных 8 миллионов. В революционной борьбе Соединенным Штатам пришлось главным образом полагаться на бумажные деньги.

И деньги эти буквально наводнили страну. Они так быстро падали в цене, что хотя их номинальная стоимость достигла 240 миллионов долларов, казна

получила золотом и серебром всего 38 миллионов долларов. К весне 1781 г. стоимость континентальных бумажных денег была почти равна нулю. Ими обклеивались стены парикмахерских, а возвращающиеся из плавания неунывающие матросы забирали кипы обесцененных денег, в которых им платили жалованье, делали себе из них костюмы и в этом шутовском наряде шествовали по улицам. Обесценение денег естественно явилось источником большого недовольства и дезорганизации. Как писал обозреватель того времени Паласайя Уэбстер, «бумажные деньги загрязнили наши справедливые законы, превратили их в орудие угнетения, разложили нашу справедливую общественную администрацию, уничтожили состояние тысяч людей, доверявших этим деньгам, расстроили торговлю, животноводство и мануфактуры нашей страны и нанесли сильный удар по нравственности нашего народа».

Помимо всего прочего, дело патриотов сильно страдало от глубокого недоверия отдельных колоний к Конгрессу и от их зависти друг к другу. Сильное континентальное правительство создать было совершенно невозможно; нельзя упускать из виду, что колонии восстали против централизованной власти и являлись сторонниками местного самоуправления. К тому же после того, как спал первый порыв патриотических чувств, колонии перестали питать братские чувства друг к другу. Виргинцы не любили янки, которых считали вульгарными, алчными и ульграде-мократическими заговорщиками. Даже сдержанный Вашингтон неодобрительно отзывался об их манерах. Янки же, со своей стороны, считали, что южане проявляют аристократическую надменность. Каждая колония жила настолько изолированно, что когда Джон Адамс поехал на Континентальный конгресс, он едва знал имена главных нью-йоркских и пенсильванских лидеров. Конгресс должен был на коленях просить о поддержке армии и казны, и его мольбы оставались без внимания.

К этому следует добавить, что у американцев почти не было флота, что впрочем не помешало Джон-Поль Джонсу вскоре совершить ряд замечательных подвигов в английских водах. До 1778 г. Велико-

британия полностью господствовала над океаном, а после 1778 г. сохраняла над ним частичный контроль. Англичане могли проводить десантные операции почти в любом пункте на всем протяжении тысячи пятисот миль побережья. У них было много денег и снабжения; они перевезли в Америку почти 30 тыс. немецких наемных войск; их офицеры были отлично обучены в военном деле. Неудивительно, что вначале они были уверены в победе.

Американские преимущества. Помимо серьезных недостатков, на американской стороне были и свои большие преимущества, в конечном итоге склонившие чашу весов в пользу патриотов. Одним из преимуществ был театр военных действий. Американцы воевали на собственной, редко заселенной земле, значительная часть которой была в то время еще дикой. Они воевали на территории, находившейся к тому же на расстоянии трех тысяч миль от Великобритании. Войско патриотов могло быть разбито в одном месте, а в другом, на расстоянии сотен миль, возникало новое войско. Англичане не могли удержать такую огромную территорию, как не могли бы пригвоздить к стене желе из смородины. Доставка войск и снабжение через широкий океан были затруднительны и дорогостоящи, а правильное руководство стратегией из Лондона было невозможным. Другим преимуществом был замечательный боевой дух, проявленный американскими войсками в некоторые критические моменты. Эти фермеры-солдаты, еще недавно шедшие по охотничьей тропе или за плугом, эти подверженные колебаниям индивидуалисты бывали часто невыносимы, но иногда они сражались, как одержимые. Северные войска, разгромившие в 1777 г. нападшую армию Бургойна, и южные солдаты, терпевшие в 1780-1781 гг. одно поражение за другим и все-таки, вплоть до конечной победы, неизменно переходившие в нападение, доказали, что патриотически настроенные фермеры иной раз непобедимы. После 1778 г. у американцев появилось еще одно преимущество — союз с Францией, жаждавшей реванша по отношению к Великобритании, союз, благодаря которому к американцам потекли войска и средства,

союз, который явился источником моральной поддержки и в последний критический момент принес американцам господство над побережьем. Наконец, далеко не последнюю роль играло то обстоятельство, что Бургойн, Хау и Клинтон руководили британскими войсками до глупости неумело. Уульф, к тому времени уже умер, а Веллингтон еще не появился.

Что же касается американского руководства, то в этом заключалось главное преимущество патриотов перед англичанами, т. к. у них был Джордж Вашингтон. Избранный Конгрессом, который имел о его способностях лишь поверхностное представление, Вашингтон, в общем, оказался лучшим руководителем и самой прочной опорой дела патриотов. Его можно критиковать с узко военной точки зрения. Вашингтон никогда не руководил армией больше современной дивизии, совершил много ошибок и неоднократно терпел поражения. Тем не менее, став в возрасте сорока трех лет главнокомандующим, Вашингтон явился душой патриотической войны. Этот виргинский плантатор и пограничный полковник стал вдохновителем дела, благодаря целому ряду своих выдающихся качеств: непоколебимому патриотизму, спокойной мудрости и мужеству; в самые тяжелые минуты он никогда не терял своего достоинства, спокойствия и решимости; он умел сочетать предприимчивость с осторожностью; честность, идеализм и великодушие никогда не покидали его; сила духа его была непоколебимой. Вашингтон умел выжидать момент для нанесения удара и его терпеливая бдительность стяжала ему прозвище «Фабия».⁸

Он был способен выйти из себя, когда мера терпения его бывала переполнена, и предатель Чарльз Ли испытал это на себе в сражении при Монмуссе, но в общем у Вашингтона было железное самообладание, настолько полное, что несколько лет спустя, когда на президентском банкете ему сообщили об ужасном поражении Уэйна в войне с индейцами, он перед гостями не проявил ни малейших признаков

⁸ Имя римского полководца, прозванного «Медлителем» (прим. перев.)

полнения. До щепетильности добросовестный, он предъявлял к своим войскам высокие требования и строго наказывал за проступки; однако его справедливость и преданность своим войскам завоевали их полную верность. Многие плакали, когда Вашингтон обратился к недовольным войскам в Ньюбёрге со следующими словами: «Господа, разрешите мне надеть очки, ибо я не только поседел, но почти ослеп на службе моим соотечественникам». Характерным для Вашингтона было то, что он не принимал за участие в революции никакого вознаграждения и позволял только оплачивать свои расходы, которым вел тщательный учет. Когда кончилась война, он, подобно Цинцинату, думал только о том, как бы вернуться на свою любимую ферму, которую хотел сделать лучшей в Америке. «Сельское хозяйство всегда было моим любимым развлечением в жизни», — писал он; и тем не менее, он остался и выполнил свой долг до конца. Менее привлекательный по своим человеческим качествам, чем некоторые другие герои революции, Вашингтон, благодаря своему титаническому характеру, твердой устремленности к высокой цели, мудрости и широте ума, остается самой выдающейся личностью того времени. Голдуин Смит справедливо заметил, что три лучших явления в революции были: «характер Вашингтона, поведение его армии при Вэлли-Фордже и преданность лучших из лоялистов».

Независимость. Началась война как борьба за «права англичан», но не прошло и года с небольшим, как эта борьба недовольных превратилась в войну за независимость. Это было совершенно естественным процессом. Вначале Конгресс всячески подчеркивал свою преданность короне, но горечь, вызванная кровопролитием и разрушением, негодование, порожденное непреклонной позицией Георга III, и чувство неотъемлемого права американцев на решение собственной судьбы вскоре привели к полному отделению. В начале 1776 г. армия Вашингтона подняла свой особый американский флаг. Это событие совпало с глубоким впечатлением, произведенным памфлетом «Здравый смысл», написанным блестящим молодым радикалом Томасом Пейном, незадолго перед тем при-

ехавшим в Америку из Англии. Он доказывал, что независимость — это единственное решение вопроса и что чем дальше это оттягивать, тем труднее будет ее добиться. Только независимость, — утверждал он, — сделает возможным объединение Америки. К июню многие члены Конгресса стали проявлять нетерпение. Делегат из Виргинии Ричард Генри Ли внес резолюцию о провозглашении независимости, которую поддержал Джон Адамс. Комитет пяти, секретарем которого был Томас Джефферсон, составил формальную «Декларацию независимости», принятую конгрессом 2 июля и провозглашенную 4 июля 1776 г.

Составившие и принявшие этот исторический документ люди не удовлетвоались простой декларацией независимости. Они отдавали свою «дань уважения мнениям человечества» и старательно изложили подробные причины, «побудившие их к отделению» и философию, оправдывавшую этот шаг. Перечень двадцати пяти-тридцати причин, вызвавших отделение, приводится в Декларации не в качестве оправдания этого решительного шага, а скорее как доказательство того, что Георг III был намерен навязать им «абсолютный деспотизм». Тот факт, что на самой заре их национальной истории американцы выдвинули определенные принципы и провозгласили свою философию, имеет чрезвычайно важное значение.

Посмотрим, каковы были эти принципы управления государством, увековеченные в «Декларации независимости». «Мы считаем следующие истины самоочевидными, — писал Джефферсон, —

«Что все люди созданы равными, что они наделены Создателем известными неотъемлемыми правами, среди которых — право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью; что с целью обеспечения этих прав люди создают правительства, получившие свои справедливые права с согласия управляемых; что когда любая форма правления становится разрушительной по отношению к этим целям, народ вправе изменить или упразднить ее и создать новое правительство, устанавливая его основы на таких принципах и организуя его власть в такой

форме, какая по их мнению, наилучшим образом обеспечит их безопасность и счастье».

В этих словах, конечно, выражена философия демократии, философия, которая до того никогда не была сформулирована столь кратко и красноречиво. Есть некоторые вещи, — заявляли американцы, — в которых не может сомневаться ни один разумный человек; это — самоочевидные истины. Есть истина, что все люди сотворены равными, что все они равны перед Богом и перед законом. Конечно, в Америке, как писал даже сам Джефферсон, было много неравенства: неравенство богатых и бедных, мужчин и женщин, черных и белых. Но если общество не достигает идеала, это не значит, что идеал неверный. После того, как учение о равенстве было открыто провозглашено, оно стало закваской всей американской общественно-политической мысли.

Другая провозглашенная в «Декларации» великая истина гласит, что люди наделены неотъемлемыми правами, среди которых — право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью. Это не права, дарованные каким-либо благорасположенным правительством, которое их может снова отменить, а права, с которыми родились все люди и которых они не могут быть лишены. Этот принцип тоже явился источником вдохновения как для самих американцев, так и для других. Он менял отношение людей к власти, ибо, как указывается в «Декларации», именно для обеспечения этих прав и созданы правительства. Мы имеем здесь так называемую «договорную» теорию государства, теорию о том, что люди первоначально жили «в естественном состоянии», постоянно подвергаясь опасности, и что они собрались и создали правительство, передав им ровно столько власти, сколько было необходимо для организации защиты их жизни, свободы и собственности. Короче говоря, люди создали правительство для того, чтобы оно творило добро, а не зло; для того, чтобы оно защищало их, а не причиняло им вред. В тот момент, когда правительство не выполняет той задачи, ради которой оно создано, оно больше не заслуживает ни поддержки, ни преданности людей.

Раз люди могли создавать правительства, — рассуждали американцы, — они вправе изменить или даже вообще упразднить плохое правительство и создать новое. Вскоре они доказали, что это была не просто теория. Они начали претворять эту идею в жизнь еще в ходе революции, еще во время испытаний и бедствий войны. Собрав конвент, они законным путем упразднили старые правительства и создали новые; они вписали в свои конституции прочные гарантии жизни, свободы и права на счастье. Идеи, явившиеся на протяжении столетий достоянием философов, были взяты из области философии и претворены в законы.

Походы и сражения. Решающим сражением войны, ее поворотным пунктом в военном отношении была Саратога. В начале 1777 г. англичане располагали большими силами в Канаде и сильной армией в Нью-Йорке под командованием Хау. Если бы все войска были сосредоточены в Нью-Йорке, англичане могли бы располагать 35-тысячной прекрасно вооруженной армией, которую какой-нибудь энергичный британский командующий мог использовать для нанесения систематических ударов по небольшой армии Вашингтона, располагавшего 8 тыс. солдат Континентальной армии в Нью-Джерси, подобно тому, как сделал в 1864 г. Грант, напав в Виргинии на Ли и восстание, вероятно, было бы подавлено. Вашингтон больше всего опасался сосредоточения британских войск. Лондон, однако, полагавшийся на плохие советы приехавшего в отпуск Бургойна, решил оставить свои силы разьединенными. Одна армия, под командованием Бургойна, должна была двигаться из Канады на юг по направлению к Олбани, откуда начинается судоходство по Гудзону, а армия Хау в Нью-Йорке идти берегом Гудзона на север к Олбани. Король одобрил этот план и канадским властям был отдан приказ начать северную операцию. Но Хау, не получивший точных инструкций, двинулся не на Олбани, а на Филадельфию!

Основным недостатком плана Бургойна было то, что он не предусматривал объединения британских войск, которое сыграло бы решающую роль. Другим важным недостатком было то, что, проигнув на американскую

территорию, северная армия оказалась очень далеко от своей базы. Когда Бургойн достиг форта Эдуарда в верхней части Нью-Йорка, он находился на расстоянии 185 миль от Монреаля, и с каждым шагом его отделяла от базы снабжения все большая и труднопроходимая территория. Бургойн вынужден был искать продовольствия на месте. В Беннингтоне, на юге нынешнего штата Вермонт, были большие запасы хлеба и скота, охраняемые лишь небольшой группой милиции. Для того, чтобы захватить эти запасы и нанести удар по району, который, — писал он, — «кишит самыми активными и самыми мятежными элементами континента и который навис над моим левым флангом, подобно угрожающей туче», он послал на Беннингтон приблизительно тысячу триста немцев и солдат других национальностей. Они, образно выражаясь, попали в осинное гнездо. Территориальная конница Новой Англии, численностью в 2 тыс. человек под командой Джона Старка, ветерана англо-французской войны, разгромила их. Тем временем, быстро увеличившаяся американская армия предстала перед главными силами Бургойна в верховьях Гудзона. Сражение произошло при Фрименсфарме 19 сентября 1777 г. Американцев было около 9 тысяч, у англичан около 6 тысяч войск. Последовавшие стычки вскоре поставили Бургойна в еще более трудное положение. Вскоре он оказался привлеченным в дикую местность, стал нести тяжелые потери и армия его выдохлась. Американская армия, тем временем, достигла численности в 20 тыс. человек. 17 октября, окруженный со всех сторон, Бургойн капитулировал. План увода армии почти на 200 миль от базы в дикую местность, кишущую пражескими солдатами, оказался безумной затеей.

Поражение Бургойна было чревато большими последствиями. Одним ударом была уничтожена в Америке почти четверть всех королевских войск и американцы навсегда овладели Гудзоном. Патриоты воспрянули духом. В Париже Бенджамин Франклин упорно добивался от министра иностранных дел Вержена помощи американцам. Когда пришли вести о том, что Хау находился в Филадельфии, а Бургойн занял Тикондерогу, был французам охладел. Но услышав о

капитуляции английских войск при Саратоге, друг Франклина Бомаршэ, так заторопился на радостях уведомить короля, что вывихнул себе руку. 6 февраля 1778 г. Франция и Соединенные Штаты подписали договор о союзе, в результате которого война приняла совсем иной оборот. Доблестный Лафайет, приехавший в Соединенные Штаты за собственный счет, чтобы служить в любой должности, был произведен уже Конгрессом в генерал-майоры. Короли Франции и Испании предоставили тайные займы, на которые было приобретено большое количество оружия и боеприпасов. Теперь французы готовились прислать в подкрепление Вашингтону более 6 тысяч обученных войск под командованием Рошамбо. Они предоставили кроме того, дополнительные средства и снабжение, а действия французского флота сделали снабжение английских войск гораздо более затруднительным.

Англичанам не удалось завоевать север, и теперь они обратились к югу. Они рассчитывали захватить Джорджию, которая была известна своей слабостью, с тем, чтобы затем продвигаться на север, и по мере своего продвижения заручиться поддержкой лоялистов. В последние дни 1778 г. они заняли Саванну, а в 1779 г. захватили внутренние районы Джорджии и Южной Каролины. Американцы послали туда генерала Беннамина Линкольна, но он дал окружить себя в Чарлстоне, и в мае 1780 года англичане взяли его в плен, вместе с пятью тысячами солдат, и овладели главным морским портом Юга. Это было одним из самых тяжелых ударов революционной войны. Вся Южная Каролина вскоре оказалась во власти англичан. Тогда, для того, чтобы дать отпор английскому наступлению на юг, был послан другой американский военачальник, герой Саратог, Горацио Гейтс; но его трехтысячная армия, наполовину состоявшая из милиционеров, 16 августа 1780 г. была разбита при Кэмдене лордом Корнуэльсом. Потери убитыми, ранеными и пленными составили 2 тыс. человек. Гейтс спасся бегством, покрыв почти 200 миль.

При Кингсмаунтене тем временем потерпела поражение тысяча лоялистов из западной части Каролины, которые были разбиты численно превосходящими си-

лами патриотов. На южный фронт приехал третий американский военачальник — Натанаэль Грин, много превосходивший способностями своих предшественников. Он тоже был разбит в начале 1781 г. при Гилфорд-Кортхаузе, однако, проявил удивительное умение в длинных и стремительных походах. Несмотря на четыре проигранных в течение девяти месяцев сражения он изнурил английские войска, которые под его угрозой и при враждебном отношении населения, вынуждены были отступить в Чарлстон и Саванну. Как и Вашингтон, Грин проигрывал сражения, но выигрывал кампании.

В то время, как Грин очищал южную часть Юга, назреваала гибель другой британской армии. Корнуэльс позднее весной покинул мыс Фир и двинулся на север — на соединение с войском изменника Бенедикта Арнольда в Виргинии. После неудачной погони за американской армией, которой командовал Лафайет, он отошел к Йорктауну, в устье р. Йорк, и там укрепился. В это время Вашингтон располагал примерно шестьютысячным войском близ Нью-Йорка, а Рошамбо — приблизительно пятьтысячным в Ньюпорте (Род-Айленд). В тот самый момент, когда Корнуэльс отошел к побережью, пришло сообщение от французского главнокомандующего в Вест-Индии адмирала де Грас о том, что он готов оказать свою поддержку Америке. Вашингтон оценил открывавшуюся возможность и блестяще воспользовался ею. Поражительно быстрыми переходами он собрал у Йорктауна американо-французскую армию численностью в 16 тыс. человек. 8 тыс. солдат Корнуэльса были отрезаны с моря эскадрой де Граса. Внешние редуты были захвачены, а внутренние укрепления разрушены американской артиллерией. 19 октября Корнуэльс капитулировал и послал Вашингтону свою капитуляцию. Последний приказал, чтобы ее принял генерал Линкольн. Британские войска сложили оружие в то время, как их оркестр играл «Мир перевернутый вверх тормашками».

Война была почти закончена. В течение некоторого времени король отказывался признать поражение, но в 1782 г. все южные порты были эвакуированы и

вскоре королевские войска не обладали властью уже нигде, кроме одного города — Нью-Йорка.

Мирный договор. По договору, положившему в 1783 г. конец войне, Великобритания предоставила Америке великодушные условия. Если бы ее правительство пожелало, оно могло бы оговорить невыгодные территориальные условия, так как британский флот под командованием Роднея только что одержал решительную победу над французами в Вест-Индии, а колонистам никак не удавалось вынудить британские войска покинуть Нью-Йорк. Правда, американские стрелки под водительством Джорджа Роджерса Кларка проникли в дикую местность к северу от реки Огайо и захватили там английские посты на территории нынешних штатов Индианы, Иллинойса и Мичигана. Главный британский министр Шелбёрн, который вел переговоры с американскими уполномоченными Веннамином Франклином, Джоном Адамсом и Джоном Джеймсом, мог бы задержать это продвижение. Вместо этого, он отдал новой республике всю территорию между Аллеганями и Миссиссиппи с северной границей, проходившей там же, где она находится теперь. Он отдал Флориду Испании и предоставил американцам широкие рыболовные права вдоль канадского берега.

Эта щедрость впоследствии принесла большую пользу. Если бы англичане пытались удержать большую часть Северо-Запада, и без того имевшие место трения с Соединенными Штатами были бы постоянными и серьезными. Естественное продвижение республики шло в западном направлении, и ее экспансия в конце концов вынудила французов отказаться от Луизианы, а мексиканцев — отдать территорию к северу от Рио-Гранде, но Британскую империю — особенно после 1815 г. — американская экспансия не очень затрагивала. По существу, Канада и Соединенные Штаты продвигались к Тихому океану бок о бок, и в настоящее время разделяют лучшую часть континента как прочные друзья и союзники.

Рост демократии. Во внешних сношениях Америка произвела поистине революционную перемену, но и внутри страны произошли не менее значительные

сдвиги. Прошедшие за эти годы внутри американского общества глубокие перемены были не менее важными, чем разрыв с Великобританией.

Отделение от Англии, естественно, означало значительный шаг вперед на пути к политической демократии. Губернаторы теперь избирались народом, а не назначались королем. Верхние палаты законодательных собраний тоже стали выборными. Законы, которых требовало большинство населения, не подлежали большому вето. Столь же важными оказались и внутренние реформы, которые расширили состав избирателей и сделали представительство более справедливым. В 1775-1776 гг. в Пенсильвании раздалось громкое требование о проведении двух демократических мер. Первой было предоставление западным округам права представительства в собрании в соответствии с численностью населения, чего они долгое время не имели; другой — упразднение имущественного ценза и ценза натурализации, ограничивавших право голоса лишь небольшим кругом привилегированного класса. Обе реформы были проведены. В марте 1776 г. законодательное собрание приняло дополнительных 17 депутатов, в большинстве представителей западных округов, а избирательное право было вскоре распространено на всех мужчин-налогоплательщиков. В некоторых штатах, например в Виргинии, старые заселенные районы продолжали удерживать в законодательном собрании несправедливое большинство, а в других, как в Массачусетсе, продолжал существовать имущественный ценз; но в Пенсильвании, Делавэре, Северной Каролине, Джорджии и Вермонте все ограничения избирательного права были отменены, так что вскоре, по выражению одного возмущенного консерватора, голосовать могло каждое платящее налоги «лесное двуногое».

Делу демократизации помогло также рассеяние лоялистов. Многие консервативно настроенные и состоятельные горь относились с неприязнью к тем, кого Доротея Хатчинсон называла «грязной толпой». Преданные старому порядку, они отправлялись в изгнание, неся в себе страстное чувство презрения и скорби. Когда Хау эвакуировал Бостон, с ним ушла почти тысяча лоялистов, а вскоре за ними последовала

еще тысяча. Их лозунг был: «В ад, в Гулль или в Галифакс». Почти все крупные помещики в провинции Нью-Йорк были торы, а когда англичане эвакуировали Чарлстон, сто судов, выстроенных в форме полумесяца, уплывали из бухты, вместе с лоялистами, — великолепное, но трагическое зрелище. Верхняя Канада и Приморские провинции приняли более 60 тыс. человек, Вест-Индия — тысячи других, а на долю Англии пришлось несметное количество подавленных беженцев. Один из них писал: «Когда все мы умрем, в Англии едва ли найдется деревня, в которой бы не поконился американский прах». После отъезда лоялистов простые, трудолюбивые фермеры, лавочники и ремесленники могли создавать близкую их сердцу цивилизацию. С этого момента меньше значения стало придаваться достоинству, отдыху и культуре, больше — энергии и грубому самоутверждению. В американском обществе стал выдвигаться предприимчивый торговец и спекулянт. Все считались равными, все спешили и почти все думали, главным образом, о долларе.

Сильным толчком к демократизации явилась успешная борьба с привилегиями; упразднение майората, раздел больших поместий торы и упразднение англиканской церкви как церкви государственной. Виргиния была колонией, где майорат укрепился наиболее прочно, благодаря чему большие семейные поместья оставались в целости. Как писал Джефферсон в «Заметках о Виргинии», провинция оказалась в руках известных аристократических фамилий, объединенных в «патрицианский орден, отличающийся великолепием и роскошью своего образа жизни». Владетель таких поместий, как «Уэстовер», «Шерли» или «Такахо», могли обозревать из своих окон поистине княжеские имения. Томас Джефферсон повел наступление на требование о нераздельности унаследованного имущества в законодательном собрании Виргинии, и почти сразу, в 1776 г., добился его упразднения. После этого все поместья могли продаваться без всяких ограничений. В 1785 г. Джефферсону удалось добиться также упразднения майората. Кто-то предложил, чтобы старший сын получал по крайней мере вдвое больше, чем другие. «Только в том случае, —

возразил Джефферсон, — если он вдвое больше работает и ест». Когда французский путешественник Бризо де Варвиль вскоре после этого посетил Виргинию, он констатировал, что «классовые различия начинают исчезать». Большие поместья делились между сыновьями и продавались по частям новопривывшим, а наследники брали деньги и ехали на запад. Другие южные штаты — Джорджия, Южная Каролина, Мэриленд — вскоре последовали примеру Виргинии.

Конфискация огромных земельных наделов владельцев колоний и богатых торн также благоприятствовала возникновению демократической системы мелкого землевладения. Двумя главными землевладельцами были семья Пеннов в Пенсильвании и семья лорда Балтимора в Мэриленде. В память основателя колонии — Уильяма Пенна — Пенсильвания предоставила семье Пеннов 130 тыс. ф. ст., но Гарфорд получил от штата Мэриленд только 10 тыс. ф. ст. Виргиния конфисковала ряд поместий, в частности, поместье добродушного друга Вашингтона, шестого лорда Фэрфакса. Северная Каролина отобрала миллион акров, принадлежавших семье Гранвиллей. Нью-Йорк перенял все земли короны и, кроме того, еще 59 поместий торн, включая владения Филлипса, охватывавшие примерно 300 квадратных миль. Поместье Де Ланси в Вестчестере и земли Роджера Морриса в округе Патнэм были проданы более, чем пятистам новым владельцам. В конфискованном имении сэра Джона Джонсона в верхней части штата Нью-Йорк впоследствии поселилось 10 тыс. фермеров. Массачусетс захватил ряд владений, в том числе поместье, принадлежавшее в Мэне сэру Уильяму Пенперелу, который мог ехать 30 миль по прямой, не покидая пределов своих земель. На всей территории от Нью-Гэмпшира, где потерял свои владения сэр Джон Уэнтворт до Джорджии, где та же судьба постигла сэра Джемса Райта, мелкие фермеры радостно занимали земли богачей, на которых прежде они могли жить лишь в качестве арендаторов.

Связанная с британским режимом церковная аристократия потеряла свои привилегии, наряду с аристократией земельной и правительственной. В Новой

Англии продолжали существовать особые привилегии конгрегационной церкви, ибо она никак не была связана с британской короной. В Массачусетсе эти привилегии даже расширились; но привилегии, которыми на Юге пользовалась англиканская церковь, были упразднены.

В Северной Каролине революция привела к тому, что все приходы англиканской церкви опустели. В других штатах революция открывала блестящие возможности для политических радикалов и таких сект, как баптисты и пресвитериане. В 1776 г. в Северной Каролине была принята конституция, обеспечивавшая религиозную свободу и запрещающая установление какой-либо официальной церкви. В 1778 г. Южная Каролина приняла аналогичную конституцию. Джорджия сделала то же самое по конституции 1777 г. В Виргинии по церковному вопросу произошла наиболее острая борьба. Там официальная церковь была прочно укоренена, ибо к англиканской церкви принадлежало большинство аристократических семей. Даже такой радикальный политический деятель, как Патрик Генри, считал, что для набожности и добрых нравов необходима государственная поддержка церкви. Секты иначе мыслящих, однако, нашли защитников в лице двух великих либералов, вышедших из среды англиканской церкви, Томаса Джефферсона и Джеймса Мадисона.

Выиграть первый этап борьбы было легко, получив гарантию веротерпимости. Мадисон внес в конституцию 1776 г. простую декларацию: «Все люди равным образом вправе свободно практиковать религию». Официальная церковь, однако, продолжала существовать и для того, чтобы ее низвергнуть, потребовалась десятилетняя борьба. Джефферсон назвал это самой острой борьбой, в которой он когда-либо участвовал. Начиная с 1776 г., ему и его друзьям удавалось из года в год временно отменять церковные налоги, а в 1779 г. окончательно упразднить их. Однако еще в 1776 г. их противники провели резолюции, по которым вопрос об общем налоге на поддержку всех церквей должен был оставаться открытым, и за этими людьми стояла сильная партия. По существу, этот план объявил бы официальными все хри-

стианские вероисповедания, сделал бы их государственной религией и содержал бы церкви за счет налогоплательщиков. Самым ярким поборником этого плана был Патрик Генри.

Кризис наступил в 1784-1786 гг. Генри, пользуясь своим неотразимым красноречием адвоката, провел через Палату горожан резолюцию, в которой говорилось: «Народ этого содружества должен платить умеренный налог или вносить пожертвования на поддержку христианской религии, или одной из христианских церквей, или вероисповеданий, или общин христиан». Однако когда была сделана попытка провести эту резолюцию и жизнь путем принятия соответствующего закона, оппозиция собралась с силами. В ожесточенных прениях между Генри и Мадисоном, последний одержал полную победу. Вопрос о законопроекте был отложен, и это дало либеральным лидерам время на проведение разъяснительной кампании. В 1786 г. законопроект был окончательно похоронен, и принят знаменитый законопроект Джефферсона о религиозной свободе, в котором говорилось, что правительство не должно вмешиваться в дела церкви и совести и не имеет права принимать никаких стеснительных мер по отношению к лицам, исповедующим какие-либо религиозные убеждения. Это историческое мероприятие стало краеугольным камнем религиозной свободы не только в Виргинии, но и во многих новых штатах Запада.

Многое можно сказать и о мерах, принятых вскоре после революции для укрепления основ образования. Военный конфликт сильно отразился на частных школах и колледжах. Гельский колледж был на время закрыт, равно как и Королевский колледж (ныне Колумбийский университет). Президент колледжа Уильяма энд Мэри все еще обучал в 1797 г. лишь небольшую группу босоногих ребят, а весь педагогический персонал Гарварда состоял в 1800 г. из ректора, трех профессоров и четырех учителей. Между 1780 и 1784 гг. ни один книготорговец не помещал своих объявлений в главных бостонских газетах.

В одном отношении, однако, революция оказала на образование благотворное влияние: она возбудила всенародное требование о всеобщем обучении и

создании бесплатных общественных школ. С самого начала было ясно, что демократическая система самоуправления требует образованных избирателей. Губернатор Нью-Йорка Джордж Клинтон заметил в 1782 г.: «На обязанности правительства свободного государства, в котором самые высокие посты могут быть заняты гражданами, принадлежащими к любому сословию, лежит особая задача путем создания школ и семинарий, пытаться распространить образование в той мере, в какой это необходимо для установления общественного попечения». А Джефферсон писал так: «Будучи убежден, что лучшая гарантия сохранения надлежащей степени свободы лежит в здравом смысле рядовых граждан, я превыше всего надеюсь на то, что удастся обеспечить их образование». Вначале в некоторых штатах созданию школ препятствовало отсутствие средств; позднее, однако, это требование о школах привело к тому, что условия получения начального образования стали значительно лучше, чем до войны. Важным событием в истории народного образования явился земельный указ 1785 г., согласно которому миллионы акров общественной земли стали достоянием народных школ.

Отсутствие национального правительства. Итак, мы видим, что перед молодой республикой открывались радужные перспективы. Но на этом светлом горизонте все еще оставалось одно темное пятно: тринадцати объединившимся штатам так и не удалось создать настоящего федерального правительства. В марте 1781 г. они приняли известные «Статьи конфедерации», но эта система «лиги дружбы» была распылчатой и недостаточно крепкой. В стране не существовало общегосударственной системы судов, а Континентальный конгресс, состоявший из одной палаты, где каждый штат имел один голос, был слишком слабой организацией для того, чтобы иметь возможность развивать успешную деятельность. Континентальный конгресс не мог собирать налоги, вербовать солдат, наказывать тех, кто нарушал принятые им законы, или вынуждать отдельные штаты подчиняться условиям заключенных Конгрессом с иностранными государствами договоров. Хуже всего было, однако, то, что Конгресс не мог собрать

достаточно средств для выполнения правительственных функций и для выплаты процентов с государственного долга.

Короче говоря, революция дала американскому народу независимое место в семье других народов; дала ему новый социальный строй, при котором наследственные права, богатство и другие привилегии стали играть меньшую, а принципы равенства людей — большую роль; она дала строй, при котором произошло временное падение культурного уровня и снижение общих норм поведения при одновременном повышении норм равноправия. Кроме того, революция дала американскому народу множество памятных событий и эпизодов, углубляющих его чувства патриотизма. Он заново жил Вашингтона, стоящего под сенью вяза в Кембридже и обнажающего свою шпагу, окровавленные склоны Бэнкерхилла, смерть Монтермери у стен Квебека, слова Нейтан Хейла: «Сожалею, лишь о том, что у меня только одна жизнь, которую могу отдать за свою страну», корабли с пленными на Гудзоне, предотвращение попытки Бенедикта Арнольда предать свою страну, леденящий холод Вэлли-Форджа, партизаны Марiona в Южной Каролине, заслужившие ему прозвище «болотной лисицы», слова Бенджамина Франклина: «Мы должны сплотиться, иначе будем порознь висеть», Роберт Моррис, этот патриот-финансист, терпеливо собиравший деньги на великое дело, Александр Гамильтон, штурмующий редут у Йорктауна, наконец, великий исход британского флота из Нью-Йоркского залива.

Паряду со всем этим, американскому народу еще предстояло доказать свою способность к самоуправлению, доказать жизнеспособность республики. Ему все еще предстояло разрешить проблему общегосударственного устройства: в то время его «лига дружбы», казалось начала превращаться в лигу разногласий, Конгресс опускался в бездну всеобщего презрения, расхождения между отдельными штатами принимали угрожающие размеры. От этого хаотического положения больше всего страдала армия, которая нередко оставалась без необходимого продовольствия,

обмундирования и даже жалованья. Излюбленным то-стом офицеров в то время было: «Выпьем за обруч для бочки». Без этого обруча, бочка, казалось, готова была рассыпаться на груду клёнок.

ГЛАВА 5

СОЗДАНИЕ КОНСТИТУЦИИ

Великое достижение. У Соединенных Штатов — одна из самых искусных и действенных конституций в мире. В отличие от английской — это конституция писанная и достаточно гибкая для того, чтобы отвечать эволюции американской нации. Возникновение ее необычайно интересно. Гладстон однажды сказал: «В то время, как британская конституция — самый тонкий механизм, когда-либо возникший в ходе постепенного исторического развития, американская конституция — самое замечательное творение, когда либо созданное умом и волей человека». Американская конституция является в значительной мере и продуктом эволюции; но разработана она была на одном из самых замечательных конвентов новой истории.

Счастливым обстоятельством, очевидно, было то, что принятые штатами к концу революции «Статьи конфедерации» оказались, в общем явно несостоятельными. Будь они немного лучше в качестве основы государственного строя, с ними бы мирились, и в течение долгих десятилетий страна оставалась бы с плохой конституцией. «Статьи» были отброшены в сторону именно потому, что почти сразу обнаружилась их полная несостоятельность. Этот провал был следствием их слабости, — новая конституция, поэтому, явилась исключительно сильной. Удачным совпадением в этом отношении было и то, что в 1786 г. американские дела шли из рук все плохо и в стране царил серьезная торговая депрессия. Только явный кризис мог заставить многих недоверчивых американцев согласиться на создание нового, мощного центрального правительства.

Слабость правительства конфедерации. В 1786 г. будущее выглядело мрачно. Страна не только была лишена настоящего государственного аппарата, но между тринадцатью штатами были столь большие разногласия, что уже стали поговаривать о возможности войны между ними. Штаты ссорились из-за границы, — в Пенсильвании и в Вермонте дело доходило даже до настоящих драк. Их суды выносили противоречивые решения. Национальное правительство, которое должно было бы иметь право устанавливать необходимые пошлинные тарифы и регулировать торговлю, этого не делало. Оно должно было бы иметь право собирать налоги в национальных целях, но и этого права у него не было. Оно должно было бы иметь полный контроль над внешними сношениями, но ряд штатов уже начал вести самостоятельные переговоры с иностранными государствами. То же правительство должно было бы иметь полный контроль в вопросах сношений с индейцами, но отдельные штаты вели в отношении индейцев выгодную для себя независимую политику, а Джорджия даже успела начать и закончить с индейцами войну.

Когда внутренние беспорядки быстро распространились и стали угрожать безопасности имущества, это вызвало беспокойство трезвых средних классов населения. В 1785-1786 гг. депрессия приняла наибольшие размеры и вызвала страшную нужду среди тех, кто и без того существовал на прожиточный минимум. Вдоль всего «пограничья» денег было мало, торговля остановилась, урожай гнил на корню и никто не хотел его покупать. Люди обратились к торговле в натуре. Группы должников требовали, чтобы правительства штатов начали выпускать бумажные деньги, которые дали бы возможность сбыть урожай и выплачивать долги. Они просили также об объявлении моратория и о проведении законов, по которым скот и зерно были бы объявлены законным средством уплаты. В петиции города Гринвича (шт. Массачусетс) от января 1786 г. говорилось, что каждый день производится продажа отнятых кредиторами земель за треть их настоящей стоимости, что скот продается за полцены и что налоги за минувшие пять лет равняются общей

сумме, уплаченной за наем ферм. Политическое соперничество приняло форму борьбы между кредиторами и должниками. Во многих штатах антагонизм между бедными классами и зажиточными обострился до крайности. Типичными явились слова группы жителей в Южной Каролине, направленные против губернатора Ратледжа и других аристократов: «набобы⁹ этого штата, их рабленные лизоблюды — бобы, и рабленно рабленные орудия и подлизы и тех и других — бобчики».

В 1786 г. сторонники бумажных денег в семи штатах провели соответствующие мероприятия через законодательные органы. В Род-Айленде они провели законы, по которым каждый мог выполнить свои финансовые обязательства при помощи почти ничего не стоящей валюты. Как писал какой-то рифмолет:

«Банкроты с озлоблением преследуют своих
кредиторов;

Должники не дают передохнуть; милости от
них не ждать!»

Ввиду того, что бумажные деньги являлись законным средством уплаты за долги в других штатах, Коннектикут и Массачусетс с негодованием приняли контрмеры. В результате сторонникам бумажных денег не удалось провести соответствующих законов в двух важнейших законодательных органах Новой Англии — Массачусетса и Нью-Гэмпшира, — после чего там произошли вооруженные беспорядки. Массачусетская конституция была весьма консервативна. Она предусматривала имущественный ценз в отношении права голоса и права на занятие официальных должностей. Консервативно настроенная массачусетская законодательная власть взимала большие налоги на уплату революционного долга, который в значительной мере приходился на долю спекулянтов. Не удивительно, что это привело к аграрному восстанию, сигналом к которому послужило прекращение работы законодательного органа в июле 1786 года. Восстание возглавил ветеран сражения при Бэнкер-

⁹ Титул крупных мусульманских аристократов в Индии (прим. пер.).

хилле, и оно вошло в историю как восстание Даниэля Шейса.

Под руководством губернатора Боудойна, генерала Линкольна и нескольких богачей, предоставивших заем на то, чтобы справиться с кризисом, штат принял решительные меры; попытка Шейса захватить национальный арсенал в Спрингфилде не удалась и восстание было подавлено. Однако эта недолгая борьба глубоко встревожила консервативные круги всей страны. Она как будто предвещала левое революционное движение. Генерал Покс писал Вашингтону, что в Новой Англии двенадцать, а то и пятнадцать тысяч отчаянных людей со взглядами, которые в наши дни называли бы «коммунистическими». «Они считают, что имущество в Соединенных Штатах спасено от конфискации Англией общими усилиями всех, и поэтому, должно стать всеобщим достоянием». Люди эти потрясли «каждого, у кого имущество в Новой Англии и кто имеет принципы». Явно озабоченный Вашингтон, считавший, что массачусетские власти должны были действовать еще суровее, писал: «В каждом штате есть горючий материал, который может воспламениться от искры». Это было общим мнением, из которого логически вытекало желание иметь более сильное национальное правительство, которое помогло бы штатам в случае нужды справиться с беспорядками. «Мне ясно, — писал Натаниэлю Дейну Стивен Гиггинсон из штата Массачусетс, — что при теперешней системе мы долго не просуществуем; если мы вскоре тем или иным способом не укрепим Союз, появятся повстанцы, которые отнимут у нас бразды правления. Мы неизбежно окажемся брошенными... в конвульсиях, которые после большого кровопролития приведут к установлению одного или нескольких правительств».

Ссоры между правительствами отдельных штатов вызывали уже большое недовольство среди тех групп населения, заработок которых зависел от известной доли сотрудничества. Кушцы были в отчаянии от отсутствия общей валюты. Им приходилось иметь дело со странным набором монет десятка различных стран, многие монеты были обрублены и недостаточного веса; им также приходилось иметь дело с фальшивыми

монетами и с ужасающим разнообразием штатных и национальных ассигнаций, быстро терявших стоимость. Было очевидно, что делу могло помочь только одно — введение общей национальной валюты. Люди, занимавшиеся экспортом, сожалели об отсутствии защиты своих предприятий при попытках сбывать американские товары за границу. Слабый Континентальный конгресс не смог восстановить прежних торговых сношений с Британской империей и, в особенности, с Вест-Индией. Испания закрыла для американской торговли устье Миссисипи. Даже у себя дома купцы не могли быть уверены в том, что получают причитающиеся им деньги. Житель Нью-Йорка должен был судиться с пенсильванским должником в Пенсильвании, где присяжные естественно брали сторону их согражданина. Растущее число американских промышленных предпринимателей находилось во власти снижавших цены европейских конкурентов.

Самым большим злом было, однако, преднамеренное установление преград в области межштатной торговли. Ряд штатов в целях предотвращения бросового экспорта европейских товаров в Америку, а также для получения известного дохода, установил пошлину на весь импорт. В этом процессе было три главных стадии. Во время войны только Виргиния взимала пошлину с большого числа товаров. Она могла это делать по той причине, что вела значительную по объему торговлю, экспортируя табак и ввозя много различных товаров. Потом в течение трех лет после заключения мира все штаты, кроме Нью-Джерси, ввели пошлину на импорт, но сделали это в целях извлечения дохода, а не ради защиты собственного хозяйства. Наконец, в 1785 году в Новой Англии и в большинстве средних штатов возникла местная промышленность, имевшая большие шансы на дальнейшее развитие и страдавшая от европейской конкуренции. Поэтому, там были введены протекционные тарифы.

Вскоре к этому примешалась и доля межштатного сведения счетов. Южные штаты и некоторые малые северные штаты не имели достаточного количества своих промышленных предприятий и нуждались в импортированных товарах. Делавэр и Нью-Джерси

создали свободные порты для европейских товаров. Коннектикут тоже принял законы, поощрявшие непосредственный ввоз европейских товаров. На движение судов были также наложены ограничения, и жители Нью-Джерси, например, не могли переправиться через Гудзон для того, чтобы продавать овощи в Нью-Йорке, не уплатив местной высокой пошлины. Естественно, что отношения между штатами совершенно испортились. Жители Северной Каролины, нападая на Виргинию и Южную Каролину, сравнивали свой игат с боченком, пробуравленным с двух сторон. Оливер Эллизуорт заявил, что его малый Коннектикут подобен «Иссахару древности, сильному ослу, еле стоящему под тяжестью двух нош».

Помимо торговцев и предпринимателей, от отсутствия центральной власти, которая могла бы сдерживать «уравнительные тенденции» радикальных legislatures, страдали и многие другие кредиторы. Среди них были ростовщики и держатели ипотек, озабоченные повсеместным выпуском бумажных денег и законами, которые позволяли приостанавливать разбирательство жалоб на должников. Были среди них и американцы, представлявшие английских кредиторов, ибо радикальные группы, в чьих руках находились некоторые legislatures и суды, лишили их возможности требовать расчета за долги. В числе кредиторов были офицеры и солдаты, получившие право на бесплатное владение землей в частичную оплату за службу в революционной армии. Среди них были также земельные спекулянты, скупившие по низкой цене большие солдатские и конфискованные земли и стремившиеся их перепродать. Эти землевладельцы хотели достаточно сильного центрального правительства, которое могло бы защищать границу от индейцев, поддерживать порядок в новозаселенных районах и ограждать собственность от незаконного захвата.

Наконец, за финансовым хаосом того времени и за нежеланием народа платить налоги с тревогой наблюдала важная группа держателей федеральных и штатных ценных бумаг. За последние четырнадцать месяцев существования «Статей конфедерации» проценты с внутреннего и внешнего государственного долга составили приблизительно 14 миллионов долларов, а

национальный доход равнялся только 400 тыс. долларов! В 1785 г. в письме к Джеймсу Уоррену Вашингтон подвел итог положению: «Правительственные колеса завязли».

Указ о Северо-Западе. Правительство конфедерации добилось все-таки одного крупного успеха. По вопросу о судьбе незаселенных земель к западу от Аллеганских гор (ибо штаты один за другим отказались от этих земель в пользу общего правительства), оно разработало мудрый план, который во многом помог США стать тем, чем они являются в настоящее время. Оно решило открыть эти земли для постепенного, упорядоченного заселения, поощрять самоуправление отдельными стадиями и, наконец, создать новые штаты с правами, аналогичными тем, которыми обладали первоначальные тринадцать штатов. В 1787 г. этот план получил выражение в Указе о Северо-Западе, касавшимся района к северу от р. Огайо. Он предусматривал образования из этих земель от трех до пяти штатов. Рабства там не должно было быть. Были предусмотрены три стадии самоуправления. Конгресс сначала создавал «территорию», назначив губернатора и судей, с правом издавать подлежащие вето Конгресса законы. В дальнейшем, когда население достигало пяти тысяч человек, оно должно было получить легислатуру, состоящую из двух палат, причем депутаты нижней палаты должны были избираться населением. Наконец, когда численность населения достигла шестидесяти тысяч, территория становилась полноправным штатом. Таким образом, США разрешили свою «колоннальную проблему». Был установлен план, которого страна придерживалась в течение всего процесса расширения в направлении к Тихому океану и который, в конце концов, привел к образованию сорока восьми штатов.¹⁰

В остальном, однако, опыт конфедерации оказался неудачным. Вашингтон писал, что штаты соединены лишь «песчаным канатом», а другой наблюдатель заметил, что «наше недовольство толкает страну к граж-

¹⁰ Пятидесятитри после приема Аляски и Гавайских о-вов (прим. пер).

данской войне». В Конгрессе было слишком мало способных людей и его престиж стоял слишком низко для того, чтобы он мог выработать более удачную форму правления. Томас Пейн давно предлагал «созыв континентальной конференции в целях выработки континентальной хартии», и несколько дальновидных деятелей, собравшихся для обсуждения экономических вопросов, осуществили это пожелание.

Созыв Конвента. Подготовка к Конституционному конвенту хорошо известна. Пока мыслящие люди страны были озабочены национальной слабостью и распрями штатов, неотложного внимания требовала одна конкретная торговая проблема. Мэриленд обладал суверенитетом над Потомак в том месте, где река отделяет его от Виргинии. Виргинцы опасались, что Мэриленд будет пренятствовать свободе их судоходства по этой реке, и в 1785 г. представители Виргинии и Мэриленда собрались вместе с Джорджем Вашингтоном в Маунт-Верноне для того, чтобы обсудить вопрос о судоходстве по р. Потомак и в Чесапикском заливе. Мадисон, присутствовавший на этом совещании, был подавлен хозяйственной неразберихой и считал, что следует созвать более широкое совещание с целью убедить штаты в необходимости передать Конгрессу право на регулирование торговли. Это совещание состоялось в 1786 г. в Аннаполисе; появились только представители пяти штатов и, казалось, что совещание обречено на неудачу.

К счастью, среди делегатов был решительный Александр Гамильтон, которому удалось превратить поражение в победу. Он убедил собрание обратиться к штатам с предложением назначить специальных уполномоченных, которые собрались бы в мае 1787 г. в Филадельфии для обсуждения общего положения в Соединенных Штатах и «выработали бы дальнейшие меры... для того, чтобы привести конституцию федерального правительства в соответствие с требованиями Союза». Континентальный конгресс сначала был возмущен этим смелым шагом, но его бесполезные протесты прекратились при вести о том, что Виргиния избрала своим делегатом Вашингтона. Тогда Конгресс принял это предложение и назначил собра-

ние на второй понедельник мая 1787 г. В течение осенних и зимних месяцев все штаты, кроме упрямого малого Род-Айленда, избрали своих делегатов.

Делегаты были избраны legislatures. Некоторые legislatures находились в руках радикальных аграрных групп и во всех них были сильны защитники суверенитета штатов. Тем не менее, большинство дали своим делегатам наказ создать сильное национальное правительство и послали в Филадельфию людей, подавляющее большинство которых было настроено консервативно в общих политических взглядах и националистично по своим убеждениям. Произошло это отчасти потому, что люди еще не вполне осознали идею нации в ее современном понимании, отчасти — в результате особого внимания, уделявшегося новым торговым правилам, которые требовали избрания людей, сведущих в коммерческих делах. Не малую роль имело также то обстоятельство, что Виргиния заблаговременно объявила об избрании своим делегатом Джорджа Вашингтона, и это заставило другие штаты также избрать волевых, здравомыслящих людей.

В одиночку и по двое делегаты в мае начали стекаться в Филадельфию. Вашингтон по своему обыкновению был точен и приехал 13-го числа. Он был одет в черный бархат, при перемональной ишаге, и его фигура немедленно стала центром всеобщего внимания. 16-го числа Вениамин Франклин дал исторический обед в честь уже прибывших делегатов, на котором был открыт подаренный другом боченок портера и, надо думать, не одна бутылка старой мадеры. Среди гостей был представитель Виргинии Джеймс Мадисон, который ростом был невелик, но зато обладал подлинно гигантской силой политического анализа. Мадисон получил образование в Принстоне, был адвокатом и плантатором, проводил много времени в собственной прекрасной библиотеке. После Франклина он был самым ученым членом Конвента, а в ходе работы Конвента показал себя также самым работающим и конструктивно-мыслящим из делегатов. Другой гость — шестидесятилетний Джордж Уайз, который обучил Джефферсона, Мадисона, Джона Маршалла и других светил виргинской адвокатуры

многому из того, что они знали в области права. Еще одним гостем из Виргинии был ее губернатор, владелец тысяч семи акров и двухсот рабов, Эдмунд Рэндольф.

Из Пенсильвании на Конвент прибыл Роберт Моррис, представительный банкир, собравший в самые мрачные дни революции, деньги, которые дали Вашингтону возможность продолжать войну. В его прекрасном доме Вашингтон остановился на время сессии. Были там и Гувернёр Моррис, вышедший из богатой нью-йоркской семьи и ставший видным филаделфийским адвокатом и делцом, а также Джэред Ингерсолл, получивший образование в Миддль-Темпле и превратившийся в одного из лучших адвокатов Пенсильвании, и Джеймс Вильсон, резкий, упрямый человек, шотландец по рождению и образованию, самый начитанный юрист Америки. В 1787 г. едва ли было возможно в каком-нибудь другом месте земного шара собрать за обеденным столом более талантливых и самобытных гостей; ни одна группа людей в Старом Свете не могла бы включать более внушительных личностей, чем стойкий, величавый Вашингтон и обаятельный, мудрый и добродушный Франклин, который, по определению своего современника, казался, «излучал неограниченную свободу и счастье».

Следует отметить, однако, что некоторые из самых активных инициаторов и деятелей революции не были делегатами Конвента. Джефферсон был во Франции, Патрик Генри отказался от кандидатуры, Джон Адамс был посланником в Англии, а трое зачинщиков революции — Томас Пейн, Сэмюель Адамс и Христофор Гадсен — не были избраны. Короче говоря, радикалы были представлены слабо. Некоторые историки придавали особое значение тому, что делегаты были людьми с имущественным и держателями континентальных или штатных ценных бумаг. Нельзя, однако, забывать, что американское население, в основном, принадлежало к среднему, имущему слою. Богатых было мало, бедных — почти совсем не было.

Конвент за работой. Конвент явился редким в истории явлением по продуктивности своих совещаний. Это тем более поразительно, что каждый штат мог послать сколько угодно делегатов, ибо на голосовании это все равно не могло отразиться: каждый штат имел один голос. Правда, из соображений экономии большинство штатов прислало малочисленные делегации. Всего на Конвенте присутствовало 55 человек; некоторые оставались недолго, и к концу Конвента присутствовало только 39 человек; к тому же, некоторые делегаты, в том числе и Вашингтон, во время дебатов, как правило, молчали. Приблизительно половина делегатов были люди с высшим образованием, а большинство были адвокаты, умевшие сжато и хорошо излагать свои мысли. Дословного отчета прений не велось, а в том, что мы находим в дневниках Мадисона и других участников, упразднена значительная доля многословия. Нельзя, однако, читать эти сводки и не поражаться логической убедительности большинства высказываний. Работе Конвента помогало и то, что она хранилась в строгой тайне. Огласка только усугубила бы разногласия; она побудила бы делегатов выступать с речами, предназначенными для галерки и печати, и это дало бы избирателям возможность оказывать на них давление. Уравновешенные жители Филадельфии заслуживают похвалы за то, что не старались вынытывать сведений о работе Конвента. Однажды за обедом Франклин упомянул о старой басне про двуглавого змея, умершего с голоду от того, что головы не могли договориться, с какой стороны подойти к дереву, и сказал, что мог бы дать иллюстрацию к этой басне из недавнего происшествия на Конвенте; но друзья остановили Франклина, напоминая ему об обязанности хранить тайну.

С самого начала делегаты единодушно решили не пересматривать «статей конфедерации», а составить совершенно новую конституцию. Этим они превысили свои полномочия, т. к. Континентальный конгресс созвал Конвент «ради исключительной цели пересмотра статей конфедерации». Однако, как впоследствии писал Мадисон, делегаты, «обладая мужественной уверенностью в своей стране», просто от-

бросили статьи конфедерации и приступили к разработке новой формы правления. Гамильтон заметил, что это явилось революционным шагом, а видный специалист в этом вопросе, Джон У. Бёрджесс, впоследствии заявил, что если бы подобную вещь сделал Наполеон, это было бы объявлено государственным переворотом. Тем не менее, следует помнить, что многие штаты определенно поручили своим делегатам создать государственный союз, отвечающий всем требованиям момента.

Излагая ход работы Конвента, следует особо подчеркнуть некоторые важные соображения общего характера. Делегаты понимали, что аппарат должен быть создан сложный, что простая форма правления окажется недостаточной. Для начала им необходимо было, тщательно учитывая все подробности, согласовать два отличных друг от друга вида власти: власть местную, которая к тому времени уже осуществлялась тринадцатую полунезависимыми штатами, с властью создаваемого центрального правительства. Единственный прецедент решения подобной задачи можно было найти в истории Британской империи. До 1763 г. в Британской империи, по существу, была федеральная система — разделение власти между центральными и местными органами управления. Другие созданные до того федерации почти без исключения были очень небольшие и почти все были менее тесно организованы. К тому же, они просуществовали недолго. Джеймс Мадисон и некоторые другие досконально изучили теории государства вообще и особенно интересовались историей греческой, швейцарской и нидерландской конфедераций, а большинство делегатов много читали из области политической теории. Они приняли принцип, по которому следовало точно определить функции и полномочия национального правительства и оставить все остальные функции и полномочия в ведении штатов. Полномочия центрального правительства, как нового в американской истории явления, необходимо было перечислить не только в общих статьях, но также изложить их как можно подробнее.

Конечный результат. Наряду с этим изложением конституции шла разработка схемы национального аппарата, в основу которого тоже был положен один общий принцип. Было решено произвести разделение власти на власть законодательную, исполнительную и судебную, поставив их в такой взаимосвязи, которая дала бы возможность гармоничного сотрудничества и вместе с тем так уравновесив их, чтобы ни одна из них не смогла господствовать над двумя другими. Эта идея XVIII в., идея равновесия сил была, по существу, концепцией Пьютона в политическом предомыслии. Утверждение этого принципа явилось естественным следствием колониального опыта, подкрепленного писаниями Локка и Монтескье, с которыми было знакомо большинство делегатов. Американцы считали, что правительство превращается в деспотическое тогда, когда один из этих трех элементов становится господствующим. Естественным было и то, что законодательная власть, подобно колониальным легислатурам и британскому парламенту, должна была состоять из двух палат. Не все хотели единой исполнительной власти; но под влиянием аргументов, указывавших на пример единой исполнительной власти в колониях и в штатах противники ее отказались от своей идеи.

Решение создать двухпалатный законодательный орган помогло разрешить коренные разногласия, возникшие на Конвенте в вопросе о правах малых и больших штатов. Малые штаты утверждали, что как и при конфедерации они вправе располагать такими же правами, как и большие штаты, что малый Коннектикут никогда не должен попирается большим Нью-Йорком, а малый Мэриленд — большой Виргинией. Большие же штаты доказывали, что власть должна быть пропорциональна величине, численности населения и богатству отдельных штатов.

По достигнутому, в конце концов, компромиссу, в Сенате малые штаты представлены на равных началах с большими штатами, но в Палате Представителей места распределяются в соответствии с численностью населения. Когда дело дошло до исполнительной власти, главной трудностью было выработать систему выборов. Если бы президент избирался Конгрессом,

то это ставило бы его в известную зависимость от законодательной власти и нарушало, таким образом, равновесие властей. Прямое голосование населения казалось неосуществимым ввиду того, что население Соединенных Штатов было разбросано на огромной, все расширявшейся территории, а средства сообщения были плохие; следовательно населению трудно было бы сосредоточиться на одном или на нескольких кандидатах; избиралось бы множество кандидатов одновременно и никто бы из них не мог получить необходимого большинства голосов. В конце концов, было решено создать коллегию выборщиков, причем на долю каждого штата было положено число выборщиков, равное общему числу его сенаторов и членов Палаты Представителей (конгрессменов). На практике эта система стала действовать совсем не так, как думали ее основатели, ибо они не предвидели возникновения партий, что кстати произошло немедленно. Что касается третьей власти — судебной, — было решено, что судьи должны назначаться президентом, с совета и согласия Сената и, при условии безупречности поведения, занимать эту должность пожизненно.

Целью не поражаться изобретательности и мудрости, проявленными авторами конституции. Они создали самую сложную форму правления из всех, когда-либо и кем-либо выработанных, самую уравновешенную и наиболее прочно застрахованную от злоупотреблений. Все три вида власти независимы друг от друга, но взаимосвязаны, и каждый из них ограничен двумя другими. Принятые Конгрессом законопроекты становятся законом только после их утверждения президентом. Президент, в свою очередь, должен представлять на утверждение Сената многие из производимых им назначений и все заключаемые им договоры. Кроме того, Конгресс может привлечь президента к ответственности и сместить его. Судебная власть решает все связанные с законами и с Конституцией дела и, поэтому, вправе истолковывать Конституцию и законы. Однако судьи назначаются президентом, утверждаются Сенатом и тоже могут привлекаться к ответственности Конгрессом. Ввиду того, что сенаторы избирались легислатурой своего шта-

та,¹¹ на шестилетний срок, президент избирается коллегией выборщиков, а судьи назначаются, только Палата Представителей из всех государственных органов находилась под непосредственным давлением со стороны общественности. Кроме того, продолжительность полномочий должностных лиц — от двух лет до пожизненного срока — столь различна, что полную смену личного состава быстро произвести невозможно — разве что путем революции.

Некоторые историки, рассматривая Конвент в роли экономической, а не политической конференции, заявляли, что конституция содействует «классу» владельцев недвижимого имущества, коммерсантам и кредиторам. Однако следует опять напомнить, что в 1787 г. Америка была страной, где почти все — фермеры, плантаторы, лавочники, люди свободных профессий — были зажиточными, и классовых различий было мало и они не были острыми. Обесеченность безусловно шла на пользу всем. В таком экономическом толковании есть поэтому доля правды, но оно может легко привести к преувеличенным выводам.

Решения, которыми Конвент обеспечил достаточную силу федерального правительства для того, чтобы оно было в состоянии поддерживать порядок и охранять имущество, при других обстоятельствах могли оказаться причиной опасных раздоров. Большая часть этих решений, однако, была вынесена после кратких и спокойных прений. Федеральному правительству добровольно и полностью передали право собирать налоги, тем самым давая ему возможность занозда-лого погашения государственного долга, восстановления кредита и ассигнования средств на общее благо. Правительство получило право производить займы, устанавливать единую систему пошлин, налогов и акциза и принимать общие для всех законы о банкротстве. Ему была дана власть чеканить монету, устанавливать меры протяжений, емкости и веса, давать

¹¹ По 17-ой поправке к Конституции США, принятой Конгрессом 16 мая 1912 г. и ратифицированной штатами 31 мая 1913 г., сенаторы ныне избираются непосредственно населением отдельных штатов (прим. пер.).

патенты и авторские права, создавать почтовые отделения и строить почтовые дороги. Ему была дана власть создавать и содержать армию и флот, а также регулировать межштатную торговлю. В его ведение были целиком переданы все вопросы, касавшиеся взаимоотношений с индейцами, международные отношения и войны. Федеральное правительство получило право вмешиваться во «внутренние беспорядки» штатов в том случае, если о помощи просит легислатура или губернатор штата. Оно могло принимать законы о натурализации иностранцев и, ввиду того, что общественные земли находились под его контролем, правительство могло принимать новые штаты в Союз на основе полного равноправия со старыми. Было решено, что у правительства должна быть собственная столица на территории округа, не превышающего по площади 10 кв. миль. Короче говоря, согласно замыслу его основателей, федеральное правительство с самого начала было сильным органом, а вскоре — в результате истолкования Конституции Верховным судом — стало еще сильнее. Сила федерального правительства явилась естественной реакцией на слабость конфедерации.

Штаты, однако, тоже остались сильными. Они сохранили за собой полноту власти в вопросах местного самоуправления и именно они ведали вопросами повседневной жизни граждан. Школы, местные суды, полиция, предоставление хартий городам, признание банков и акционерных обществ законно созданными корпорациями, забота о мостах, дорогах и каналах — все это, и многое другое, находилось в ведении штатов. Сами штаты должны были решать, кто обладает правом голоса и устанавливать процедуру выборов. Они несли главную ответственность в деле охраны гражданских свобод. В течение долгого времени люди считали себя в первую очередь виргинцами, пенсильванцами или гражданами Джорджии, а уже во вторую очередь — американцами.

Наконец, Конвент обратился к самому важному вопросу: каким образом предоставленная новому национальному правительству власть будет осуществляться на деле? Старая конфедерация на бумаге обладала

большими, пусть недостаточными полномочиями. На деле, однако, ее полномочия были почти равны нулю, ибо штаты их игнорировали. Что могло спасти новое правительство от таких же пренебрежений и отказа подчиняться ему? Сначала большинство делегатов дали на этот вопрос лишь один ответ: применение силы. Виргиния предложила, чтобы Конгрессу была дана власть «использовать силу Союза против любого члена, ...который не выполняет своего долга в соответствии с данными статьями». Это решение было неправильным с теоретической точки зрения, ибо сила — это средство международного права. На деле это оказалось бы пагубным, ибо означало гражданскую войну. Применение силы быстро разрушило бы Союз и привело бы к кровопролитию и опустошениям.

В ходе дискуссии был найден новый, подлинно идеальный выход. Было решено, что федеральное правительство, минуя штатные правительства, будет непосредственно иметь дело с населением штатов и принимать законы, касающиеся всех жителей страны. Мадисон писал Джефферсону: «Надеяться на добровольное соблюдение федеральных законов правительствами всех штатов не приходится, а принцип принуждения очевидно никогда не был бы проведен в жизнь, и если бы даже его придерживались, это означало бы одинаковые бедствия как для виновных, так и для невинных и вообще напоминало бы больше гражданскую войну, чем работу обычного правительства. Поэтому была принята иная концепция: вместо того, чтобы действовать на штаты, правительство должно действовать, без их вмешательства, на отдельных людей, населяющих штаты...» Для того, чтобы обеспечить осуществление этого принципа, Конвент внес в Конституцию следующую краткую статью:

«Эта Конституция и законы Соединенных Штатов, которые будут приняты на ее основании, и все заключенные и заключаемые правительством Соединенных Штатов договоры, являются высшими законами страны, и судьи каждого штата обязаны их соблюдать, не взвзя на законодательства отдельных штатов».

Согласно этому положению, федеральные законы Соединенных Штатов могли проводиться в жизнь в их собственных федеральных судах, собственными судьями и полицейскими чиновниками. Они должны были соблюдаться также штатными судами, штатными судьями и штатными блюстителями законности. Это положение вдохнуло в Конституцию силу, которой иначе она, быть может, никогда бы не имела. Эта статья является наглядной иллюстрацией того сочетания здравого смысла и вдохновения, практической изобретательности и дальновидности, которыми пропитан весь этот документ.

В понедельник 17 сентября, когда была закончена работа самого плодотворного собрания в истории человечества, состоялось заключительное заседание Конвента.

Только трое из присутствовавших делегатов отказались подписать Конституцию США. Большинство представителей были ею очень довольны. Престарелый Франклин сказал, что не согласен со всеми ее положениями, но поражен, насколько Конституция приближается к подлинно совершенному документу. Он призывал тех, кому не нравилось то или иное положение, поставить под сомнение свою собственную непогрешимость и принять Конституцию. С аналогичным призывом выступил и молодой, горячий Александр Гамильтон. Ему хотелось более централизованной и «аристократической» формы правления, но, — спросил он, — как может настоящий патриот колебаться в выборе между анархией и судорогами, с одной стороны, и порядком и прогрессом, с другой!

Конституция была подписана делегатами двенадцати штатов. Многие казались подавленными торжественностью момента. Вашингтон сидел в глубоком раздумьи. Напряжение рассеялось после замечания Франклина, чрезвычайно для него характерного: указывая на блестящее золотом символическое изображение солнца на спинке кресла Вашингтона, Франклин заметил: «Сколько раз на этой сессии, когда меня охватывали сомнения и страх за ее исход, я смотрел на это изображение за президентом и не знал, должно ли оно означать восходящее или за-

ходящее солнце. Теперь, наконец, я счастлив, зная, что это --- восход, а не заход солнца».

Ратификация. Подписание Конституции делегатами Конвента не означало еще, что она будет ратифицирована отдельными штатами. Многим обывателям она представлялась полной опасностей: не окажется ли сильное центральное правительство деспотичным? не будет ли оно угнетать их большими налогами? не вовлечет ли оно страну во внешние войны? Конвент постановил, что Конституция вступает в силу после ее ратификации девятью штатами. К концу 1787 г. Делавэр, Пенсильвания и Нью-Джерси ратифицировали Конституцию; по отношению остальных штатов оставалось неясным и авторы новой государственной системы испытывали большую тревогу за судьбу Конституции.

В ходе борьбы за ратификацию возникли две партии: федералистов и антифедералистов --- сторонников сильного правительства и сторонников простой лиги штатов. Борьба велась на страницах печати, в легислатурах и на штатных конвентах. С обеих сторон выдвигались страстные аргументы. Самыми блестящими были «Федералистические статьи» («Федералист пейперс»), написанные в защиту новой Конституции Александром Гамильтоном, Джеймсом Мадисоном и Джоном Джеймсом, статьи, ставшие классическими произведениями политической мысли. Особенно острой была борьба в трех штатах --- в Массачусетсе, в Нью-Йорке и в Виргинии. В Массачусетсе победу Конституции облегчила сильная поддержка, оказанная бостонскими рабочими судостроительных верфей, металлистами и другими мастерами, а также адвокатами, купцами и значительной частью фермеров. В Нью-Йорке главного противника ратификации в конце концов убедило красноречие Александра Гамильтона. Оно сломило сопротивление и провело ратификацию значительным большинством голосов. В Виргинии решающим оказалось влияние Джорджа Вашингтона, которое было повсюду большим, и сильные аргументы Мадисона. Еще до того, как Виргиния ратифицировала Конституцию, она уже была принята девятью штатами и ее вступление в силу было

обеспечено; однако поддержка Виргинии — штата Вашингтона — считалась необходимой, и когда, наконец, Виргиния ее ратифицировала, это вызвало бурное ликование.

4 июля 1788 г. в ознаменование принятия новой формы правления на улицах Филадельфии была устроена большая процессия. На одной колеснице была изображена разваливающаяся, идущая ко дну вместе с капитаном «Глупость» шаланда «Конфедерация» (символическое изображение слабого правительства, основанного на «Статьях конфедерации»), а другая — изображала стойкий корабль «Конституция», готовый к дальнейшему плаванью. И Конституция действительно была готова. Все было подготовлено для избрания президента и депутатов Конгресса и для начала работы нового правительства весной 1789 г. Имя одного человека было на устах у всех, и Вашингтон был единогласно избран в президенты.

Так, после нескольких мрачных лет страна увидела яркий восход солнца, который Франклин приветствовал в «Индепенденс-холле». Одним из очаровательных эпизодов ранней американской истории, эпизодом идиллическим и волнующим была поездка Вашингтона из прекрасного поместья на берегу Потомака в Нью-Йорк, где он должен был принять управление государством. Выехал он в середине апреля. На холмах Виргинии пробуждалась весна. Он ехал на север по дорогам, которые в некоторых местах почти соприкасались с маршрутом, пройденным им в 1781 г. перед капитуляцией Корнуэльса. В каждой деревушке, в каждом большом и малом городе народ бурно приветствовал его. В Филадельфии состоялся парад конницы и Вашингтон проезжал под триумфальными арками вечнозеленых ветвей и лавровых листьев. В солнечный день он достиг Трентона, где за двенадцать лет до того, во время одной из самых знаменитых военных операций, ему пришлось ночью в бурю переправляться через покрытую льдом р. Делавэр. Группа девушек в белых одеяниях бросала теперь цветы на его пути и приветствовала его песнями. На берегу Нью-Йоркского залива Вашингтона посадили на парадный катер, которым управляли тринадцать военных в бе-

лых мундирах. Когда судно приблизилось к городу раздался пушечный салют из тринадцати орудий. После схода на берег, Вашингтон увидел улицы, забитые радостной толпой, среди которой было много ветеранов Революционной войны. 30 апреля в присутствии огромного числа собравшихся Вашингтон, стоя на балконе «Федерал-холла» на Уолл-стрит, принес присягу. К присяге его привел канцлер Нью-Йорка, обратившийся к толпе со словами: «Да здравствует президент Соединенных Штатов Джордж Вашингтон!» Снизу поднялся восторженный крик огромной толпы.

Америка в 1789 г. Полная жизненных сил республика готовилась к вступлению в новую фазу своего развития. Перепись, проведенная через год после инаугурации Вашингтона, показала, что население республики достигало почти 4 миллионов, из коих приблизительно $3\frac{1}{2}$ миллиона составляли белые. Население было почти полностью сельское. Только пять городов заслуживали в то время название «города»: Филадельфия (население: 42 тыс.), Нью-Йорк (33 тыс.), Бостон (18 тыс.), Чарлстон (16 тыс.) и Балтимор (13 тыс.). В подавляющем большинстве население жило на фермах и плантациях и в небольших деревнях. Средства сообщения были скверные, дороги — ужасны, почтовые кареты — неудобны, а парусные суда ходили нерегулярно. Но уже начали возникать компании для строительства дорог и вскоре была построена хорошая дорога из Филадельфии в Ланкастер; стали также проводиться каналы. Большинство жителей вело изолированный образ жизни; школы были плохие, книг и газет выходило мало. На европейских путешественников Америка производила впечатление страны грубой и полной неудобств; население поражало своей неотесанностью, а культурный слой — своей крайней немногочисленностью. Все это существовало, наряду с независимостью, материальным благополучием и безграничной самоуверенностью. В культурном отношении, как и в материальном положение все улучшалось.

Страна неуклонно развивалась. Иммигранты прибывали из Старого Света в таком количестве, что порой

американцам казалось, будто к ним перебирается половина Западной Европы. За небольшие деньги можно было приобрести хорошую ферму; существовал большой спрос на рабочую силу и ставки были высокие. Правительство относилось к иммиграции одобрительно. Вашингтон особенно приветствовал переселение опытных фермеров из Англии, которые могли обучить американцев более совершенным методам земледелия. Плодородные земли долины рр. Мохок и Дженеси в верхней части Нью-Йорка, р. Саскунханны в верхней части Пенсильвании и р. Шенандоа в Виргинии вскоре были превращены в обильные хлебодородные края, где выращивалась пшеница. Жители Новой Англии и Пенсильвании начали переезжать в Огайо, виргинцы и каролинцы — в Кентукки и Теннесси.

Развивалось также и мануфактурное производство, чему способствовали выдаваемые штатами особые премии. В Массачусетсе и Род Айленде были заложены основы крупной текстильной промышленности, для которой в Англии тайным образом приобретались прядильные машины «джинни» и Аркрайта. В Коннектикуте начали производить оловянные изделия и часы; в Средне-Атлантических штатах — бумагу, стеклянные изделия и железо. Однако в ту пору в Америке еще не было фабричных городов, население которых было бы занято исключительно в промышленности и значительная часть промышленных товаров изготовлялась дома. В длинные зимние вечера фермеры производили грубое сукно, кожевенные изделия, глиняную посуду, простые железные инструменты, кленовый сахар и деревянные изделия, а там, где возникали фабрики, владелец обычно сам работал, вместе со своими рабочими.

Судоходство начинало процветать и Соединенные Штаты выдвигались на второе место после Англии. Суда строились в большом количестве для прибрежного судоходства, ловли трески, китобойного промысла и для перевозки в Европу хлеба, табака, леса и других товаров. Не успела завершиться революция, как корабль «Эмпресс» совершил плавание в Кантон и вернулся оттуда со сведениями о торговых

возможностях на Дальнем Востоке, очень заинтересовавшие жителей Новой Англии. Началась новая торговля. Она развилась настолько, что в 1787 г. пять судов под американским флагом дошли до Китая. Китайцы хотели пушнины, и некоторые бостонские купцы решили послать суда к побережью Северо-Запада, закупить шкуры у индейцев, повезти их в Китай и вернуться оттуда с чаем и шелками. Это предприятие оказалось успешным. Больше того, янки Роберт Грей, капитан корабля «Колумбия», вошел в устье большой реки в верхней части Тихоокеанского побережья, окрестил реку именем своего корабля и, тем самым, дал основание для претензии США на Орегон.

Американцы все дальше и дальше проникали на запад. Запад был главным направлением американской экспансии. От дубовых лесов Огайо до сосновых лесов Джорджии раздавались удары топора дровосеков, возвещавшие наступление новых хозяев. По длинным откосам Аппалач поднимались крытые парусной повозки типа «копестога», из которых составлялись караваны переселенцев; через Камберлендское ущелье пробирались в Кентукки одетые в оленью кожу охотники и пионеры с повозками, груженными мебелью, семенами, простыми сельскохозяйственными орудиями и домашними животными. Наскоро вырубались свидетельствовавшие о плодородности почвы деревья гикори и грецкого ореха, и пограничные фермеры строили на прогалинах свои бревенчатые хижины, щели которых заполнялись известью, а кровли складывались из тонких дубовых досок. С каждым годом вниз по р. Огайо и по р. Миссисипи сплавлялось все большее число плотов и плоскодонок, которые везли в Новый Орлеан зерно, засоленное мясо и поташ. С каждым годом возрастало значение западных городов Цинциннати в Огайо, Поксвилля в самом сердце Теннесси и Лексингтона в Кентукки. Переселенцам приходилось вести борьбу с индейцами, с малярией, с дикими зверьми, с нападавшими на них в глуши разбойниками и испытывать множество других опасностей. Лишения, нищета и болезни причиняли им крупные потери. И все же десятки тысяч переселен-

цев все дальше пробирались вглубь девственных лесов; граница отодвигалась и слова епископа Беркли, сказанные еще в колониальный период, продолжали соответствовать действительности: «Империя движется на Запад».

ГЛАВА 6

УКРЕПЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ

Организация правительства под руководством Вашингтона. 1789 г. был свидетелем расцвета Нью-Йорка как временной столицы страны. Лучшим домам города старались придать максимальный шик, а на улицах летом того года было особенно много народа: конгрессмены, люди, стремившиеся получить государственную должность, лоббисты и просто любопытные. Вначале президент Вашингтон занимал дом в сквере Франклина, который находился за городской чертой. Затем он переехал на Бродвей — в просторный дом Мак-Кумов, с прекрасным залом для приемов. Вице-президент Джон Адамс жил в большом доме на Ричмонд-хилле. Конгресс заседал в так называемом «Федерал-холле», на углу Уолл и Брод-стрит. Таким образом первая политическая столица находилась в том самом месте, где позже возник финансовый центр страны. В Нью-Йорке происходили светские собрания и устраивались балы. Сам президент давал обеды, которые проходили в атмосфере холодной официальности. Он был также частым посетителем театра на Дконс-стрит, куда приезжал со своими друзьями.

Когда Вашингтон отправлялся в Конгресс, его приезд обставлялся очень пышно. Он ехал в тяжелой карете, запряженной шестеркой белых лошадей виргинской породы, с фореяторами и лакеями на занятках. Никто из посторонних не мог присутствовать на дебатах Конгресса, но зато немало народа собиралось снаружи для обсуждения волновавших всех политических вопросов.

Новое правительство не могло обойтись без мудрого Вашингтона. Как политик Вашингтон не обладал особым воображением или энергией; писал он сухим языком и был плохим оратором. Но он внушал не только повиновение, но и искренний благоговейный страх. Вашингтон был тем символом единства, которым никто другой быть не мог. Ответственные деятели всех партий и фракций полагались на его справедливость, мудрость и на широту его взглядов. Он умел держаться с большим достоинством и его «республиканский двор» отличался во всем строгой официальностью. На приемы Вашингтон выходил в костюме из черного бархата и сатина, при шляге в зеленых пожнях; на коленях у него блестели бриллиантовые пряжки; напудренные волосы были перевязаны на затылке, а свою военную треуголку он держал под рукой, придерживая ее локтем. В своих взаимоотношениях с Конгрессом и с людьми, занимавшими крупные административные должности, Вашингтон, несмотря на свои симпатии федералистам, избегал партийной или фракционной борьбы, пытаясь воплотить в себе идею полного единства. Был он неутомимым работником и строго придерживался регламентировавшего его долгий рабочий день расписания. Вашингтон успешно пытался поднять свое правительство на должную высоту и заставить страну запечатлеть свой наказ, сформулированный в «протоальном обращении» 1796 года: «Будьте едины, будьте американцами».

В августе Конгресс был распущен с тем, чтобы вновь собраться в декабре уже в Филадельфии. Чистая, тихая и приветливая Филадельфия стала новой столицей страны и продолжала быть ею в течение десяти лет. За это время немало нужно было сделать для того, чтобы унорядочить государственные дела.

Организация правительства была делом нелегким. Конгрессом был создан за короткий срок государственный департамент, департамент обороны и департамент финансов. На пост государственного секретаря Вашингтон назначил Томаса Джефферсона, только что вернувшегося из Франции, куда он был послан в качестве посланника. Секретарем обороны был назначен посредственный, но популярный генерал Генри Нокс,

а секретарем казначейства — Александр Гамильтон, известный своими познаниями в области финансов. Конгресс учредил также должность генерального прокурора, который вначале не возглавлял отдельного ведомства, а был просто советником правительства в юридических вопросах. На эту должность Вашингтон назначил Эдмунда Рэндольфа из Виргинии. Считалось, что Гамильтон и Нокс придерживались федералистской ориентации, тогда как Джефферсон и Рэндольф разделяли взгляды антифедералистов. Одновременно Конгресс постановил создать федеральную судебную власть, состоявшую не только из Верховного суда с одним верховным судьей и пятью членами (впоследствии Верховный суд был расширен), но также из трех окружных и тринадцати районных судов. Все судьи, равно как и главы федеральных департаментов, назначались президентом и утверждались Сенатом. К концу 1790 г. три первых федеральных департамента и федеральные суды со значительным штатом служащих уже развивали кипучую деятельность.

Несмотря на мечты многих американцев о создании республики, незаявленной партийной борьбой, партийная политика не заставила себя долго ждать. Одним из первых ее проявлений была борьба из за поправок в Конституцию. Несколько штатов приняли Конституцию с настоятельными требованиями о внесении существенных изменений. Вначале казалось, что Конгресс не обратит внимания на эти предложения. Но Патрик Генри и другие подняли шум и Конгресс был вынужден передать рекомендации поправок на рассмотрение специальной комиссии. Большинство голосов Конгресс отклонил требования ряда штатов, касавшиеся изменения структуры правительства, но послал на утверждение штатных legislatures двенадцать поправок, явившихся «Биллем о правах» человека. Десять из них — поправки ограждавшие гражданские свободы, — были ратифицированы. Антифедералисты не удовлетворились этим и засыпали Конгресс протестами. Но к тому времени страна приняла Конституцию как постоянную основу государственного устройства и первоначальное противопоставление федералистов антифедералистам потеряло свою

остроту. Стали, однако, возникать новые конфликты. Борьба федералистов, стоявших за сильное центральное правительство, за рост предприятий и развитие коммерческих начинаний, с антифедералистами, отстаивавшими права отдельных штатов и сельскохозяйственные интересы, начала принимать иной характер и появились новые лидеры.

В период революции Америка дала две волевых личности, получивших всемирное признание — Вашингтона и Франклина; а когда страна стала молодой республикой выдвинулись два других блестящих человека — Александр Гамильтон и Томас Джефферсон, слава которых вышла за пределы страны. Однако, не только исключительная одаренность этих людей, как бы не велики были их таланты, превращает их в личностей исторического значения. Особенно важен тот факт, что они представляли две мощные, неотъемлемые от американской жизни, но в какой-то мере противоречивые тенденции. Гамильтон воплощал в себе тенденцию более тесного сплочения штатов и усиления федерального правительства, а Джефферсон — стремление к более широкой и свободной демократии. Обе идеи — национализм и демократия — в период 1790-1830 гг. — добились столь же триумфальных успехов, как и стремительное продвижение республики на Запад.

Александр Гамильтон. Гамильтон родился на одном из Малых Антильских островов, Невисе, где выращивался сахарный тростник. Отец его был шотландец, а мать — гугенотка. По своему характеру Гамильтон напоминал шотландца Алана Брека, выведенного Стивенсоном в романе «Похитение», — был честолюбивым, щедрым, преданным и гордым человеком. Легко обижался, но также легко прощал обидчиков. Ум его был остер, а энергия неистощима. Его успехи объясняются сочетанием блестящего ума с самоуверенным честолюбием и упорством в работе.

По причине скверных дел Гамильтона старшего у Александра не было возможности записаться в колледж. Но помог Гамильтону страшный ураган, пронесшийся над Антильскими островами: Александр дал блестящее описание этого события, привлекая к се-

бе всеобщее внимание, и тетки его решили послать племянника на американский континент. Там Гамильтон поступил в Королевский колледж в Нью-Йорке. Выбор оказался очень удачным. Он быстро сблизился с группой радикалов, руководивших борьбою против королевской власти. Гамильтон сочинил два длинных памфлета, из коих один появился незадолго до того, как ему исполнилось восемнадцать лет, а другой — вскоре после первого, — и стал достойным оппонентом ведущего тори провинции. Когда в двадцать лет он дослужился до чина капитана артиллерийской роты, Гамильтон забрал с собою в казарму книги, и там, давая пищу своему любознательному уму, занимался по ночам.

Наряду с блестящим умом и честолюбием, у Гамильтона были и другие качества и достоинства. У него была очень привлекательная внешность: каштановые волосы с рыжеватым отливом, умные карие глаза, красивый лоб, мужественные подбородок и рот — все это делало его лицо, — оживленное и приятное при разговоре, суровое и вдумчивое во время работы, — нередко прекрасным. Он любил банкеты и блистал в любом обществе, где собиралась образованная компания, было хорошее вино и велась остроумная беседа. Он был находчив и умел правильно поступать в нужный момент. Этот инстинкт верного обхождения с людьми помог ему стать вождем нью-йоркских патриотов и привлек к нему внимание Вашингтона, сделавшего его своим главным помощником. Во время войны находчивость Гамильтона особенно ярко сказалась, когда он повел смелую атаку на Форт-таун. Врожденная способность правильно себя поставить помогла Гамильтону занять ведущее положение среди адвокатуры Нью-Йорка, стать главной фигурой в правительстве Вашингтона и возглавить большую партию. У него были выдающиеся административные и организаторские способности. Его письменные и устные выступления обладали поразительным блеском и силой. И при всем этом у Гамильтона были крупные недостатки. Он легко приходил в волнение, был раздражителен и не выносил, чтобы ему в чем-либо перечили. При битве под

Монмаутом, когда Вашингтон сделал выговор генералу Чарльзу Ли за отступление, Гамильтон соскочил с коня, выхватил шпагу и воскликнул: «Мы преданы!» Вашингтон заставил его замолчать и тихо scomандовал: «Господин Гамильтон, на коня». К концу войны Гамильтон поссорился с Вашингтоном, написал своему тестю напыщенное и самодовольное письмо, в котором излагал приведенный к ссоре инцидент и отверг попытки Вашингтона к примирению. Его порывистость, вспыльчивость и обидчивая arrogance были причиной неуместно острых конфликтов с Джефферсоном, приведших к разрыву с правительством Вашингтона; с Джоном Адамсом, приведших к разрыву с партией федералистов и с Аароном Бёрром. Последний конфликт завершился гибелью Гамильтона на дуэли.

Через всю политическую карьеру Гамильтона красной нитью проходит любовь к порядку, к исполнительности и организованности, и в этом кроются его незабываемые заслуги перед молодым отечеством. С 1775 по 1789 гг. он наблюдал вокруг себя примеры неисполнительности и слабости, и возненавидел царившие беспорядки. Когда он состоял секретарем при Вашингтоне, последний вел через него большинство дел. Стоит только взглянуть на письма Вашингтона за революционный период, чтобы увидеть насколько генерал был недоволен слабостью правительства. Командующий возмущался тем, что штаты посылали ему недостаточно войск, боеприпасов, обмундирования и денег; тем, что одна часть страны действовала энергично, а другие оставались в стороне. Он сожалел о недостатке дисциплины в армии, о том, что солдаты отставали от своих частей, грабили и, пользуясь малейшим предлогом, часто попросту отправлялись домой. И Гамильтон разделял его беспокойство. Позже, когда наступили мрачные годы конфедерации, Гамильтон интенсивно занялся адвокатурой, он находился в тесном контакте с торговыми кругами Нью-Йорка и был знаком со всеми их заботами, вызванными чинимыми торговле препятствиями и нависшей над их имуществом угрозой. Прочитанные Гамильтоном книги дали ему скорее европейское, чем

американское представление о том, как должно быть устроено государство, и на протяжении всей своей жизни он считал английскую форму правления непревзойденной. Нет, поэтому, ничего удивительного в том, что он стремился к мощному и эффективному правительству, к сильной централизованной федеральной власти.

Томас Джефферсон. Обращаясь к Джефферсону, мы переходим от человека действия, каким был Гамильтон, к человеку мысли. Насколько таланты первого лежали в области организационной работы, настолько дарования последнего делали его мыслителем и философом. Гамильтону приносило удовлетворение создавать действительную организацию и потом наблюдать за ее работой. Джефферсон любил наблюдать за людьми, а их эффективность была для него делом второстепенным: на первое место он ставил их удовлетворенность своей жизнью. Непригодность Джефферсона на посту губернатора Виргинии сильно преувеличена. Все же он был не очень хорошим губернатором и не особенно энергичным государственным секретарем. Но как политический мыслитель и писатель Джефферсон, после смерти Бёрка, оставался среди своих современников непревзойденным. Когда Джефферсон составил надпись для своего собственного могильного камня, в ней не было перечисления должностей и дел. На камне написано:

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН
АВТОР ДЕКЛАРАЦИИ
АМЕРИКАНСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ
ВИРГИНСКОГО СТАТУТА О СВОБОДЕ
ВЕРОИСЛОВЕДАНИЯ
И ОТЕЦ ВИРГИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Джефферсон вырос в характерной для Виргинии непринужденной, жизнерадостной и культурной среде. В юности он принимал участие в «танцах, пикниках и игре в фанты», любил верховую езду, любил наблюдать за природой, играл на скрипке, читал романы — Фильдинга, Смолетта и Стерна — и во-

сторгался Оссианом. Позже его жизнь, близкая к природе, была заполнена книгами и общением с людьми. Все это содействовало его многогранной интеллектуальной жизни. Он владел шестью языками, знал математику, изучил технику геодезических съемок, механику, был знатоком музыки, архитектуры, юриспруденции и государственного управления. Он был страстным библиофилом, собрал обширную библиотеку и замечательную коллекцию гравюр. О чем бы Джефферсон ни писал — о растениях, животных, об истории, политике или образовании — это всегда было оригинально и интересно. Он сам нарисовал планы своего знаменитого дома в Монтиселло и, как человек многосторонний и вдумчивый, был одним из лучших собеседников своего времени. Живя в Монтиселло, он нередко оставлял у себя ночевать по пятьдесят человек и был так же гостеприимен и радушен по отношению к образованному негру, как и к титулованному европейцу. На протяжении всей своей жизни он любил свободу, досуг и широкий круг знакомых.

В политике Джефферсон был прямой противоположностью Гамильтона. В течение многих лет имя Джефферсона олицетворялось с Виргинией, где он сначала занимал положение вождя легислатуры, а потом — пост губернатора. В этот ранний период он был лишен возможности составить себе ясное представление о причинах беспокойства Вашингтона и других континентальных политических деятелей. Напротив, он ясно видел, насколько трудно штатам удовлетворять все предъявляемые к ним требования. Когда же Джефферсон поехал за границу на пост американского посланника в Париж, где на него оказывалось давление с целью добиться выплаты Америкой займов, он понял, что для внешних сношений полезно иметь сильное правительство, но не хотел, чтобы это правительство было сильным в других сферах, и открыто заявлял: «очень сильному правительству я не друг». Он говорил даже, что слабые «статьи конфедерации» являлись «замечательно совершенным документом». Он опасался, что сильное правительство сможет сковать население. Он борол-

ся за свободу от британской короны, от церковного контроля, от земельной аристократии, за справедливое распределение богатств. Он был демократом, стоявшим за равенство. Он не любил городов, отрицательно относился к крупным промышленным интересам и большим банковским и торговым организациям, считая, что все это содействует неравенству. В более поздние годы своей жизни он, хотя и сознавал, что индустриализация необходима для экономической независимости страны, все же продолжал считать, что для Америки было бы лучше всего, если бы она продолжала оставаться преимущественно аграрной страной.

Первой задачей Гамильтона было создание в стране более эффективной государственной организации, а первая задача Джефферсона заключалась в том, чтобы дать большую свободу отдельному человеку. Соединенным Штатам нужно было и то и другое: более сильное федеральное правительство и раскрепощение простого человека. Если бы у Америки был в тот момент только Гамильтон, она бы от этого пострадала, как и в том случае, если бы у нее был только Джефферсон. Для Америки явилось величайшей удачей то, что у нее были оба человека и что она со временем сумела объединить и до некоторой степени примирить их мировоззрения.

Финансовые мероприятия Гамильтона. Став секретарем казначейства в правительстве Вашингтона, Гамильтон провел ряд мероприятий, сделавших его одним из величайших министров финансов в американской истории. Его программа была замечательной не только по своему объему, но и по своей оригинальности. Многие хотели отказаться от государственного долга, составлявшего примерно 56 миллионов долларов, или выплатить только часть его. Преодолев их сопротивление, Гамильтон осуществил план, по которому Соединенные Штаты смогли полностью погасить этот долг. Согласно его плану, федеральное правительство переняло на себя возникшую в связи с революцией задолженность штатов, которая превышала 18 миллионов долларов. Гамильтон создал по образцу Английского банка, Банк Соединенных Шта-

тов, а также государственный монетный двор. В своем, ставшем знаменитым «Отчете о мануфактурах» Гамильтон доказывал, что в целях развития отечественной промышленности следует ввести умеренную пошлину. И действительно, Конгресс принял закон о тарифах, который, несмотря на то, что пошлина была установлена низкая, содействовал американским мануфактурам. Наконец, Гамильтон провел через Конгресс закон о сборе акциза со всех спиртных напитков. Все эти мероприятия не замедлили дать важные результаты: они подвели прочный фундамент под государственный кредит и дали федеральному правительству необходимый доход; они благотворно отразились на промышленности и торговле, а главное, они связали с федеральным правительством влиятельные группы населения в каждом отдельном штате. Эта финансовая реорганизация вынудила людей, у которых были континентальные и штатные бумажные денежные знаки, опереться на новую, общегосударственную валюту; промышленные предприниматели, благосостояние которых явилось результатом нового закона о тарифах, также стали поддерживать центральную власть; а национальный банк заручился поддержкой влиятельных групп богатых людей благодаря тому, что обеспечивал им возможность беспрепятственных и безопасных финансовых операций. Акциз на спиртные напитки не только давал доход федеральному правительству, но и поднимал его авторитет, ибо сбор производился на каждом перегонном заводе. В общем, политика Гамильтона привела к тому, что за федеральным правительством прочной стеной стали зажиточные слои населения, готовые сопротивляться любой попытке его ослабить, и престиж центральной власти был, тем самым, поднят на небывалую до тех пор высоту.

Истолкование Конституции: определение полномочий. Это было, однако, не все. Мероприятия Гамильтона требовали нового и чрезвычайно важного по своему значению истолкования Конституции. Когда Гамильтон предъявил свой план создания национального банка, Джефферсон — от имени всех, кто стоял за права отдельных штатов в противовес

правам федерального правительства, и от имени всех, кто опасался крупных корпораций и власти денег — заявил протест. Протест Джефферсона в письме к Вашингтону содержал веские доводы. В Конституции, — заявлял он, — были перечислены нарочито все полномочия федерального правительства, тогда как все остальные, неперечисленные права и полномочия, сохраняются за отдельными штатами, и нигде в Конституции не указано, что федеральное правительство может учреждать банки. Этот довод казался логичным и Вашингтон готов был уже наложить на законопроект свое вето, когда Гамильтон представил еще более убедительный аргумент. Он указал, что невозможно оговорить во всех подробностях решительно все права и полномочия федерального правительства и что под некоторыми общими статьями Конституции подразумевается множество частных случаев. Так, одна из этих статей «уполномочивает Конгресс» «принимать законы, которые необходимы и подобающи» для проведения в жизнь предоставленных ему прав. Сославшись на эту статью, Гамильтон особо подчеркнул слово «подобающи». Например, в случае войны Конституция дает правительству право на завоевание территорий. Отсюда логически вытекает, что оно также вправе управлять завоеванной территорией, несмотря на то, что в Конституции об этом ничего не сказано. В Конституции говорится, что правительство должно регулировать коммерцию и навигацию, следовательно оно имеет вытекающее из этого право строить маяки. Пойдем дальше: Конституция дает федеральному правительству полномочия на сбор налогов, погашение долгов и проведение денежных займов. Национальный банк, между тем значительно облегчит процедуру сбора налогов, посылки денег в отдельные пункты для уплаты долгов и производства займов. Следовательно, согласно подразумевающимся в Конституции полномочиям, федеральное правительство вправе учредить национальный банк. Вашингтон принял эти доводы и подписал проект Гамильтона.

Мятеж из-за виски; договор Джексона. Джефферсон считал закон Гамильтона 1791 г. об акцизном сборе

«отвратительным», и в письме к Вашингтону назвал этот закон неблагодарным, ибо он ставил под удар «престиж правительства в тех частях страны, где сопротивление наиболее вероятно, а принуждение наименее возможно». Джефферсон в первую очередь имел в виду западную Пенсильванию, заселенную упрямыми ирландцами и шотландцами. У них не было никакой возможности переправлять свое зерно через горы на Восток для того, чтобы сбывать его на рынке. А деньги им были нужны. Владея шотландским искусством изготовления виски, они установили почти на каждой ферме перегонные кубы, производившие продукт, который легко можно было перевозить. Многие считали, что закон об акцизном сборе ложится на эту группу населения несправедливо тяжелым бременем; к тому же соблюдение этого закона было связано с проведением расследований. Вскоре по инициативе возмущенных лидеров четырех округов, расположенной к югу от Питтсбурга области, население стало оказывать этому закону открытое сопротивление. Вашингтон опубликовал предостережение, оставшееся без внимания, и в 1794 г., когда правительство хотело арестовать людей, державших себя вызывающе по отношению к налоговым чиновникам, это привело к серьезным беспорядкам. Толпа напала на федерального инспектора и заставила его, спасая свою жизнь, бежать, и стала угрожать небольшому гарнизону, стоявшему в Питтсбурге. Губернатор, опасаясь стяжать себе непопулярность среди избирателей на Западе, не прибег к помощи милиции.

По совету Гамильтона Вашингтон решил принять крутые меры. В сущности с этим «восстанием», которое было просто беспорядочной демонстрацией, могла легко справиться тысяча солдат. Гамильтону, однако, хотелось воспользоваться этим случаем для того, чтобы продемонстрировать силу правительства. Войска были стянуты из Виргинии, Мэриленда и Пенсильвании. Их численность составляла 15 тыс. человек (почти такая же армия, как та, которая вынудила к сдаче Корнуэльса). Появившись в охваченной недовольством области, войска быстро навели ужас на всех мятежно настроенных людей. При войсках нахо-

дился сам Гамильтон, по инициативе которого были арестованы и отданы под суд 18 человек. Из них только двое были осуждены, да и тех Вашингтон помиловал.

Этот «мятеж из-за виски» вызвал много шума. Федералисты превозносили крутые меры правительства, а антифедералисты называли эти меры произвольными и милитаристскими. Политика Гамильтона несомненно повысила уважение к силе федерального правительства, но с другой стороны она вызвала антагонизм и недоверие среди населения и явно была ошибочной. Как только к власти пришли сторонники Джефферсона, закон об акцизном сборе был отменен.

Столь же непопулярной среди многих оказалась и внешняя политика правительства Вашингтона. В 1793 г. в Европе началась война между Францией и Англией. Американцы приняли это очень близко к сердцу. Торговый класс и много религиозно настроенных людей, особенно в Новой Англии, ненавидели Французскую республику за то, что она нанесла удар по имущественным интересам и провозгласила примат разума над религией. С другой стороны, фермеры Юга и жившие в городах мастера сочувствовали переменам во Франции. Поступив очень мудро, Вашингтон провозгласил нейтралитет Америки. Это вызвало, однако, такие ожесточенные нападки в самой Америке, что французский посланник в Соединенных Штатах Жене счел возможным игнорировать это решение Вашингтона. Он доложил своему правительству, что Вашингтон был слабовольным стариком, поддавшимся влиянию англичан, и говорил о необходимости обратиться к мнению народа. Когда американское правительство запретило ему использовать порты США для операций французских корсаров, он нарушил этот приказ. Кто этот человек, — спрашивал возмущенный Вашингтон, — «чтобы бросать наглый вызов решениям нашего правительства?» — и приказал Жене отправиться домой. Зная, что его ожидает на родине гильотина, Жене поступил разумнее: он остался в Соединенных Штатах, женился на дочери нью-йоркского губернатора и в полном достатке дожил до старости.

Профранцузская партия в Америке была озадачена нетактичностью Жене, но несмотря на это, в 1794 г. она все же стала требовать вступления в войну с Англией, обосновывая свое требование, главным образом, тем, что англичане незаконно захватили американские корабли, направлявшиеся к французским островам Вест-Индии, и явно нарушили договор 1783 г., продолжая держать торговые посты на Северо-западной территории.

В тот момент для Америки ничего не могло быть губительнее новой войны. Поэтому, для того, чтобы уладить ряд разногласий с Великобританией Вашингтон отправил в Лондон в качестве чрезвычайного посланника опытного дипломата Джона Джей, занимавшего в то время должность верховного судьи. Джей придерживался мнения, что «добродушная мудрость достигает в политике большего, чем скользкая дипломатия». Действуя умеренно и с полным знанием дела, Джей добился подписания договора, по которому Соединенные Штаты получали столько, сколько вообще были вправе ожидать. Англичане обещали в течение двух лет упразднить все западные торговые посты, которые еще находились в их руках. Кроме того, Джей добился того, что требование американцев об уплате компенсации за убытки, причиненные захватом их судов, было передано на рассмотрение особой комиссии. Наконец, он выторговал существенные коммерческие льготы, распространявшиеся как на Ост-Индию, так и на Вест-Индию. Договор этот, однако, был встречен бурным взрывом негодования. Разъяренные толпы жгли чучела, изображавшие Джей, а на Вашингтона посылались проклятия негодующих ораторов и писак. Вашингтон и Джей были, однако, слишком мудрыми людьми, чтобы поддаться этому временному взрыву общественного негодования. Внеся некоторые поправки, Конгресс ратифицировал договор и у торговцев и судовладельцев появилась новая причина для чувства признательности к правительству.

Джон Адамс. После того, как Вашингтон ушел на покой, бразды правления перешли в руки Джона Адамса. Это был способный и принципиальный чело-

век, но его суровость, упрямство и отсутствие такта свидетельствовали о том, что президентство Адамса не может быть спокойным. Слишком независимый для того, чтобы прислушиваться к советам Гамильтона, Адамс поссорился с ним еще до того, как стал президентом США. В результате за Адамсом стояла разделенная партия, а рядом с ним — разделенный кабинет; ибо главы министерств в партийных вопросах придерживались точки зрения Гамильтона. К тому же, многие южане невеликолюбили Адамса как представителя Новой Англии и настроения в партии чрезвычайно обострились. Вдобавок ко всему, ситуация на международной арене становилась более тяжелой, чем когда-либо.

На этот раз реальной становилась опасность войны с Францией. Управлявшая Французской республикой Директория, обозленная договором Джея с англичанами, отказалась признать назначенного Адамсом посла и даже угрожала ему арестом. Этот оскорбительный для Соединенных Штатов инцидент вызвал сильное возмущение. А когда Адамс послал в Париж трех специальных уполномоченных, которым надлежало уладить взаимоотношения между обеими странами, они натолкнулись на новые оскорбления. Талейран, который в то время вел внешнюю политику Франции, сухо отказался вступить с ними в переговоры. Тайные агенты, впоследствии обозначенные американскими уполномоченными как X, Y и Z, намекнули, что за взятку в 250 тыс. долларов они могут кое-чего добиться. В конце концов Талейран сорвал возможность ведения каких-либо переговоров оскорбительным посланием, в котором обвинял США в двурушничестве. Когда же «документы XYZ» были опубликованы в Соединенных Штатах, негодованию американцев не было границ. Вербовались войска, усиливался флот, и в 1789 г. произошел ряд морских сражений, в которых американские корабли неизменно одерживали победу над французскими. Настоящая война казалась неизбежной.

Во время этого кризиса непреклонный индивидуализм Адамса оказал стране большую услугу. Отдалив от себя Гамильтона, который был сторонником

войны, Адамс неожиданно назначил во Францию нового посла, и пришедший на смену Директории Наполеон его сердечно принял. Угроза войны, таким образом была мгновенно устранена. К несчастью, во внутренних делах Адамс проявил в то время такую близорукость и бестактность, что американцы сочли их непростительными. Вместе с федералистским Конгрессом, Адамс несет ответственность за проведение четырех неудачных законов, сильно подорвавших престиж его правительства. Первый закон продлил с пяти до четырнадцати лет срок, в течение которого иностранец был обязан прожить в Соединенных Штатах прежде, чем мог стать гражданином страны. Согласно второму закону, президент получил специальные полномочия сроком на два года, в течение которых он мог выслать из США любого опасного иностранца. Третий закон предусматривал, что во время войны иностранцы могут быть высланы за границу или интернированы на срок, назначенный президентом. Четвертый закон объявлял тяжким преступлением заговор, направленный против законодательных мероприятий правительства, равно как и обструкцию и даже критику официальных должностных лиц.

Эти законы об иностранцах и мятеже были восприняты как недопустимо суровые меры, явившиеся грубым нарушением гражданских прав и прав человека. Джефферсон и Мадисон, усмотревшие намерение федералистов сосредоточить в своих руках слишком большую власть, решили дать им отпор. Они составили две серии резолюций, из коих резолюции Джефферсона были приняты легислатурой Кентукки, а резолюции Мадисона — виргинской легислатурой. Развивая мысль о том, что федеральное правительство было основано на договорных началах, отдельными штатами, в резолюциях Кентукки и Виргинии провозглашалось право отдельных штатов принимать меры к наложению вето на неконституционные законопроекты.

К 1800 г. страна созрела для перемен. Этот год оказался годом крупных политических сдвигов. При Вашингтоне и Адамсе федералисты проделали большую работу по созданию и укреплению правительства и уже никто больше не сомневался в прочности госу-

дарства и Конституции (тогда как в 1789 г. в этом сомневались многие!). Федералисты, однако, упустили из виду то обстоятельство, что по замыслу американское правительство должно было носить народный характер. Федералисты проводили политику сосредоточения власти в руках отдельных классов, пользовавшихся особыми привилегиями. Джефферсон, как врожденный народный лидер, систематически заручался поддержкой огромного количества мелких фермеров, мастеровых, лавочников и других трудящихся, целью которых было **народное** правительство, а не правительство, представляющее чьи-то особые интересы. Эти люди добивались своего с потрясающей энергией. На президентских выборах 1800 г. Новая Англия единодушно избрала Адамса, тогда как в южных штатах столь же единодушно прошла оппозиция, которая к тому же получила подавляющее большинство и в Средне-Атлантических штатах. Из-за неуклюжей выборной системы вышло так, что Джефферсон получил такое же количество голосов, как и выигравший к себе доверие многих, но тем не менее беспринципный житель Нью-Йорка Аарон Бёрр, принадлежавший к той же партии. Народ откровенно выражал свое желание, чтобы президентом стал Джефферсон, и Гамильтон, совершив один из тех благородных поступков, которыми часто бывала отмечена его деятельность, склонил Палату Представителей в пользу Джефферсона.

«Наш корабль, — писал Джефферсон другу, — был основательно испытан. Теперь мы направим его по республиканскому курсу и красота его движения будет прославлять умение строителей».

ГЛАВА 7

РОСТ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

Правительство Джефферсона. Вся обстановка, в которой началось президентство Джефферсона в 1801 г., указывала на то, что к власти пришла демократия. Его вступление на пост президента было первой це-

ремонней в г. Вашингтоне, только что ставшем столицей США. В то время город был еще просто лесным поселком на северном берегу р. Потомак, вязкие дороги его проходили сквозь кустарники и по болотам, а немногочисленные и невзрачные дома, по свидетельству одного из бывших министров, были преимущественно «маленькими, жалкими хижинами». Губернёр Моррис саркастически заметил, что у столицы — большое будущее. «Нам здесь недостает лишь домов, винных погребов, кухонь, образованных мужчин, приятных дам и прочих мелочей для того, чтобы город был совершенством». По своему обыкновенно небрежно одетый Джефферсон, в сопровождении многих друзей, пешком поднялся от скромного отеля на холм к зданию нового Капитолия. Войдя в зал Сената, он пожал руку вице-президенту Бёрру, своему недавнему беспринципному противнику. Рядом стоял другой человек, которому он тоже не доверял — его дальний родственник, Джон Маршалл из Виргинии, незадолго до того назначенный Адамсом на пост председателя Верховного суда. Джефферсон принес присягу и затем произнес одну из лучших речей, когда-либо сказанных человеком, вступающим в должность президента США.

Часть речи Джефферсона состояла из призыва к примирению, в чем ощущалась острая потребность. Только что закончившаяся политическая кампания была столь ожесточенной, что многие, в особенности в Новой Англии, считали Джефферсона агентом, «уравнителем» и даже анархистом. В речи своей новый президент призывал граждан страны помнить, что политическая нетерпимость так же вредна, как и религиозная нетерпимость, предлагал всем американцам объединиться в целях сохранения Союза, и придать эффективность представительной форме правления и развитию национальных ресурсов. Другая часть речи устанавливала политические принципы нового правительства. Он говорил о том, что страна нуждается в «мудром и бережливом правительстве», которое бы поддерживало порядок среди населения, но «в остальном предоставило бы людям самим свободно решать, как они хотят трудиться и каких улучшений добиваться, и не отнимало бы от них заработанного

куска хлеба». Правительство должно охранять права штатов и стремиться к честной дружбе со всеми странами, но, как сказал Джефферсон в надолго запомнившейся фразе, — «ни с кем не заключать союзов, которые могут оказаться бременем». Джефферсон обещал поддерживать Союз «в его полной конституционной силе», сохранять «господство гражданских властей над военными» и поддерживать принцип народных выборов, являющихся единственной возможностью избежать революций.

Тот факт, что Джефферсон оставался на посту президента в течение восьми лет, чрезвычайно содействовал демократизации всей страны. Он упразднил все аристократические формы, которыми Вашингтон окружил президентство. Еженедельный церемониальный утренний подъем был отменен; «придворный» этикет был радикально упрощен; упразднены были такие почетные обращения, как например, «Ваше Превосходительство». Для Джефферсона самый простой гражданин заслуживал такого же почета, как и высшее должностное лицо. Он внушал своим подчиненным, что они должны относиться к своему положению всего лишь как к положению доверенных народа. Он поощрял сельское хозяйство и поселение на новых землях, покупая права на землю у индейцев и содействуя их переселению на Запад. Считая Америку убежищем для угнетенных, он способствовал иммиграции, проведя либеральный закон о натурализации. Он всячески старался сохранить мир с другими странами, ибо война означала бы большее вмешательство правительства в дела страны, повышение налогов и ущемление свободы. Секретарем казначейства он назначил Альберта Галлатина, дальновидного финансиста швейцарского происхождения, поощрял его сокращать расходы и выплачивать государственный долг. В результате, к 1806 г. национальный доход составлял 14 с половиной миллионов долларов, расходы — 8 с половиной миллионов, а превышение доходов над расходами — 6 миллионов долларов. К концу 1807 г. расчетливый Галлатин сократил государственный долг до цифры ниже 70 миллионов. По всей стране прокатилась волна симпатии к Джефферсону; простые люди ликовали. Шта-

ты один за другим отменяли имущественный ценз в отношении голосования и занятия официальных должностей и принимали более гуманные законы по отношению к должникам и преступникам.

Судьба, однако, толкнула Джефферсона и всю страну в направлении, по которому он не был намерен идти. Двумя мероприятиями этот сторонник «строгого толкования» Конституции, расширил до предела полномочия правительства, а к моменту окончания срока президентства Джефферсона страна находилась накануне того, чего он всячески старался избежать, т. е. войны.

Покупка Луизианы. Заговор Бёрра. Одно из этих мероприятий Джефферсона удвоило территорию США. Испания давно владела районом, лежащим к западу от Миссисипи, с находящимся близ устья этой реки портом Новым Орлеаном. Но вскоре после того, как Джефферсон стал президентом, Наполеон вынудил слабое испанское правительство вернуть Франции эту огромную, именуемую «Луизианой» территорию, что сильно встревожило и возмутило всех сознательных американцев. Новый Орлеан был необходим американцам для вывоза товаров, поступающих из долины рр. Миссисипи и Огайо. План Наполеона — создать огромную колониальную империю, непосредственно прилегающую на западе к территории США, в противовес англо-саксонскому господству в Северной Америке — угрожал торговым правам и безопасности всех поселений хинтерланда. Даже слабая Испания сильно мешала Юго-Западу. А каково было бы иметь дело с Францией — с самой могущественной державой того времени.

Джефферсон предупредил, что если Франция овладеет Луизианой, «с этого момента мы должны будем объединиться с британским флотом и нашей»; и что первый выстрел в европейской войне станет сигналом для наступления англо-американской армии на Новый Орлеан. Эта угроза совместного нападения США и Англии возымела действие. Наполеон знал, что он не сможет избежать новой войны с Великобританией; она назревала после кратковременного мирного договора, заключенного в Амьене. И он по-

нимал, что в этой войне он потеряет Луизиану. Кроме того, он был обескуражен стихийным восстанием, поднятым негритянским предводителем Туссен-Лувертюром в находившемся под французской властью Гаити, которое Наполеону не удалось подавить. В 1802 г. жертвою повстанцев и желтой лихорадки стал отряд, насчитывавший 24 тыс. наполеоновских войск. Поэтому Наполеон решил пойти по другому пути: пополнить казну, не допустить захвата Луизианы англичанами и заручиться дружбой американцев путем продажи им всего этого района. Огромная территория Луизианы отошла к США за 15 миллионов долларов. Заключив эту сделку, Джефферсон «предельно растянул Конституцию», ибо ни одна статья Конституции не разрешала ему покупки иностранной территории, а он принял это решение без утверждения Конгресса.

Этим удачным ходом Соединенные Штаты получили свыше миллиона квадратных миль территории, а с ней и неспейший порт Новый Орлеан, живописно расположенный на широком изгибе Миссисипи на фоне леса из темных кипарисов. В осенний день 1803 г. на Плас д'Арм нестроя толпа, состоявшая из французских солдат в ярких мундирах, элегантно одетых испанцев и французских креолов, пионеров в охотничьих рубашках, смуглых индейцев и черных рабов, наблюдала за спуском французского флага и за подъемом «Звезд и Полос» — государственного флага США. Так Америка получила плодороднейшие равнины, превратившиеся в течение последующих 80-ти лет в одну из самых богатых житниц мира, и установила свою власть над всей центральной системой рек континента. Впервые, как это сказал впоследствии Линколы, «мать рек текла беспрепятственно к морю». Спустя четыре года на р. Гудзон появились первые пароходы Роберта Фултона и положили начало использованию этих водных путей для простого и дешевого транспорта. Вскоре пароходы стали плавать по всем западным рекам, перевозя на новые земли эмигрантов и возвращаясь с мехами, зерном, засоленным мясом и сотнями других товаров.

По мере истечения первого четырехлетнего срока

пребывания Джефферсона в Белом Доме, популярность его заметно возрастала. Луизиана оказалась замечательным приобретением, дела шли хорошо и президент старался угождать всем группам населения. В его переизбрании можно было не сомневаться, и, действительно, в 1804 г. из 176 голосов коллегии выборщиков за Джефферсона было подано 162. За исключением Коннектикута, за него голосовали все штаты страны, даже штаты Новой Англии. Руководя своей партией властной рукой, президент предпринимал шаги к тому, чтобы найти управу на амбициозного и постоянно интриговавшего Аарона Бёрра. Этот хитрый нью-йоркец, лишенный права в распределении правительственных должностей и едва не исключенный из партии, обратился за поддержкой к самым крайним федералистам Новой Англии. Весной 1804 г. он баллотировался в губернаторы Нью-Йорка по списку федералистов, но в результате оппозиции Гамильтона, справедливо заподозрившего Бёрра и его союзников вроде янки-интригана Тимоти Пикеринга в намерении выйти из Союза, потерпел унижительное поражение. Из жажды мести беспринципный Бёрр вызвал Гамильтона на дуэль, которая состоялась июльским утром на берегу Гудзона в Нью-Джерси. Гамильтон был убит. Потеря столь блестящего и популярного лидера вызвала бурю негодования, и Бёрр вынужден был скрываться. Его карьера на Востоке кончилась, но он отправился в поиски новых авантур на Запад.

Обычные награды и почет были недостаточны для человека с такой всепоглощающей амбицией, как Бёрр. Пап или пропал --- таков был его девиз, и он начал строить план создания собственного государства. Где и как он собирался это осуществить, до сих пор в точности не установлено. Многие историки считают, что он намеревался собрать на Западе небольшое войско, спуститься вниз по Миссиссиппи, захватить Новый Орлеан и оторвать Луизиану от США. Нечто подобное он во всяком случае излагал британским и испанским офицерам, пытаясь получить деньги из Лондона и Мадрида. Англичанам он заявил, что поставит свое государство под их защиту, испанцам --- что это будет буферное государство

между Мексикой и США. Ни те ни другие его не поддержали. Другие историки считают, однако, что истинной целью Бёрра было собрать войско и повести его против испанских властей в Веракрус и Мехико с тем, чтобы овладеть Мексикой. И действительно таким ненавидевшим Испанию людям, как Эндрю Джексон из Теннесси, он говорил, что это было его намерением. Возможно, что Бёрр и сам не знал, собирается ли он идти против Луизианы или на Мексику. Быть может его интересовало и то и другое!

Как бы ни было, падение Бёрра было полным. Лояльные люди на Юго-Западе узнали о заговоре Бёрра и в 1806 г. предъявили ему обвинение. Он был арестован и увезен в Ричмонд (Виргиния), где его судили по обвинению в государственной измене. Джон Маршалл был судьей и его решения, в основном, были на пользу Бёрру, а состав обвинения был неопределенным. Поэтому Бёрр был оправдан, но теперь его репутация была уже бесповоротно испорчена.

Нейтралитет США: Эмбарго. Второе необычное использование федеральной власти было сделано Джефферсоном, когда он пытался сохранить нейтралитет США в борьбе между Великобританией и Наполеоном. Он знал, что молодая и незрелая республика нуждается в мире. Война велась на суше и на море, но он надеялся удержать Соединенные Штаты вне военных действий. Великобритания воевала для того, чтобы предупредить завоевание континентальной Европы одной державой, и торговая война, разумеется, являлась одним из лучших средств ведения борьбы. Англичане прекрасно отдавали себе в этом отчет и поспешили установить блокаду империи Наполеона, который в свою очередь ответил на это Берлинским и Миланским декретами о блокаде Великобритании. Борьба обеих держав нанесла серьезный удар по американской торговле. Англичане приняли меры к прекращению доходных перевозок американскими судами продуктов французской Вест-Индии, и закрыли им почти все порты континентальной Европы от Испании до Эльбы. Французы, со своей стороны, приказали захватывать каждый американский корабль, позволивший британским властям произвести на нем обыск

или заходивший в британский порт. Вскоре дело дошло до того, что американские суда не могли торговать со всей огромной территорией, находившейся во власти Франции, без того, чтобы их суда не захватывали англичане, и не могли торговать с Англией без того, чтобы их не захватывали французы, -- конечно, в том случае, если их суда находились в пределах досягаемости. При этих условиях торговля была почти невозможна. Британское правительство довольно строго проводило в жизнь эту политику, а французы конфисковывали американские суда, пользуясь малейшим предлогом.

Все это возмущало американцев против Великобритании, чему также способствовала ее политика насильственной вербовки моряков во флот. Для того, чтобы выиграть войну, англичанам пришлось довести свой флот до огромных размеров. У них насчитывалось более 700 военных судов и почти 150 тыс. матросов и солдат морской пехоты. Этот флот был жизненно необходим Англии: он защищал Великобританию, охранял ее торговлю и обеспечивал ее коммуникации с колониями. Однако матросам так мало платили, их так плохо кормили и обращение с ними было настолько суровым, что набрать команды из добровольцев было фактически невозможно. К тому же, многие матросы дезертировали и искали убежища на более приятных и безопасных судах янки, а это привело к тому, что британские офицеры начали обыскивать американские суда и забирать находившихся на них британских подданных. Они не требовали права насильственной вербовки американских матросов, но отказывались признавать, что британский подданный мог стать американским гражданином. Но американская точка зрения была совершенно иной. Для американских судов было унизительно стоять в море с наведенными на них орудиями английских крейсеров, в то время как лейтенант и наряд морской пехоты выстраивали команду и осматривали матросов. К тому же многие британские офицеры были arrogantны и несправедливы. Они насильственно вербовали настоящих американских матросов десятками и сотнями, а некоторые утверждают, что даже тысячами.

Для того, чтобы добиться без войны более спра-

ведливое отношения со стороны Великобритании и Франции, Джефферсон провел, наконец, через Конгресс акт об эмбарго - закон, запрещающий иностранную торговлю. Закон этот дал весьма плачевные результаты. Во-первых, это почти окончательно разорило морское судоходство и вызвало сильное недовольство в Новой Англии и в Нью-Йорке. Во-вторых, это нанесло большой ущерб сельскому хозяйству. Фермеры Юга и Запада не могли больше посылать за границу излишки зерна, мяса и табака, и это привело к падению цен. Наблюдатели сравнивали это мероприятие с ампутацией ноги ради сохранения жизни. За один только год американский экспорт снизился до одной пятой его прежнего объема, а надежды на то, что эта мера вынудит Великобританию пересмотреть свою политику, не оправдались: британское правительство упорствовало. Под влиянием возмущения в стране недовольства, Джефферсон рекомендовал более мягкую меру. Вместо эмбарго был принят закон о прекращении торговых сношений с Великобританией и с Францией, включая зависимые от них территории. В законе содержалось обещание, что торговля будет восстановлена, как только одна из стран прекратит нападения на нейтральное судоходство. В 1810 г. Наполеон официально объявил, что отменяет принятые им меры, но на практике он продолжал действовать по-старому. Однако США ему поверили и стали ограничивать торговлю лишь с Великобританией.

Война 1812 г. Это обострило взаимоотношения между США и Англией, и обе стороны быстрыми шагами шли к войне. Враждебное отношение было вызвано различными инцидентами. Так, например, британское военное судно «Леонард» приказало американскому военному кораблю «Чесапик» выдать несколько британских дезертиров, хотя в действительности на борту находился только один англичанин. На американском судне это требование вызвало замешательство, и, заметив это, англичане с «Леонарда» открыли стрельбу, а потом пошли на абордаж. Налуба «Чесапика» была залита кровью, и четыре человека, из состава команды были захвачены англичанами.

Несколько позже президент представил Конгрессу доклад, в котором указывалось на 6057 случаев насильственной вербовки американских граждан в британский флот, имевших место на протяжении трех лет. Были и другие факторы. Северо-западные поселенцы страдали от нападений со стороны союза индейских племен, созданного способным руководителем Текумсе, и считали, что индейцев толкали на это британские агенты в Канаде.

Одна из причин обострения сношений с англичанами носила чисто эгоистический характер. Многие жаждущие земли поселенцы Запада, чьи интересы умело отстаивал в Конгрессе представитель Кентукки Генри Клей, хотели захватить всю Канаду. Их поддерживали южане, представленные способным политиком Джоном Калхун. Южане надеялись на захват Флориды, которая принадлежала ставшей союзницей Англии Испании. В результате, при президенте Мадисоне, в 1812 г. Великобритании была объявлена война.

Война 1812 г. была, во многом, одним из самых неудачных событий в истории Америки. Во-первых, она не была нужна; британские законы, изданные от имени короля и Тайного совета, которые вызвали наибольшее недовольство, были безоговорочно отменены в тот самый момент, когда Конгресс объявил войну. Во-вторых, США были внутренне сильно разделены. Юг и Запад были за войну, а Нью-Йорк и Новая Англия были против нее. В Новой Англии к концу войны многие дошли почти до предательства. В-третьих, эта война оказалась довольно бесславной.

Американская армия, которую политика экономии Джефферсона в 1809 г. свела до неполных 300 тыс. человек, подкрепленная толпой необученных и недисциплинированных членов милиции, была в отвратительном боевом состоянии. Многие регулярные солдаты были бывшими арестантами, а что касается командного состава, то молодой виргинец Уинифрид Скотт, за несколько лет до того начавший блестящую военную карьеру, заметил, что командный состав, в общем, делится на две группы, на «старых офицеров, преимущественно впавших в леность, невежество или пьянство», и на новых офицеров, в большинстве назначенных по политическим причинам. Некоторые из

молодых были хорошими военными, но большинство состояло из «грубых и невежественных людей», а среди образованных преобладали «хвастуны, дармоеды, разложившиеся аристократы и другие ничемные люди». Старшим генерал-майором к моменту начала войны числился Генри Дирборн. Ему было тогда за шестьдесят лет. Он никогда не командовал единицей больше полка и был вообще некомпетентным военачальником. Старшим бригадным генералом был Джеймс Уилкинсон, о котором теперь известно, что он был изменником. Этот продажный, распутный и своевольный человек находился на содержании испанского правительства и был соучастником Аарона Бёрра. Его презирали все, кто его знал. Единственным бригадным генералом с большим опытом был произведенный в полковники во время революции Уильям Гуэлл; но он был уже дряхлым инвалидом и начал войну с того, что отдал Депойт без единого выстрела.

Одна катастрофа следовала за другой. Попытки американцев вторгнуться в Канаду закончились полным провалом. По словам британского историка, в течение первого года войны «милиция и добровольцы как будто не могли решить, воевать им или нет». Самой крупной битвой на северной границе было затянувшееся сражение в июле 1814 г. при Ландис-Лейне близ Пнагары. Обе стороны считали себя потом победителями, но так как в результате этой битвы американцам временно пришлось отказаться от планов дальнейшего продвижения в Канаду, англичане и канадцы, пожалуй, больше вправе считать это своим успехом, чем американцы.

После поражения Наполеона в Испании англичане прислали в качестве подкрепления ветеранов Веллингтона. Это закаленное войско вторглось в штат Нью-Йорк у Платтсберга на оз. Чамплэн, но британский флот на озере был разгромлен двадцативосьмилетним коммодором Томасом Макдонау, и британская армия, коммуникации которой оказались под ударом, вынуждена была отступить. Другая британская армия численностью менее 5 тыс. человек высадилась под Вашингтоном и сразилась при Бладенсберге с несколько большим войском, состоявшим преимуще-

ственно из милиции. Оказывая далеко не героическое сопротивление, защитники, потеряв десять человек убитыми и сорок ранеными, «отступили» так быстро на Вашингтон, что многих гнавшихся за ними вдогонку британцев постиг солнечный удар. В отместку за уничтожение американцами общественных зданий в Горке (ныне Торонто) британские войска подожгли в Вашингтоне здание Капитолия и Белый Дом. Однако когда британский флот подверг форт Мак-Генри, близ Балтимора, почной бомбардировке с большой дистанции (ближе подойти нельзя было из-за мели), он этим ничего не добился, а молодого вашингтонского адвоката Фрэнсиса Скотта Ки, находившегося на одном из английских военных кораблей для переговоров об обмене военнопленными, настолько поразил вид национального флага, развевавшегося на утреннем ветру, что он сочинил будущий гимн США «Знамя, усыпанное звездами».

Более или менее существенных побед американцы добились только на море. Систематически отстраиваемый при Вашингтоне и Адамсе флот отлично показал себя в короткой войне с Францией и в операциях 1803-1804 гг. против триполитанских корсаров, нападения которых на американские суда далее терпеть было невозможно. В отличие от армии, флот располагал одним замечательным организатором. Это был Эдуард Пребль, установивший в средиземноморской эскадре суровый, но действенный режим; он внушил морякам ставший традиционным дух мужества, доблести и дисциплины. Он воспитал таких прекрасных молодых офицеров, каким был Стивен Декейтур. Число судов во флоте было не велико, т. к. Джефферсон сосредоточил строительство на ненужных канонерах для охраны побережья. В 1810 г. флот насчитывал лишь 12 сколько-нибудь значительных кораблей. Но в ряде морских поединков таких кораблей, как «Конституцион» («Олд Айронсайде»), «Гернер», «Юнайтед Стейтс» и «Маседоннан» постоянно побеждали равные или даже превосходящие их британские силы. Американцы отлично проявили себя также на Великих озерах. На оз. Эри капитан Оливер Хазард Перри, которому не было еще тридцати лет, построил флот, выискал небольшую британскую

эскадру и после упорного боя с ней вызвал восхищение страны своим лаконичным посланием: «Встретились с врагом и победили». Однако, мощный британский флот в конце концов установил полное господство на море, заставив американские торговые суда искать убежища и организовал блокаду американского побережья.

Когда война закончилась, в Гентском договоре 1814 г., заключенном Джоном Кунингемом, Генри Клеем и другими, ни слова не говорилось о насильственной вербовке и нарушениях нейтралитета, явившихся основной причиной войны. Единственным поводом для ликования американцев в этой войне явилась удивительная победа, которую одержало при Новом Орлеане странное, но внушительное войско «пограничных жителей» под командой ветерана индейских войн Эндрю Джексона над сильным британским отрядом, которым командовал храбрый помощник Веллингтона Эдуард Пакенгам. Это произошло 8 января 1815 г., уже после подписания мирного договора, но еще до того, как сведения о заключении мира дошли до Америки. Эта победа сделала пылкого, властного Джексона национальным героем.

Национальное единство. В одном отношении, однако, война оказала значительное содействие развитию республики. Начатая и продолжавшаяся в обстановке недовольства и внутренних разногласий, она тем не менее усилила чувство национального единства и патриотизма. Отдельные успехи, в особенности морские победы и поражение Пакенгама в Новом Орлеане, внушили американцам гордость и самоуверенность. Они рассеяли чувство неполноценности, которое было вызвано джефферсоновской «политикой подчинения». Кроме того, тот факт, что жители различных штатов вновь сражались в одних и тех же рядах и что виргинец Уинфилд Скотт явился лучшим командующим северных войск, усилило чувство национального единства. Ряд сражений был выигран войсками Запада, у которых было меньше привязанности к собственному штату и больше лояльности к стране в целом, чем у многих жителей первоначальных тринадцати штатов. С этого момента роль Запада

в американской жизни возросла, а на самом Западе продолжали преобладать общепатриотические настроения.

Война вызвала у народа чувство отвращения к непатриотическим настроениям, проявленным некоторыми узкими и эгоистическими группами. К концу войны недовольные элементы Новой Англии снарядили делегатов на съезд в Хартфорде, и поручили им заявить претензии и жалобы на политику федерального правительства. Действия эти вызвали глубокое возмущение в стране. «Хартфордский съезд» сделался парциальным выражением для всего, что заслуживает презрения и вызывает негодование.

В общем, эта неудачная война во многом способствовала сплочению и укреплению республики, вышедшей из нее более зрелой и независимой. Альберт Галлатин утверждал, что до конфликта с Англией американцы превращались во все более эгоистичный и материалистический народ, склонный мыслить в категориях сугубо местных интересов. «Война, - говорил он, - обновила и восстановила порожденные революцией национальные чувства и национальный характер. Война дала народу больше оснований для национальной гордости и политической сознательности, усилила его чувство принадлежности к одному и тому же американскому народу. Я надеюсь, что обстоятельство это приведет к укреплению Союза».

Благодаря тому, что в этой войне ни одна из сторон не потерпела решительного поражения, она не оставила после себя особого антагонизма, и когда более ста лет спустя англичанам и американцам пришлось вновь встретиться на поле сражения, они встретились уже как друзья и товарищи по оружию.

Эти события показали, что укрепление национального единства и власти федерального правительства происходило вне зависимости от того, какая партия находилась у власти -- федералисты ли Гамильтона или демократы Джефферсона. Этот процесс диктовался самими требованиями национального роста. Приобретение Луизианы, торговый конфликт с Великобританией и Францией, борьба с пиратами и война с англичанами --- для всего этого необходимо было иметь сильную центральную власть.

Укреплению правительства чрезвычайно содействовали также решения Верховного суда. Убежденный федералист Джон Маршалл (из Виргинии), назначенный председателем Верховного суда незадолго до того, как Джефферсон стал президентом, оставался на этом посту до самой смерти в 1835 г. До него суд был слабым и не пользовался особым влиянием. Маршалл превратил его в мощный и величественный трибунал, занимавший такое же важное положение, как президент и Конгресс. По своим вкусам и манерам, Маршалл скорее принадлежал к беспечному кругу виргинских плантаторов. Одевался он просто, сам ходил на базар за покупками, любил карты, пуши и такие спортивные игры, как, например, метание подков. По своим убеждениям он скорее представлял деловые и профессиональные круги городов типа Бостона и Нью-Йорка. Принятые им памятные решения, явившиеся плодом пронизательного ума, свидетельствуют о том, что в основном он руководствовался двумя принципами -- суверенностью федерального правительства и неприкосновенностью частной собственности.

Маршалл был великим судьей. Его постановления написаны с мастерской логикой, почти неизменно всех убеждавшей. Простые по стилю, они основаны на вдумчивой эрудиции и исчерпывающем анализе. По своему обыкновению он сначала полностью обосновывал свой главный тезис; затем, разбивая все возможные возражения, переходил к выводам; и наконец, давал заключение, обильно снабжая его цитатами и иллюстрациями. В качестве председателя Верховного суда, он установил в нем такую согласованность, что противоречивые взгляды или расхождения во мнениях были редки. Но Маршалл был больше чем великим судьей. Он был великим конституционным государственным деятелем. Разрешив около пятидесяти дел, явно связанных с вопросами конституционного порядка, он действовал на основании зрелой политической философии. Маршалл коснулся почти всех важных положений Конституции. Когда он закончил свое долгое служение, суды всей страны в значительной мере толковали Конституцию так, как ее толковал Маршалл. Можно сказать, что он переработал этот документ в

соответствии со своими ясными и определенными взглядами.

Здесь придется ограничиться лишь кратким перечислением главных его постановлений. В связи с делом Марбури против Мадисона (1803 г.) он установил право Верховного суда пересматривать любой закон, принятый Конгрессом и legislатурами штатов. «Судебная власть не только имеет право, но обязана решать, что является законом», писал он. В деле Коэна против Виргинии (1821 г.) он отстранил доводы тех, кто считал, что постановление штатного суда по делам возбуждаемым в соответствии со штатными законами, носит окончательный характер. Указывая на хаос, к которому бы это привело (ибо штаты стали бы по разному толковать принятые в соответствии с федеральной Конституцией законы и федеральные договоры), он настаивал на том, что окончательное решение должно оставаться за федеральными судами. В деле Мак-Каллаха против Мэриленда (1819 г.) он касался старого вопроса о правах правительства, которые лишь подразумеваются в Конституции. Здесь он решительно стал на сторону гамильтоновской концепции, согласно которой Конституция в ряде общих положений предоставляет правительству полномочия, точного перечисления которых в ней не содержится. В деле Гиббонса против Огдена (1824 г.) Маршалл развил эту теорию. Конституция предоставляет Конгрессу право регулировать межштатную торговлю; и в деле, возбужденном вследствие спора о правах судоходства по Гудзону, Маршалл постановил, что это право национального регулирования следует понимать широко, а не узко. В деле Дартмутского колледжа Маршалл применил «контрактную» статью Конституции, обосновав ею постановление о законности хартий корпораций и о том, что штатные законодательные органы не имеют права вносить в них изменения. В общем, Маршалл сделал не меньше других деятелей, стремившихся превратить центральное правительство американского народа в сильный, жизнеспособный и развивающийся организм.

Национализм неудержимо двигался вперед. Рождалась национальная литература. В 1817 г. вышла в свет книга Уильяма Каллена Брайанта «Тенатонсис», в

1819 г. — «Книга зарисовок» Ирвинга, в 1820 г. появился первый из многочисленных романов Фенимора Купера, а в 1815 г. начал выходить «Норс Американ Ривью», который во многом напоминал британские квартальные журналы, но был посвящен в значительной степени американской тематике. Равным образом художники школы «Хадсон ривер» («Река Гудзон»), хотя и продолжали находиться под сильным европейским влиянием, тем не менее писали картины на американские сюжеты. Джефферсон умело использовал мотивы итальянской классической архитектуры, применив их к американским условиям, и постройкой зданий университета Виргинии он создал гармоничную архитектурную группу, выдерживавшую сравнение с лучшими заграничными образцами того времени. Была усовершенствована земельная система; закон 1820 г. снизил цену на акр государственной земли с 2 долларов до 1 доллара 25 центов. Торговля объединяла американцев в национальную единицу. Установленные в 1816 г. тарифы удерживали довольно высокие пошлины военного времени и давали промышленным предпринимателям настоящую защиту. В том же году второй Банк Соединенных Штатов (первый перестал существовать) был создан для того, чтобы содействовать финансовым операциям правительства и обеспечить стране прочную бумажную валюту. Генри Клей, южнокаролинский лидер Джон Калхун и другие выступали за национальную систему внутреннего строительства, указывая, что хорошие дороги и каналы объединят Восток и Запад. И по мере укрепления национального единства крепла и демократия.

ГЛАВА В

ПОБЕДА ДЕМОКРАТИИ ДЖЕКСОНА

Доктрина Монро. В 1817 г. «маленький, высохший и сморщенный» Джеймс Мадисон уступил место высокому, костлявому и неуклюжему Джеймсу Монро, являвшему собой пример ничем невыдающегося чело-

нека с блестящей общественной карьерой. Он занимал одну высокую должность за другой, был сенатором, губернатором, посланником во Франции и в Англии, государственным секретарем и, наконец, президентом. В этот период борьба политических партий временно затихла и в 1821 г. Монро был переизбран всеми выборщиками за исключением одного из Нью-Гэмпшира, которому хотелось, чтобы только Вашингтон вошел в историю как единогласно избранный президент. Почти единогласное переизбрание Монро явилось сюрпризом. Он не имел никакого личного обаяния, никогда не пользовался большой популярностью, а его жена, женщина красивая, но чопорная и сдержанная, правилась гораздо меньше, чем живая Долли Мадисон. У Монро были лишь два выдающихся качества — здравый смысл и сильная воля. По словам Джона Куинси Адамса, его ум был «здравым по конечным суждениям, твердым по конечным заключениям».

Имя этого президента было увековечено так называемой «доктриной Монро». Доктрина эта, которая кстати была лишь частью послания Монро Конгрессу в 1823 г., содержала две главных идеи. Первая — это отказ от колонизации, выраженный в утверждении, что Европе должно быть запрещено устанавливать в Западном полушарии какие-либо новые зависимые территории. Вторая идея — невмешательство, содержащаяся в декларации о том, что Европа не должна более вмешиваться в дела государств Нового Света, если такое вмешательство может угрожать их независимости. Оба требования были вызваны двумя различными обстоятельствами. Первое, в основном, породила претензия России на территорию, лежащую к югу от Аляски, вплоть до 51° с. ш., претензия, шедшая вразрез с американскими и британскими притязаниями на тихоокеанский Северо-Запад. Второе — явилось ответом на угрозу европейского реакционного Священного Союза латиноамериканским народам, только что освобожденным Боливаром. Державы Священного Союза к тому времени уже предпринимали шаги, направленные на подавление демократических движений в Испании и Италии, а в 1822 г. на конгрессе в Вероне обсуждался

вопрос о посылке войск через океан в Южную Америку для того, чтобы вынудить хотя бы некоторые из новых, слабых республик вновь признать испанское владычество. Франция собиралась играть главную роль намечавшейся экспедиции, и не исключена была возможность, что она сама намеревалась захватить какие-нибудь земли.

Эта новость очень встревожила выдающегося британского министра иностранных дел Джорджа Каннинга. Он предложил Соединенным Штатам и Великобритании совместно предпринять шаги, направленные на предотвращение подобной интервенции. Сперва казалось, что американское правительство готово было пойти на это. Джефферсон и Мадисон советовали Монро согласиться на совместные действия; однако государственный секретарь Джон Куинси Адамс справедливо настаивал на том, чтобы США действовали самостоятельно. К этой точке зрения, в конце концов присоединился и Монро. В своем послании к Конгрессу он заявил, что американские континенты «впредь не должны рассматриваться как объект будущей колонизации со стороны европейских держав», и что всякое европейское вмешательство «в целях угнетения» латино-американских государств или направленное на то, чтобы «в какой-то мере распоряжаться их судьбой» будет рассматриваться как действие, недружелюбное по отношению к США. Так была установлена одна из важных вех американской внешней политики, которой суждено было оставаться в силе более одного столетия.

Миссурийский компромисс. Вопрос о рабовладении до сих пор не привлекал особого внимания общественности, несмотря на то, что рабство быстро превращалось в важный политический и экономический фактор. Только в 1819 г., совершенно внезапно — «как звон пожарного колокола среди ночи», — писал Джефферсон, — перед сознанием общественности вдруг встала вся связанная с ним страшная проблема. В ранние годы республики, когда северные штаты предусматривали немедленное и постепенное освобождение рабов, многие лидеры думали, что вскоре рабство будет ликвидировано повсеместно. В

1786 г. Вашингтон писал Лафайету о том, как он искренне надеялся, что удастся принять какой-нибудь план, по которому можно будет постепенно, медленно, незаметно, но верно провести упразднение рабства. Его собственные рабы были освобождены по его завещанию. Джефферсон считал, что упразднение рабства должно быть произведено путем освобождения и депортации рабов. «Я дрожу за мою страну, говорил он, - при мысли о том, что Бог справедлив». Подобные заявления делали Патрик Генри, Мадисон, Монро и многие другие. В 1808 г., когда была упразднена торговля рабами, многие южане тоже считали, что рабство окажется лишь временным злом.

Но следующее поколение поставило Юг на твердые рабовладельческие позиции. Каким образом это произошло? Почему на Юге почти окончательно исчез дух аболиционизма? Одна из причин заключается в том, что дух философского либерализма, столь ярко проявившийся в эпоху революции, постепенно стал ослабевать. Другая причина сводится к антагонизму, возникшему к тому времени между пуританской Новой Англией и рабовладельческим Югом. У них были расхождения по поводу войны 1812 г., таможенных тарифов и других важных вопросов. Северные освободительные идеи приходились Югу все меньше по духу. Но основная причина состояла в том, что ряд новых экономических факторов сделал рабство более доходным, чем это было до 1790 г.

Один элемент экономического сдвига на Юге общеизвестен: это было быстрое развитие хлопководства в широких масштабах, частично обусловленное введением улучшенных видов хлопка, с более крепким волокном, и большим применением «джинна» - хлопкоочистительной машины, изобретенной Элиасом Уитни в 1793 г. Хлопководство быстро распространилось из Каролины и Джорджии на значительную часть крайнего Юга до Миссисипи и впоследствии дальше на Техас. Другим фактором, поставившим рабство на новую экономическую базу было выращивание сахарного тростника. Плодородная почва дельты Миссисипи в знойной юго-восточной части Луизианы оказалась для него идеальной, а предприимчивый креол Этьенн Борэ в 1794-1795 гг. доказал,

что изготовление сахара было делом весьма доходным. Когда на установленные им машины и баки приехала из Нового Орлеана смотреть толпа народа, то появление первых сахарных кристаллов в охлаждавшейся жидкости вызвало ее шумные приветствия.

Это открытие содействовало стремительному подъему Луизианы и к 1830 г. штат поставлял стране примерно половину всего производимого в США сахара. Развитие сахарной промышленности требовало рабов, которых тысячами привозили с восточного побережья.

Культура табака также распространилась на запад, увлекая за собой и рабов. Почва виргинской низменности, являвшаяся в свое время величайшим в мире центром производства табака, начала истощаться, и плантаторы стали перебираться в Кентукки и в Теннесси, привозя с собой негров. Так началось постепенное переселение все большего числа рабов из верхнего Юга на крайний Юг и на Запад. Многих наблюдателей это успокаивало, ибо расселение уменьшало риск восстаний рабов, подобных восстанию Пата Тёрнера -- бунта 60 или 70 виргинских невольников в 1831 г., который значительно усилил на Юге страх перед освободительными идеями.

В связи с распространением на Запад свободного общества Севера, и рабовладельческого общества Юга, казалось целесообразным поддерживать между ними равновесие. В 1818 г., когда Иллинойс был принят в число штатов, в стране оказалось одиннадцать свободных штатов и десять рабовладельческих. В 1819 г. Алабама и Миссури также запросили о приеме их в число штатов. Что касается Алабамы, то она, согласно первоначальному соглашению с Джорджией при разделе земель, должна была войти в Союз как рабовладельческий штат, и ее прием восстановил бы равновесие между Севером и Югом. Поэтому многие северяне немедленно выставили требование о том, чтобы другой штат --- Миссури --- был бы принят не иначе, как при условии, что он будет штатом свободным. Депутат Палаты Представителей от Нью-Йорка Толмэдж внес поправку к законопроекту о приеме Миссури в которой говорилось, что в

этом штате рабство должно быть постепенно отменено. В стране поднялась целая буря. В течение некоторого времени Конгресс находился в тупике: в Сенате большинство было за рабство, в Палате Представителей — за свободу. Опасались, что дело дойдет до кровопролития.

Затем, благодаря миролюбивой политике Генри Клея был достигнут компромисс. Миссури был принят в качестве рабовладельческого штата при одновременном приеме свободного штата Мэна. Кроме того Конгресс постановил, что рабство навеки отменяется на территории, полученной при покупке Луизианы, к северу от $36^{\circ} 30'$ с. ш., линии являвшейся южной границей Миссури. Небо прояснилось. Однако каждый дальновидный человек понимал, что новый конфликт неизбежен. Джефферсон писал, что этот «ночной колокол, зовущий на пожар» кажется ему погребальным звоном по самому существованию Союза. «В настоящий момент звук приглушен. Но это только передышка, а не окончательное решение. Раз установленная географическая линия, совпадающая с определенным моральным и политическим принципом, никогда не исчезнет, — каждый новый конфликт, разжигающий страсти людей, будет превращать ее во все более отчетливую границу».

Надвигающуюся бурю возвещали Югу две едва заметные тучки: в 1821 г. молодой квакер Вениамин Ланди основал в Огайо противорабовладельческий журнал «Джиниус оф Юниверсал Эмансипейшон» («Гений всеобщего освобождения»), а в 1823 г. английский реформатор Уильберфорс создал общество по борьбе с рабством, в которое вошли Закари Макoley и другие видные деятели.

Выдвижение Джексона. В 1824 г. в стране выдвинулось пять видных кандидатов на пост президента. Из них Джон Квинси Адамс, Клей и Колхун были чрезвычайно способными людьми, а представитель Джорджини У. Г. Кроуфорд — весьма проникательным политиком. Однако самым популярным кандидатом бесспорно был Эндрю Джексон. На Западе сторонники этого новоорлеанского героя считали его военным гением. По сравнению с Джексо-

ном Цезарь, Наполеон и Мальбрук, — говорили многие — ничего не представляют. А на Востоке многие консервативно настроенные люди ему не доверяли. Вместе с Джефферсоном они вспоминали, как в сенатских прениях его подчас душила такая злоба, что он терял дар речи, и ставили ему на вид вторжение в испанскую Флориду и превышение там власти, выразившееся в казни двух англичан. Адамс полагал, что из Джексона выйдет прекрасный вице-президент. Это было бы для него достойным постом; слава Джексона вернула бы вице-президентству утраченный блеск, и не было бы опасности, что он кого-то повесит!

На выборах, однако, за Джексона голосовало больше избирателей, чем за кого-либо другого из кандидатов; но по числу голосов в коллегии выборщиков ни один кандидат не получил большинства и вопрос должен был решаться Палатой Представителей, избравшей в конце концов образованного, опытного и государственно-мыслящего, но упрямого Адамса.

Адамс вступил в свои новые обязанности, имея за собой два важных государственных достижения: он был главным автором доктрины Монро, а в 1819 году добился от испанского правительства договора, по которому Флорида отошла к США. Адамс был чрезвычайно одаренным, благородным и энергичным общественным деятелем, но ему мешали его ледяная суровость, резкость и сильнейшие предрассудки. На посту президента ему мало чего удалось достигнуть, т. к. злобная враждебность сторонников Джексона, утверждавших, что Адамс стал президентом путем сделки с Клеем, ставила ему постоянно палки в колеса. Редко, когда партийные страсти разгорались с такой интенсивностью. Ядовитый Джон Рэндольф из Роанока, имея ввиду произведение Фильфинга «Том Джексон», называл Адамса и Клея «коалицией Блиффиля и Черного Джорджа, неслыханного доселе сочетания пуританина с плутом». О нападках свидетельствует запись в дневнике Адамса: «Дрянная партийная клевета распространяется по Палате Представителей и отсюда отравляет атмосферу во всем Союзе». Он назвал Рэндольфа «завсегдатаем переулочка Джинна и аллен Пива».

Во время президентства Адамса произошли изменения в политических группировках, возникли новые течения. Последователи Адамса и Клея стали называть себя «национальными республиканцами» и впоследствии — «вигами», а сторонники Джексона придали новый облик партии демократов. Что касается самого Адамса, он правил добросовестно, деловито и тщательно пытался провести ряд улучшений внутри страны. О неустойчивости Адамса говорит следующая выдержка из дневника:

«Я веду ныне более регулярный образ жизни, чем когда-либо в прошлом. Согласно обычаю президент Соединенных Штатов избегает общества, и я этому подчиняюсь. Поэтому когда я совершаю прогулку, то делаю это до утреннего завтрака. Встаю я обычно между пятью и шестью, т. е. в это время года за полтора-два часа до восхода солнца. При лунном свете или при свете звезд делаю прогулку миль в четыре и обычно возвращаюсь к моменту восхода солнца, который виден из восточной комнаты (Белого) дома. Затем я разжигаю камин и читаю три главы из Библии с комментариями Скотта и Хьюлетта. Читаю бумаги до девяти. Завтракаю, а с девяти до пяти часов полудни принимаю посетителей, иногда без перерыва, очень редко с перерывом в полчаса и никогда не имею достаточно времени, которое позволило бы заняться делом, требующим внимания. С пяти до половины седьмого мы обедаем, после чего я провожу в одиночестве около четырех часов в моей комнате, веду записи в этом дневнике и читаю деловые бумаги и доклады».

Выборы 1828 г. были подобны землетрясению. Победа Джексона над Адамсом и его сторонниками была ошеломляющей. Вражда настолько обострилась, что, прибыв после выборов в Вашингтон, избранный президентом Джексон отказался нанести своему предшественнику полагавшийся из вежливости визит, а Адамс — сопровождать своего преемника в Капитолий.

Вступление Джексона в должность президента издавна считается началом нового периода в американ-

ской жизни. Страна до тех пор никогда не видела подобного рода инаугурации. Вашингтонские наблюдатели сравнивали ее со вторжением варваров в Рим. Даниэль Уэбстер писал за несколько дней до этого, что город переполнен спекулянтами, лицами, желающими получить место в новой администрации, торжествующими политическими деятелями и простыми жителями, приехавшими с Запада и Юга лишь для того, чтобы видеть, как их герой станет президентом. Они утверждали, что страна спасена от какой-то страшной опасности. На улицах кричали «Ура Джексону!», и держали себя так вызывающе, что многие от них шарахались. Один наблюдатель пишет:

«То, что творилось утром, в день инаугурации, близ здания Капитолия, напоминало бушующее море: каждая улица, ведущая к месту, где президент приносит присягу, была запружена народом, и процессия, сопровождавшая избранного президента, лишь с трудом могла пробраться к восточному portalу, где должна была состояться эта церемония. На ступенях перед зданием Капитолия был протянут канат, но временами казалось, что это не сможет сдержать толпы. Создавалось впечатление, будто каждый решил лично пожать президенту руку. Я никогда не забуду этого зрелища, равно как и того волнующего момента, когда перед изумленными глазами этой огромной, нестройной толпы между колоннами портала появилась высокая, внушительная фигура их обожаемого вождя. Головы обнажились и то мрачное выражение лиц, столь характерное для возбужденной толпы, как по мановению волшебного жезла превратилось в ясное сияние десятков тысяч поднятых кверху восторженных лиц, а раздавшийся оглушительный крик, казалось, сотряс самую землю».

Наиболее характерная для того дня сцена произошла уже после церемонии. Нестрая толпа неисполненных энтузиазма демократов устремилась в Белый дом. Все знали, что там будут раздаваться нашивки; всем хотелось увидеть президента в его доме. Бочки апельсинового пунша стояли наготове, но толпа

опрокинула лакеев с подносами и стаканами, прижала самого Джексона к стене, и его друзья вынуждены были взяться за руки, для того, чтобы оградить президента. Толпа не пощадила покрытой сатином мебели, и судья Стоун записал: «Я никогда не видел такого зрелища. Казалось, что это был триумф Толпы».

Идеи Джексона. Джексон был одним из немногих президентов, сердце и душа которого были всецело на стороне простых людей. Он симпатизировал им и верил в них; отчасти потому, что сам был одним из них. Родился Джексон в нищете. Отец его, бедный шотландский торговец сукном, переселившийся в леса Северной Каролины, где расчистил себе участок на ферму, умер перед рождением сына. Семья не в состоянии была купить могильного камня. На положении бедной родственницы, мать Джексона стала вести хозяйство своего зятя. Мальчик рос в обстановке лишений, неуверенности в завтрашнем дне, был очень нервным и постоянно испытывал унижения. Быть может, этим пережитым в детстве чувством неполноценности объясняется его вспыльчивость, его чрезмерная чувствительность и сохранившееся на протяжении всей жизни сострадание к угнетенным. Юношей он сражался в революции, в которой погибли его два брата.

После занятий юриспруденцией, Джексон переехал в Теннесси и старался там пробыть. Он покупал и продавал землю, торговал лошадьми и рабами, и одно время был владельцем универсальной лавки. В тех местах адвокату почти неизбежно приходилось становиться торговцем, ибо гонорары часто уплачивались в виде шкур медведей, меда, кожи, хлопка и земли. В 1798 г. Джексон закупил в Филадельфии на 7 тыс. долларов различных товаров, и для уплаты за них вынужден был продать землю. Но долговые обязательства этого торговца, подписанные Джексоном, вскоре были опротестованы, в результате чего у Джексона оказался тяжкий долг, который он уплатил с чувством обиды на восточную финансовую систему. Ведь он не занимался азартной игрой, а потерял и землю и деньги!

Кроме того, в качестве адвоката, плантатора и торговца из пограничного района, Джексон понимал, что Восток контролирует значительную часть торговли Запада. Сам он должен был славяť свой хлопок, кукурузу и свиней вниз по Миссиссиппи и продавать их в Новом Орлеане, а для своего магазина в Нашвилле закупать товары в Филадельфии. В этих городах цены колебались. Он мог послать заказ в Филадельфию и узнать, что цены там непомерно повысились, а отправив свои продукты вниз по Миссиссиппи, получить сообщение, что там цены непомерно низко пали. И тут и там люди, контролировавшие кредит богатели, тогда как Джексон и его соседи с трудом сводили концы с концами. Отсюда — его характерное для всего Запада недоверие и ненависть к банкам. Денежные вопросы, по мнению Джексона, слишком много получали за оказываемые услуги. Он не мог примириться с тем, что во власти банкиров, припеваючи живших в Филадельфии и Нью-Йорке, находилась судьба тяжело трудящихся жителей Теннесси.

Джексон разделял общую для Запада веру в силы простого человека. На Западе считалось, что любой честный человек, который может командовать ротой милиции, управлять плантацией и произносить хорошие речи, годится почти для любой должности. Им и в голову не приходило, что высокие общественные посты могут быть привилегией аристократов, богатых или образованных людей. С их точки зрения охотник на енотов имел такое же право занимать эти посты, как и человек, окончивший Гарвардский университет, и в этом была доля истины. Воевавший с индейцами Джексон, жена которого курила сделанную из кукурузного початка трубку и писала слово «Европа» — «Urope» (вместо «Europe» — прим. перев.), получил в Теннесси опыт, сделавший из него великого национального вождя. В Иллинойсе вырос долговязый парень, не имевший никакого представления о салонных манерах и латинских склонениях, но которому суждено было спасти республику. Джексон был свидетелем того, как жители лесной глуши разгромили ветеранов Веллингтона; он видел, как люди, выдвинувшиеся собственными усилиями,

подобно Бенгону и Клею, добились ведущего положения в Конгрессе; он знал потрясающую энергию жителей Запада и силу их характера.

Основные убеждения Джексона можно, в общем, суммировать в нескольких словах: вера в простого человека, в политическое равенство и в равенство экономических возможностей; ненависть к монополиям, к особым привилегиям и ко всей сложной системе капиталистических финансов.

В поддерживающей Джексона разнородной демократической партии можно было различить две главные категории людей. Самая многочисленная состояла из аграрных избирателей страны — пионеров, фермеров, мелких плантаторов и сельских лавочников. Заатлантический Запад, где к 1830 г. проживала примерно треть всего населения страны, был отмечен особыми характерными чертами. Настроения здесь были в высшей степени патристическими; на новых землях было меньше «штатного шовинизма» и больше привязанности к стране в целом, чем в первоначальных тринадцати штатах. Кроме того, политическое равенство воспринималось на Западе как нечто само собою разумеющееся. Каждый взрослый мужчина, принадлежавший к белой расе, мог голосовать и быть избранным на официальную должность. В то время, как на Востоке избирательный ценз еще долгое время оставался в силе, а движение за его отмену было встречено в штыки такими консерваторами, как Уэбстер в Массачусетсе, канцлер Джемс Кент в Нью-Йорке и Джон Маршалл в Виргинии, Алабама, Миссури, Индиана и Иллинойс, предоставляли право голоса каждому белому.

Кроме того, Запад стоял за прямую демократическую систему: сторонники Джексона нападали на старый способ выдвижения кандидатов в президенты путем стоворов в Конгрессе и выступали в пользу непосредственного выдвижения кандидатов на партийных конвентах. Они добились того, что в 1836 г. эта система была уже твердо установлена. Сторонники Джексона считали также, что судьи должны избираться, а не назначаться, и, наконец, сельским избирателям Запада хотелось добиться целого ряда других изменений. Они были недовольны тем, что банки

контролировались восточными штатами; они были на стороне должника и против кредитора и ненавидели все, что напоминало монополию, от хартий на судоходство до банков и патентных свидетельств. Им хотелось получить право на приобретение общественных земель по низким ценам и на выгодных условиях.

Другая важная категория людей, поддерживавших Джексона, состояла из массы трудящихся восточных городов. Промышленность Новой Англии и Средне-Атлантических штатов, благодаря стимулам эмбарго, войне 1812 года и протекционным пошлинам, начала становиться отраслью народного хозяйства. В долине р. Мерримак и в окрестностях Провиденса расцвело текстильное производство, а в г. Лоуэлл (Массачусетс) в 1830 г. насчитывалось примерно 5 тыс. рабочих. В том же году в Нью-Йорке на фабриках и верфях работала значительная часть его населения — 200 тыс. человек. Большинство английских, ирландских, немецких иммигрантов примыкало не к вигам, а к демократической партии. Новый рабочий класс быстро превратил Нью-Йорк из федералистского города в демократический, а Филадельфию и Питтсбург — в центры сторонников Джексона. Во время его президентства им было создано много союзов (вначале обычно называвшихся «профессиональными ассоциациями») и под водительством таких людей, как пылкий Уильям Леггетт, они яростно нападали на реакционные суды, наказывавшие забастовщиков на основании старых законов о заговоре. Когда в 1836 г. Джексон ввел десятичасовой рабочий день на государственных верфях, это решение вызвало искреннюю признательность трудящихся, ибо в Массачусетсе люди работали по двенадцать и по четырнадцать часов в день за пять долларов в неделю.

Мероприятия Джексона. Придя к власти, Джексон начал проводить в жизнь свои идеи чрезвычайно решительно. Протестуя против ассигновок Конгресса на строительство местных дорог и каналов, он резко урезал эти расходы из казенных средств своим «мэййзвиллским вето», наложенным на проект постройки дороги в Кентукки из Мэййзвилла в Лексингтон. Он су-

рово обошелся с Южной Каролиной, пытавшейся аннулировать протекционный тариф 1828 г., и в 1830 г. на банкете по случаю Дня Джефферсона, глядя в глаза южнокаролинского лидера Калхуна, произнес бессмертный тост: «Наш Союз должен быть сохранен!»

Когда стало ясно, что Южная Каролина продолжает идти своевольным путем, он доказал, что его решения — не пустые слова: в 1832 г. он послал в Чарлстон генерала Скотта и морскую эскадру, а также выпустил прокламацию, в которой говорилось, что «разъединение путем применения силы — измена». Он готов был повесить Калхуна в случае необходимости, и впоследствии сожалел о том, что этого не сделал. Главный поборник Южной Каролины в Сенате Роберт Гейн был сокрушен мастерской речью Даниэля Уэбстера, слова которого — «свобода и Союз, ныне и навеки, едины и нераздельны» — стали национальным лозунгом. К счастью Южная Каролина, которой не удалось объединить Юг, отказалась от требования аннулирования тарифа, а неизменный умиротворитель Клей выработал компромиссное снижение тарифа.

Джексон повел отчаянную борьбу со вторым Банком Соединенных Штатов и ему удалось опрокинуть эту цитадель восточных финансов и монополистической власти. Глава Банка, ловкий Николас Биддл, пользовался поддержкой Генри Клея и партии вигов. В сущности, банк управлялся хорошо и оказал стране ценные услуги, но Джексон, отрицательно относившийся к централизованной финансовой власти, в 1832 г. наложил вето на законопроект, предусматривавший возобновление хартии банка. В следующем году он забрал из банка правительственные деньги и разместил их по ведущим штатным банкам с тем, чтобы они переняли функции банка центрального. Нельзя было, разумеется, отрицать, что банк вмешивался в политические дела и был частной монополией, чрезмерно обогатившей небольшую группу лиц. Общественное мнение, поэтому, было на стороне Джексона и, хотя президенту пришлось приложить очень много усилий, чтобы заручиться поддержкой всей своей партии для этого начинания, ему все-

таким образом удалось ликвидировать могущественный банк Пика Биддла.

В других делах президент действовал не менее сурово и решительно. Когда Франция прекратила выплату некоторых долгов Соединенным Штатам, он рекомендовал конфискацию французского имущества и, таким образом, вынудил Францию договориться. Он выселил индейцев из Джорджии. Однако, когда Техас восстал против Мексики и обратился к правительству США с просьбой о присоединении, он мудро поступил заняв выжидательную позицию. К концу второго четырехлетия своего пребывания на посту президента Джексон сохранил свою огромную популярность.

Другие демократические тенденции. При Джексоне поднялась новая могучая демократическая волна, захватившая широкие слои населения, которых не коснулась демократия Джефферсона. Тридцатые годы прошлого столетия были тем десятилетием, когда избирательное право было предоставлено всем мужчинам в большинстве штатов, в той или иной форме сохранивших до тех пор имущественный ценз. Предоставление права голоса привело к тому, что население стало проявлять все больший интерес к внутренним делам государства. В 1824 г. в президентских выборах приняло участие только 356 тыс. избирателей; в 1836 г. — уже полтора миллиона, а в 1840 г. — 2 миллиона 400 тыс. человек, т. е. увеличилось в семь раз за шестнадцать лет. Отчасти это объясняется ростом населения, но в основном, это явилось результатом отмены ценза и увеличения интереса к политике. Президентские выборщики перестали избираться законодательными собраниями штатов (за исключением Южной Каролины), а стали избираться непосредственно населением. В государственных делах за правило были взяты более частые перемены должностных лиц. Объявив себя сторонником этих перемен, Джексон под этим предлогом отстранил многих политических противников и, хотя он сменил меньше лиц, чем некоторые более поздние президенты, им был введен принцип, сформулированный Уильямом Л. Марси (Нью-Йорк): «Добыча — победителем!»

Правы в этот период становились проще, обхождение — более демократическим и непринужденным. Иностранцев шокировало, что многие американцы открыто выплевывали табак, торопливо ели за столом, были любопытны, самонадеянны и хвастливы. Их поражала и характерная для северных городов всеобщая спешка. Американский быт отличался также безрассудностью и насилием. Для быстро развивавшейся страны было естественно, что выполнение той или иной работы считалось более важным, чем человеческая жизнь. На паромовых и железных дорогах уделялось мало внимания безопасности. Дуэли стали обычным явлением, а на Юге и Западе нередко были семейные вендетты, с применением длинных охотничьих ножей и пистолетов. В районах, где нельзя было полагаться на суд и блюстителей законности, естественно укоренилось личное возмездие (самосуд). В результате, когда в 1840 г. вики провели в президенты Уильяма Генри Гаррисона, партия вынуждена была представить этого образованного человека среднего достатка, жившего в Цинциннати в собственном имении в две тысячи акров, в облике неотесанного пионера, обитателя бревенчатой хижины и любителя крепкого сидра.

На самом деле, однако, общие нормы обхождения были не хуже, чем в ранние годы республики. Они уступали изысканности манер тогдашней аристократии, но были выше поведения невежественных и грубых рабочих. Прежнее столь отчетливое различие между обходительностью высших кругов и грубостью «толпы» в значительной мере исчезло.

Жизнь демократизировалась во многих отношениях. Возникла дешевая печать. Подражая продававшимся за пенни газетам Лондона, Бенджамин Дей в 1833 г. основал в Нью-Йорке общедоступную газету «Сан» («Солнце»), а два года спустя Джеймс Гордон Беннетт достиг еще большего успеха своим сенсационным нью-йоркским «Геральдом». При Джексо-не появился и первый популярный журнал: «Годиз Лейдиз Бук» (Филадельфия, 1830 г.). Тремя годами позже начал выходить ежемесячник «Инкербокер», первый литературный журнал, получивший широкое распространение. В области образования шла острая

борьба за создание бесплатных общественных школ, не принадлежащих ни к одной из церквей, которые бы находились под общественным руководством и существовали за счет налогоплательщиков. В этой борьбе ведущую роль играл Горас Мани (Массачусетс), и была она гораздо более ожесточенной, чем это обычно представлялось последующим поколениям. За общественные школы стояли все демократически и гуманистически настроенные люди, умные рабочие, кальвинисты и унитаряне; прогив них — люди аристократических настроений, экономные консерваторы, лютеране, католики и квакеры (сторонники церковно-приходских школ), плантаторы, фермеры, а также преподаватели частных школ. И все-таки сторонники общественных школ одержали победу и штатам пришлось подчиниться. «От чтения ум гнет», — декламировал один житель Новой Англии, а в Пенсильвании кто-то просил, чтобы на его могиле написали: «Здесь поконтил противник бесплатных школ». Однако, законы, по которым городским и окружным властям разрешалось собирать налог на содержание бесплатных общественных школ, в Средне-Атлантических штатах и на Западе были заменены законами, принуждавшими к этому местные власти.

Даже религия, по мере продвижения границы на Запад, становилась все более демократичной. Больше всего процветали на Западе баптисты, методисты, кампбеллиты и пресвитериане — организации, бывшие демократическими с самого начала и продолжавшие усиливать эту тенденцию. Наибольший отклик встречали на Западе первые из трех перечисленных сект, с их обращением к эмоциям, пением, неслученной молитвой и экзальтированными религиозными митингами, описанными в «Приключениях Гекльберли Финна» Марка Твена. Демократические тенденции нашли свое отражение и в литературе. Байанг, Фенимор Купер и Вашингтон Ирвинг — все были яркими сторонниками Джексона. Книги Купера об обществе на Востоке и произведения Ирвинга о диком Западе в равной степени подчеркивали идеи демократии; такие популярные произведения, как «Автобиография» Дэвида Крокетта (1834 г.) и «Картины Джорджии» Огастуса Б. Лонгстрита (1835 г.)

раскрывали влияние границы, а первый том «Истории Соединенных Штатов» Джорджа Банкрофта свидетельствовал о том, что автор его «голосовал за Джексона».

ГЛАВА 9

ЗАПАД И ДЕМОКРАТИЯ

Движущаяся граница. С самого начала «граница», вернее пограничная полоса, редкое население которой (не более 6 человек на 1 кв. милю) занималось преимущественно расчисткой и распашкой земли и постройкой жилищ, была одним из важных факторов в истории Америки. Отступая через весь континент по мере продвижения колонистов от Атлантики до Скалистых гор, граница глубочайшим образом повлияла на характер американской жизни. Это была не просто линия на карте, это был социальный процесс. Она содействовала личной инициативе, политической и экономической демократизации; она привела к огрубению манер; она разрушала консерватизм и воспитывала дух местного самоуправления в сочетании с уважением к центральной власти страны.

В нашем представлении понятие «границы» нераздельно связано с Западом. Нельзя, однако, забывать, что первоначальной границей была приатлантическая полоса, и здесь на протяжении долгого времени находились пограничные районы. В течение целого последреволюционного поколения «пограничной землей» продолжал оставаться Мэн, куда в 1790-1800 гг. переселилось 40 тыс. колонистов из более старых районов Новой Англии. Второй границей был район верховьев рек прибрежной полосы и западной части Аппалачей. К концу революции граница находилась в западной части штата Нью-Йорк, где в 1787 г. два капиталиста приобрели 6 миллионов акров целинных земель; в долине р. Уайоминг в Пенсильвании, где поселились колонисты из Коннектикута;

в районе Питтсбурга, где в 1792 г. жило 130 семей и «36 мастеровых»; в восточной части Теннесси, где в 1784 г. независимо мыслившие пионеры создали недолговечный «штат Франклина»; и в гористой части Джорджии. Затем к 1800 г. долины Миссисипи и Огайо стали третьим крупным пограничным районом. «Гей-о, в путь-дорогу! по реке О-гай-о!» — стало несней тысяч эмигрантов, ехавших на Запад с тем, чтобы основать Марнетту. В результате был открыт район площадью примерно в 2 миллиона акров, переданный Конгрессом компании Огайо. В том же году другая группа земельных спекулянтов основала город Цинциннати. Тем временем, Кентукки и Теннесси заселялись с поразительной быстротой. В первый год после заключения мира 10 тыс. колонистов переехали в Кентукки, а по первой национальной переписи 1790 г., в Кентукки и Теннесси население составляло более 100 тыс. человек.

Безостановочно двигаясь на Запад, переселенцы хлынули на всю территорию Северо- и Юго-Запада. К 1796 г. Кентукки и Теннесси стали полноправными штатами. Вскоре после этого в число штатов был принят и Огайо, с его полосой заселенных земель вдоль пенсильванской границы и реки Огайо, а к 1820 г. Индиана и Иллинойс на Северо-Западе и Алабама и Миссисипи на Юго-Западе тоже стали уже штатами. Первая граница была тесно связана с Европой; вторая — с приатлантическими поселениями, но долина Миссисипи была независима и ее население было обращено лицом к Западу, а не к Востоку.

Жители пограничья. Пограничные жители были, разумеется, чрезвычайно разнородны, но большинство современников различало три главных группы. В авангарде переселения шли охотники на пушного зверя. Английский путешественник Фордам описал этих обычно неженатых пионеров.

«Отважная и дерзновенная порода людей. Они живут в жалких хижинах, которые укрепляют в периоды войн с индейцами. Индейцев они ненавидят, но во многом напоминают их по одежде и

манерам. Они неостеснялись, но гостеприимны, хорошо относятся к чужакам; они честны и на них можно положиться. Ими выращивается немного кукурузы, тыквы, разводятся свиньи. У некоторых — одна-две коровы и две-три лошади, но основное средство к существованию — это ружье».

Когда раздавался выстрел соседа, это служило сигналом к движению. Хороший портрет охотника-индейца мы находим в лице Натан Вэминго, описанного Фенимором Купером, и в его книге «Прерия» дается прекрасное изображение жизни в лесной глуши. Эти люди ловко обращались с топором, ружьем, канканом и удочкой; они выжигали тропы, строили первые бревенчатые хижины, удерживали индейцев и, таким образом, протаривали дорогу для следующей группы переселенцев.

Эту вторую группу Фордам называет первыми настоящими переселенцами, «смешанной группой охотников и фермеров». Они строили уже не хижины, а бревенчатые дома, с отдельными комнатами, с застекленными окнами, с хорошим дымоходом. Дом получался такой же удобный, как и коттедж английской фермы. Вместо того, чтобы пользоваться родником, они рыли колоды. Эти хозяйственные и трудолюбивые люди быстро расчищали себе землю, сжигали деревья для получения поташа, а шлам давали сгнить. Выращивая собственное зерно, овощи и фрукты, охотясь в лесах на оленей и диких индеек, разыскивая мед, ловя рыбу в ближайших ручьях, разводя немного рогатого скота и свиней, они не очень тяготились одиночеством и примитивным образом жизни. Наиболее предприимчивые скупали большие участки дешевой земли, руководствуясь принципом одного из персонажей «Учителя Хузнера» Эдуарда Эгглстона: «захватывать побольше, пока можно». Потом, когда цены на землю повышались, они продавали свою землю и шли дальше на Запад. Таким образом они в свою очередь готовили почву для третьей и самой важной группы переселенцев.

Эта третья группа состояла не только из фермеров, но также и врачей, адвокатов, лавочников, журналистов, проповедников, мастеровых, политиков

и земельных спекулянтов. Иными словами, третья группа переселенцев несла в себе все зерна, необходимые для развития цельного жизнеспособного общества. Фермеры продолжали оставаться наиболее важным элементом. Они селились с намерением прожить здесь всю жизнь и передать хозяйство своим детям. Они выстраивали более крупные амбары, чем их предшественники, и более солидные кирпичные или деревянные дома. Их заборы были прочнее, скот — породистее; они лучше обрабатывали землю и сеяли отборные семена. Некоторые из них сооружали мельницы, лесопилки и винокуренные заводы. Они прокладывали хорошие дороги, строили церкви и школы. По мере возникновения и роста городов, многие из этой третьей группы — банкиры, торговцы и земельные дельцы — разбогатели. Коротче говоря, эта третья группа представляла собой американскую цивилизацию, и Запад начал стремительно развиваться. Всего за несколько лет этой третьей волной поселенцев были осуществлены почти невероятные преобразования. В 1830 году Чикаго был небольшим торговым поселком с фортом, но еще при жизни первых его жителей он стал одним из крупнейших и богатейших городов мира.

На новом Западе произошло слияние многих различных этнических групп. Видную роль играли фермеры возвышенных районов Юга, и из этой среды вышли такие люди, как Авраам Линкольн и Джефферсон Дэвис, родившиеся в одном и том же году в бревенчатых хижинах Кентукки. Упрямые ирландские шотландцы, расчетливые пенсильванские немцы, предприимчивые янки и многие другие — все они участвовали в колонизации Запада и всех их объединял индивидуализм и демократизм. К 1830 г. больше половины американцев выросло в среде, где традиции и условности Старого Света полностью отсутствовали или были очень слабы. На Западе людям приходилось стоять на собственных ногах. Их вес в обществе обуславливался не богатством, происхождением или проведенными за учебной годами, а, подобно отверженным в «Замечательном Кричтоне» Барри, тем, чего они сами смогли добиться. Ферму

мог приобрести каждый расчетливый человек. Мы уже видели, что после 1820 г. правительственную землю можно было купить по 1 доллару 25 центов за акр, а после 1862 г. — получить бесплатно, просто на том основании, что человек на ней поселился. Было легко тоже обзавестись оборудованием, а затем, как выразился Горас Грилли, эти люди могли «расти, вместе со страной». Это равенство экономических возможностей воспитывало в людях также и чувство социального и политического равенства, а прирожденным вождям давало возможность быстро выдвинуться. Следует добавить, что море тоже являлось своего рода фактором в смысле оказанного им влияния на формирование американского характера. Суда были малых размеров, экипажи малочисленны, а многими рыболовными и китобойными судами владельцы на кооперативных началах. Пинниатива, храбрость, индивидуальная энергия и твердый здравый смысл — все это необходимо было иметь любому хорошему охотнику-пионеру, пограничному фермеру или моряку.

Пограничные добродетели и пороки. Пример пограничных районов оказался заразительным. Демократичность и индивидуализм сделались отличительными чертами городов юной республики. Европейцев, приезжавших в Нью-Йорк и Филадельфию, в первую очередь поражала та прямолинейная независимость, которую хвалил Уильям Коббетт (английский писатель и общественный деятель — прим. перев.). Рабочие не снимали шляп и не говорили «сэр» для того, чтобы заработать лишний шиллинг, а носильщики брали работу, как люди, делающие одолжение. Коббетт с одобрением подчеркивал, что американская прислуга не была одета в ливреи, ела обычно за одним столом с хозяевами и называлась «помощниками». Он встретил в Америке только двух индейцев, да и те были иностранцы. Один из самых подлинно американских очерков Ральфа Уолдо Эмерсона посвящен именно «уверенности в себе». В нем рассказывается о типичном янки того времени, который едет на Запад и попеременно становится фермером, лавочником, торговцем землей, адвокатом, конг-

рессменом и судьей; он на все руки мастер, всегда на высоте положения. И это не преувеличение! Один из самых талантливых генералов гражданской войны У. Т. Шерман был вначале кадетом, потом сражался в Мексиканской войне, затем стал банкиром в Сан-Франциско, адвокатом в Левенуорте, управляющим фермой на канзасской границе, начальником военного училища в Луизиане и опять военным.

Граница, однако, воспитывала в людях не только положительные качества. Жители пограничья были в общем буйны, недисциплинированы и агрессивно самоуверенны. Все их поведение было слишком запознанным. Неповиновением жителей пограничья и их неподготовкой объясняется ряд поражений в войне 1812 г. Эти люди были склонны делать все на скорую руку. Перед ними вставали такие огромные задачи, что тщательная шлифовка считалась потерей времени. Американцы наспех строили деревянные дома, вместо прочных каменных и кирпичных зданий; построенные ими дороги были примитивные, мосты — временные; землю они не столько культивировали, сколько истощали. В Нью-Йорке пожарные колокола звонили всю ночь, потому что дома горели, как спички, а в 1836 г. рухнули два крупнейших деловых здания города. Столкновения поездов и взрывы на парокходах были частым явлением. Мало внимания уделялось, конечно, манерам и культуре; на границе для этого не хватало времени. Хуже всего, однако, было то, что пограничная жизнь отличалась прискорбным ростом преступности. Объясняется это отчасти тем, что на границу хлынули подонки общества, а кроме того у людей появилась ничем не сдерживаемая вольность и склонность разрешать споры кулаками или пистолетами. Блюстители законности должны были иметь железные нервы и быть очень меткими стрелками.

Войны с индейцами. Недисциплинированность пограничных жителей особенно трагически отразилась на их взаимоотношениях с индейцами. Нарушая договоры, они постоянно вторгались на индейские земли и охотились там на пушнину и дичь. Многие готовы были убить любого повстречавшегося «красно-

кожего». Индейцы пытались защищаться и началась война. Индейцы и сами часто бывали инициаторами нападений, но главной причиной многочисленных конфликтов явилось, конечно, неумолимое продвижение белых на Запад. Самыми страшными войнами были: война с криками на Юге, в которой Эндрю Джексон одержал свою кровавую победу; с семинозами в болотах и чащах Флориды и с последователями Тукумсе в Индиане.

Особенно жестоким конфликтом оказалась война «Черного ястреба», в которой молодой Авраам Линкольн участвовал в чине капитана. Некоторые представители Черного ястреба, индейцы сауки и фоксы, отказались в пользу правительства от пятидесяти миллионов акров земли. Но вождь и значительная часть племени оспорили законность этого соглашения. Перед лицом угрозы применения силы Черный ястреб бросил свои кукурузные поля в Иллинойсе и переправился на западный берег Миссиссиппи. Но племя страдало от голода и следующей весной вернулось на восточный берег, чтобы присоединиться к дружественным виннебаго в Висконсине и там выращивать кукурузу. У индейцев была полная уверенность, что их миролюбивые намерения будут правильно поняты. Но случилось иначе: белые немедленно на них напали; Черный ястреб отступал, предлагая мир, но двухтысячный отряд милиции не обращал внимания на эти предложения. Индейцы подверглись преследованию через южный Висконсин до самой Миссиссиппи, где при попытке переправы мужчины, женщины и дети были немилосердно изрублены. «Ужасно было видеть, — писал один стрелок, — раненых и корчившихся от страданий маленьких детей, хотя они и были отпрысками дикого врага». Тут жители пограничья показали себя с самой худшей стороны.

План насильственного переселения восточных индейцев на Великие равнины правобережья Миссиссиппи, долго считавшиеся непригодными для поселения белых, был официально принят при президенте Монро и энергично проводился в жизнь при Джексоне. Конгресс уполномочил президента обменивать земли на Западе на более старые индейские владения.

ния. Так была создана «Индийская страна», которая сначала простиралась от Канады до Техаса. Северные индейцы были переселены в эту область без особых трудностей. Но на Юге, где племена были многочисленнее и сильнее, индейцы оказывали упорное сопротивление, приведшее к трагическим последствиям. Так называемые «нятя цивилизованных племен» — крики, чоктавы, чикасавы, чироки и семинолы — любили свои жилища. Многие из них, в особенности крики и чироки, научились быть расчетливыми фермерами. Они выстроили хорошие дома, приобрели стада рогатого скота, соорудили мельницы, посылали детей в миссионерские школы. Они цеплялись за свою землю до конца, и часто приходилось прибегать к силе. Перебираясь в фургонах и пешком, — они страдали от голода и болезней. Часто им негде было укрыться и многие погибли. К 1840 г., однако, почти все индейцы левобережья Миссисипи были переселены на новые земли.

Уход индейцев облегчил полное заселение долины Миссисипи, богатейшей части страны. Последний штат, лежавший к востоку от Миссисипи, Висконсин, был принят в Союз в 1848 г. К тому времени на правобережье возник ряд штатов. После принятия Миссури в 1821 г., в 1836 г. был принят Арканзас, десять лет спустя — Айова, а в 1849 г. была создана «территория» Миннесота. Паника 1837 г., явившаяся в значительной мере результатом чрезмерного процветания Запада, приостановила всю дальнейшую колонизацию, но ненадолго. В 1847 г. Сайрус Г. МакКормик, изобретатель жатвенной машины, построил в Чикаго завод и начал выпускать машины, давшие возможность легко засеять западные прерии. Началось железнодорожное строительство и вскоре на территории прерий появилась целая сеть железных дорог. В 1854 г. в Чикаго ежедневно приходило 74 поезда и к тому времени он превратился в крупнейший в мире рынок зерна. В том же году железная дорога «Галлиа энд Чикаго» перевозила в Айову по 3 тыс. эмигрантов в месяц, а тысячи других ехали в diligencax. Немцы, скандинавы и британцы помогли заселить верхнюю часть долины и поселились также в

Техасе и в Арканзасе. В 1854 г. один английский наблюдатель удивлялся тому, что в далекой Миннесоте г. Сент-Пол, с населением в 7-8 тыс., имел четыре или пять отелей, около шести церквей, пристани, к которым пришвартовывались триста пароходов в год, и «хорошие улицы с тротуарами, большие кирпичные склады, магазины и лавки с таким ассортиментом товаров, который не уступал ни одному городу Союза». До середины XIX в. выдвинулись также новые вожди. На Западе — Стивен А. Дуглас и Авраам Линкольн в Иллинойсе, Дэвид Р. Ачисон в Миссури, Джефферсон Дэвис в Миссиссиппи и в Техасе — Сэмюель Хьюстон, герой войны за независимость этого «однозвездного штата».

Заселение Ближнего Запада. В развитии должны Миссиссиппи важнейшую роль играли несколько крупных магистралей. Первая главная артерия на Запад — Камберлендская дорога, начатая в 1811 г., строилась, в основном, на средства федерального правительства. Шла она через горы, от Камберленда (Мэриленд) к Эзвильду и Колумбусу в Огайо, а затем к Терр-От в Индиане, доходила до Вандейлши в Иллинойсе. Ее общее протяжение равнялось 600 милям. Имела она 60 футов в ширину, а посередине была мощеная полоса в 20 футов, построенная по принципам Мак-Адама.

По этой «Национальной дороге» перевозилась западная почта по особым тарифам. Вдоль нее на удобных для путешественников расстояниях появились гостиницы. Поток колонистов возрастал, и в летние месяцы их можно было видеть на всем протяжении дороги. «Тут можно наблюдать, как сотни семей эмигрируют на Запад в условиях комфорта», — писал один современник в 1824 г. — «Видны также гуртовщики с Запада, отправляющиеся на Восток со всевозможным скотом в поисках рынка. В самом деле, эту большую магистраль можно сравнить с улицей многолюдного города — на ее мощеной поверхности смешались пешеходы, верховые и кареты». В Уиллинге дорога доходила до р. Огайо, которая тоже стала излюбленной артерией. Сначала по ней плавали «поспевавшие за течением» плоскодон-

ки, баржи и «ковчеги», которые перевозили в Новый Орлеан зерно, оленину, свинину и муку. Николас Рузвельт, принадлежавший к семье, которая впоследствии стала знаменитой, построил пароход, совершивший в 1811 г. переход из Питтсбурга в Новый Орлеан и обратно. Вскоре у него появилось много подражателей и по Огайо стали ходить речные пароходы.

Но самым знаменитым путем сообщения с Западом явился Эри-канал, соединивший р. Гудзон и Атлантический океан с Великими озерами. Он стал водной магистралью, ведущей в самый центр континента. Об этом канале мечтали еще в XVIII в. Он дал бы возможность эмигрантам и торговле обойти дикую Аппалачскую цепь. Однако вырыть канал длиной почти в 400 миль было настолько трудным делом, что никто на него не решался. Наконец, неутомимый нью-йоркец, де Уитт Клинтон, повел кампанию за превращение мечты в реальность. Он стал губернатором и в 1817 г. начал эту работу. После нескольких трудных лет сооружение прозванного «канавой Клинтона» канала было закончено. В 1825 г. был радостно встречен первый караван судов и, под приветственные возгласы собравшихся, Клинтон вылил в Атлантический океан боченок воды из озера Эри. Канал превратил Буффало в преуспевающий порт. Вдоль канала выросли новые города и он сделал из Нью-Йорка ведущий американский торговый и финансовый центр. В деле развития Запада роль канала была еще важнее. Он нес непрерывный поток переселенцев из Новой Англии и штата Нью-Йорка, отправлявшихся в западном направлении. Этот наплыв переселенцев сделал из Кливленда, Детройта и Чикаго большие города и значительная часть Северо-Запада обрела присущие янки характерные особенности. Тем, что канал способствовал переселению, он помог спасти единство страны, ибо до начала гражданской войны верхняя часть долины Миссисипи была уже прочно связана с северными приатлантическими штатами. Этому содействовала также и сеть каналов Пенсильвании. Под впечатлением успеха «канавы Клинтона», пенсильванцы израсходовали мил-

люнов сорок на строительство внутреннего водного пути протяжением в 400 миль, который связал Филадельфию и Питтсбург. Они воспользовались протекавшими реками, построили соединяющие их каналы, а высокие Аллеганские рифы преодолели рядом наклонных плоскостей, по которым суда, грузы и пассажиры поднимались паровой тягой. Это, чуть не обанкротившее штат героическое предприятие принесло немало пользы и помогло превращению Пенсильвании в один из ведущих индустриальных штатов.

Переселение придерживалось, в основном, широтного направления. Алабама и Миссисипи заселялись, главным образом, южанами, Мичиган и Висконсин — северянами. В Огайо, Индиане и Иллинойсе оба потока встретились. Южный поток двигался по р. Огайо, северный — по Эри-каналу и Великим озерам. Города Колумбус, Индианаполис и Спрингфилд были выстроены обоими потоками. Южане и северяне, а также иммигранты из Европы здесь смешались. И возникла «долина демократии».

Замиссисипский Запад. Обращаясь к огромным пространствам к западу от Миссисипи, мы видим, что их заселение — еще более красочная история. Страна впервые узнала об этих пространствах после первой научной экспедиции, организованной президентом Джефферсоном под руководством двух молодых виргинцев, Мернуэзер Льюиса и Уильяма Кларка. Это знаменитое предприятие, вписавшее бессмертную главу в историю географических открытий, было финансировано федеральным правительством всего лишь в размере 2 тысяч 500 долларов! Джефферсон всегда интересовался чудесами Запада. Он много писал об индейцах, которыми восторгался, и о находке остатков мамонта в долине р. Огайо. Но Льюиса и Кларка он послал в экспедицию, преследуя двоякую цель. Наряду с целью научной, он рассчитывал, что экспедиция откроет район р. Миссури американским скунщикам пушнины. В то время индейцы этого района продавали пушнину англичанам в Канаде. Джефферсон полагал, что им гораздо легче было бы посылать меха вниз по реке и продавать их американцам.

Обе цели экспедиции были достигнуты. Льюис и

Кларк поднялись к верховьям Миссури, пересекли Скалистые горы, вышли к низовью Колумбии и спустились по ней к Тихому океану. Их экспедиция была названа «самым несравненным достижением в истории мира». Настоящих опасностей в пути было мало, ибо им удалось избежать встреч с воинственными индейцами. Покрыв за полтора года расстояние приблизительно в 4000 миль, они тщательно все заносили на карту и дали подробное описание виденного. Они заложили основу для американской конкуренции с торговавшими пушниной богатыми британскими компаниями. Сразу по возвращении, Кларк участвовал в организации Миссурийской пушной компании, которая построила на реке ряд фортов. Компания росла и процветала. Вскоре после этого на район Северо-Запада распространила свои торговые операции и деятельная Американская пушная компания Джона Джексона Астора. До того времени она торговала главным образом в районе Великих озер, но теперь Астор решил основать торговый пункт в устье р. Колумбии. В 1811 г. его корабль «Тонкуин», обогнул мыс Горн, достиг тихоокеанского побережья Северной Америки, и в устье р. Колумбии была основана Астория (о которой Вашингтон Ирвинг написал очаровательную книгу). В следующем году континентальная экспедиция достигла того же пункта.

Это было хорошее начало. Развитие Запада и его торговли было ускорено тремя красочными событиями начала двадцатых годов XIX в. Первым явился торговый путь к Санта-Фе, уходивший далеко на юго-запад в район, который тогда находился в мексиканских руках. Предприимчивый житель Миссури, Уильям Бекнелл, организовал торговую экспедицию из семидесяти человек, нагрузил лошадей и мулов товарами и, проехав 800 миль по труднопроходимой и опасной местности, выгодно продал их в мексиканском форпосте Санта-Фе. Через год он воспользовался уже фургонами. Другие торговцы последовали его примеру и так была проложена знаменитая тропа Санта-Фе. Пользовавшиеся тропой торговцы, встречали много опасностей, ибо большая часть пути проходила по высушенной солнцем полупустыне. Им приходилось совершать трудные переправы через реки и угроза

нападения враждебных индейцев — команчей, арапахо и чейеннов — была вполне реальной. Большие группы путешественников в восемьдесят-сто человек особой опасности не подвергались, но малые группы должны были серьезно считаться с возможностью нападения. Со временем здесь была проложена американская магистраль, которая помогла республике присоединить к себе Юго-Запад.

Вторым замечательным событием было основание в 1822 г. Пушной компании Скалистых гор. Ее организовал Уильям Ашли, генерал милиции Сент-Луиса, который дал объявление о том, что ищет сто молодых людей, готовых подняться по р. Миссури до ее верховьев и пробыть там от года до трех лет. Это была первая компания, сама охотившаяся на пушных зверей, а не скупавшая меха у индейцев. Среди участников этого предприятия были люди, известные своим участием в западных экспедициях, так, например — охотник Кит Карсон, — участник войны с индейцами, разведчик и проводник, — жизнь которого полна была стольких приключений, что напоминала роман, и непревзойденный исследователь Джейкоб Джекелай Смит.

Третьим событием, содействовавшим западной торговле, была военная экспедиция вверх по р. Миссури, предпринятая в 1823 г. для того, чтобы устроить индейцев племени арикара и других воинственных племен и заставить их подчиниться. Организованный федеральным правительством и купцами г. Сент-Луиса «Миссурийский легион» дал понять индейцам, что Соединенные Штаты намерены защищать искателей пушнины.

Проникновению американцев на Дальний Запад способствовала также и миссионерская деятельность. Церкви давно занимались активной работой в пограничной полосе, и курьезное происшествие 1831 г. дало их деятельности новый толчок. Британские торговцы ознакомили индейские племена, жившие в верховьях р. Колумбии, с элементарными религиозными понятиями и им захотелось пополнить свои знания. Для этого индейцы племени «Пронзенные Ноsy» послали четырех представителей в Сент-Луис к Уильяму Кларку за «небесной книгой». Когда известные

об этом было опубликовано в церковных журналах, оно вызвало большой интерес. Протестанты послали нескольких священников с многочисленным сопровождением на далекий Северо-Запад, где они учредили миссию в Уилламетской долине. Другой миссионерский пост был создан близ слияния рек Снейк и Колумбия. Главная заслуга в этом начинании принадлежала благочестивому д-ру Марку Уитману. Эти миссии немало сделали для обращения в христианство индейцев, а также создали примерные фермы, учили индейцев строить дома, расчищать поля и выращивать злаки. Восторженные письма миссионеров о красоте и климате этой части страны заинтересовали их родственников и друзей, и вскоре к Орегону по горам и равнинам потянулись целые караваны переселенцев.

Орегонская тропа. Первые исследователи и торговцы пушниной, прошедшие от р. Миссури к р. Колумбия, наметили путь, ставший со временем определенной дорогой --- Орегонской тропой, которая к середине сороковых годов XIX в. превратилась в большую магистраль. Протяжением в 2000 миль эта Орегонская тропа была трудной и опасной. Начиналась она у г. Индепенденс на р. Миссури, оттуда вела по холмистым равнинам к Скалистым горам, которые пересекала на месте сравнительно низкого Южного перевала, оттуда проходила по пустынной и горной местности до форта Холла на р. Снейк, затем, пересекала почти непроходимые Голубые горы, --- к р. Уматилла и спускалась к р. Колумбия. Другой путь за Большим Солёным озером вел в Калифорнию. Первый эмигрантский эшелон, направившийся к тихоокеанскому побережью, был организован Джоном Бидуэллом и насчитывал приблизительно восемьдесят мужчин, женщин и детей. Пройдя сквозь совершенно дикие места, они успешно добрались до Орегона в 1841 г. и явились авангардом нового движения. В 1843 г. произошло «великое переселение», когда 200 семей, насчитывавшие тысячу человек, пересекли равнины и горы вместе с несколькими сотнями голов рогатого скота и достигли своей цели. Ехали они на волах, покрывая в час по две миль. В удачные дни

они покрывали двадцать пять миль, в плохие всего лишь — пять или десять. В 1845 г. Орегонской тропой шло уже большее число колоннистов: в тот год в Уилламетскую долину переселилось свыше трех тысяч человек.

Это переселение в Орегон было настоящей эпопеей. На заре раздавались крики: «Нагоняйте! Нагоняйте!» — и длинный ряд фургонов, руководимый избранными старшинами, трогался в путь. На ночь переселенцы ставили часовых, кольцом размещали фургоны и вещи, среди которых спали мужчины, охраняя находившихся внутри круга женщины, детей и скот. Тут же в пути варили пищу, стирали белье, ухаживали за девушками, рожали детей. Слабые умирали и их хоронили в никак не отмеченных могилах. Когда истощенные волю и мулы не могли больше тянуть тяжелых фургонов, приходилось бросать ценное имущество. Для тех, кто в пути повстречался с индейцами, медведями, кто заболел страшной холерой или страдал от лютого мороза, путешествие было продолжительной agonией. Для других это было развлечением. «Это был длинный пикник», — писал один путешественник. — «Ландшафты постоянно менялись, нам попадались животные прерий, индейцы, торговцы и охотники горных районов». Это массовое переселение превратило Орегон в заселенный американский район. США обязаны переселенцам больше, чем дипломатии присоединением этого района к Союзу. Заселение шло так быстро, что в 1849 г. Орегон стал «территорией», а десять лет спустя — полноправным штатом.

Мормоны. Из всех религиозных поселений Запада наиболее значительным было поселение осевших в Юте мормонов. Традиции индивидуализма, диссидентства и евангелизма привели в Америке к возникновению многих необычных сект, в большинстве являвшихся ответвлением существовавших церковных направлений. Мормоны, однако, явились совершенно новой организацией. Основателем этой Церкви Святых Последнего Дня был Джозеф Смит, молодой человек, проживавший в верхней части Нью-Йорка. Смит объявил, что однажды в 1820 г. он

ушел в лес молиться о спасении; там ему явились два излучавших святость существа, предложившие ему выждать полного восстановления Царства Божия. Затем пришел ангел по имени Морони и рассказал ему о выравненной на листах золота закопанной священной истории древних обитателей Северной Америки. С помощью дарованных этим ангелом приборов Смит перевел эту историю на английский язык. В 1830 г. она была опубликована под названием «Книга Мормона». В том же году была организована церковь, которая стала очень быстро расти. После многих изъятий центр этой церкви был перенесен в Палминос. Здесь на берегу р. Миссисипи мормоны выстроили цветущий город Пову, основали университет и начали строить большой храм. Они ввели также полигамию. В сочетании с общей неприязнью к их религии и с вызванной экономическими и политическими причинами завистью, обстоятельство это привело к беспорядкам. Смит и его брат были брошены в тюрьму, но разъяренная толпа ворвалась внутрь и повесила их. Вскоре после этого мормоны, во главе с их новым руководителем, даровитым Бригамом Янгом, были высланы из пределов штата. Решив искать мира и безопасности на Дальнем Западе, они переправились через Миссисипи.

В результате, был совершен удивительный подвиг — заселение местности, которую многие считали пустыней. Через необъятные равнины Бригам Янг провел своих последователей в долину Большого Солевого озера, и здесь посреди высоких горных цепей нашел плодородную землю, здоровый климат и достаточно воды для развития орошаемого сельского хозяйства. Под его руководством были размечены поля, выбрано место для постройки города, и поддерживалась связь с Востоком. В первый год многого не доставало, но потом Юта щедро вознаградила своими плодами труды каждого поселенца. Фермы и ирригационные каналы распространились по всей долине. Бригам Янг управлял своей колонией деспотично, но мудрость его и благожелательность делали это терпимым. С другими церковными руководителями он организовал сбыт продуктов Юты; они ведали заселением, выбирая места для основания новых городов

и посылая в каждый новый город тех ремесленников, какие там были нужны. Они превратили Солт-Лейк-Сити, с его прекрасными широкими улицами, с его сверкающими водяными источниками, храмом и молитвенным домом, в один из интереснейших городов Америки. Это был первый в США опыт экономического планирования, и он оказался успешным. Многоженство продолжалось еще некоторое время и служило колонизаторским целям, так как большинство мормонов были женщины, а на границе было мало места для незамужних и бездетных женщин. К 1850 г. Юта стала «территорией».

1

Аннексия Техаса. Аннексия Техаса и отвоевание Калифорнии и Юго-Запада у слабой Мексики завершили процесс присоединения земель на Западе. Всего за несколько лет в сороковых годах XIX в. США распространили свою власть на богатейшие и живописнейшие районы континента. Некоторые писатели называли захват мексиканской территории «аморальной агрессией». Джеймс Рассель Лоуэлл заявил, что Юг хотел получить Техас просто для того, чтобы иметь «более обширные загоны, которые можно пабить рабами». Это несправедливо. Присоединение этой территории к США было результатом естественного и неизбежного процесса, хорошо определяемого словами: «от судьбы не уйдешь».

Техас, первоначально часть Мексиканской республики, был страной по величине равной Германии, но жило там всего лишь небольшое число ранчеро и охотников. Техас рано начал привлекать к себе американцев и некоторых англичан. В 1821 г. Стивен Ф. Остин создал там первое англо-американское поселение. Главной приманкой Техаса были его свободные земли, до которых легко было добраться из южных штатов. Но мексиканское правительство было бездарным, подкупным и деспотичным, и в 1835 г. поселенцы восстали против него и после ряда сражений добились независимости. Одним из эпизодов этой борьбы был захват мексиканцами форта Аламо в Сан-Антонио, где были убиты все американские за-

щитники: «Фермонылы¹² имели своего посланца поражения, в Аламо и его не было».

Став независимой, Техасская республика начала процветать и привлекать все новых американских поселенцев. В течение некоторого времени США не считали для себя возможным осуществить аннексию Техаса, но, в силу ряда причин, постепенно изменили свою позицию. Во-первых, они считали своим долгом распространяться по незаселенному и неразвитому Западу. Во-вторых, они признавали, что техасцы — родственный народ, имевший естественные права на место под американским флагом. В-третьих, они опасались интервенции англичан, которые могли бы попытаться установить над Техасом свой протекторат. Наконец, была и материальная заинтересованность. Северяне хотели сбывать в Техас сельскохозяйственные продукты и промышленные изделия; судовладельцы знали, что их суда могут совершать выгодные рейсы в Галвестон; владельцы текстильных фабрик хотели получать дешевый техасский хлопок, а многим южанам хотелось самим поселиться в Техасе, не покидая пределов США.

На национальных выборах 1844 г. большинство избирателей высказалось за принятие республики в Союз, и в начале 1845 г. аннексия состоялась.

Война США с Мексикой. Присоединение Калифорнии и Нью-Мексико. Тем временем, многие американцы помышляли о столь же мирном захвате Калифорнии и считали это возможным ввиду ее своеобразного положения. Население Калифорнии состояло всего из 11-12 тыс. живших вдоль побережья человек. У них не было ни средств, ни армии, ни политического опыта. У людей этих было больше испанской крови, чем у большинства мексиканцев и они ставили себя выше мексиканцев как по своим физическим, так и по умственным способностям, и их зависимость от Мексики была чисто номинальной. Они бы, вероятно, свергли мексиканскую власть, если бы не их межсемеинные раздоры и давняя вражда между

¹² Фермонылы — сражение в 480 г. до н. э. между войсками Ксеркса и спартамцами (прим. пер.).

северной и южной Калифорнией. Мексика не обеспечила их ни судами, ни полицией, ни регулярной почтой, ни даже школами. Связь между Калифорнией и Мексикой была очень непрочной. Мексика откровенно признавала призрачность своего суверенитета над Калифорнией и в середине сороковых годов XIX в. выразила готовность продать этот район Великобритании. Американские элементы в Калифорнии с каждым годом численно росли, крепили и становились все деятельнее. Американские суда давно доставляли товары на побережье, а эмигранты, которые хотели поселиться в этом райском климате и извлекать доходы из разведения скота и выращивания пшеницы, начали пересекать горы в тридцатых годах. К 1846 г. в Калифорнии насчитывалось 1200 иностранцев и в большинстве это были американцы. Некоторые, поэтому, естественно полагали, что Калифорния падет, как спелая груша, в протянутые руки США и что силы применить не придется.

Быть может так бы это и случилось, если бы не вспыхнула война с Мексикой. Отдаленной причиной этого конфликта было взаимное недоверие обеих стран, а непосредственным поводом явился спор из-за границы Техаса. Для США это был кратковременный и блестящий конфликт. Одна американская армия под начальством Закари Тейлора была послана в северную Мексику, захватила укрепленный город Монтеррей и разбила большое мексиканское войско в сражении под Буэна-Виста. Другая армия под начальством Уинифилда Скотта, героя войны 1812 г., высадилась в Веракрус, прошла через горы на запад и после упорных боев заняла Мехико. Здесь Скотт поднял американский флаг над «палатами Монтезумы». При заключении мира к США отошла не только Калифорния, но и вся огромная территория между Калифорнией и Техасом. Тогда она называлась «Нью-Мексико» и в нее входила территория нынешних штатов Невады и Юты. В общей сложности, включая и Техас, США получили 918 тыс. кв. миль.

Приобрели США и несметные богатства, ибо в момент подписания мирного договора в калифорнийских горах нашли золото. Морем и наземными тропами к каньонам и ущельям, где самородки можно было про-

мышь в ситах и сковородах, сразу же устремилось множество искателей легкой наживы. В горах появились шумные лагеря, а Сан-Франциско мгновенно превратился в большой город --- энергичный, алчный, роскошный и порошный. Из сонной романтической провинции испано-американских ранчиро Калифорния внезапно превратилось в торопливое и многолюдное содружество англо-саксовцев. Эти «дни минувшего, дни золота, дни '49-го года» были одной из самых ярких страниц американской истории. Калифорния росла так быстро, что в 1850 г. она была принята в состав США в качестве полноправного штата.

Приобретение этих новых пространств на Западе вынудило американцев обратиться к ряду забытых проблем, — к проблеме Карибского района и тихоокеанской проблеме и, главное, к проблеме рабства, грозившего распространиться на всю новую территорию.

ГЛАВА 10

БОРЬБА ВНУТРИ ОБЩЕСТВА

Рабовладение. Лет за шесть до начала гражданской войны прощательный нью-йоркец Фредерик Лоу Олмстед посетил одну из первоклассных хлопковых плантаций Миссисипи. Он увидел там большой и красивый особняк, почти тысячу четыреста акров, засаженой под хлопок, кукурузу и другие злаки земли, и двести свиней. Из 135 невольников около 70 работало в поле, 3 были мастерами, а 9 обслуживало дом и конюшни. Они трудились от зари до темноты; воскресенье, а иногда и суббота, были днями отдыха. Летом рабам приходилось работать по 16 часов в сутки, с одним лишь кратким обеденным перерывом. Их недельный паёк состоял из одного пека¹³ кукурузы на человека и четырех фунтов свинины. К этому до-

¹³ Мера сыпучих тел — 9,09 литра. (Прим. пер.).

бавлялось то, что выращивали и разводили сами невольники: овощи, яйца, куры. Каждый год на Рождество им раздавали большое количество патоки, кофе, табака и ситца. Топливо для своих маленьких хижин негры добывали в болотистом лесу, где по воскресеньям они могли также рубить дрова для продажи и на вырученные деньги покупать различные необходимые мелочи. В полях между рядами невольников проходил погонщик-негр; он щелкал хлыстом, изредка касавшимся спины рабов. Белый надсмотрщик сказал Олмстеду, что дисциплина среди невольников хорошая, хотя ему только что пришлось продать одного негра, пытавшегося прыгнуть его пожом. «Бегут его негры редко, — писал Олмстед, — так как знают, что почти наверняка будут пойманы. В случае бегства надсмотрщик спускал с цепи собак».

Это была типичная плантация из разряда лучших. Олмстеду, как и другим, приходилось видеть плантации, где с рабами обращались более жестоко, а также и такие, где отношение к ним было мягче. Противники рабовладельческой системы осуждали ее за то, что невольников заставляли трудиться превыше их сил, что их иногда бичевали, что при продаже бессердечно разлучали семьи, что неграм было отказано в возможности получить образование и улучшить свое положение. Защитники этой системы превозносили ее за то, что она ограждала работников при безработице, во время болезни и в старости, что она избавляла Юг от забастовок и других трудовых конфликтов, наконец, что она обращала язычников в христианство и, — утверждали они, — постепенно возвышала их: она, мол, учит хозяев рыцарству а слуг — преданности. В качестве экономического института рабовладение имело и противников и сторонников. Олмстед, как и северокаролинский писатель Хинтон Роуэн Хелпер, автор книги «Предстоящий кризис», считали, что рабовладение приводит к обеднению Юга, тогда как многие политические деятели Юга утверждали, что Юг отстал от Севера только в области своего развития. Северяне говорили, что в социальном отношении рабовладение причиняет вред как черным, так и белым; большинство же южан считало его единственным реальным способом сохране-

ния власти над негритянскими массами и обеспечения господства белых.

На самом деле лишь немногие американцы как на Севере, так и на Юге, действительно понимали сущность этого страшного института, который, с одной стороны, подвергался ожесточенным нападкам, а с другой, не менее страстно защищался. Нельзя забывать о том важном факте, что американское рабовладение было владением рабов-негров. Поэтому, большая часть характерных особенностей рабства скорее отождествлялась с расовым вопросом, чем с социальным положением невольников, как таковых. Эта система возникла не столько как средство регулирования взаимоотношений между господами и рабами, сколько — между белыми и черными, и несмотря на коренное изменение статуса негров после гражданской войны и принятия тринадцатой поправки к Конституции, в экономических и социальных взаимоотношениях между белыми и неграми особенно значительных сдвигов не произошло. Большая часть доводов, приводимых в защиту рабовладельческого строя, могла бы с таким же успехом быть использована для защиты доктрины превосходства белых, сформулированной после окончания гражданской войны. Равным образом, сущность критики, высказываемой противниками рабства, не утратила своей остроты и в послевоенные годы. Когда янки утверждали, что рабовладение тормозит развитие Юга, — они считали его главным виновником отсталости южного сельского хозяйства, промышленности и образования и по существу имели ввиду наличие дешевой рабочей силы невежественных негров. То же положение вещей продолжало существовать и после освобождения негров. Многие южане понимали это, но понимали скорее инстинктивно, чем разумом, и не могли объяснить, что рабовладение было переходной стадией в эволюции расовых отношений. В виду того, что для северян рабство было неприемлемо, они тоже не могли предвидеть всего, что было связано с эмансипацией, и обрекли себя, таким образом, на горькое разочарование в ее результатах.

К 1850 г., когда численность населения США пре-

высила 23 миллиона (в следующее десятилетие они перегнали Великобританию), общее число рабов составляло 3 миллиона 200 тыс. В Южной Каролине и в Миссисипи негров было больше, чем белых, в Луизиане их было примерно столько же, а в Алабаме они составляли приблизительно 43% всего населения штата. В Аппалачах, на всем протяжении от Мэриленда до Алабамы, их почти не было, а в некоторых других районах негры составляли подавляющее большинство населения: к северу от Чарлстона — 88%, в центральной Алабаме — почти 70%, а в низовьях р. Миссисипи был район с 90% негров. Больше всего рабов было в районах с жарким климатом, с ровной поверхностью и с плодородной почвой; меньше всего — в гористых и неплодородных местностях. Рабовладельцы составляли лишь меньшинство южан. В 1850 г., как показала перепись населения, из общего числа 6 миллионов белых южан, рабов имелось всего у 347 тыс. 725 человек. У большинства рабовладельцев были небольшие группы рабов, основная же масса негров принадлежала трем или четырем тысячам семей крайнего Юга, которые занимали лучшие земли и на долю которых приходилось три четверти общего дохода рабовладельцев. Рабы трудились на хлопковых, сахарных и рисовых плантациях. К примеру можно привести Хауэлла Кобба в Джорджии. У него была тысяча негров и хлопковая плантация размером в 10 тыс. акров. Политическая власть, как и руководящая интеллектуальная роль, также принадлежали на Юге небольшой, преимущественно аристократической группе.

Начиная примерно с 1830 г., образовавшаяся по вопросу о рабстве пропасть между сторонниками и противниками этой системы, стала непрестанно углубляться. В северных штатах усилилось влияние аболиционистов, стремившихся к ликвидации рабства, и особенно возросло влияние тех, кто отстаивал принцип «свободной земли», т. е. людей, считавших, что рабство не смеет географически распространяться дальше. В 1831 г. пылкий Уильям Ллойд Гаррисон основал в Бостоне еженедельник «Либерејтор» («Освободитель»). Роль Гаррисона была впоследствии сильно преувеличена. Не менее важную роль сыграла

в этом вопросе активная группа людей в Огайо, руководителями которой были евангелист Финней и агитатор Теодор Д. Уэлд, а также нью-йоркцы, возглавлявшиеся Артуром Таппаном. Все они были видными борющимися полной эмансипации, а преследования, которым они подвергались, лишь подливали масла в огонь. После убийства Эльяша Ловджоя — издателя газет, отстаивавших эмансипацию негров, в Алтоне (шт. Иллинойс), крестовый поход за права рабов стал более интенсивным. Нарушение гражданских прав убедило многих способных людей, что вопрос о рабстве глубочайшим образом связан с принципом прав человека. Так, блестящий оратор Уэндела Фицджеральд в Бостоне решил присоединиться к освободительному движению после нападения толпы на Гаррисона; его примеру последовали состоятельный Геррит Смит в северной части Нью-Йорка — после нападения на участников абolicционистского собрания в Ютике, и талантливый Салмон П. Чейз в Огайо — после нападения на печать в его штате. Тем не менее, абolicционистам никогда не удалось заручиться особенно сильной поддержкой населения, тогда как сторонников идеи «свободных земель» (фрисволлеров), т. е. людей, считавших, что рабовладение ни в коем случае не должно распространяться географически, постепенно стало великое множество. Тем временем, на Юге различные общественные деятели провозгласили рабство подлинным благом. В защиту рабовладения была написана книга Томаса Дью, принадлежавшего к колледжу Уильям энд Мэри; губернатор Южной Каролины Хаммон в 1835 г. назвал рабовладение «красугольным камнем нашего республиканского здания», а Калхун, указывая на древние Афины, утверждал, что рабство — наиболее прочная основа для возникновения блестящей культуры.

Проницательные люди довольно рано усмотрели в этом разделявшем страну споре угрозу для единства Союза. Джон Куинси Адамс неоднократно предупреждал в Конгрессе Юг, что его отделение будет означать войну и говорил: «в тот самый момент, когда ваши рабовладельческие штаты станут театром гражданской, рабовладельческой или внешней войны, статьи

Конституции, предусмотренные на случай войны, позволят вменаться в нашу рабовладельческую систему». При Линкольне это предсказание сбылось.

Тучи сгущаются. Разногласия по поводу рабства приняли угрожающий характер как раз в тот момент, когда урегулирование Техасского вопроса и результаты Мексиканской войны обеспечили присоединение к США огромных территорий на Юго-Западе. Заимствуя слова Джефферсона, можно сказать, что звон пожарного колокола в ночи предвещал недоброе. Вплоть до 1844 г. рабовладение укреплялось в своих правах там, где оно было и раньше. Пределы его были обозначены по так называемому «миссурийскому компромиссу», и границы эти не нарушались. Но когда было провозглашено право рабовладения на территориальную экспансию, северяне оказали этому сопротивление. Они полагали, что рабовладение следует удерживать в тесных границах, и в конце концов оно само себя изживет. При этом они ссылались на Вашингтона, Джефферсона и других основателей республики, а также на постановление 1787 г., воспрещавшее распространение рабства на Север, считая это постановление общеобязательным прецедентом. Поскольку в Техасе рабство существовало и прежде, он автоматически вошел в состав США в качестве рабовладельческого штата. Иначе обстояло дело с Калифорнией, Нью-Мексико и Ютой, где рабства не было. Когда США готовились к присоединению этих областей, пенсильванский демократ Дэвид Уильмот добавил к одному из законопроектов об ассигнованиях условие, что рабовладение должно быть навсегда запрещено, на любой территории, которая может отойти к США от Мексики. Палата Представителей приняла эту оговорку, а Сенат проголосовал против.

Южане считали вопиющей несправедливостью, что та область, которую они своей кровью помогли завоевать, не открывается для них на равных началах с северянами, что им запрещалось пользоваться рабской рабочей силой в той же мере, в какой северяне могли использовать механизацию. Фрисойлеры, со своей стороны, считали недопустимым распространение рабства на новые территории, указывая, что ра-

рабовладение причиняет вред свободному предпринимательству и оскорбляет их моральное чувство. В результате, вопрос политического характера оказался связанным с конституционным вопросом: дает или не дает Конституция полномочия Конгрессу запрещать или регулировать рабовладение на новых землях? Конгресс это делал неоднократно, но в Конституции по этому поводу не содержалось отчетливых формулировок. Это дало повод Калхуну и другим южным радикалам утверждать, что рабовладельческий строй автоматически распространяется на новые территории вслед за американским флагом и не может быть на этих территориях запрещен.

Сильная партия фрисойлеров впервые вышла на сцену во время предвыборной кампании 1848 г. На пост президента она выставила кандидатуру Ван Бюрена. Программа ее кончалась следующими словами: «Мы идем на нашем знамени: Свободная Земля, Свободное Слово, Свободный Труд, Свободный Человек - и под этим знаменем мы будем бороться до тех пор, пока наши усилия не увенчаются полной победой». Эта партия получила внушительное количество голосов, демократы понесли поражение и на выборах прошел последний президент партии вигов - герой войны Закари Тейлор.

Все, что происходило во время предвыборной кампании и после нее, свидетельствовало о том, что крайний Юг скорее пойдет на отделение от США, чем примет поправку Уильмота. Было столь же очевидно, что северные противники рабства никогда не уступят требованию Калхуна о допущении рабовладельческой системы во всех недавно присоединенных территориях. Нужно было спешно искать компромиссного решения. Одна из умеренных групп предложила, чтобы линия, установленная «миссурийским компромиссом» по 36° 30' с. ш., была продлена до тихоокеанского побережья с тем, чтобы к северу от нее были свободные штаты, а на юге — рабовладельческие. Другая группа умеренных, под руководством Люиса Касса из Мичигана и Стивена А. Дугласа из Иллинойса, высказалась за предоставление этого вопроса на усмотрение населения. Иными словами, группа эта предлагала, чтобы правительство не предре-

шало своей позиции и позволило бы поселенцам заселять новые районы так, как они сами захотят — с рабами или без них, а затем, когда настанет время превратить эти территории в штаты, предоставить населению самому решить на месте, какой системы оно хочет придерживаться. Когда Конгресс собрался в конце 1849 г., южане уже открыто угрожали разрывом. Представитель Джорджин Роберт Тумбс воскликнул по поводу одного северного законопроекта: «Если он пройдет, я — за отделение».

Компромисс 1850 г. Во время этого кризиса Генри Клей в третий раз предотвратил разрыв путем хорошо обдуманного компромиссного предложения. Его план предусматривал: принятие Калифорнии в Союз в качестве свободного штата, организацию территорий Нью-Мексико и Юты без определенных законов по вопросу о рабстве, более действенную систему возвращения хозяевам бежавших рабов, упразднение работорговли в округе Колумбии и компенсацию Техаса за уступленные им Нью-Мексико земли. Таким образом, каждой стороне нужно было пойти на известные уступки. Большинство этих предложений было первоначально выдвинуто Дугласом, а Клей объединил их в цельный план и своей поддержкой придал ему особый вес. Авторитет, которым Клей пользовался во всех частях страны, его ораторские способности, его вдумчивость и, наконец, излучаемое им обаяние и сердечность — все это было необходимо для того, чтобы план был принят.

Прения, предшествовавшие окончательной редакции компромисса 1850 г. были одними из самых примечательных в американской истории. В то время в Сенате находились три выдающихся парламентария — Клей, Уэбстер и Калхун. Стояли они уже у могилы. Кроме них в Сенате была целая плеяда чрезвычайно одаренных людей помоложе: Стивен А. Дуглас, Джефферсон Дэвис, Уильям Г. Снуорд и Салмон П. Чейз. Двое из вышеперечисленных — Калхун и Дэвис — восстали против компромиссного плана, считая, что он предъявляет к Югу несправедливые требования. Калхун составил внушительный документ, в котором говорилось, что для предотвращения трагического кон-

фликта необходимо сгладить все нанесенные Югу обиды. Нити, связывающие Север с Югом, — писал Калхун, — порываются одна за другой. Уже произошел раскол между методистской и баптистской церквями. «В том случае, если агитация будет дальше продолжаться, — заявлялось далее, — те же силы, действуя с еще большей энергией, в конце концов, перережут все нити, и тогда ничто не будет удерживать единство, кроме силы».

Калхун был слишком слаб для того, чтобы самому произнести свою речь. С трудом передвигаясь, он пришел в Сенат послушать, как эту речь прочтет его виргинский коллега. Из северян против компромиссного предложения Клея восстали Снуорд и Чейз, считая что план несправедлив по отношению к северным штатам. Клея блестяще поддержал Даниэль Уэбстер. 7 марта Уэбстер выступил со своей последней знаменитой речью и призвал «не как представитель Массачусетса, не как северянин, а как американец» к сохранению единства и объявил мирное отделение Юга невозможным. Поддержка Уэбстером компромиссного решения вызвала глубокое возмущение в Новой Англии со стороны радикальных противников рабства. Для того, чтобы произнести эту речь Уэбстеру понадобилось немало мужества. Он поступил, как настоящий государственный деятель и этим оказал стране свою последнюю великую услугу. Умеренные взгляды Клея, Дугласа и Уэбстера, в конце концов, восторжествовали. Компромисс был утвержден и страна облегченно вздохнула. Закари Тейлор, по всей вероятности, наложил бы на эти законопроекты свое veto, но он умер в начале лета, а его преемник, Миллард Филмор, подписал их очень охотно.

В течение трех лет, одобренный компромисс улаживал почти все разногласия. Он пользовался искренней поддержкой большинства как в партии виггов, так и среди демократов. Подспудное напряжение, однако, продолжало нарастать. Новый закон, касавшийся беглых рабов, глубоко оскорблял многих северян. Они отказались принимать какое-либо участие в поимке рабов и, попрежнему, помогали их бегству. Так называемая «подземная дорога» работала с большим успехом, чем прежде. Некоторые невольники бежа-

ли из прибрежных районов на кораблях, другие, ориентируясь на Полярную звезду, под прикрытием ночи пешком продвигались к р. Огайо, откуда им помогали переправиться в Канаду. Еще одним путем, которым пользовались беглые рабы, была цепь Аппалачских гор. Все северные штаты имели множество тайных убежищ для бежавших, а такие люди, как прозванный «президентом подземной дороги» Леви Коффин, помогали сотням невольников достигать безопасности. К 1850 г. имелось около 20 тыс. беглых рабов, осевших в северных городах и поселках, но попытки схватить их часто вызывали беспорядки.

Закон о беглых рабах послужил поводом для книги Гарриэт Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», вышедшей в свет в 1852 г. В этой книге Гарриэт Бичер-Стоу ярко описала ужасное положение невольников, и произвела глубокое впечатление, как на Севере, так и на Юге. Сама писательница жила в «пограничном» городе Цинцинати и бывала в домах плантаторов Кентукки. В своей книге она отдала должное многим гуманным и великодушным рабовладельцам и единственный жестокий погонщик, выведенный ею в образе Саймона Легри, был по происхождению янки.

Гарриэт Бичер-Стоу показала, насколько жестокость неразрывно связана с рабовладением и насколько сущность рабовладельческого общества несовместима с сущностью общества свободного. Книга была переведена более, чем на двадцать языков, в Британской империи она разошлась в количестве, превышавшем 2 миллиона экземпляров, а когда из этого произведения была сделана пьеса, -- она глубоко волновала зрителей.

В 1854 г. старый спор о рабстве в «территориях» вновь разгорелся с еще большей силой, и каждая сторона выдвинула своих новых вождей. Радикальные южане решили во что бы то ни стало избавиться от «миссурийского компромисса», закрывавшего для рабовладения всю верхнюю долину Миссиссиппи, но когда они попытались это сделать, Север поднялся подобно расвиреневшему гиганту.

Расположенные за р. Миссури земли (там, где ныне находятся плодородные штаты Канзас и Небраска)

привлекали уже тогда поселенцев; они предвещали наступление быстрого развития после удаления индейцев и установления прочной власти. Старый миф о «великой американской пустыне» был похерен исследователем Джоном Фремонтом и другими. Многие северяне считали, что превращение этих земель в «территорию», привлечет поселенцев и на ней можно будет проложить железную дорогу от Чикаго до Тихого океана, предвосхитив, таким образом, план южан провести железную дорогу в западном направлении от Нового Орлеана. Действовать нужно было быстро, ибо южане хотели проложить свою дорогу через хорошо заселенный Техас и территорию Нью-Мексико, где риск нападения индейцев был невелик. К тому же, у строителей железной дороги была возможность безвозмездного получения земель. Никто так страстно не желал осуществления проекта северян, как живший в Чикаго Стивен Дуглас. Он был деятельным земельным спекулянтом и занимал место председателя сенатской комиссии по вопросам о территориях. Но Дуглас натолкнулся на твердую оппозицию. Согласно «миссурийскому компромиссу», все земли, которые северяне в своих интересах хотели превратить в «территории», были закрыты для рабства, и Миссури заявил протест против того, чтобы граничащий с ним на западе Канзас стал свободной территорией. Невольникам Миссури было бы очень легко бежать в эту свободную область; кроме того, Миссури был бы тогда окружен тремя свободными соседями и, поддавшись и без того сильным аболиционистским настроениям, вероятно, вскоре сам превратился бы в свободный штат. Поэтому, в течение некоторого времени, представители Миссури в Вашингтоне, при поддержке делегатов южных штатов, блокировали все попытки организации такой «территории».

В 1854 г. сенатору Дугласу удалось прорвать эту obstruction посредством законопроекта, который привел в ярость фрисойлеров. Законопроект Дугласа предусматривал проведение в жизнь излюбленной им доктрины о суверенности населения. В окончательной редакции закон этот объявлял, что «миссурийский компромисс» аннулирован компромиссом 1850 г. и

что, следовательно, Юта и Нью-Мексико могут сами решать вопрос о рабовладении. Закон предусматривал также создание двух территорий, Канзаса и Небраски, разрешал переселенцам привозить с собой рабов и предоставлял им право самим решать, хотят ли они войти в состав США в качестве свободных или рабовладельческих штатов. При выработке этого законопроекта, Дуглас руководствовался разными соображениями. Его тотчас же обвинили в том, что он заискивал перед Югом в надежде победить на президентских выборах 1856 г. Политические амбиции Дугласа действительно были велики. Союзники Дугласа по демократической партии были, преимущественно, южане, женат он был тоже на южанке, особой неприязни к рабовладению у него не было и он не выступал против его существования. Однако главной целью Дугласа все-же было стремление к скорейшему развитию замисисиппских земель, где климат, полагал он, все равно не благоприятствует рабовладению.

Если Дуглас рассчитывал, что Север покорно примет его план, то в этом ему пришлось разочароваться очень скоро. Открытие богатых западных прерий для рабовладения многие миллионы людей сочли непростительным поступком. Принятию законопроекта о Канзасе и Небраске сопутствовали ожесточенные прения. Печать фрисойлеров писала изобличительные статьи. Северное духовенство произносило возмущенные проповеди. Деловые круги, которые прежде жаловали Юг, внезапно круто изменили свое отношение к нему. В главных северных городах проводились массовые митинги, осуждавшие Дугласа и его предложения. Дуглас сам говорил, что мог бы ехать из Вашингтона в Чикаго при свете пламени костров, на которых сжигались изображавшие его чучела. Наконец, в одно мартовское утро Сенат все-же утвердил этот законопроект и восторженные южане отметили это пушечными салютами. Спускаясь по ступеням Капитолия, Чейз сказал массачусетскому представителю Чарльзу Самнеру: «Сейчас они празднуют победу, но вызванное ими эхо не смолкнет до тех пор, пока не умрет само рабовладение». Когда же Дуглас приехал в Чикаго, чтобы выступить там в свою защиту, стоявшие в порту суда приспустили флаги, с

колоколен церкви в течение часа раздавался похоронный звон, а десяти тысячная толпа так долго кричала и улюлюкала, пока, наконец, измученный тщетными стараниями быть услышанным Дуглас не вынул свои часы и, как утверждали некоторые, не воскликнул: «Сейчас воскресное утро; я иду в церковь, а вы можете идти к черту».

Злополучное мероприятие Дугласа было чревато последствиями. Партия вигов, которая заняла выжидательную позицию в вопросе о пропихивании рабства на «территории», развалилась и вместо нее появилась новая иная партия — республиканская. Эта идеалистическая партия, в которой было много энтузиазма, привлекала умных и энергичных молодых людей. Она одинаково располагала к себе деловые круги приатлантических районов и фермеров западной части страны. С самого начала партия эта была явлением исключительным. Первым ее требованием явилось упразднение рабства на всех «территориях». В 1856 г. партия выставила кандидатуру Джона Фремонта, известного пятью исследовательскими экспедициями на американский Дальний Запад. Его кандидатура получила единодушную поддержку значительной части Севера и, если бы на президентских выборах в октябре его поддержала и Пенсильвания, он, по всей вероятности, одержал бы победу над демократическим кандидатом Бьюкенаном. Тем временем, большего влияния, чем когда либо раньше, добились такие лидеры фрисойлеров, как Снуорд и Чейз, а вместе с ними на сцену вышел и худощавый, высокий адвокат из Иллинойса, проявивший исключительную силу логики при обсуждении новых проблем, — Авраам Линкольн.

Речь Линкольна 16 октября 1854 г. в Индиане явилась превосходным изложением принципов фрисойлерства. Линкольн сказал, что у него нет ни малейшего желания вмешиваться в устройство рабовладельческой системы в тех местах, где она существовала. «Если бы в моих руках была сосредоточена вся земная власть, и то я бы не знал, как применить ее в отношении существующей системы». По его словам, у Конгресса так же мало было морального права аннулировать «Миссурийский компромисс», представляв-

ний собой важный договор между отдельными частями страны, как и отменить закон, запрещающий ввоз рабов из Африки. Линкольн утверждал, что все федеральные законодательные меры должны покоиться на принципах, принятых основателями республики, что рабовладение — это система, которая подлежит ограничениям и, в конечном итоге, — полному упразднению. Принцип суверенности населения в решении этого вопроса неверен, — заявил он, — по той причине, что рабство на Западе касается не только населения данного района, но США в целом. «Разве тридцать один гражданин Небраски имеет большее моральное право утверждать, что тридцать второй гражданин не смеет иметь рабов, нежели население тридцати одного штата — говорить о том, что в тридцать втором штате рабства не должно вовсе быть?»

Переселение в Канзас южных рабовладельцев при одновременном заселении этого района северными противниками рабства привело к возникновению острых конфликтов, сопровождавшихся зверскими эпизодами партизанской войны. Как на Юге, так и на Севере, принимались меры к тому, чтобы способствовать переселению людей, готовых на новых местах отстаивать свои принципы. Особенно энергичным оказалось Северное общество помощи эмигрантам, отправлявшее на Запад хорошо вооруженных переселенцев. Популярный бруклинский священник Генри Уорд Бичер, присутствуя на одном собрании, где диакон призывал к снабжению оружием партии переселенцев, заявил, что винтовка Шарпа — большая моральная сила, чем Библия. Отсюда — крылатое выражение «бичерские Библии». Вскоре стало очевидно, что на стороне Севера больше преимуществ, чем на стороне Юга. Особенно благоприятствовало Северу то обстоятельство, что вблизи спорных территорий находилось многочисленное свободное население верхней части долины Миссисипи, а южане рисковали тем, что привозят рабов в район, который вскоре может оказаться свободным. И все же, сторонники рабовладения пользовались поддержкой правительства Букенана, а многие «пограничные хулиганы» переплывали реку из Миссури, чтобы нелегально участвовать в голо-совании или запугивать северян. Конфликт затяги-

вался и настроения людей по всей стране становились все более бескомпромиссными. Когда же совершавший одну ошибку за другой Бьюкенан попытался заставить Конгресс, имевший в обеих палатах демократическое большинство, принять Канзас в состав США на условиях допускавшей рабовладение Лекомptonской конституции, это вызвало на Севере новую бурю негодования и сам Дуглас возмущенно порвал с президентом.

Тем временем, многие северяне, считавшие, что Юг первый нарушил условия Компромисса 1850 г., открыто отказались подчиняться закону о беглых рабах, являвшемуся одним из условий этого Компромисса. Случаи вмешательства толпы, принимавшей сторону бежавших негров, становились все более частыми. Многие северные штаты приняли так называемые «законы о личной свободе», являвшиеся открытым аннулированием федерального закона. Когда в Бостоне был пойман бежавший невольник Антони Бернс, на его защиту поспешили некоторые из самых видных городских деятелей. Возмущенное население хлынуло в Бостон из всего восточного Массачусетса, улицы города наполнились воинственно настроенными толпами и понадобилось совместное вмешательство городской полиции, штатной милиции и частей национальной армии для того, чтобы водворить назад в неволю одного несчастного черного человека.

Пакануне войны. С каждым годом страна приближалась к гражданской войне. Один конфликт за другим, подобно ударам гигантского барабана, заставлял содрогаться страну. В 1856 г. необузданный Престон Брукс, представитель Южной Каролины в Конгрессе, набросился на представителя Массачусетса Самнера и так избил его своей тростью, что Самнер был несколько лет инвалидом. Поводом послужила грубая и оскорбительная речь Самнера. Это однако не оправдывало поступка Брукса. В начале 1857 г. Верховный суд Тейни и большинство членов Верховного суда заявили в связи с делом Дреда Скотта, что у Конгресса нет никакого права запрещать рабовладение в «территориях». Это решение было неудачным и плохо обоснованным истолкованием Конститу-

ции. Оно немедленно вызвало беспримерно жестокие нападки на Верховный суд со стороны лидеров и печати фрисойлеров, обещавших приложить все усилия к тому, чтобы Верховный суд со временем изменил свою точку зрения. «Отныне, --- писал поэт и редактор Уильям Каллен Брайант, -- если это решение станет законом, рабство, вместо того, чтобы быть тем, чем его до сих пор называли жители рабовладельческих штатов --- их специфической системой --- станет системой федеральной, общим достоянием и общим позором всех штатов: тех, которые гордятся своим свободным строем, и тех, которые не смущаются своим клеймом Страны Оков. Отныне, куда бы ни распространилась наша власть, она понесет с собой цепь и бич; где бы ни развевался наш флаг, он будет флагом рабства. В таком случае, с этого флага надо стереть сияние звезд и полосы утренней зари; его надо покрасить в черный цвет и сделать его эмблемой кнут и оковы. Неужели мы должны безропотно принять это новое истолкование Конституции? Никогда! Никогда!»

В 1858 г. в Иллинойсе произошла памятная серия дебатов между Линкольном и Дугласом. И тот и другой стремились попасть в Сенат. Внешне эти дебаты не отличались особой торжественностью. Дуглас был коренастый, маленький человек с огромной головой, а Линкольн — неуклюжий, долговязый великан с простым лицом, обрамленным кожной черных волос. Они представляли собой разительный контраст. Но такой пронзительности, такого блеска и чисто саксонской логической силы, не было в прениях, которые когда-либо велись на английском языке. Эти дебаты вызвали во всей стране понимание подлинного значения связанных с рабством проблем. К тому же, Линкольн вынудил Дугласа еще раз повторить, что решение по делу Дреда Скотта не является в его глазах непререкаемым упразднением принципа суверенности населения «территорий». Правда, Верховный суд постановил, что пренятствовать рабовладению не могут ни Конгресс, ни территориальные законодательные органы, но, --- доказывал Дуглас, --- в районах, где к рабству относятся отрицательно, оно не может уцелеть иначе, как при помощи поли-

дейских мер, а если население данного места откажется эти меры утвердить, то рабовладение, тем самым, можно ущемить и даже упразднить. Когда это смелое признание дошло до сведения Юга, многие южане присоединились к Бьюкенану и вычеркнули имя Дугласа из списка демократической партии, что, однако, не поменяло ему победить на выборах и добиться назначения в Сенат. Что же касается Линкольна, то он превратился в национального героя.

Затем, в 1859 г. произошло нападение Джона Брауна в Харперс-Ферри — фанатическое вторжение в Виргинию небольшой группы людей, пытавшихся освободить и вооружить рабов. Это случайное и преступное предприятие полностью провалилось, вызвав справедливое возмущение Юга. Иная реакция была на Севере: после того, как Браун и шестеро его соучастников были повешены, многие северяне зачислили этого старого аболитциониста в разряд мучеников за свободу, и не прошло и двух лет, как солдаты шли в бой под песню «Джон Браун'с Боди» («Труп Джона Брауна»).

Каждое из этих событий было тем более значительным, что Север и Юг превратились в две части страны, у которых в экономическом, социальном и политическом отношениях было очень мало общего. Юг почти целиком был сельским и имел лишь один большой город — Новый Орлеан. В то же самое время на Севере появилось множество городов, а население Нью-Йорка быстро приближалось к миллиону. На Юге почти не существовало промышленности, хотя там было несколько крупных предприятий, вроде процветавших Тредегарских металлургических заводов в Ричмонде. Однако текстильными фабриками всего Юга обрабатывалось меньше хлопка, чем в одном только г. Лоуэлле в Массачусетсе. На Севере было множество преуспевавших промышленных предприятий которые в больших количествах выпускали железо, сельскохозяйственное оборудование, текстиль, обувь, часы и тысячи других изделий; там строились суда, унаживалось мясо, мололась мука, и все эти заводы и фабрики постоянно совершенствовались. В Америку прибывало огромное количество эмигрантов: с 1850 г. по 1860 г. — 2 миллиона 452 тыс., и почти

все они осели на Севере или на Западе. Ирландцы обосновались в городах, немцы и скандинавы отправлялись на фермы, а британцы расселялись повсюду. Север к тому времени уже столкнулся с мучительной проблемой трудовых конфликтов и городских тучищ. Юг приветствовал бы иммигрантов, но мало кто ехал туда, не желая состязаться с негритянскими невольниками. Постройка железных дорог на Севере производилась гораздо интенсивнее, чем на Юге. С Востока в обход Аппалачам и через них проходили три главных линии: законченная в 1851 г. железная дорога Эри, которая соединила Нью-Йорк с районом Буффало; законченная в 1852 г. Пенсильванская железная дорога — от Нью-Йорка до Питтсбурга, — и магистраль Балтимор-Огайо, доведенная в 1853 г. до г. Уилминга. Самая большая на Западе железная дорога была магистраль Иллинойс Сентрал, на постройку которой был выдан щедрый земельный падед в 2 миллиона 600 тысяч акров. Она соединяла Чикаго с Мексиканским заливом. Общее протяжение железнодорожных путей, проложенных с 1850 года по 1860 г., составляло 20 тыс. миль; большая их часть проходила на Севере.

Северяне все больше убеждались в необходимости протекционных пошлин, тогда как сельский Юг, который хотел получать промышленные товары по низкой цене, ненавидел их. Север был заинтересован в быстром распределении общественных земель между мелкими землевладельцами. Раздавалось настойчивое требование о том, чтобы все переселенцы получили бесплатные усадьбы, и фраза: «голосуйте за собственную ферму» — стала популярным политическим лозунгом. Юг хотел, между тем, чтобы государственные земли сохранялись и продавались только по высоким ценам. Северо-Запад стремился к ряду внутренних улучшений, а Юг был к ним равнодушен. Север хотел действенной федеральной банковской системы, а Юг, в котором не происходило накопления крупных капиталов, относился к централизованной банковской системе враждебно. В социальном отношении Север, несмотря на увеличение пропасти между богатыми и бедными, был демократичнее, чем Юг, где

большая часть богатств и власти находились в руках рабовладельческой олигархии.

И все-таки, эти различия, несмотря на всю их серьезность сами по себе не привели бы к окончательному разрыву, если бы их не преувеличивали страх и предрассудки, и ими не пользовались демагоги. Юг отчетливо сознавал, что в основе рабовладельческого вопроса, лежала почти неразрешимая расовая проблема, и был в безвыходном положении; Юг, как сказал Джефферсон, «держал волка за уши» и не мог ни удержать, ни отпустить его. Аболиционистская агитация вселила в южан страх, что Север нападёт на рабовладение в тех местах, где оно уже укоренилось, нарушит эту исторически сложившуюся систему труда и натравит одну расу на другую, что приведет к истреблению и белых и черных. Фактически критика северян содержала немало эгонистических, неконструктивных и разжигающих страсти доводов. С другой стороны, даже такие здравомыслящие северяне, как Линкольн, опасались, что южные радикалы попытаются распространить рабство по всей стране. Опасались они также и того, что Юг, подавившись агитации некоторых лидеров, захочет возобновить работорговлю, и что попытка расширить ее приведет страну к войне, направленной на захват Кубы, Мексики или Центральной Америки. Подозрения в империалистических замыслах Юга были вызваны Остендским манифестом 1854 г., явившимся безответственным заявлением в пользу присоединения Кубы к США. Манифест был подписан тремя посланниками-демократами, которых президент Франклин Пирс отправил в Великобританию, Францию и Испанию. Другим поводом к подобным опасениям явилась поездка беспринципного Уильяма Уолкера в Центральную Америку, где он произносил безответственные речи.

Многие северные журналисты, священники и политики грубо преувеличивали зло рабовладения и замыслы рабовладельцев, а многие южане намеренно преувеличивали зло индустриального общества и цели сторонников принципа свободной земли — фри-сойлеров. Один мудрый нью-йоркский лидер сказал, что если бы можно было посадить всех худших агитаторов обеих сторон в почтовую карету и опустить

их на пятнадцать минут в реку Потомак, то мир между Севером и Югом был бы обеспечен. Впрочем, это мнение было слишком оптимистическим: их место быстро заняли бы другие.

Избрание Линкольна. Разрыв. Победа республиканской партии на президентских выборах 1860 г., ускорившая разрыв с Югом, произошла из-за раскола в рядах демократов. В основе этого раскола лежал один из самых драматических эпизодов в истории американской партийной жизни.

В течение ряда лет все большее число южан-экстремистов настаивали на том, чтобы Конгресс принял законы, ограждающие рабовладельческую систему в «территориях». После того, как Дуглас заявил, что решение Верховного суда по делу Дреда Скотта о свободном допущении рабовладения во всех «территориях» может быть лишено всякой силы путем проведения местных законов, южане стали особенно решительно настаивать на своем требовании. Оно было высказано Джефферсоном Дэвисом от Миссисипи, Уильямом Л. Янси от Алабамы и Робертом Тумбсом от Джорджии — тремя представителями «хлопкового царства». В начале 1859 г. это требование было повторено в Сенате Альбертом Брауном от Миссисипи, который, обращаясь к Дугласу, спросил, какой позиции он придерживается. «Если законодательные органы территорий откажутся принимать надлежащие меры, — сказал он, — будете ли вы действовать? Если будут приняты законы, направленные против рабства, аннулируете ли вы их и замените ли вы их законами в защиту рабства?» Юг, — заявил он, — требует решительных мер, «действий определенных и безоговорочных». Другие сенаторы южных штатов поднялись, чтобы поддержать Брауна.

Дуглас, однако, не смутился. Требование Брауна, — заявил он, — является нарушением прав населения территорий. Еще никогда в американской истории Конгресс не принимал уголовных кодексов ни для одной территории или закона, охраняющего имущество на какой-либо территории. Начиная с 1789 г. все эти дела были переданы Конгрессом в ведение территориальных legislatures. Зачем, — спрашивал

Дуглас, -- нарушать это здоровое правило? Демократическая партия в течение многих лет утверждала, что она стоит за невмешательство Конгресса в территориальные дела, зачем же теперь отказываться от этой разумной установки? «Если, — продолжал Дуглас, -- вы отмените принцип невмешательства и составите невольничий кодекс в Конгрессе и если население территорий от него откажется, нам придется отказаться от демократической платформы... Я говорю вам, представители Юга, со всей прямоотой, — я не верю в победу хотя бы одного демократического кандидата на выборах в любом демократическом штате Севера, если в его программе будет сказано, что на обязанности федерального правительства лежит принуждение территорий к учреждению рабовладельческой системы, которой они иметь не захотят». Джефферсон Дэвис возразил на это, что Конгресс обязан утверждать права американских граждан и что если территориальное законодательство не выполняет своих функций по охране имущества, это должен делать Конгресс. «Отнюдь нет», -- воскликнул Дуглас. «Если Орегон не примет закон, поощряющий обзаведение ослами, я не стану проводить закона в Вашингтоне, навязывающего ему ослов; если Орегон не будет поощрять обзаведение рогатым скотом, я не стану навязывать рогатый скот; если Орегон откажется принимать рабов, я не стану навязывать их населению Орегона».

На демократическом конвенте 1860 г. этот вопрос явился тем подводным камнем, о который раскололась демократическая партия. Другим поводом явилась вражда между Дугласом и сторонниками правительства Бьюкенана. Делегаты конвента собрались в Чарлстоне, в самом центре агрессивных про-рабовладельческих настроений, в городе Калхуна, Хейна, Р. Б. Ретта и его радикального «Меркюри». Они собрались для того, чтобы продолжить борьбу между Дугласом и Дэвисом, которая уже в течение двух лет ожесточенно велась в Сенате. Если бы победил Дуглас, демократическая партия могла бы продолжать свое существование в качестве подлинно национальной организации, одинаково сильной на Севере, на Западе и на Юге. Если бы победил Дэвис со своей

программой, требовавшей введения рабовладения и там, где его не хотели, то демократическая партия стала бы партией, сильной только на Юге. Вначале многие думали, что будет выставлена чья-то компромиссная кандидатура и принята платформа, не предвещающая вопроса о рабовладении в «территориях». Однако такие крайние южане, как Девис, Янси, Ретт, Тумбс и Джула П. Бенджамин из Луизианы, твердо решили добиваться победы, несмотря на то, что это ставило бы под угрозу существование партии.

«Господа южане, — воскликнул сторонник Дугласа, Пью от Огайо, когда экстремисты продолжали настаивать на включении их требования в текст программы, — вы недооцениваете нас, вы ошибаетесь, мы этого не сделаем». Большинство делегатов решительно высказалось против позиции Девиса-Янси. Тогда делегация Алабамы поднялась и в знак протеста вышла из зала заседания. То же сделала и делегация Южной Каролины, а за ней последовал целый ряд других делегатов из крайних южных штатов. Раскол произошел полный и Чарлстонский конвент закрылся, так и не выставив кандидата в президенты. Каждая из отколовшихся частей вскоре провела свои собственные конвенции. Южные радикалы выставили кандидатуру Джона Брекинриджа от Кентукки, а их противники — кандидатуру Дугласа. Значение раскола было гораздо глубже, чем многие в то время полагали: он не только сделал неизбежным поражение демократов на президентских выборах, но упразднил также еще одну важную нить, связывавшую Север с Югом.

Тем временем, в рядах республиканской партии к началу предвыборной кампании царил полное единство. Конвент в Чикаго прошел под знаком всеобщего энтузиазма и была выдвинута кандидатура самой популярной личности Среднего Запада — Авраама Линкольна. Его соперники, Сьюард и Чейз, несмотря на свое разочарование, лояльно его поддерживали. Партийный дух стоял на небывалой высоте, а миллионы избирателей — противников дальнейшего распространения рабства — были охвачены глубокой решимостью добиться своей цели. Партии уда-

лось также заручиться сильной поддержкой капиталистических кругов и, таким образом, ее финансовое положение было несравненно лучше, чем четыре года тому назад. Краткая, но катастрофическая паника 1857 г. привела к тому, что в промышленных районах стали настойчиво требовать введения оградительных пошлин и усилилось требование торговых и финансовых кругов об улучшении банковской системы. Республиканская партия обещала удовлетворить эти требования. Она привлекла также к себе симпатии жаждавших земли северяни, обещав провести закон, согласно которому переселенцы будут получать бесплатные земельные наделы. Короче говоря, в экономическом отношении республиканская партия обещала провести ряд важных мероприятий, привлекательных для больших групп населения Пенсильвании, того самого штата, в котором на предыдущих выборах республиканцы потерпели поражение. Победе республиканцев на Севере особенно способствовал их план введения оградительных таможенных тарифов; в заселенных частях Северо-Запада - их программа ряда внутренних улучшений; в центральной части Запада --- обещание земельных наделов.

В день президентских выборов Линкольн получил 1 миллион 866 тыс. 452 голоса, Дуглас --- 1 миллион 375 тыс. 157, Брекинридж --- 847 тыс. 953, а Джон Белл от Теннесси, программа которого содержала план примирения Севера с Югом, --- 590 тыс. 631 голос. Таким образом Линкольн не получил большинства голосов на выборах, но в коллегии выборщиков его кандидатура собрала решающее большинство голосов. Население страны высказалось за ограничение рабовладения, за единство и мир. Бренкенридж, единственный кандидат, стоявший за отделение Юга, получил менее одной пятой всех поданных голосов.

Власть на Юге была, однако, в руках экстремистов. «Люди сошли с ума», --- писал сторонник единства Александр Стивенс, представитель Джорджии. «Они одержимы страстями и яростью». Южная Каролина уже решилась на отделение, хотя, строго говоря, необходимости в этом не было. Ни сам Юг, ни его рабовладельческая система, судя по всему, не находились в

настоящей опасности. Если бы южные штаты остались в Союзе, Линкольну пришлось бы иметь дело с враждебно настроенным по отношению к нему большинством в Конгрессе. В Верховном суде также преобладали южане. Таким образом, у Линкольна были бы связаны руки, и недаром сам он нарочно подчеркивал, что не собирается ущемлять рабовладение там, где оно уже существует. Рабство могло быть упразднено на Юге лишь посредством принятия поправок к Конституции, а этого не могло произойти по крайней мере еще лет десять. И все-таки отделение произошло, хотя последствия его были очевидны для всех: «Вскоре люди будут резать друг другу горло», — предсказывал Стивенс.

Шаг этот был сделан, несмотря на то, что одобрялся большинством населения только в Южной Каролине. Союзные настроения были сильны на всем Юге и даже во Флориде, а желание сохранить мир было не менее прочным. На выборах 1860 г. избиратели четырнадцати рабовладельческих штатов подали на 124 тыс. голосов больше за двух кандидатов компромисса, Дугласа и Белла, чем за крайнего Брекингриджа. Тщательное изучение процесса выборов в самых южных штатах показало, что если бы вопрос об отделении был вынесен на открытый и честный референдум, отделение никогда бы не произошло. Даже после выхода и начала гражданской войны, на Юге оставались влиятельные группы людей, чрезвычайно враждебно настроенные к Конфедерации. Западная Виргиния от нее просто откололась, в Северной Каролине невозможно было ввести воинской повинности, а в некоторых восточных округах Теннесси в ряды северных войск поступил большой процент населения, чем в каком-либо округе на самом Севере. Тем не менее, нужно помнить, что революции обычно являются делом рук пренебреженного решимости меньшинства. Поэтому можно сказать, что отделение 1860 г. несомненно пользовалось такой же поддержкой населения, как и в 1776 г. революция против правления Георга III.

Действия крайнего Юга были вызваны целым рядом причин: ненавистью к Северу, обидой за поражение на выборах, нежеланием примириться с реше-

нием по поводу «территорий», мечтой о лучшей жизни под собственным флагом, а главное, страхом, страхом перед тем, что уклад жизни Юга и его своеобразная цивилизация будут разрушены аболиционистски настроенным правительством. Южная Каролина, положившая начало расколу, заявила 20 декабря 1860 г., что Север избрал на пост президента человека, «чьи взгляды и цели враждебны рабовладению». Последовавший за Южной Каролиной штат Миссисипи утверждал, что население Севера «заняло по отношению к южным штатам революционную позицию». Что же касается южных экстремистов, которые не верили, что Север действительно готов воевать, просто считали, что наступил решительный момент. Возможность отмены федеральных законов не существовала в результате постановления президента Джексона; индивидуальный выход штатов из состава США был невозможен; Север становился все сильнее по отношению к Югу; поэтому, считали они, если дать возможность этому кризису рассосаться без попытки установления независимости Юга, другой такой возможности уже не представится. Возможно, думали они, что Южной Конфедерации удастся занять видное место на международной арене и в недалеком будущем начать экспансию в сторону Карибского моря. В начале февраля в Монтгомери (шт. Алабама) состоялся Конгресс, на котором встретились делегаты семи отколовшихся штатов. Этим Конгрессом была создана Конфедерация Американских Штатов и Джефферсон Дэвис был избран ее временным президентом.

Вскоре из чувства солидарности к этим семи штатам присоединились колебавшиеся четыре штата верхнего Юга. В последнюю минуту был предпринят ряд попыток компромисса. Но самая многообещающая из попыток — план Джона Криттендена, предусматривавший возврат к линии «миссурийского компромисса», проходившей по $36^{\circ} 30'$ с. ш. — провалилась, натолкнувшись на отказ Линкольна, который твердо стоял на принципе недопущения рабства на новые территории. На заре 12 апреля южане начали орудийный обстрел форта Семтера в Чарлстонской гавани.

БРАТОУБИИСТВЕННАЯ ВОЙНА

Люди и ресурсы. «Весь мир содрогнулся бы при виде такого количества смертей и столь ужасных разрушений, какие вот уже два месяца приносит с собой каждый день, и я не вижу признаков ослабления. Оно не наступит до тех пор, пока не будет уничтожена одна из армий, а может быть и обе... Гибель и страдания тысяч-другой человек для меня становятся чем-то маловажным, своего рода утренней прогулкой. Быть может, это хорошо, что мы так зачерствели», — писал генерал Уильям Т. Шерман своему брату 30 июня 1864 г. «Худшее еще впереди», добавлял генерал. И это было верно, как по отношению к Джорджии, чьи фермы и города он собирался опустошить в широкой полосе от гор и до самого моря, так и для Виргинии. Слова его оказались отчасти пророческими и для армий Гранта и Ли, которые вступали в фазу самых кровавых сражений войны. Какой контраст с той беззаботностью, с которой страна начинала войну! Северяне вступали в нее с криками «вперед на Ричмонд», а южане хвастались своим рыцарским превосходством над «янковским отребьем». Обе стороны мечтали о том, что война окажется кратковременной и славной.

Отзвуки конфликта при форте Семтере немедленно сплотили как Север, так и Юг. Промедлявшая по Виргинии волна негодования оторвала ее от северных штатов и присоединила к Конфедерации. Виргиния, эта старейшая американская область, дала Югу столицу: в конце июня 1861 г. Джефферсон Дэвис и его правительство прибыли в Ричмонд. Та же Виргиния дала Югу наиболее талантливого руководителя — героя Черро Гордо и Чапултенека в Мексиканской войне, бывшего начальника военной академии Уэст-Пойнт и командира армии Техаса — Роберта Ли. Зов его родного штата оказался сильнее зова страны. Присоединился к Конфедерации и Теннесси. На Се-

вере население верхней части долины Миссисипи, заявило, что никогда не допустит «ряда таможенных зданий» между собою и Мексиканским заливом и решительно стало на сторону Союза. Так же поступила и далекая Калифорния. Средние штаты — Мэриленд, Кентукки и Миссури — колебались, они никак не могли принять решения. В течение нескольких дней, конфедераты держали в своих руках г. Балтимор и был момент, когда казалось, что они захватят также и г. Сент-Луис. Но в конечном результате эти три штата — штаты Франсиса Скотта Ки, Генри Клея и Томаса Харта Бентона — остались на стороне Союза. На Севере, как и на Юге, партийные разногласия временно отошли на задний план. Символично, что когда Линкольн выступал со своей первой речью, Дуглас держал его шляпу, тогда как на Юге Александр Стивенс, который всю жизнь был сторонником Союза, стал вице-президентом Конфедерации.

Каждая из сторон располагала в этой войне известными преимуществами. Север был значительно сильнее Юга по численности населения, по промышленным ресурсам и был вообще богаче. По данным переписи 1860 г. двадцать три штата Союза (не считая Западной Виргинии, созданной из лояльных округов Виргинии, и вскоре принятого в состав Союза Канзаса), имели приблизительно 22 миллиона жителей, а одиннадцать штатов Юга — немногим больше 9 млн. (в том числе более 3½ миллиона негров). Железнодорожная сеть Севера составляла примерно 22 тыс. миль, а Юга — только 9 тыс. миль. Огромным преимуществом Севера являлось то, что там была сосредоточена почти вся промышленность страны: в 1860 г. стоимость промышленной продукции одного только штата Нью-Йорк превышала общую стоимость продукции всех штатов Юга более чем вдвое, а продукция Пенсильвании превышала ее почти в два раза. В течение трех последних лет войны Север самостоятельно производил почти все, что было нужно для ее ведения, тогда как Юг не только зависел от поставок иностранных орудий, лекарств и хирургических приборов, но в значительной мере и от заграничных боеприпасов. Север сохранил в своих руках амери-

канский флот и, поэтому господствовал на море. Его народное хозяйство было разнообразнее и гибче южного, а славшая было до момента Геттисбургского сражения иммиграция, потом снова увеличилась и обеспечила Северу дополнительные силы.

Преимущества Юга были: воинственный дух населения, захваченные южанами без особых усилий многочисленные форты и арсеналы, хорошо налаженное сельское хозяйство и то, что ведя оборонительную войну, он располагал внутренними коммуникационными линиями. Но главным преимуществом Юга был тот факт, что для его успеха не требовалось окончательной военной победы: Юг не собирался вторгаться на территорию Севера, ему не нужно было его завоевывать. Ему следовало сражаться достаточно долго и упорно, чтобы Север наконец убедился в невозможности завоевания Юга. Юг мог проигрывать сражения и даже целые кампании, он мог терпеть одно поражение за другим, и все-таки иметь возможность выиграть войну, убедив северян, что победа обойдется им слишком дорого и что, в конце концов, лучше позволить каждой части страны идти своей дорогой.

Многие считали, что большим преимуществом Юга были его крупнейшие в мире хлопковые плантации. Люди эти полагали, что Великобритания, которой этот хлопок был необходим для снабжения своих фабрик, выступит на стороне Юга. Вскоре однако оказалось, что этот расчет был ошибочным. Англия нуждалась в пшенице Севера не меньше, чем в хлопке Юга. Южане держали себя вызывающе и гордо даже в моменты поражений, но не менее сильной была и решимость северян. Южные генералы были в общем более опытными и лучшими стратегами. Иначе обстояло дело с главами правительств. Президент Линкольн, как государственный деятель, стоял на много выше Джефферсона Девиса, человека сурового, умного и серьезного, которому однако не доставало известной широты взглядов. Он подчас позволял вспыльчивости, нетерпению и личным предубеждениям влиять на выносимые им суждения. В общем, сильнее был Север, и Юг всего лишь имел основания на-

деяться, что Северу будет слишком трудно покорить такую огромную территорию с ее многочисленным и непримиримо настроенным населением.

Иллюзии северян, считавших, что война будет кратковременной, рассеялись после сражения при Балл-Ране. В этом сражении участвовала приблизительно тридцатитысячная армия северян, поторо сформированная в Вашингтоне и двинутая против равного войска южан, расположенного в северной Виргинии на другом берегу реки Балл-Ран, которая протекала в глубокой ложбине. 16 июля северяне прорвались сквозь центральные позиции южан, но подверглись уничтожающему удару со стороны их правого фланга. Вся армия, кроме регулярных частей, обратилась в бегство, запружая дороги людьми, орудиями, покинутыми обозами и конгрессменами, которые прибыли сюда как на пикник в надежде стать очевидцами легкой победы. За этой неудачей последовали новые поражения северян в Миссури и при Баллс-блэфе на Потомаке, где был ранен Оливер Уэнделл Холмс, впоследствии ставший членом Верховного суда. После этого обе стороны стали готовиться к длительной и отчаянной борьбе.

Война длилась четыре года и закончилась лишь тогда, когда Юг был совершенно истощен. За эту войну страна заплатила ужасающими потерями жизней, имущества и средств. Север мобилизовал в общей сложности около двух миллионов человек, а к моменту окончания войны в его армии оставался приблизительно один миллион. Точное число людей сражавшихся на стороне Юга, вероятно никогда не удастся выяснить. Считается, что их было от 700 тыс. до 1 миллиона человек. Северяне потеряли на полях сражения, от ранений и болезней приблизительно 360 тыс. человек, южане — 258 тыс. Огромные части Юга были совершенно опустошены. Долина Шенандоа была разорена полностью, в Джорджии общая стоимость уничтоженных Шерманом общественных зданий составила 50 миллионов долларов, а частного имущества было потеряно на сотни миллионов. Такие города, как Колумбия, Ричмонд и Атланта были сожжены до основания, железные дороги — разрушены,

заводы — уничтожены. После ликвидации рабовладельческой системы труда и уничтожения имущества, Юг оказался экономически обессиленным. Следы этого конфликта заметны там и по сей день. Что же касается Севера, то несмотря на переживаемый им к моменту окончания войны промышленный взлет, он тоже пострадал сильнее, чем это казалось вначале.

Кампании гражданской войны. Следует различать четыре главных театра войны: море, долина Миссисипи, Виргиния с приатлантическими штатами и дипломатический фронт.

В начале войны почти весь флот, состоявший из сорока единиц, находился в руках северян, но он был разбросан и деморализован. Способный руководитель Гидеон Уэллс, о котором сейчас помнят главным образом по его ценнейшему дневнику войны, быстро реорганизовал и усилил флот и Линкольн объявил блокаду южного побережья. Из слабой сначала, она стала к 1862 г. в высшей степени действенной и предотвращала вывоз в Европу хлопка и ввоз военного снаряжения, одежды и медикаментов, столь необходимых Югу. Тем временем, блестящий морской офицер Дэвид Фарагат совершил две замечательные операции. Он провел мимо двух сильных фортов целую эскадру деревянных шлюпок к устью Миссисипи и вынудил к капитуляции крупнейший и богатейший город Юга Новый Орлеан. Вторая операция заключалась в том, что он прошик в залив Мобил, несмотря на находившиеся у входа в него укрепления, захватил броненосец южан и закрыл доступ в порт. В то время броненосцы уже начали заменять деревянные суда.

Один из опаснейших моментов войны произошел в марте 1862 г., когда новый броненосец южан «Мерримак», вышедший в море из Норфолка в Виргинии, уничтожил два фрегата северян в Хэмптон-Родсе у самого устья р. Джеймс и, казалось, готовился к нападению на Вашингтон или Нью-Йорк. В самый последний момент навстречу «Мерримаку» было послано — построенное в Нью-Йорке вооруженное судно «Монитор», настолько курьезной конструкции, что получило прозвище «сырной коробки на плоту». «Монитор» атаковал южный броненосец и навсегда вывел

его из строя. Была и другая удачная победа северного флота, когда судно «Кирсардж» потопило невдалеке от французского порта Шербурга выстроенный в Англии крейсер южан «Алабама». Блокада Юга, помощь в захвате важных прибрежных пунктов и потопление или захват судов южан — явилось большой заслугой флота.

В долине Миссисипи северными войсками был одержан ряд побед. Командующим силами Запада был назначен нарядкомость упорный, лишенный воображения, но хорошо усвоивший основные принципы стратегии уроженец Иллинойса Юлиссиз Грант. Он начал с того, что, захватив форт Генри на р. Теннесси и форт Донельсон на р. Камберленд, прорвал длинный фронт южан в Теннесси, что позволило ему занять больше половины западной части штата. Южанам пришлось отступить из представлявшего собой важный центр, города Нашвилла, и это позволило северной армии продвинуться к южной границе Теннесси, т. е. вклиниться миль на двести в самый центр южной Конфедерации. Здесь сосредоточились войска южан под командованием Альберта Сиднея Джонстона и П. Дж. Т. Борегарда. В апреле 1862 г. ими был нанесен удар, едва не разгромивший Гранта. Стремительной атакой они застали его армию при Питтсбург-Ландинге на р. Теннесси врасплох. Передовые линии были незащищены, а в тылу находилась река, на которой начался разлив. Это нападение чуть было не вызвало поражение северной армии, но в последний момент к Гранту подошли подкрепления, а южане потеряли своего выдающегося генерала Джонстона и вынуждены были отойти назад к Коринту (шт. Миссисипи). В битве при Шайло обе стороны понесли тяжелые потери. Из 63-тысячной армии северян погибло 13 тысяч человек, но Линкольн сказал о Гранте: «Я не могу обойтись без этого человека: он сражается».

Весной 1863 г. закаленные части Гранта медленно, но верно продолжали двигаться в южном направлении, стремясь захватить всю долину Миссисипи, низовья которой были очищены от южных войск после захвата Нового Орлеана Фаррагатом. Продвижение Гранта было остановлено у Вicksburga, где южане

прочны укрепились на слишком высоком для успешной атаки с реки, отвесном берегу Миссисипи. Грант однако смелым маневром провел свое войско за Виксбург и окружил город. Осада Виксбурга продолжалась шесть недель, пока наконец 4 июля Грант не овладел им вместе с самой сильной на Западе армией южан. Теперь, как заметил Линкольн, «мать рек» могла течь к морю беспрепятственно. Территория Конфедерации оказалась разрезанной на две части и южане почти не имели возможности подвозить снабжение из богатых штатов Техаса и Арканзаса.

Тем временем, в Виргинии северные войска терпели одно поражение за другим. Расстояние между столицей северных штатов Вашингтоном и столицей Конфедерации Ричмондом составляло всего сто миль, но район этот изрезан множеством рек, способствовавших установлению сильных оборонительных позиций. У южан было также два блестящих генерала — Роберт Ли и Томас Дж. («Каменная стена») Джексон — которые оказались на много лучше северных военачальников раннего периода войны. Северные войска неоднократно пытались захватить Ричмонд и уничтожить войска Конфедерации, но всякий раз их отбрасывали назад. Подробное описание этих кампаний здесь дать невозможно. В начале 1862 г. Джордж Мак-Клееллан морским путем перебросил сотысячную хорошо обученную армию на полуостров между реками Порк и Джеймс и, перейдя в наступление против гораздо более слабой армии Ли, навязал ей решительное семидневное сражение под Ричмондом. Был момент, когда войска его уже слышали бой часов южной столицы. Но в конце-концов МакКлееллану пришлось отступить с большими потерями. Второе сражение при Балл-Блане было проиграно некомпетентным Джоном Попом. Он был отброшен назад к Вашингтону и Север стал опасаться за свою безопасность. Другой командующий Севера пытался штурмовать высоты за городом Фредериксбергом, но был отражен и понес большие потери. Еще один военачальник потерпел не менее позорное поражение в кровавом сражении при Чанселлорвилле, но здесь по крайней мере, южане потеряли неукротимого генерала Джексона, который был правой рукой гене-

рала Ли. Совершенное в 1862 г. Джексоном нападение в долине Шенандоа, когда он разбил целый ряд северных соединений и вызвал панику в Вашингтоне, явилось пожалуй самым героическим подвигом войны. В общем, до лета 1863 г. военные успехи на Востоке оставались на стороне южан.

Однако ни одна из их побед не была решающей. После каждого поражения федеральное правительство собирало новые силы и предпринимало новые попытки. Пусть северным армиям не удавалось захватить Ричмонд, но наступательные операции южан тоже оставались безуспешными. Когда в августе 1862 г. Ли решил, что настало время начать наступление на Север, Мак-Клеелан встретил его в западном Мэриленде на поле Антиетам и, после боя, приостановил его наступление. Сражение окончилось ничью, но Ли отступил, и Линкольн воспользовался этим и обнародовал свою прокламацию об освобождении рабов.

Летом следующего года, после страшного поражения северных войск при Чанселлорвилле, Ли перешел в наступление и вторгся в пределы Пенсильвании. Его армия дошла почти до самой столицы штата, вызвав большую тревогу жителей Балтимора и Филадельфии, но сильная северная армия преградила ему путь под Геттисбургом. Здесь, в трехдневном сражении (1-3 июля) 75 тыс. ветеранов Ли произвели смелую попытку отбросить 88-тысячное войско Джорджа Мида. У них была возможность выиграть сражение, если бы они пошли в решительную атаку, пока северяне были заняты концентрацией своих войск. Но эта возможность была унущена и в конце сражения им пришлось уже иметь дело с превосходящими силами, занявшими выгодные позиции. Отчаянная атака Пикетта, предпринятая под сильнейшим огнем в последний день боя, явилась одним из самых доблестных эпизодов в истории войны. Успехом она однако не увенчалась и на следующий день, когда ветераны Ли, понеся потери, от которых больше не могли оправиться, мрачно отступали к Потомаку, было ясно, что «прилив под Геттисбургом» был высшей точкой прилива всех надежд Конфедерации.

Армия Гранта овладела Виксбургом, редким кораблям удавалось проникнуть сквозь блокаду южного по-

бережья и Конфедерация, фабрики которой испытывали острый недостаток в машинах и материалах, а железные дороги пришли в упадок, приближалась к концу своих ресурсов. Северные штаты, напротив, казались в лучшем, чем когда-либо, экономическом положении. Их заводы и фабрики работали полным ходом, фермы давали огромные урожаи, которые даже вывозились в Европу, а ряды рабочих пополнялись за счет иммигрантов.

Заклочительная фаза кампаний в долине Миссисипи тоже обернулась решающим образом против южан. Чаттануга, важный железнодорожный узел юго-восточной части Теннесси, был почти столь же необходим для южан, как Ричмонд или Вicksburg. От Чаттануги шли железные дороги на юго-запад, на юго-восток и на восток, а сам город был расположен таким образом, что преграждал путь северным армиям на юго-восток в обход горному хребту Грейт Смоки Маунтене и являлся воротами на южный Юг. В начале сентября 1863 г. северное войско под командованием У. С. Розенкранса достигло Чаттануги и оказалось перед сильной армией южан во главе с ее посредственным начальником Бракстоном Браттом. В ожесточенной битве при Чакамоге победу сперва одерживал Братт, но в конце концов он был остановлен (со значительными потерями) генералом виргинцем Джорджом Томасом, который остался верен Союзу, а нерасторопный Розенкранс позволил окружить себя в Чаттануге и на выручку пришлось послать Гранта. В ноябре, при умелой поддержке Шермана и Томаса, Грант выиграл битву при Чаттануге. Его войска стремительной атакой, выбили южан из Мишсиперри-Риджа. Это позволило северным войскам начать наступление на Джорджию, и Шерман блестяще довел операцию до конца. Южная армия, находившаяся под командованием Худа, в Теннесси, в сражении под Франклином настоящего поражения не потерпела, но в декабре 1864 г. была почти целиком уничтожена сильным ударом Томаса под Пашвиллем. Это сражение явилось самой знаменательной битвой гражданской войны.

Югу было бы гораздо лучше признать неизбежность поражения и сделать попытку договориться с

великодушным Линкольном об условиях мира. По страсти разгорелась слишком сильно и Конфедерация продолжала бороться до тех пор, пока дальнейшее сопротивление стало почти невозможным. В 1863 г. Юг потерял последнюю надежду на помощь Франции и Англии, ибо на дипломатическом фронте федеральное правительство располагало большими преимуществами, которые оно умело использовало. После Геттисбурга ни один европейский министр не хотел ставить на битую карту Юга. Кроме того, в 1862 г. Линкольном была обнародована «Прокламация об освобождении» рабов-негров и ликвидация рабства сделалась одной из главных целей войны. В результате Север заручился моральной поддержкой британских масс. Даже обедневшие рабочие Ланкашира, которые в результате устроенной северянами блокады лишились хлопка, и те проявили глубокую преданность этому принципу и непоколебимо стояли на стороне Севера.

В начале 1864 г. Грант был вызван на Восток и назначен главнокомандующим всеми северными армиями. Давая бой за боем и нанося удары по войскам Ли, он постепенно истощал главные силы противника. Тем временем, генерал Шерман в мае 1864 г. приступил к кампании для овладения побережьем Джорджии. Заняв в начале сентября Атланту, он начал продвижение к океану, систематически уничтожая на полюсе шириной в 60 миль склады, железные дороги и другое имущество. Появившись в декабре у Саванны, он к Рождеству занял этот город. Потом, повернув на север, захватил Колумбию и вынудил к сдаче Чарлстон. Той же осенью, лихой командующий конницей Фил Шеридан произвел такие опустошения сельскохозяйственных ресурсов долины Шенандоа, что «ворону летящему над этой долиной, следовало бы иметь при себе пашек». Наконец Ли был вынужден покинуть Ричмонд, и 9 апреля 1865 г., проиграв сражение при Аппоматоксе, он сдался с войсками Гранту.

Внутренние раздоры. О внутренних раздорах Севера и Юга, происходивших в те годы страшного напряжения, можно было бы сказать многое. Ни правительство Севера, ни южное правительство не стояли

на должной высоте. Солдаты вербовались путем грубой, плохо организованной и несправедливой системы набора. Были приняты законы о воинской повинности, но они тоже были несправедливы и недемократичны. На Севере, где разрешалась замена призывника наемным рекрутом, произошли беспорядки и рекрутские мятежи. К тому же бушевали внутренние политические распри. Республиканские «радикалы» во главе с Таддусом Стивенсом из штата Пенсильвания, Беном Уэдом из Огайо и Чарльзом Самнером из Массачусетса, нападали на Линкольна, утверждая, что он слишком слабоволен в ведении войны, слишком медлителен в признании освобождения рабов как одной из ее целей и что его политика реконструкции Луизианы и других покоренных штатов слишком мягка. На Юге, такие губернаторы, как Джозеф И. Браун из Джорджии и Зубелон Ванс из Северной Каролины с их требованиями о предоставлении прав отдельным штатам были серьезной помехой для ричмондского правительства. Политические соображения, в особенности на Севере, играли неудачную роль в назначениях командного состава. Выдвигались такие бездарные начальники, как Вениамин Батлер и Амброз Вёрисайд, тогда как храбрые и опытные военные, каким например был Томас, оставались в тени. С обеих сторон было много случаев дезертирства, что в конце концов серьезно отразилось на армии южан.

Север обвинял южан в скверном обращении с военнопленными, находившимися в ричмондской тюрьме Либби, в Андерсонвилле в Джорджии и в других тюрьмах. Но и северные лагеря были ужасны. Как на Юге, так и на Севере махровым цветом расцвели фаворитизм, мошенничество и подкуп. Вашингтон был переполнен нечестными подрядчиками, спекулянтами, лоббистами и другими хищниками, а на Юге были люди, которые сделали себе состояние поживившись на умирающей Конфедерации. Обесцениение бумажных денег на Юге невероятно подняло цены и разорило множество трудолюбивых людей. На Севере ярко выраженная инфляция поощряла всевозможные азартные предприятия и способствовала возникновению целой группы крикливых миллионеров. Наряду с подлинным героизмом, преданностью,

человеколюбием и патриотической жертвенностью, была у этой войны и своя теневая сторона.

Роберт И. Ли и Авраам Линкольн. Имя Роберта И. Ли вошло в историю как имя бессмертного национального героя, чье жертвенное служение делу Юга было отмечено подлинным рыцарством. При всех обстоятельствах Ли оставался блестящим и гуманным военачальником. Поражение он принял с большим достоинством и проявил чрезвычайное великодушие призвав население Юга стать лояльными партнерами своих вчерашних врагов. Все эти черты Ли не могут не вызывать восхищения. Даже недостатки Ли были, в сущности следствием его достоинств. Он был слишком нежным и заботливым человеком и поэтому не всегда мог заставить своих подчиненных поддаться его воле. Он был лучшим стратегом, чем тактиком. Благодаря своему проникательному и аналитическому уму, Ли тонко разгадывал намерения противника, умело пользовался данными военной разведки и здраво оценивал силы военных частей и позиций. Своим организаторским талантом, внимательным отношением к мельчайшим подробностям, искренней заботой о людях, отвагой и прекрасной внешностью, — всем этим он внушал к себе доверие и завоевал преданность войск. Как и Вашингтон, Ли редко терял самообладание, а если терял, то не надолго. Этот «барин-христианин» был велик и в победе и в поражении, в войне и в мире. Пережив войну только на пять лет, он посвятил последние годы жизни делу экономического, культурного и политического восстановления Юга.

На Севере гражданская война выдвинула еще большего героя — Авраама Линкольна. В первые месяцы войны мало кому удалось по-настоящему оценить этого внешне грубоватого западного адвоката — простого, неуклюжего и не получившего блестящего образования. Его второй военный министр — Эдуин М. Стантон, называл президента «гориллой», — хотя позже объявил, что Линкольн был самым великим вождем когда либо жившим на земле. Враждебная печать говорила о Линкольне, как о дураке. Постепенно, однако, страна стала отдавать себе отчет о мудрости его поступков, основанной на тщательном

изучении проблем и всестороннем их обдумывании; народ стал ценить его страстную любовь к истине, его ненасыщаемое терпение и безграничное великодушие. Если порой казалось, что Линкольн находится в замешательстве и что он колеблется, со временем всегда выяснялось, что президент просто умел выжидать наиболее благоприятного для страны момента, умел сочетать в своих действиях силу с тактом. Он был большим знатоком американского народа и знал, когда следовало остановиться и ждать, чтобы выкристаллизовалось общественное мнение, а когда — смело идти вперед. Он был тонким политиком, но никогда не прибегал к недостойным средствам и был одним из честнейших политических лидеров. Он никогда не пользовался невежеством избирателей, а всегда обращался к их разуму и был настолько добр в делах и мыслях, что на всем протяжении гражданской войны ни разу не произнес враждебного слова по адресу населения Юга. Он прежде всего стремился объединить страну не в союз, основанный на силе оружия, а в союз, покоящийся на силе убеждений. Даже в тот момент, когда победа Севера была уже совсем близка, Линкольн предложил хорошо заплатить Югу за освобождение рабов. Во внешней политике он был благороден, честен и тверд. Несмотря на то, что Линкольну приходилось пользоваться небывало большими полномочиями, он страстно верил в принципы демократического самоуправления и умел добиться преданности народа. К концу войны у него была власть самодержавна и полное доверие масс. Красноречие Линкольна росло по мере необходимости. Его речь в Геттисбурге, его вторая инаугурационная речь и некоторые из его писем являются ценнейшими памятниками английской прозы. Убийство Линкольна 14 апреля 1865 г. — меньше чем через неделю после капитуляции Юга при Аннематоксе — явилось внезапным ударом для всей страны, одинаково трагическим событием, как для победителей, так и для побежденных. Джеймс Рассел Лоуэлл писал:

«Никогда до этого злополучного апрельского утра столько людей не проливали слез по человеку, которого они никогда не видели, будто вместе с ним

ушло из жизни нечто светлое и теплое. Молчаливые скорбные взгляды, которыми в тот день обменивались незнакомые люди, были красноречивее всех надгробных панегириков. Все население переживало утрату близкого».

Последние войны. Стране предстояло справиться с трудными проблемами приспособления к новым условиям и послевоенного восстановления под руководством нового, неопытного и недостаточно всестороннего президента Эндрю Джонсона. Требования мести, раздававшиеся сразу после убийства Линкольна, еще больше усложняли ситуацию. На арене появились разные эгонистические интересы — как политические, так и экономические. Республиканская партия хотела использовать создавшееся положение для того, чтобы закрепить свою власть, а деловые круги пытались действовать в собственных эгонистических интересах. Заинтересованные в высоких пошлинах промышленные предприниматели, держатели облигаций, стремившиеся к тому, чтобы было сдержано обещание о выплате процентов в золоте, строители железных дорог, которым нужны были земельные наделы — все они стояли за республиканское правительство.

Некоторые последствия войны были положительными, другие — отрицательными. Война спасла Союз и сделала его нерушимым, но пройдя испытание огнем, он был уже не тем Союзом, каким был задуман его основателями. Война навсегда отменила рабство, но отменила путем насилия и не позаботилась о благосостоянии освобожденных невольников, о благосостоянии общества, в котором им нужно было работать. Война нанесла удар по аристократической олигархии на Юге, но другого класса, готового принять на себя ответственность за монополизированное ею управление, там не было, и на протяжении целого поколения Юг оставался без талантливых руководителей. Линкольн призывал к «правительству народа, от народа и для народа», однако ни один беспристрастный наблюдатель не мог заключить, что война хотя бы в какой то

мере непосредственно содействовала развитию демократии.

Война оставила после себя ненависть, продолжавшуюся между Севером и Югом десятки лет, не оправдав таким образом надежд Линкольна, надеявшегося, что с ней удастся покончить. Война сделала людей более нетерпимыми, особенно на политической арене. На Севере республиканские демагоги еще долго размахивали «кровавой рубахой», т. е. апеллировали к существовавшим предубеждениям против южных демократов, для того, чтобы получить голоса избирателей. Эта крайняя партийность была очень прискорбна. Прошло двадцать лет после окончания войны прежде, чем президентом удалось стать кандидату демократической партии, и почти пятьдесят лет прежде, чем в Белый дом пошел человек, родившийся на Юге — Вудро Вильсон. В результате войны на Севере возникла многочисленная категория избирателей-ветеранов, добившихся сильного влияния на политиков. Вскоре они начали требовать от правительства пенсий и занесившие перед ними политики с откровенной беззаботностью стали раздавать им общественные деньги. На социальных и моральных устоях война также отразилась очень отрицательно. Она выдвинула класс людей, жадных до денег и власти, грубых во вкусах и неразборчивых в средствах. Масса американцев, разумеется, оставалась трудолюбивой, добросовестной и патриотической, но вульгарный, крикливый и жадный элемент стал заметнее, чем когда-либо раньше.

Восстановление Юга. Юг был побежден и теперь предстояло его перестроить и восстановить. На этот процесс ушло лет двенадцать (1865-77 гг.). Если бы Линколин остался в живых, он бы настаивал на мягком обращении с населением Юга и, вероятно, склонил бы Конгресс на свою сторону. Но Эндрю Джонсон, хоть и правильно подходил к этому вопросу, был опрометчив, бестактен и вспыльчив. Он поссорился с Конгрессом по поводу законопроектов о помощи неграм путем учреждения Бюро по делам освобожденных невольников и о защите их путем принятия «закона о гражданских правах». Оба законопроекта слиши-

ком ущемляли власть южных штатов. Джонсон позволил себя обойти, был дискредитирован крайними радикальными лидерами Конгресса, совершенно потерял контроль над создавшимся положением и впоследствии чуть было вообще не лишился своей должности. Когда Конгресс, вопреки его вето, принял закон о том, что президент не может смещать некоторых министров без одобрения Конгресса, Джонсон решил испытать этот закон в суде и уволил своего военного министра, вероломного Стантона. Тогда в феврале 1868 г. радикалы призвали его к ответственности за «страшные преступления и проступки». Судили Джонсона в Сенате и для того, чтобы снять его с поста президента не хватило только одного голоса. Тем временем, победившие в 1866 г. на выборах в Конгресс радикалы, приняли послевоенную реконструкцию на себя и вынудили Юг подчиниться унижительной и неразумной программе.

Программа восстановления, сурово проводившаяся в жизнь Тадеусом Стивенсоном из штата Пенсильвания, фанатичным Чарльзом Самнером из Массачусетса и другими радикальными лидерами, имела три главных положения. Во-первых, Юг был поставлен под военный контроль. Его подразделили на пять генерал-губернаторств, во главе которых были назначены опиравшиеся на войска генералы северной армии. Во-вторых, белым южанам не только пришлось принять четырнадцатую поправку к Конституции, которая являлась сложной попыткой обеспечить неграм равные с белыми права в каждодневной жизни, но и пятнадцатую поправку предоставившую неграм право голоса. Вчерашние неграмотные рабы, всю жизнь проведенную на хлопковых полях, деда которых быть может были настоящими африканскими дикарями, вдруг получили полное право избирать административных должностных лиц и участвовать в принятии законов. Наконец, третья отличительная черта программы реконструкции Юга состояла в том, что голоса негров, белых бедняков и прибывших с Севера искателей легкой наживы «саквояжников», систематически использовались при создании новых органов власти.

Эти правительства «саквояжников» и негров, веро-

ятно, были самыми скверными в истории англоязычных народов. Негры одно время имели большинство голосов в целом ряде штатных легислатур. Они избирали депутатов в Конгресс и занимали небольшие административные посты, а «саквожники» занимали все места повыгоднее. Правда, были у этих правительств и кое какие заслуги: они предприняли ряд полезных дел по постройке дорог и мостов, а также приняли несколько хороших законов в области образования и социального обеспечения. В целом, однако, эти правительства были некомпетентны, расточительны и продажны. Они транжирили огромные суммы и обкладывали обедневшее население непосильными налогами. Временно Юг находился в состоянии крайнего упадка.

Это продолжалось однако недолго. Мало по малу уважавшие себя белые получили право управлять своими делами. Отчасти они добились этого путем насилия и запугивания, создав организацию Ку-клаукс-клан, вынудившую многих «саквожников» к возвращению на Север и отпугивавшую негров от избирательных пунктов. Но гораздо эффективнее этого оказалось мирное использование старого политического аппарата. Многим неграм надоело быть орудием в руках хитрых северных политиканов и они незаметно отошли от участия в политической жизни, а некоторые даже прикнули к своим прежним белым лидерам. Демократическая партия овладевала одним штатом за другим и к 1876 г. в руках «черных и коричневых» оставалось только три штата — Луизиана, Флорида и Южная Каролина, да и тут негры и «саквожники» держались у власти лишь благодаря федеральным гарнизонам. Выборы 1876 г. — один из самых беспорядочных и самых напряженных в американской истории, когда разница в количестве голосов, полученных главными кандидатами была совершенно ничтожной — показали, что пока на Юге остаются войска, мира там не будет. Поэтому в 1877 г. по приказу президента Разерфорда Б. Хейза, войска из южных штатов были выведены и республиканские лидеры тем самым расписались, в провале своей «радикальной» политики реконструкции. Эта политика была вызвана к жизни причинами двояко-

го рода: желанием идеалистического крыла партии защитить негров и стремлением материалистического крыла удерживать Юг в своих руках в качестве источника голосов, должностей и власти. В результате дело эмансипации негров было отброшено назад и ослаблено, а весь Юг был отдан демократической партии.

Оглядываясь назад, — период 1850-77 гг. может показаться почти непрерывной трагедией. Для страны было бы гораздо лучше, если бы упразднение рабства, как надеялся вначале Линкольн, происходило постепенно при достаточной компенсации рабовладельцев. За это время неграм можно было бы дать необходимое для их нового места в обществе образование. Это сохранило бы жизнь шестисот тысяч молодых людей (из общего населения в 31 млн), которые пали на войне, и дало бы стране миллионы порожденных ими детей. Это избавило бы Юг от страшного опустошения, следы которого заметны по сей день. Это избавило бы людей от огрубения, столь сильно сказавшегося в послевоенном «золотом веке» стяжательства и вульгарности.

Следует, однако, отметить, и положительные явления. Военная буря объединила нацию и спаяла ее так прочно, как этого никогда не мог бы сделать более медленный процесс. Социально и экономически Юг стал более походить на Север. Война во многом способствовала углублению и созреванию национального характера, что особенно наглядно проявилось в американской литературе и в области просвещения. Кроме того этот конфликт дал стране ряд воспоминаний, пусть мучительных и драматических, но они заставляют быстрее биться сердце и возвышают душу. Столетиями еще американцы будут с волнением читать о выстрелах по форту Семтеру, о посиделке «Мерри-мака» и «Монитора»; о том, как через долину Шенандоа, все сметая на своем пути, шел «Каменная стена» Джексон, оставляя за собой разбитые армии северян; как под градом пуль и гром орудийных выстрелов шли по Миссисиппи канонерки; про смертельную схватку серых мундиров Пикетта с синей линией Ханкока на Семетри-Ридже; про штурм высот над Уаттану-

гой, когда солдат не мог остановить даже Грант (подвиг, превосшедший Балаклаву); об отчаянной доблести разбитых ветеранов Худа, шедших на ряды северян под Франклином, где спустя два часа у них оказалось шесть тысяч убитых и раненых. Еще долго перед американцами будут вставать такие картины, как «Кирсардж», который кружит вокруг тонущей «Алабамы», генерал Ли с его украшенным бриллиантами мечом, Грант в мундире рядового, их рукопожатие при Анномакссе... Линколы, шагающий по черным от пожара улицам Ричмонда... Тысячелетняя похоронная процессия с прахом убитого президента; наконец, заключительная сцена войны: парад на Пенсильванской авеню в Вашингтоне, когда воины Восточной и Западной армий всё шли и шли нескончаемой чередой. Это была великая историческая эпопея; о ней будут повествовать еще долгие времена.

ГЛАВА 12

РОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКИ

Последствия войны. Гражданская война произвела настоящую революцию в обществе и народном хозяйстве на Севере и на Юге. Несмотря на то, что современная Америка уходит своими корнями еще в довоенные годы, момент ее настоящего возникновения можно отнести к самой гражданской войне. Этот конфликт явился чрезвычайно мощным стимулом для развития промышленности, более интенсивного использования природных богатств страны, роста капиталовложений и расширения внешней торговли. Во время войны появилось новое поколение так называемых «капитанов промышленности» и «мастеров капитала». Война чрезвычайно ускорила темпы строительства железнодорожной и телеграфной сети; она ввела страну в век железных дорог. Во время гражданской войны были учреждены премии за новые изобретения и приспособления, способствовавшие экономии труда, которые

в ходе той же войны начали широко применяться в сельском хозяйстве и промышленности. Война открыла огромные новые районы, пригодные для земледелия и скотоводства, и новые рынки сбыта сельскохозяйственных продуктов, произвела революцию в сельском хозяйстве и одновременно вызвала к жизни сельскохозяйственную проблему. Война создала благоприятные условия для роста городов и дала работу сотням тысяч наводнившим за короткое время Новый Свет иммигрантам. На Юге поражение почти уничтожило класс плантаторов, освободило негров, произвело революцию в системе сельского хозяйства, породило средний класс и заложило основы нового Юга, которому суждено было развиваться на глазах следующего поколения. Северу война открыла новые возможности для капиталовложений и спекулятивных операций, она создала множество так называемых «военных миллионеров», ускорила процесс концентрации производственных и финансовых ресурсов в больших городах, подчинила Юг и Запад Северо-Западу и породила новую структуру общества на смену старой.

Вся схема нашего тенеренного общества и народного хозяйства сложилась при жизни одного послевоенного поколения. Этот период прошел под знаком роста — роста территориального и численного, роста благосостояния и силы государства, роста усложнения социальной структуры и роста экономической зрелости. В этот период политические подразделения республики приняли свою окончательную форму, в Союз вошло двенадцать новых штатов и была создана американская империя. За сорок лет население страны с тридцати одного миллиона возросло до семидесяти шести. В течение этого времени сюда прибыло 15 миллионов иммигрантов, из коих все больший процент приходился на долю выходцев из восточной и южной Европы. Такие города, как Нью-Йорк, Чикаго, Питтсбург, Кливленд и Детройт сперва удвоили свои размеры, а потом и учетверили их. Одно событие быстро сменялось другим: изгнание индейцев с их насиженных мест в прериях, горах и долинах и переселение их на резервированные территории; взлет и падение королей горной промышленности и скотовод-

ства; заселение Запада, освоение целинных земель и окончательное исчезновение к концу века понятия «границы». За это же время были найдены огромные залежи железной руды и меди, были обнаружены богатейшие нефтеносные земли и созданы десятки новых видов промышленности. Мелкие предприятия выросли в большие, корпорации превратились в мощное орудие новой системы народного хозяйства, а тресты и акционерные общества сделались характерными для нее организациями. Такие крупные банки, как например банк Моргана, незаметно заняли командные посты в американской экономике. Профессиональные союзы, которые до войны были малочисленны и слабы, увеличили состав своих членов и заняли прочное место в экономическом укладе страны; производственные конфликты — прежде незначительные и случайные — приняли организованный и угрожающий характер. Маленькая республика превратилась в мировую державу, расширявшую свои владения в Карибском море и на Тихом океане, в то время как ее промышленность, искавшая рынков сбыта и ее банкиры, стремившиеся к новым возможностям капиталовложения, выработали новую тактику экономического империализма. Ни одно другое поколение в американской истории не было свидетелем столь стремительных и революционных перемен, как поколение, превратившее сельскую республику Линкольна и Ли в урбанистическую индустриальную империю МакКинлея и Теодора Рузвельта.

Вместе с тем, перед американским народом встал ряд чрезвычайно сложных новых проблем, характер которых по неопытности, был им не понят, а времени в них вдуматься у него не было. Самыми актуальными из них были: проблема распределения богатств, вопрос контроля над концентрацией огромных капиталов в руках отдельных влиятельных лиц, проблема сохранения политической демократии в условиях недемократической экономики, вопрос безработицы и производственных конфликтов, проблема перенаселения городов и ассимиляция иностранцев, снижение доходов ферм и увеличение числа арендаторов, вопрос консервации безответственно эксплуатировавшихся природных богатств и, наконец, проблема ответственно-

сти, связанной с управлением заморскими владениями и с международной политикой, а также вопрос приспособления политической системы, созданной для удовлетворения нужд маленькой сельской республики к требованиям великого индустриального государства.

Перемены на Юге. Война и поражение вызвали на Юге глубокие потрясения. Когда после Пайвила и Анноматокса измученные ветераны в серых мундирах, с трудом передвигая ноги, возвращались домой, перед ними повсюду открывалась картина таких разрушений, каких Америка доселе не знала. Враждовавшие армии опустошили огромные области Виргинии и Теннесси; Шерман оставил за собой 65-мильную полосу разрушений, проходившую через самое сердце Джорджии и Южной Каролины; Хантер и Шеридан произвели опустошения в богатой Виргинской долине; огромные районы северной Алабамы, Миссисипи и Арканзаса были разрушены до основания. Такие исторические города, как Ричмонд, Чарлстон, Колумбия и Атланта были либо сожжены, либо разрушены бомбардировками. Мосты были сломаны, дороги запущены, сорваны сотни миль железнодорожного полотна, составы поездов истреблены, набережные и доки прогнили. Экономическая жизнь Юга была почти полностью парализована. Деньги Конфедерации не имели никакой цены, и на Юге ходили только те деньги, которые были отложены раньше или занесены туда победившей северной армией. Двери банков были закрыты, сахарные общества обанкротились, промышленные и коммерческие предприятия разорены, а значительная часть хранившихся на складах запасов хлопка была сожжена или конфискована военными властями.

Гражданские власти, фактически, перестали существовать. Собирать налоги, управлять школами, поддерживать дороги, находить управу на мародеров и шайки партизан, совершавших грабежи в редко заселенных местностях — все это некому было делать. Церкви сгорели, прихожане рассеялись; имущество колледжей было утеряно, их библиотеки и лаборатории сожжены. Состоявшему при Алабамском универ-

системе библиотекарю удалось спасти от огня лишь одну книгу — Коран. Большинство общественных школ было закрыто и образование стояло на мертвой точке.

Сельское хозяйство тоже было в ужасном состоянии. Тысячи ферм оказались брошенными, заборы их обвалились, канавы поросли сорняком, насыпи и плотины были разрушены, лошади и скот вымерли или были украдены, на полях ржавели плуги, а рабочая сила была полностью дезорганизована. Рисовые поля Каролины были затоплены соленой водой и навсегда остались непригодными; производство сахара в Луизиане было нарушено. В 1870 г. под табаком в Виргинии было на два миллиона акров земли меньше, чем в 1860 г., что же касается хлопка, то урожай его только в 1879 г. достиг размеров урожая снятого в год отделения Юга. Зимой 1865 г. голод был реальной угрозой для огромных частей Юга, население которых — как черное, так и белое — получало помощь от федеральной армии или от созданного незадолго до того Бюро по делам освобожденных негров. Как сказал поэт южанин Сидней Ланьер, «жизнь состояла, по существу, в том, чтобы стараться не умереть».

Восстановление принесло с собой новые горести и тяготы, почти столь же мучительные, как и те, которые южанам пришлось испытать во время войны. Долг Конфедерации был аннулирован, и вместе с ним, разумеется, пропали и средства, которые патристически настроенные южане предоставили в ее распоряжение. От Юга потребовали, чтобы он нес свою долю национального долга, а также участвовал в текущих расходах федерального правительства. Помимо всего прочего, Юг был обложен тяжелым акцизным налогом на хлопок. Впрочем, эти мероприятия были умеренными и справедливыми, чего однако нельзя сказать про долги и налоги штатных и местных правительств Юга. В период когда у власти находились навязанные Югу радикалами Конгресса «саквожники», миллионы долларов тратились ими на такие излишества, как духи, виски или позолоченные купидоны; миллионы были просто похищены, а многие

другие — бесценно вложены в различные сомнительные железнодорожные и коммерческие предприятия, которые в лучшем случае возвращали десять центов за доллар. Богатство некоторых районов сократилось более чем в два раза, но налоги и долги непреклонно росли. В период правления «саквояжников» и радикалов задолженность Южной Каролины возросла с 5 до 29 миллионов долларов, Арканзаса с трех до пятнадцати, Луизианы с одиннадцати почти до пятидесяти миллионов. Налог достиг фантастических размеров. В Луизиане они увеличились в восемь раз, в Миссисипи в четырнадцать. Сотни фермеров стали уходить со своих ферм, оставляя их налоговым сборщикам.

И не смотря ни на что, побежденный Юг с потрясающей энергией начал заново отстраиваться, восстанавливать свое сельское хозяйство и жизненный уклад цивилизованного общества. «Никогда еще разрушения не были такими страшными», вспоминал позднее редактор Генри Греди из Джорджии, «и никогда еще реконструкция не была произведена так быстро». Ричмонд, Чарлстон и Колумбия отстраивались настолько интенсивно, что уже через шесть месяцев после окончания войны посетивший Атланту человек сообщил, что там на глазах вырастает новый город. Восстанавливались железнодорожные пути, прокладывались новые дороги в юго-западном направлении, заново строились мосты, ремонтировались насыпи и дамбы, в гаванях Норфолка, Чарлстона и Мобилия снова появились корабли; лавочники, торговцы, а со временем банки и страховые общества, вновь приступили к деятельности.

Кое-как удалось возобновить работу на старых фабриках и заводах, и доставать — часто по разорительным ставкам — капиталы для создания новой промышленности. Огромные сосновые леса сделались источником преуспевающей лесной промышленности, а солдаты северных войск, побывавшие в городе Северной Каролины Дарем, заложили основу огромной табачной промышленности: производимый Вашингтоном Дьюком табак пришелся им так по вкусу, что вернувшись на Север, они стали его выписывать. К

1888 г. в Дареме была уже самая большая табачная фабрика в мире и отсюда ежегодно вывозилось десять миллионов фунтов табака. Появилось достаточное для местных нужд количество мельниц, были восстановлены фабрики, производившие необходимое для выращивания хлопка удобрение. В Теннесси и в северной Алабаме обнаружили богатые залежи угля и железа. Бирмингем, который в 1870 г. представлял еще засеянное хлопком поле, в течение двадцати лет превратился в город с населением в пятьдесят тысяч человек. Город стал важным металлургическим центром, который обслуживался шестью железнодорожными линиями. К 1890 г. Юг производил одну пятую всего чугуна страны. Такие города, как Чаттануга, Дарем, Уинстон-Сейлем и Даниелл, тоже превратились в преуспевающие промышленные центры.

Текстильная промышленность прибрежной части Юга процветала с того самого момента, когда Уильям Грегг открыл в 1846 г. свои хлопчатобумажные фабрики в городе Южной Каролины Грантвилле. Однако, как и большинство других отраслей промышленности, промышленность была полностью расстроена войной. В семидесятых годах, пользуясь дешевым трудом, близостью к водяным силовым установкам и легким доступом к сырью, она вновь начала набирать темпы. В Северной Каролине и на севере Джорджии, появились десятки мелких фабрик, финансирувавшихся почти исключительно местным капиталом. К 1890 г. в Южной Каролине было уже полмиллиона механических веретен, а на всем Юге их насчитывалось почти два миллиона, и Новая Англия начала опасаться конкуренции этой части страны. В 1890 г. Юг впервые столкнулся с рабочим вопросом, который в последующие годы становился все более серьезным.

Текстильная промышленность Юга продолжала оставаться местной и носила — главным образом в силу необходимости — удивительный феодальный характер. В надежде получить высокие оклады и постоянную работу, целые семьи покидали свои запущенные фермы и селились в расположенных вокруг текстильных фабрик поселках. Эти люди приносили с собой в промышленность навыки и представления,

приобретенные ими в сельском хозяйстве. Долгие рабочие часы они считали столь же естественными, как и то, что в работе должны принимать участие не только мужчины, но и женщины и дети. Эти рабочие поселки, обычно, расположенные на окраине города, принадлежали владельцам фабрик и находились под их же контролем. Иными словами, дома, в которых жили рабочие и их семьи, были собственностью компании, их церкви и школы содержались той же компанией, одежду и продовольствие они покупали в магазинах компании, вступали в жизнь с помощью врача компании, а заканчивали ее под чтение священника компании, хоронившего на кладбище компании. Это был феодализм нового типа и, несмотря на то, что вначале все шло сравнительно гладко, это явление было чревато тяжелыми последствиями.

Развитие металлургии, лесной, табачной и текстильной промышленности не изменило, однако, преимущественно сельскохозяйственного образа жизни Юга. Вплоть до 1900 г., на Юге был лишь один город со столичным населением — Новый Орлеан. Даже сама промышленность Юга была тесно связана с сельским хозяйством: производство табака и текстиля было велико, но обработка их повышала стоимость лишь на небольшой процент. Подавляющее большинство южан продолжало жить на фермах и выращивать урожай. Но сельское хозяйство тоже было дезорганизовано войной. Трудность положения усугублялась упразднением рабства и всей, основанной на нем, системы труда. Поэтому сельскому хозяйству тоже пришлось пройти через полосу приспособления к новым условиям.

В ходе войны и реконструкции больше всего обеднели крупные плантаторы. Капитал, который представляли собой невольники, был уничтожен, работать было некому, налоги и текущие расходы возростали. Большинство из них, в конце концов, было вынуждено либо разделить свои владения, либо продать с молотка для того, чтобы получить возможность уплатить налоги и долги. В результате произошла самая коренная в нашей истории ломка землевладельческого строя. Хорошая земля продавалась по 3-4 дол-

лара за акр, и множество мелких фермеров смогли, благодаря этому, расширить свои участки: десятки тысяч белых бедняков, освобожденных рабов, безземельных мастеровых и лавочников смогли осуществить свою заветную мечту и приобрести собственную землю. В 1860 г. в Южной Каролине насчитывалось около 33 тыс. ферм, а через двадцать лет — 94 тыс. В 1860 г. в Миссисипи число небольших ферм (менее 10 акров) не достигало и 600, а к 1870 г. — превышало 11 тыс. На всем Юге число больших плантаций (свыше 1000 акров) сократилось больше, чем на половину, а средняя величина ферм в течение двадцати лет снизилась с 335 акров до 153. Одновременно заселялись новые плодородные земли в Арканзасе и Техасе, а вскоре для поселенцев открылась и Оклахома. «Его Величество Хлопок», на время низверженный с трона, вновь отвоевал его и начал расширять свою империю.

С уходом в прошлое рабовладения необходимо было найти новую систему труда. У плантаторов не было средств для того, чтобы выплачивать жалованье, а у негров не было денег на аренду. Поэтому в силу необходимости вопрос решался третьим способом. О том, как это произошло, мы знаем из бесчисленных автобиографий и воспоминаний. По окончании войны плантаторы собирали своих невольников, объявляли им о том, что они свободны, и просили их остаться и работать на старом месте. О заработной плате не могло быть и речи, но плантаторы давали обещание после уборки урожая поделить его с работниками. Это было начало издольщины, которая со временем стала вполне организованным явлением. Фермеры предоставляли арендаторам хижину, землю, сельскохозяйственные орудия, удобрение и мула и содержали их до уборки урожая. Арендаторы платили за это своим трудом и им принадлежала треть снятого ими урожая.

Вначале эта система казалась эффективной и удобной и поэтому стала распространяться также и на белых арендаторов.

Но на самом деле эта система оказалась большим злом. Мелкие арендаторы, существование которых всецело зависело от урожая, составлявшего основной

предмет торговли, обычно влезали в долги и становились своего рода «закладной» тех плантаторов или торговцев, которые их поддерживали. У них не было имущества, которое можно было бы закладывать как гарантию за неоплаченные ими товары и они закладывали свой урожай на корню. Это превратилось в деморализующую систему, лишавшую средних арендаторов всякой заинтересованности в своем урожае, поощряло небрежное и ненаучное ведение хозяйства, играло на руку кредиторам-плантаторам и кредиторам-торговцам, и, в конце озлобляло арендаторов. Ввиду того, что хлопок казался единственным безопасным для капиталовложений сельскохозяйственным продуктом, кредиторы настаивали на том, чтобы арендаторы засеивали им свои поля и это обрекло крайний Юг на пагубную экономику, основанную только на одной сельскохозяйственной культуре. На глазах одного поколения рассеялись надежды на широкое распределение земель и на возникновение прочного крестьянства. В некоторых частях Юга от 70% до 80% фермеров были арендаторами и имущество каждого фермера находилось под арестом. В 1900 г. Юг экономически был менее самостоятелен, чем в 1860 г. и во многих его частях благосостояние фермеров из года в год шло на убыль. Поворот к лучшему произошел на Юге лишь после того, как Рокфеллеровский фонд и закон Смита-Ливера улучшили сельскохозяйственную подготовку и санитарные условия.

Что касается негров, то и тут дела обстояли неблагоприятно. Негры поняли, что в то время, как юридически они были совершенно свободны, в действительности их свобода была ограниченной. Конгресс, который вынес решение об их раскрепощении, ничего не сделал для обеспечения их экономического благополучия. Вместо этого, он понапрасну тратил свои усилия на то, чтобы гарантировать им политическое равенство. После войны негры год или два жили, подобно беженцам, на опустошенной территории. Тысячи бывших невольников бесцельно скитались по всему Югу, и можно с уверенностью сказать, что за первый год их свободы было расторгнуто больше семей, чем за какой-либо другой год до их освобождения.

дения. Тысячи умерли от болезней и голода или стали жертвами насилия. Благодаря усилиям наиболее сознательных южан и при содействии федеральных властей, порядок в конце концов был восстановлен. Сначала негры наивно полагали, что каждый из них получит «сорок акров и осла». Когда же они поняли, что это не так, им пришлось вернуться к единственному занятию, с которым они были знакомы, — к земледелию.

Некоторые из наиболее предприимчивых негров отправились на Север или в те южные города, где начинала развиваться промышленность. Большинство, однако, стало издольщиками и жизнь их была почти такой же, как и до войны. Они возделывали землю и собирали хлопок на землях, принадлежавших белым; они жили в тех же покосившихся хижинах, ели ту же кукурузу и соленую свинину; ходили в тех же отрепьях, как и прежде. Они даже не пытались голосовать или посылать своих детей в школы для белых и общались только с другими неграми.

Самым отрадным явлением на Юге в этот послевоенный период было возникновение прочного среднего класса, состоявшего из независимых фермеров, лавочников, мелких коммерсантов, мелких банкиров и предпринимателей, а также из людей свободных профессий. Это были люди, которые психологически освободились от инкубатора рабовладельческого строя; они готовы были забыть о длуном свете и гардениях; мысли о Геттисбурге или о сражениях в диких местах не вызывали в них горечи, а скорее ощущение гордости. Они энергично принялись за экономическую интеграцию Юга, за восстановление его пошатнувшейся культурной и общественной жизни. Роберт Ли, взявший на себя обязанности главы елс проживавшегося маленького колледжа имени Вашингтона в Виргинии, послужил примером для всего Юга, и стали вновь открываться колледжи. Штаты приступили к демократизации своей образовательной системы и, по крайней мере на бумаге, предусмотрели бесплатное обучение в начальных классах. Одновременно шло и восстановление церквей, а благодаря приобщению к церковной жизни негров, число при-

хожан стало большим, чем было до войны. Произошли также значительные перемены в области социального законодательства; были приняты меры к обеспечению пенсий и неработоспособных, а также произведены первые слабые попытки в направлении трудового законодательства. Экономические, культурные и политические пути Юга вновь тесно переплелись с жизнью всего государства.

Революция на Севере. В то время, как Юг отстранялся в муках свою экономику и приспосабливался к новым промышленным и сельскохозяйственным условиям, Север переживал стремительный подъем. Промышленным и финансовым кругам Севера победа принесла больше плодов, чем какой-либо иной группе населения. Республиканская партия с самого начала своего существования обязала себя к введению высоких пошлин, к проведению ряда улучшений внутри страны, к земельным наделам для постройки железных дорог, а также к бесплатным земельным наделам для переселенцев. До инцидента у форта Семтер, ей не удалось по-настоящему приступить к проведению в жизнь своей программы, но после того, как Юг откололся, в Конгрессе уже не оставалось сильной оппозиции, а начало войны послужило предлогом для поспешной реализации всей республиканской программы. Принятый в 1861 г. закон Морилла о тарифах резко изменил существовавший в течение многих лет курс на понижение пошлин и установил откровенно протекционные тарифы. Последующие законы подняли их еще больше и к концу войны пошлина повысилась в среднем с 18% до 47%. Северные фабриканты утвердились на подлинно неуязвимых позициях и лишь в 1913 г. федеральному правительству удалось произвести значительное снижение тарифов. В качестве другого стимула для развития предприятий Конгресс вскоре отменил подоходный налог и введенные во время войны налоги на корпорации, а также на предприятия, занимающиеся добычей угля и железа. Был принят и ряд законов, касавшихся постройки железных дорог. Конгресс субсидировал постройку трансконтинентальных магистралей, выдал займы, превысившие 60 миллионов долларов и безвозмездно

отдал более 100 миллионов акров государственных земель. Это было щедро дополнено помощью, поступившей от штатов и местных комитетов.

Ненасытные нужды войны и столь же ненасытные нужды растущего населения, равно как и поддержка федерального правительства, все это привело к тому, что коммерческая деятельность и промышленность стали переживать период небывалого расцвета. «Правда заключается в том, — писал своему брату, генералу, Джон Шерман, — что наши ресурсы остались после войны в сохранности и придали идеям ведущим капиталистов такую возвышенность и такой размах, что это намного превосходит все, когда-либо предпринятое в этой стране. Они говорят сейчас о миллионах с такой же уверенностью, как некогда говорили о тысячах». Если не «возвышенность», то размах во всяком случае был налицо. Промышленность с полной готовностью удовлетворяла несметному множеству нужд вооруженных сил и еще большему количеству требований экономики военного времени. В течение десяти лет было проложено 20 тыс. миль железнодорожных путей, большинство из них — на Западе; трансконтинентальные линии прокладывались через долины и горы с непостижимо головокружительной быстротой. Телеграфные провода протягивались от одного города к другому, и вскоре охватили весь континент; через Атлантический океан прокладывались кабели, а в течение пятнадцати лет телефон добавил еще новое средство молниеносной связи. Заводы МакКормика в Чикаго, выпускавшие уборочные машины, не успевали выполнять поступающие из прерий Среднего Запада заказы; заводы Акрона и Кантона в Огайо стали выпускать десятки тысяч косилок, а к середине семидесятых годов фабрики, расположенные в центральном пограничье высылали осваивавшим прерии фермерам готовые ограды из колючей проволоки. Обувные фабрики МакКея, огромные упаковочные фабрики в Чикаго и Цинциннати, мельницы Миннеаполиса и Сент-Пола, пивоваренные заводы Милуоки и Сент-Луиса, предприятия черной металлургии района Питтсбурга, нефтеочистительные заводы Огайо и Пенсильвании и сотни других

заводов и фабрик работали день и ночь для того, чтобы поспевать за непрерывным потоком заказов.

Конец войны не вызвал снижения темпов. Напротив, в течение пяти лет после Анноматокса были побиты почти все индустриальные рекорды. Повысилась добыча угля, железной руды, серебра и меди; производилось больше стали, прокладывалось большее количество рельс, срубалось больше леса, строилось больше домов, производилось больше бумажных тканей, муки и нефти, чем в какой-либо иной, предшествовавший этому пятилетний период. Между 1860 г. и 1870 г. общее число промышленных предприятий возросло на 80%, а общая стоимость продукции — на 100%. Совершилась индустриальная революция.

Наряду с фабрикантами, процветали банкиры и вкладчики. Национальными банковскими актами 1863 г. и 1864 г. Конгресс положил конец независимой штатной банковской системе, столь близкой сердцу демократов джексонского толка, и заменил ее другой, более выгодной для частных банкиров. Для того, чтобы обеспечить беспренятственную циркуляцию ассигнациям государственного банка, штатные банкноты были обложены таким высоким налогом, что это положило конец их существованию. Во время войны правительство выпустило несколько сот миллионов долларов в бумажных деньгах, которые будучи обеспеченными лишь кредитом государства, быстро стали падать в цене. Своим решением прекратить дальнейший выпуск этих банкнотов, изъять из обращения значительную часть их и довести до номинальной стоимости банкноты, оставшиеся в обращении, Конгресс придал необходимую устойчивость национальной валюте, что было связано с некоторой дефляцией, тяжело сказавшейся на должниках и в особенности на фермах Запада.

Спекуляция на бумажных деньгах и на государственных облигациях принесла обогащение многим весьма почтенным людям. В самый трудный период войны бумажные деньги продавались по 40 центов за доллар, но продолжали оставаться легальным средством уплаты за покупку государственных облигаций. Когда Конгресс обязался выплатить по этим об-

лигациям и по накопившимся с них процентам в золоте, все, кто был достаточно дальновиден, -- людям этим нельзя отказать и в патриотизме, ибо они шли на риск при покупке облигаций, -- получили хорошую прибыль. Выплата в золоте была всего на- всего исполнением данного обязательства, но финансовая политика правительства усилила классовое расслоение общества в большей степени, чем другие его мероприятия. Эта политика означала следующее: солдаты получали жалованье бумажными деньгами, реальная стоимость которых была раза в два ниже номинальной, а держатели облигаций должны были получить за них полноценные доллары, тогда как фермеры, занимавшие бумажные деньги, должны были возвращать их в полноценных деньгах. Таким образом, вся страна могла быть призвана к уплате государственного долга, размер которого увеличился почти вдвое.

Самые крупные состояния были, однако, составлены благодаря капиталовложениям в области, тесно связанные с военными нуждами или с освоением Запада: железные дороги, рудники, строевой лес, мясные консервы, железо, сталь и нефть. Вскоре имена таких создателей железных дорог, как Вандербилт, Станфорд и Виллард, владельцев консервных фабрик, как Армор и Свифт, таких лесопромышленников, как Уэйдирхьюзер, владельцев чугуно-литейных заводов, как Эндрю Карнеги и Авраам С. Хьюитт, или такого нефтяного магната, как Джон Д. Рокфеллер стали фигурировать в обыденной жизни, наряду с именами политиков и общезвестных писателей. Война произвела перераспределение национального состояния. Она произвела это щедро и небрежно; тысячи людей обогатились честно, сотни других -- путем постыдных операций. Деньги начали влиять на штатные и федеральные правительства; они открывали двери в лучшее общество; Вандербилты и Гульды стали вскоре столь же признанными членами высшего света, как и старинный род Никербокеров; деньги строили прекрасные особняки Пятой авеню в Нью-Йорке и Мичиган-авеню в Чикаго; деньги финансировали колледжи и университеты, поддерживали церк-

ви и миссии, покровительствовали оркестрам и музеям. Богатства, естественно, сконцентрировались, главным образом, в самых крупных промышленных районах; в 1864 г. 60% всего подоходного налога было уплачено тремя штатами: Нью-Йорком, Пенсильванией и Массачусетсом. И несмотря на это, уровень жизни повышался всюду: на Востоке, на Западе и даже в значительной части Юга.

Этот общий послевоенный подъем принес также некоторые выгоды и фермерам, однако меньше, чем они предполагали извлечь. Республиканская партия, ведя свою предвыборную кампанию, вербовала сторонников лозунгом: «голосуйте за собственную ферму». Как только она пришла к власти, был принят так называемый «гомстед акт», на который ранее наложил вето президент-демократ. Согласно этому закону, каждый человек мог получить 160 акров общественной земли, дав обязательство обрабатывать ее в течение пяти лет. Таким образом, несколько сот тысяч фермеров получили возможность наладить собственные хозяйства на целинных землях, что способствовало развитию экономической демократии. Однако, в то же самое время крупные площади земли были отданы железнодорожным и другим корпорациям или проданы земельным компаниям и земельным спекулянтам. Большая часть этих земель, в конце концов, опять-таки попала в руки фермеров, но уже не бесплатно. Одновременно Конгресс принял и другой закон, согласно которому несколько миллионов акров общественной земли поступили во владение сельскохозяйственных и промышленных колледжей.

Развитие сельского хозяйства во время войны и в послевоенный период происходило, однако, вне зависимости от субсидий и поощрительных мер правительства. Нужды армии, возрастающего населения городов, а также миллионов голодавших за границей, все это явилось мощным стимулом для людей, занимавшихся сельским хозяйством, начиная с тех, кто выращивал пшеницу и кукурузу, и кончая теми, кто содержал молочные фермы или занимался разведением скота. Благодаря железным дорогам, уходившим

все дальше вглубь прерий, открывался доступ к еще нетронутым землям, а только что поступившие на рынок уборочные машины, плуги, косилки и сноповязалки дали возможность одному мужчине или даже подростку, делать работу, которую прежде исполняли двое. Спустя двадцать лет после избрания Линкольна производство кукурузы, пшеницы, овса и ячменя, более, чем удвоилось; то же произошло и с поголовьем рогатого скота, овец и свиней. Поскольку в Новой Англии и на Юге сельское хозяйство шло на убыль, большая часть этих успехов приходилась на долю старого Северо-Запада и районов, лежащих на запад от р. Миссисипи. В течение одного десятилетия, во время которого происходила гражданская война, население Миссури возросло более, чем на 50% и достигло почти 2 миллионов человек. Таким образом, Миссури стал пятым по численности населения штатом США. Небраска, принятая в число штатов в 1867 г., к 1880 г. насчитывала почти полмиллиона населения. В Дакотах, где еще во время войны индейцы сну были полными хозяевами, спустя пятнадцать лет население превышало 500 тыс. Центр производства шерсти перешел из Вермонта в Огайо и вскоре горные штаты Запада выдвинулись на первое место; Айова, Канзас, Небраска, Миннесота стали передовыми пшенично-кукурузными штатами. Сельское хозяйство перемещалось на Запад.

И все-таки, как бы предвосхищая будущий курс нашего народного хозяйства, фермеры, если не считать рабочих, извлекли из этого общего экономического взлета меньше пользы, чем другие группы населения, а когда наступили трудные времена, они почувствовали их первыми. Чрезмерная экспансия сельского хозяйства привела к перепроизводству сельскохозяйственных продуктов; покупка больших ферм и дорогого сельскохозяйственного оборудования привела к обременительным долгам, сильным лишь до тех пор, пока продукты сбывались по высоким ценам. Фермеры восточной части страны остро ощущали конкуренцию со стороны фермеров, обрабатывавших новые земли на Западе, в то время как западные фермеры, имея преимущество плодородной

земли, тем не менее испытывали трудности, связанные с тем, что они находились вдалеке от рынков сбыта и зависели от железных дорог. Как и в прежние времена, фермеры долгие часы трудились под палящим солнцем, жили изолированно, не имея общинной жизни, и плоды их труда были несоразмерны затраченным усилиям.

Однако даже фермеры получили больше, чем рабочие, --- единственная крупная категория населения, которая не извлекла из войны никаких материальных выгод. Отрабатывая по 10-12 часов в день в угольной шахте, у плавильной печи, за ткацким станком, строя суда или прокладывая железную дорогу, рабочие внесли огромный вклад в дело победы Союза. К тому же рабочие составили большой процент и самих вооруженных сил. Под влиянием условий военного времени, и быстрого повышения цен, некоторые из тех рабочих организаций, которые были уничтожены паникой 1857 г., стали заново восстанавливаться, ибо в них была острая нужда. Заработки рабочих были повышены, но цены поднялись еще больше, чем зарплата. Согласно осторожной оценке, большинство рабочих в 1865 г. жило хуже, чем в 1860 г. Когда после окончания войны более миллиона солдат вернулись домой, и количество новых иммигрантов неустанно возрастало, рабочих рук стало больше, чем нужно, и ремесленники постепенно приступили к созданию профессиональных союзов, которые должны были оградить их специальности. Одной из таких организаций был цех сапожников «Орден св. Криспина»; однако кратковременность его существования показала всю тщетность попыток бороться против фабрично-заводской системы и машины. Большой интерес представляли собой две другие, более крупные, но и более аморфные организации --- «Национальный Трудовой Союз» и «Рыцари Труда». Обе организации были основаны в начале шестидесятых годов и обе пытались объединить самые различные категории трудящихся, фермеров и реформаторов.

Огромное большинство рабочих оставалось, однако, вне этих организаций и испытывало на себе все недостатки быстро менявшейся экономической струк-

туры, а вскоре и все зло паники и депрессии. Правительство, которое с таким рвением проводило законодательные меры, помогавшие деловым кругам, для трудящихся сделало очень мало. Правда, в 1868 г. оно ввело 8-часовой рабочий день на общественных работах, но этот достойный подражания пример не был повсеместно проведен. К тому же, этому жесту можно противопоставить постановление 1864 г., узаконившее ввоз рабочих по контракту. Вскоре это постановление было отменено, но рабочих продолжали ввозить еще в течение двадцати лет.

Политическая жизнь. Отличительной чертой политической жизни послевоенных лет была ее незначительность. Правительства Пирса и Бьюкенана были, например, бездейственными и несостоятельными, правительство Гранта было несостоятельным и подкупным. В этот критический период национальной реконструкции больше, чем когда-либо был нужен государственный подход. Он уступил, однако, место подходу партийному, а партийная политика была насквозь пропитана пристрастностью, привилегиями и коррупцией.

В основе политики реконструкции лежало стремление утвердить власть республиканской партии. Следует напомнить, что эта партия была сравнительно молодой и большинство ее сторонников находилось на Севере и Северо-Западе. Во время войны она могла действовать беспрепятственно, и ее положение у власти было прочным. Однако по окончании войны и по мере того, как один за другим в Союз стали снова приниматься южные штаты (к 1871 г. все они были восстановлены в своих правах) шансы на сохранение контроля республиканской партии во всех правительственных органах уменьшились. Нельзя забывать и того, что в течение всего этого периода демократическая партия продолжала оставаться многочисленной и сильной даже на Севере, а на Юге война и особенно реконструкция превратили в демократов всех южан. Если бы северные и южные демократы могли договориться о кандидатах и программе, то им наверное удалось бы отстранить рес-

публиканцев и восстановить контроль над правительством.

Под угрозой находилось не только господствующее положение республиканской партии, но и продолжение той политики, которую она обязалась проводить и к осуществлению которой она уже так решительно приступила. Сюда входили такие важные меры, как протекционные пошлины, национальная банковская система, программа субсидирования железнодорожного строительства и, пожалуй самое важное, стабилизация валюты и уплата по облигациям в золоте. Все эти вопросы экономического порядка были, разумеется, теснейшим образом связаны с вопросами социальными, каким, например, являлась проблема положения негров, и с вопросами, носившими чисто эмоциональный характер, вроде вознаграждения, оставшихся верными людей, и наказания отступников.

Стратегия и тактика республиканцев, таким образом, довольно ясна. Для сохранения и дальнейшего развития столь удачно начатой экономической политики необходимо было, чтобы партия оставалась у власти до тех пор, пока проводимая ею политика не будет настолько упрочена, что партию невозможно будет опрокинуть. В качестве ранее принятых мер предосторожности, большое число лидеров конфедерации было лишено избирательного права и права занимать официальные должности. Кроме того, в Конгресс не были допущены представители самых непокорных южных штатов. Но это, разумеется, долго не могло продолжаться. Более многообещающим казался план создания республиканской партии на Юге. Подходящим материалом для этого считалась та часть белого населения, которая уже с давнего времени была настроена против правящих классов Юга, те бедные и лишенные многих привилегий люди, которые должны были приветствовать возможность быть услышанными. Таких людей было, однако, слишком мало, и необходимое республиканцам число голосов можно было получить только, если бы голосовали негры, за которыми, разумеется, следовало бы последить, чтобы они голосовали, как нужно. Право голоса для нег-

ров было обеспечено вначале законами о реконструкции, а потом путем внесения поправок к Конституции.

План республиканцев был довольно умелый, но из него ничего не вышло. Период военной реконструкции значительно усилил оппозицию населения Юга, а попытки использовать негров еще больше восстановили всех южан против республиканской партии, которая, в результате, стала для них синонимом расового равенства — понятия в тот момент совершенно неприемлемого для большинства южан. Таким образом, эти недалековидные политики, введенные в заблуждение плохими советами, вместо того, чтобы усилить республиканскую партию на Юге, лишь ослабили ее позиции. Как только с Юга были отозваны федеральные воинские части, республиканские организации развалились, а южные демократы быстро нашли различные средства для того, чтобы не допустить негров к голосованию. С того времени демократическая партия делала на Юге, что хотела, и между 1880 г. и 1928 г. ни один штат конфедерации не дал ни одного голоса в коллегии выборщиков за республиканского кандидата в президенты.

Однако, несмотря на то, что экономическую программу республиканской партии не удалось обеспечить ни в период военной реконструкции, ни посредством конституционной гарантии прав голоса для негров, ее удалось оградить другим, внесенным в Конституцию положением. В ранний период реконструкции, в то время, когда радикалы все еще продолжали ссориться с президентом Джонсоном, совместная комиссия Конгресса разработала знаменитую 14-ую поправку, целью которой было определение понятия гражданства, ограждение гражданских свобод, лишение права голоса лидеров Конфедерации, гарантия об уплате федерального долга и аннулирование долга Конфедерации. Первый параграф 14-ой поправки гласит:

«Ни один штат не имеет права принимать или проводить законы, ограничивающие привилегии и иммунитет граждан Соединенных Штатов; ни один штат не имеет права лишить человека жизни, сво-

боды или собственности без надлежащего судопроизводства, или отказать человеку, находящемуся в его юрисдикции, в одинаковой защите законов».

Эти слова со временем сделали то, чего республиканцы своей политикой добиться не смогли: они поставили собственность и деятельность больших корпораций под защиту Конституции, ибо суды со временем истолковали эти слова как запрет штатам принимать такие законодательные меры, которые могут лишить корпорации их имущества или справедливого дохода. Такая интерпретация была полностью сформулирована лишь в девяностых годах, как раз вовремя, чтобы оказать сопротивление нарастающему течению популизма.

При президенте Гранте правительство, в основном, было занято реконструкцией, державшей Юг в подчинении Северу и демократов в подчинении республиканцам. Правительство достигло на этом поприще значительных успехов. Одержанная Севером победа и личный престиж самого Гранта повышали и престиж всего правительства, которому удалось продлить срок пребывания у власти. Объяснялось это отчасти тем, что ко всякой партии, которая имела какое-то отношение к рабовладельческому вопросу и к отделению Юга, еще долго относились с недоверием. Кроме того, это правительство пользовалось поддержкой деловых кругов, чьи интересы оно соблюдало. Со временем, однако, оно лишилось этих преимуществ. Грант был прекрасным солдатом, но очень плачевным президентом. Его управление за исключением области внешней политики, явилось полным и непревзойденным провалом. Молодой Генри Адамс, давая обзор развития американской истории от Вашингтона до Гранта, сказал, что Грант сделал из эволюции посмешище.

Вскоре после прихода Гранта к власти пошли слухи о коррупции на высоких постах и эти рассказы не были лишены основания. Железная дорога «Юнион Пасифик», гордость страны, финансировалась группой бесчестных людей, которые подкупали конгрессменов для того, чтобы помещать заказы; департа-

мент военно-морского флота открыто продавал заказы подрядчикам; департамент внутренних дел был тесно связан с земельными спекулянтами; бюро по делам индейцев продавало право на торговлю тем, кто больше заплатит и совершенно не занималось интересами индейского населения; таможи Нью-Йорка и Нового Орлеана были насквозь продажны; «мошенники, связанные с виски» в Сент-Луисе лишили правительство миллионов долларов акциза, а группы владельцев незаконных спиртных заводов так же роскошно жили в Вашингтоне, как и «саквояжники» на Юге. «Похоже на то, — писал республиканский сенатор, — что республиканская партия идет к собакам... Мне кажется, что это — самая продажная и распутная политическая партия, которая когда-либо существовала».

Охватившая правительство коррупция была непосредственно связана с неразберихой военного времени и с послевоенным периодом инфляции и спекуляций. Из-за коррупции правительства, Грант со временем лишился доверия населения Севера, хотя оно и продолжало его любить. Когда Грант приступал к исполнению президентских обязанностей, он пользовался большей популярностью, чем какой-либо другой президент со времени Джексона; что же касается республиканской партии, перед ней открывались такие блестящие возможности для созидательной работы, каких с 1789 г. не имела ни одна другая партия. Но не прошло и четырех лет, как в партии произошел раскол и на сцену вышла организация либеральных республиканцев, стоявших за реформы и примирение. Но несмотря на то, что к либеральным республиканцам примкнули демократы, они не были достаточно сильны, чтобы сместить Гранта. Но двумя годами позже демократы получили большинство мест в Палате Представителей, а в 1876 г. их президентский кандидат получил на четверть миллиона голосов больше, чем республиканский. Политика стяжательства на этом далеко не была закончена, но в течение пятидесяти лет стране не приходилось краснеть за коррупцию на верхах исполнительной власти и в Конгрессе.

РОСТ КРУПНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Основы индустриальной империи. Джефферсон мечтал о великой сельской империи, населенной вольными людьми, свободными от гнета крупных городов, фабричного рабства и каторги рудников, виденных им в Англии, а также от ужаснувших его в Италии и Франции цепей крепостного права. «Пока у нас есть земля для возделывания, не следует стремиться к тому, чтобы наши граждане стояли у станка», — говорил он. Джефферсон полагал, что им была основана аграрная демократия, дальнейшее развитие которой он обеспечил покупкой Луизианы. Тут было, по его словам, достаточно земли для «тысяч и тысяч поколений». Когда на президентских выборах Джефферсон одержал победу над Гамильтоном, он полагал, что положил конец планам Гамильтона, стремившегося устроить Соединенные Штаты по образцу Англии того времени. Джефферсон считал, что страна должна развиваться в западном направлении, в сторону гор и прерий, а не в восточном направлении — за океан. Согласно его замыслу, США должны были стать обетованной землей для фермеров, а не заповедником купцов, банкиров и промышленников. И по мере того, как первые преемники Джефферсона сменяли его в Белом доме, а его последователи занимали господствующее положение в Конгрессе, казалось, что эта мечта близка к осуществлению. Западная граница страны все ближе придвигалась к Тихоокеанскому побережью, а южная — к Рио-Гранде. В результате сельское хозяйство развивалось намного быстрее промышленности. Даже в 1860 г., в год начала гражданской войны, страна продолжала оставаться преимущественно аграрной и многие рассматривали войну не как соперничество между развивающимся индустриализмом и распространяющимся сельским хозяйством, а как борьбу между «Его Величеством Хлопком и Ее Величеством Пшеницей».

И все же, в конечном итоге, по крайней мере на экономическом фронте, восторжествовали не идеи Джефферсона, а идеи Гамильтона. Установки Гамильтона были приняты в вопросе банковской и торговой системы; его «Отчет о мануфактурах» стал американским евангелием. Через сто лет после того, как Гамильтон пал на дуэли в Уихоукене, США стали величайшей в мире индустриальной державой. По богатству обнаруженных залежей каменной и железной руды, по объему выплавки стали и нефтедобычи, по общему протяжению железнодорожных путей и по числу строившихся заводов и фабрик Соединенные Штаты вышли на первое место. Через сто лет после смерти Джефферсона общая стоимость промышленной продукции в пять раз превышала стоимость сельскохозяйственной продукции, финансовые и промышленные магнаты диктовали политику Вашингтону, а классу фермеров угрожала опасность превращения в крестьянство.

Несмотря на то, что этим стремительным сдвигам в американской экономике оказывалось содействие федерального правительства, они протекали совершенно естественным путем. Развитие американской промышленности было основано на шести факторах: ни один народ, за исключением, быть может, России, не обладал таким количеством и таким разнообразием сырья, как американский; изобретались новые способы и новые машины для переработки сырья в готовые продукты; система водного и железнодорожного транспорта полностью удовлетворяла нуждам развивающегося народного хозяйства; рынок сбыта быстро расширялся по мере роста населения и развития внешней торговли; рабочие силы постоянно обновлялись благодаря прибытию иммигрантов; таможенных барьеров между отдельными штатами и частями страны не было, но были введены протекционные пошлины, ограждавшие американскую промышленность от заграничной конкуренции; и, наконец, индустриализации содействовали выдаваемые правительством прямые и косвенные субсидии. К этим основным конкретным факторам следует, пожалуй, добавить еще и ту общую предприимчивость в атмо-

сфере оптимизма, которая с самого начала явилась характерной чертой Америки.

Базу американской индустриальной революции составляли: уголь, нефть, железо, а потом также и электричество. В горах Пенсильвании и Западной Виргинии, под покровом степной травы пшенинских прерий, вдоль склонов горного хребта Грейт Смоки Маунтене, на огромных пространствах Канзаса, Колорадо и Техаса находились неистощимые запасы антрацита и битуминозного угля; в одном только Нью-Мексико было достаточно угля, чтобы обеспечить им все американские фабрики и заводы на сто лет. К 1910 г. в стране добывалось ежегодно по 500 миллионов тонн угля, и несмотря на это, общие запасы уменьшились на один, да и то неполный процент. Америка была почти столь же богата и вторым важным источником энергии — нефтью. Начиная с 1900 года не было года, в течение которого в США было бы добыто меньше нефти, чем в остальных странах мира, вместе взятых. Когда же были открыты нефтеносные земли Техаса, Оклахомы, Канзаса, Иллинойса и Калифорнии — рассеялись всякие опасения относительно возможности преждевременного истощения этого важнейшего вида горючего. Железная руда также была в изобилии. Богатые залежи ее были найдены вокруг всего оз. Верхнего, а также на Юге, где возникла Теннесси́йская компания угля и железа, и на Западе, где была создана Колорадская компания железа и горючего. После пятидесяти лет эксплуатации был произведен тщательный учет запасов железной руды и выяснилось, что их хватит еще по крайней мере на два столетия. К тому же, природа наградила США такими богатыми гидроэнергетическими ресурсами, каких не имеет ни одна другая страна. Этих ресурсов было бы вполне достаточно для обеспечения промышленных нужд трехсотмиллионного населения.

Интересно, что большинство природных богатств стали доступны в широких масштабах лишь после 1850 г. Железная руда добывалась в Америке, начиная с самого раннего колониального периода, но первенство по количеству железа и стали США обрели

лишь после открытия залежей в северном Мичигане и близ оз. Верхнего. В 1859 г. полковником Дрейком была найдена нефть в западной Пенсильвании. В течение последующих пяти лет добыча нефти достигла и превысила 2 миллиона баррелей в год, были использованы тысячи бурильных машин и в эту промышленность вложены миллиарды долларов. Охватившая людей нефтяная лихорадка ничем не уступала калифорнийской золотой лихорадке, бушевавшей десятью годами ранее. Медь добывалась в Мичигане со времен открытия этой части страны, но богатые залежи Монтаны и Аризоны были обследованы лишь в восьмидесятих годах XIX в. Вскоре после открытия Анакондовского рудника в 1882 г., вся Монтана превратилась в поле битвы «войны королей меди», боровшихся не только за промышленные монополии, но и за политический контроль. В 1859 г. в Колорадо были обнаружены богатые залежи серебра, а в шестидесятих годах серебро было найдено в Неваде и в Монтане. Это обстоятельство глубочайшим образом отразилось на экономической структуре и финансовой политике страны. Свинцовые копи Миссури и района Галины в Иллинойсе были знамениты еще до гражданской войны, но лишь в семидесятих годах добыча свинца увеличилась настолько, чтобы позволить широкое применение его для изготовления труб и в типографском деле. Портландский цемент поступил на рынок в 1870 г.; в 1887 г., благодаря открытию электролитического процесса, в продажу поступил алюминий, а к 1900 г. его продукция уже превышала 7 миллионов фунтов. Когда на всемирной Колумбийской выставке 1893 г. Генри Адамс увидел динамомашину, он решил, что ее изобретение было самым важным событием современной истории. И действительно, в начале XX века американские инженеры стали приспособлять ее к огромным плотинам, готовясь сменить пар электричеством.

Американцы по всей вероятности, запатентовали больше остроумных изобретений, чем какой-либо иной народ. Между 1860 и 1900 годами Патентным бюро США было выдано 676 тыс. патентных удостоверений, а с тех пор это число стало почти астро-

помпическим. Важные изобретения относятся к концу XVIII в. и к началу XIX в.: хлопкоочистительная машина (Илайя Уитни (джин)), пароход Роберта Фултона, швейная машина Илайаса Хау, вулканизированная резина Чарльза Гудйира и почти одновременно изобретенная Сайрусом МакКормиком и Обедом Хасси уборочная машина. Но массовое производство новых машин дождалось развития стальной промышленности и электрификации.

Достаточно краткого перечисления наиболее сенсационных открытий для того, чтобы увидеть, какую роль они играли в создании современной Америки. Перед Мексиканской войной «американским Леонардо да Винчи», Сэмюэлем Ф. Б. Морзе, который от живописи перешел к науке, была разработана теория электрического телеграфа. Он убедил Конгресс субсидировать проведение телеграфной линии между Вашингтоном и Балтимором, а в 1856 г. была создана телеграфная компания «Уэстерн Юнион», решившая исследовать возможности этого открытия, и вскоре, благодаря ее усилиям и деятельности других компаний, весь континент начал покрываться сетью телеграфных проводов. Первые попытки проложить кабель через Атлантический океан были предприняты еще в пятидесятых годах прошлого столетия, но успехом они увенчались только в 1866 г., когда судно «Грейт Истерн» проложило кабель между Ньюфаундлендом и Ирландией. Кабель начал функционировать бесперебойно, и агентство «Ассошиейтед Пресс» не замедлило целиком передать по нему речь Вильгельма Прусского в парламенте, заплатив почти 6 тыс. долларов лишь для того, чтобы американцы смогли оценить преимущества прикладной науки! В 1876 г. шотландский эмигрант Александр Грэхам Белл, продемонстрировал телефонный аппарат, а уже через несколько лет телефоны были установлены в каждой конторе и над улицами больших городов повисла сплошная паутина телефонных проводов. Спустя четверть века была создана Американская телефонная и телеграфная компания с капиталом в четверть миллиарда долларов.

Наряду с общим развитием страны, усовершенство-

вались и средства сообщения. Применение автоматических железнодорожных сигналов, воздушных тормозов, нагонных сцепов, а после 1900 г. — стальных вагонов — все это сделало поездки по железной дороге более безопасными, и, благодаря спальным вагонам, более удобными. В начале восьмидесятых годов американцы начали экспериментировать с электрическими трамваями и к концу десятилетия примерно двадцать городов, в том числе Балтимор, Бостон и Ричмонд, имели свои трамвайные линии. Изобретение автомобиля относится к девяностым годам прошлого века. Генри Форд, инженерные способности и дальновидность которого так много сделали для того, чтобы автомобиль стал предметом всеобщей необходимости, вспоминал, как вначале автомобиль

— «считали каким-то досадным явлением. Он производил страшный шум и пугал лошадей. Он препятствовал уличному движению, т. к. всякий раз, когда я останавливался где-нибудь в городе, вокруг моей машины прежде, чем я успевал ее снова завести, собиралась толпа народа. Когда же я оставлял ее хотя бы на несколько минут одну, то какой-нибудь любознательный человек непременно делал попытку пустить ее в ход. Наконец, я стал брать с собой цепь и привязывать автомобиль к фонарному столбу».

То же десятилетие было свидетелем отважных испытаний с летающим аппаратом, изобретенным С. П. Лангли, — испытаний, которые еще при жизни тех, кто над ними насмехался, привели к судьбоносным переменам в жизни целых народов.

Новые изобретения ускоряли темпы промышленной и торговой жизни; они открыли двери контор для большого числа женщин, наводнили конторы множеством служащих, а также увеличили значение средств связи. Телефон вскоре стал необходимым атрибутом каждой конторы и каждой лавки. Пишущая машина — результат совместной работы живших в Милуоки изобретателей Шолса и Глиддена, поступила в продажу в 1873 г., а год спустя Марк Твен выстукивал письмо: «На ней можно работать, откинувшись назад

к спешке стула; она наваливает на одну страницу несметное множество слов, не устраивает хаоса и не ставит чернильные кляксы». Со временем машинка стала необходимостью, и каждая контора имела свой штат машинисток. Счетные и кассовые машины обеспечили точность в бухгалтерии; адресографы дали возможность бомбардировать людей рекламой и пропагандой, а благодаря карточной системе американские библиотеки стали лучшими и самыми удобными в мире. Липотин, ротационная машина Хо и электротипная произвели революцию в книгопечатном и газетном деле.

Электричество, с его огромным значением в области промышленности, транспорта и связи, глубочайшим образом отразилось на жизни всей страны. В 1878 г. молодой огайский инженер Чарльз Буш запатентовал дуговую лампу, которую ряд предпринимчивых городов быстро приспособил для уличного освещения. Более практичной была лампа накаливания, которую Томас Эдисон разработал для освещения своего дома к тому времени, когда в президенты был избран Гарфильд. Коммерческие возможности, которые открывало электрическое освещение, были огромны. В 1882 г. Эдисон соорудил в Нью-Йорке генераторную и распределительную станцию, а вслед за этим дальновидные предприниматели стали добиваться исключительных льгот на снабжение городов электричеством и началась борьба. В девяностых годах Эдисон стал экспериментировать с кинематографом, а спустя десять лет было положено начало коммерческой кинематографии, которой суждено было показать американские обычаи и нравы в самых дальних уголках земли. Радиопередачи, имевшие столь же важные социальные последствия, стали регулярно вестись сразу после Первой мировой войны и через двадцать лет у каждой семьи имелся свой приемник. Все это — электрическая лампочка, кино и радио — сыграло колоссальную роль в жизни людей, внеся в нее новые удовольствия, новые интересы и — хотя расценивать это можно по-разному — разрушило изолированность и привело к стандартизации социальных привычек. В виду того, что практическое

применение этих открытий требовало крупных капиталов и создания больших организаций, они значительно содействовали росту крупного предпринимательства.

Через сорок лет после постройки первой трансконтинентальной магистрали, железнодорожная сеть страны настолько разрослась, что ее можно было считать, в основном, законченной. Ежегодно товарные поезда перевозили по миллиарду тонн груза. Торговый флот, оправившись после длительной депрессии, снова превратил американский флаг в обычное явление на всех морях; через канал Со-Сент-Мари перевозились миллионы тонн руды и зерна, а Панамский канал готовился соединить Атлантический океан с Тихим. Европейские текстильные фабрики нуждались в американском хлопке, а их рабочие в американской пшенице и свинине. Через пятьдесят лет после Анноматокса у США был активный торговый баланс, превышавший два с четвертью миллиарда долларов, а к 1910 г. ежегодный экспорт Америки превысил цифру в два миллиарда.

Недостатка в рабочей силе не ощущалось, и она была преимущественно дешевой. В американские промышленные центры стекались миллионы трудящихся: мужчины, женщины и дети из соседних поселений и ферм, из перенаселенных городов Италии, Австрии и Польши. В период 1870-1900 гг. общее число рабочих возросло с 12 миллионов человек до 29 миллионов, а занятых в промышленности с неполных 3 до 7 миллионов. Более важным является тот факт, что женщины, которые прежде составляли одну восьмую часть промышленной рабочей силы, стали составлять одну пятую, а число работающих детей в возрасте от 10-ти до 15-ти лет за тот период возросло до 1,75 миллионов. Вербовалось все большее число бедствовавших иммигрантов без специальности из стран южной и восточной Европы. В течение первых десяти лет XX в. 2 миллиона людей приехало из Австро-Венгрии, еще 2 миллиона из Италии и 1,5 миллиона из России. Большинство из них было готово работать за любой оклад. Средний заработок рабочего на производстве в 1900 г. едва

превышал 500 долларов в год и, хотя в то время на 1 доллар можно было купить 6 фунтов говядины, заработка этого было слишком мало.

Остается рассмотреть еще один фактор развития индустриализации: роль государства. После гражданской войны в течение нескольких десятилетий торговые и промышленные интересы подлежали не только юрисдикции федерального правительства, но и штатных legislatures. Система протекционных пошлин, введенная во время войны в качестве чрезвычайной меры продолжала оставаться в силе. Поэтому такие отрасли народного хозяйства, как черная и цветная металлургия, шерстяная, текстильная и фарфоровая промышленности на этом особенно выгадывали. После того, как Конгресс выделил субсидии на постройку железных дорог, аналогичные меры были приняты также местными и штатными властями. В результате, общая стоимость полученных железнодорожными компаниями земель, акций, льготных налоговых условий и прочих денежных пособий составила примерно 750 миллионов долларов. Кроме того власти очень снисходительно относились к таким явлениям, как незаконное заселение общественных земель или использование их в качестве пастбищ, а также смотрели сквозь пальцы на вырубку лесов. На экспедициях общественных земель многие сделали себе состояние. Конгресс не проявлял особого рвения к регулированию частного предпринимательства, а от ограничивавших их деятельность штатных законов предприниматели были в значительной мере ограждены судами. Настоящий вызов идеологии «бескомпромиссного индивидуализма» был брошен лишь в начале XX в.

Железо и сталь. Все эти факторы в их взаимосвязи легче всего проследить на примере железа и стали, оказавшихся наиболее важной главой в истории развития американского индустриализма. Железо добывалось в Америке еще в самые ранние колониальные времена. Мы знаем, что в 1619 г. Джон Беркли построил железоплавильную печь в Фоллинг-Крике в Виргинии, а спустя сто лет Уильям Бёрд написал живой отчет о развитии рудников Запада. В Мас-

сачусетсе одной предприимчивой компанией были добыты бесплатные земли, получены льготные налоговые условия и монопольные права на сооружение железоплавильной печи. Глава «зеленогорских ребят» Исаи Аллен соорудил печь в Личфилдских холмах Коннектикута; в плавильнях восточной Пенсильвании производились пушечные ядра для армии Вашингтона, а на Стерлингском горне, близ Уэст-Пойнта, были выкованы самые длинные цепи из тех, которые протянули через Гудзон для того, чтобы преградить доступ британскому флоту. Самые значительные железоделательные заводы находились в северной части Нью-Джерси, того самого штата, где позднее Интером Купером была основана большая промышленность и где Авраам Хьюитт ввел мартеновский способ выплавки стали. После 1880 г. железоделательные заводы возникли к западу от Аллегани в Питтсбурге, располагавшим железной рудой, углем, известняком и деревом для древесного угля. Горны были здесь установлены как раз вовремя для того, чтобы выплавлять пушечные ядра, предназначенные для commodore Перри и генерала Джексона.

Тем не менее, продукция этих первых горнов и плавильен была ничтожной. К 1850 г. выплавка чугуна во всей стране составляла всего полмиллиона тонн в год, выплавка стали была вообще незначительной, а перспективы на увеличение продукции были слабые: обнаруженных запасов железной руды было недостаточно, а процесс выплавки стали был настолько дорог, что игра не стоила свеч. Но тут произошла одна из самых поразительных революций в истории развития промышленности. Еще в 1844 г. люди, производившие вдоль границы, разделявшей Висконсин и северный Мичиган геодезические съемки, заметили, что стрелки их компасов запрыгали из стороны в сторону. Так в этом районе были обнаружены огромные залежи черной руды. Индейцы из поколения в поколение передавали рассказы о легендарной железной горе, и в 1845 г. индейский вождь племени чинипева по имени Маджиджиджиг провел группу искателей меди к Маркеттским горам, возвышающимся над оз. Верхним. Вскоре туда ринулись сотни

искателей счастья, заявившие в этих глухих местах свои права на медь и железо. Однако переправлять тяжелую руду по железной дороге было слишком сложно и дорого. Встала острая необходимость в водном пути. Штат Мичиган предложил проект сооружения канала в обход стремнинам р. Сент-Мари, соединяющей о. Гурон с оз. Верхним. План этот вызвал насмешки самого Генри Клея, который считал его неосуществимым по той причине, что работы пришлось бы производить вдали от самых крайних поселений США. И все-таки, благодаря частному предпринимательству и неукротимой энергии молодого Чарльза Гарнея, канал был построен. В 1855 г. он был открыт для судоходства и вскоре после этого по нему стало проходить больше судов, чем по какому-либо иному каналу в мире. В Маркетте, Ансленде и Эсканобе были выстроены доки, а после открытия горной цепи Минномини на западном побережье озера Мичиган и на редкость рудоносного хребта Гогебик, проходящего вдоль границы Мичигана и Висконсина целый флот мощных «краснопузых» судов стали вывозить оттуда через канал миллионы тонн руды, предназначенной для отдаленных заводов.

Вскоре, однако, запасы северного полуострова оказались незначительными по сравнению с залежами, обнаруженными к западу от оз. Верхнего, а затем выяснилось, что все это огромное озеро буквально лежит в железной оправе. В 1870-х г. один из геодезистов натолкнулся на Вермильонский горный хребет, а в 1884 г. была проложена соединяющая его с Великими озерами железная дорога. Спустя двенадцать лет из Вермильона вывозилось тридцать миллионов тонн руды. Тем временем, пять братьев Меритт из Дулута были заняты исследованием глухих мест к западу от оз. Верхнего. В семидесяти пяти милях на северо-запад от Дулута ими была обнаружена «прародительница всех этих залежей», самая сказочно богатая железом горная цепь в мире — Месаби. Это было в 1890 г., а через два года сквозь кустарники болота и леса уже проходила хляля железная дорога, по которой был переправлен миллион тонн руды. В течение следующих десяти лет гигантские металлооб-

рабатывающие заводы Питтсбурга и Чикаго получили из Месаби сорок миллионов тонн руды.

Эти залежи железной руды в Миннесоте имели одно громадное преимущество над всеми другими залежами в мире: они были фактически неисчерпаемы и играли важную роль в развитии Америки на первое место по производству железа и стали. Железная руда находилась там не только в виде глубоких скалистых жил, но лежала также отдельными пластами почти на самой поверхности земли. По словам одного из Мерриттов: «Достаточно было сбросить покров сосновых игл, чтобы получить 64% руды». Руда была здесь на редкость чистой и могла добываться при помощи паровых экскаваторов. Наконец, эти залежи находились настолько близко от Великих озер, что при небольших затратах руду можно было легко переправлять водным путем в промышленные и угольные районы страны.

Оставался, однако, неразрешенным один вопрос: как перерабатывать бурый железняк в белую сталь? За несколько лет до гражданской войны в маленьком городе Эдливилле (шт. Кентукки) занятого производством железа Уильяма Келли осенила мысль, что он может превращать железо в сталь путем пропускания через него холодного воздуха. Произведенные им опыты показали, что идея эта совсем не фантастична. Несколько позже та же идея приняла и английский инженеру Генри Бессемеру, который не только проверил ее на опыте, но также весьма удачно применил ее на практике. Процесс Бессемера, после того, как он был усовершенствован, оказался чрезвычайно простым. Расплавленная руда наливалась в грушеобразный сосуд, через который пропускался нагнетаемый холодный воздух. Между кислородом и содержащимся в железе углеродом и силикатами происходила химическая реакция, подымался сильный шум, а из отверстия плавильни, как из пасти дракона, извергалось пламя, достигавшее высоты в сорок-пятьдесят футов и переходившее из фиолетового в оранжевый и, наконец, в белый цвет. Неуживые части железной руды перегорали и через десять минут борьба элементов была закончена. Тогда котел опро-

кидывался и раскаленную сталь разливали по формам. Со временем этот процесс получения стали был заменен мартеновским, но на протяжении всей последней четверти XIX в. преобладал бессемеровский процесс.

Таким образом, благодаря огромным запасам железной руды и угля и благодаря открытиям науки, была заложена основа сталелитейной промышленности. Для успеха не доставало лишь предпринимчивости, умения и капиталов.

Когда Эндрю Карнеги приехал в Америку из шотландского города Данфёрмлина, ему было двенадцать лет. Отец его был искусным ткачем, обвинявшимся с приходом фабричной системы. В Питтсбурге у семьи Карнеги были родственники, и в этот процветающий город, расположенный на месте слияния рр. Аллегейни и Монакахиллы, они и направились. Эндрю получил работу на текстильной фабрике, где он стоял у прядельной катушки, затем он работал у парового котла, потом в телеграфной конторе и, наконец, на Пенсильванской железной дороге. Он был честен, умен, наблюдателен, трудолюбив и обладал никогда не покидавшим его шармом, который располагал к нему пожилых людей. Карнеги не было еще тридцати лет, когда, благодаря умелому помещению денег в добычу нефти и железа, а также в производство и эксплуатацию скорых поездов и спальных вагонов, его доходы составляли сорок, а то и пятьдесят тысяч долларов в год. Особая проницательность Карнеги выразилась в том, что в 1865 г. он сконцентрировал все свое внимание на одном железе и отказался от других дел. Через несколько лет у него был ряд предприятий, выпускавших рельсы и локомотивы, и по постройке железных мостов. Некоторые предприятия создал он сам, другие приобрел путем покупки акций и контроля над ними. Когда Карнеги исполнилось тридцать лет, он переехал в Нью-Йорк, где не только лично доставал заказы для своих многочисленных фабрик, но также исполнял работу агента по купле-продаже акций различных железнодорожных и железнорудных компаний. Позже он утверждал, что продал в Лондон трид-

пять миллионов американских акций. Эти акции оказались ненужными, и в этом главная заслуга Карнеги.

С бессемеровским процессом получения стали Карнеги столкнулся довольно поздно, но зато, когда это произошло, он немедленно за него ухватился. Выстроенный в 1875 г. на месте сражения Браддока у берегов Мононгахилы завод был самым большим в стране. В течение одного года этот завод Карнеги выпускал больше бессемеровской стали, чем все остальные сталелитейные заводы Америки, вместе взятые. У Карнеги была исключительная способность быстро оценивать преимущества любого нововведения, он умел использовать затруднения своих конкурентов для того, чтобы их уничтожить или скушить их предприятия; он находился в тесной связи с Пенсильванской и другими железнодорожными компаниями, а в лице Г. Фрика и Чарльза Шуаба он имел одаренных и дельных помощников. Благодаря этому, Карнеги располагал необходимыми стратегическими преимуществами, которые позволили ему занять ведущее положение в черной металлургии США. Его империя росла с каждым годом: новые заводы, новые залежи коксующегося и каменного угля, железная руда с оз. Верхнего, целый флот пароходов, плававших по Великим озерам, портовый город на оз. Эри, и связующая железная дорога. В сущности, это был вертикальный трест. Его железоделательная и сталелитейная промышленность была тесно связана с десятком других промышленных отраслей; капитал был настолько велик, что позволял дальнейшее расширение; рабочие были из лучших, а на руководящих местах сидели умные и ловкие люди. Ничего подобного Америка до тех пор не знала, хотя империя, которую создавал Рокфеллер, со временем стала не менее могущественной. В 1878 г. общий капитал треста Карнеги составлял миллион с четвертью долларов, но вскоре его прибыль достигла двух миллионов долларов в год, а затем и пяти. Когда в 1900 г. его дело было реорганизовано с капиталом в 320 миллионов долларов, сталелитейные заводы Карнеги выпускали 3 миллиона тонн стали и доход составлял 40 млн. долларов.

Возьмем теперь другой важный фактор — трудящихся. И в этой области, типичной является история развития металлургии в целом и компании Карнеги, в частности. Вначале шахтеров преимущественно вербовали из Уэльса и Корнуэлла; затем стали прибывать шведы и финны, а потом — огромное число славян и венгров. Тот же процесс можно проследить и среди контингентов, обслуживавших доменные печи и разливавших в формы расплавленную сталь. Согласно отчету 1907 г. две трети рабочих заводов Карнеги были иностранцы, из них подавляющее большинство — выходцы из стран южной и центральной Европы. Это были люди особо выносливой породы, иначе они не могли бы выдержать двенадцатичасового рабочего дня по семь дней в неделю в грохочущей и накаленной преисподней цехов. Ввиду того, что неквалифицированных рабочих было сколько угодно, профессиональные союзы редко возникали в промышленности, а когда это происходило, на них находили жестокую управу. Трудовая политика Карнеги была из рук вон скверной.

У США были все данные для того, чтобы занять ведущее положение в мире по выплавке железа и стали: сырье, транспорт, научный прогресс, изобретательность, предпринимчивость, дешевый труд, умелое руководство. Развитие железнодорожного транспорта и применение стали в строительстве обеспечивали рынки сбыта. Недоставало только одного: временного ограждения от иностранной конкуренции. Но и это требование было удовлетворено установлением протекционного тарифа, условия которого были продиктованы «железными магнатами». На одну тонну иностранных стальных брусьев была установлена пошлина в 28 долларов, и даже сам Карнеги со временем согласился, что ее следовало бы понизить.

Благодаря всем этим факторам, производство железа и стали стремительно возрастало. К 1890 г. Америка перегнала Англию; в 1900 г. она производила больше стали, чем Англия и Германия вместе. К 1920 г. американские железоплавильные и сталелитейные заводы выпускали 27 миллионов тонн чу-

гуна и 42 миллиона тонн стали, а Вторая мировая война показала, что когда надо, они могут выпускать и 85 миллионов тонн.

Для развития крупного предпринимательства история компании Карнеги показательна еще в одном отношении. Этот предприимчивый человек в течение долгого времени доминировал в промышленности, однако у него не было никакой возможности монополизировать все природные богатства, транспорт и общие промышленные планы, касавшиеся выработки стали. Самые рудоносные копи в Месаби принадлежали Рокфеллеру; ему же принадлежал и флот пароходов на Великих озерах; у Теннессийской железной и угольной компании были огромные владения на юге, а кроме того, всемогуществу Карнеги был брошен вызов со стороны таких новых компаний, как «Федерал», «Пенсильвания» и «Американ Стиль энд Уайр». Уязвленный конкуренцией Карнеги грозил, что приобретет новые рудники, построит большой флот грузовых судов, начнет производить трубы, колючую проволоку, оловянные тарелки и сотни других товаров. Возникла угроза пагубной промышленной борьбы и напуганные фабриканты обратились к идее слияния. Впрочем, к тому времени Карнеги был уже старым человеком, помывавшим о том, чтобы уйти на покой и раздать свои деньги. Он готов был скорее продать по выгодной цене свою компанию, чем бороться. Карнеги охотно выслушал предложение о слиянии своей компании с новой организацией, которая должна была объединить большинство предприятий черной металлургии страны. Так в 1901 г. родилась «Юнайтед Стейтс Стиль Корпорейшн» с общим капиталом в 1,4 миллиарда долларов, — сумма большая, чем все национальное богатство страны сто лет тому назад. Совершенно естественно, что это слияние произошло под руководством банка Моргана и что Джон Рокфеллер извлек большую прибыль из умело расширенных им рудников в Месаби.

Тресты и монополии. Создание «Юнайтед Стейтс Стиль Корпорейшн» — характерная иллюстрация процесса, который к тому времени назревал уже в

течение тридцати лет и которому было суждено продолжаться до наших дней — процесса слияния независимых промышленных предприятий в федеративные или централизованные империи. Когда компания Карнеги находилась в зените своей власти, она все-таки была лишь одной из шестисот предприятий черной металлургии. «Юнайтед Стейтс Стил Корпорейшн» поглотила или уничтожила большинство из них и стала производить две трети всей стали, а через одно поколение двести гигантских корпораций ведали половиной всех корпоративных дел страны, тогда как другой половиной занималось триста тысяч корпораций поменьше.

При Линкольне США были страной мелкого предпринимательства. Монополия была понятием фактически неизвестным. Больше всего под эту категорию подходили, если не считать слабых королевских монополий колониального времени, старая пушная компания Астора и новая телеграфная компания «Уэстерн Юнион». Многие районы, особенно на Севере, были в основном, самообслуживающимися. Мебель делалась местным столяром, обувь — соседним сапожником, мясо поставлялось маленькой мясной, коляски, кареты, телеги и прочее тоже делалось на месте. Мануфактурная промышленность и горное дело были развиты слабо. Плуги, культиваторы, косилки изготовлялись более чем двумя тысячами фабрик. В одной только Пенсильвании насчитывалось двести нефтеперегонных заводов, а сокровища Комстокского рудника принадлежали ста владельцам. Через сорок лет все изменилось: почти все сельскохозяйственные машины производились одной компанией — «Интернационал Харвестер», компания «Стандарт-Ойл», фактически, имела монополию на нефтяную промышленность, а Комстокский рудник принадлежал двум-трем восточным компаниям и ими эксплуатировался.

Эти перемены начались во время гражданской войны и революционными темпами продолжались в семидесятых годах. Расчетливые предприниматели понимали, что если им удастся объединить конкурирующие фирмы в одну организацию, это поможет снизить затраты по производству, а главное, позво-

лит контролировать цены. Первым шагом в этом направлении явилась «корпорация», вторым — «пул», третьим — «трест». Корпорация была способом создания фиктивного лица, пользующегося всеми юридическими преимуществами отдельного человека, но лишённого моральной ответственности. Корпорация может существовать бесконечно, выпускать акции и облигации, она несёт лишь ограниченную ответственность за долги и, если не считать известных ограничений, указанных в ее хартии, может вести дела в любой части страны. Трест — это, по сути, объединение корпораций: держатели акций отдельных корпораций передают свои акции центральному правлению, ведающему общими делами. Со временем, термином «трест» стало обозначаться любое крупное предприятие. Преимущества трестов были очевидны. Трестирование позволяло объединить множество отдельных компаний, поставить их под централизованное управление, упразднить более слабые предприятия, совместно пользоваться патентами и, благодаря большим капиталам, развиваться, конкурировать с иностранными компаниями, договариваться о выгодных условиях с рабочими и с железными дорогами и оказывать огромное влияние на штатную и государственную политику.

Объединение предприятий и трестирование было явлением общим для всего мира, но в Америке и, быть может, в Германии оно было наиболее ярко выражено. Отчасти это объясняется огромными природными богатствами США, но были и другие причины. Завершение строительства железнодорожной сети обеспечивало сбыт товаров в общегосударственных масштабах. Законы о патентах давали монопольные права на применение важнейших технологических процессов. Щедрые земельные наделы, равно как и вольная интерпретация земельных законов, шли на руку компаниям, достаточно большим для того, чтобы предпринять эксплуатацию леса, меди или угля в широком масштабе. Благодаря федеральной системе, компании могли превращаться в корпорации в штатах с наиболее либеральными законами, что отнюдь не мешало им развивать свою деятельность в других

штатах, а протекционная система пошлин ограждала их от иностранной конкуренции.

Первой по пути монополии пошла компания «Стандард-Ойл». В то время, когда нефтенпромышленники западной Пенсильвании были заняты убийственной конкуренцией друг с другом, молчаливый и упорный предприниматель из Кливленда (шт. Огайо) Рокфеллер начал скупать местные нефтяные предприятия и объединять их в одну компанию. «Цветок американской розы, — говорил позже сын Рокфеллера, — во всей его пышной красоте и свежести можно вырастить только в том случае, если принести в жертву другие бутоны». В 1872 г. Рокфеллер воспользовался недолговечной компанией «Саус Импрувмент» и разногласиями между железнодорожными компаниями Нью-Йорк Сентрал и Эри для того, чтобы стать полным хозяином кливлендской нефтяной промышленности. Затем он принялся за приобретение контроля над нефтяной промышленностью Нью-Йорка, Филадельфии и Питтсбурга. Он создал превосходную систему сбыта нефти, а затем захватил в свои руки сеть нефтепроводов. За десять лет Рокфеллер фактически добился полной монополии над добычей и распределением нефти. В 1882 г. компания «Стандард-Ойл» выросла в первый огромный трест: она была распущена постановлением судов в Огайо, но быстро вновь инкорпорировалась в качестве акционерной компании в Нью-Джерси, где законы были более благоприятными, а затем уже без всяких помех продолжала развиваться в том же направлении. К 1900 г. Рокфеллеру удалось внести порядок в хаотическую нефтяную промышленность, устранить большинство своих конкурентов, накопить сказочное состояние при одновременном снижении цен на нефть и создать величайшую в стране монополию.

Вслед за «Стандард-Ойл» стали возникать и другие монополии: в 1884 г. было монополизировано производство хлопкового масла, в 1885 г. — льняного масла, виски и свинца, в 1887 г. был создан сахарный трест, в 1889 г. — спичечный, в 1890 г. — табачный, а в 1892 г. было монополизировано производство каучука. Агрессивные предприниматели завоевали себе подлинно королевские владения. Чет-

веро владельцев консервных фабрик, главную роль среди которых играли Филипп Д. Армур и Гаставус Ф. Свифт, создали так называемый «мясной трест». Гуттенхейм добился контроля над залежами меди в Аризоне и «богатейшего холма в мире» — Бьютт в Монтане, откуда в течение тридцати лет было добыто меди примерно на 2 миллиарда долларов. МакКормики установили господство в области производства уборочных машин, а когда оно было поставлено под удар, создали комбинат — «Интернационал Харвестер Компани», — фактически, монополизировавший все сельскохозяйственное машиностроение. Семья Дьюков создала огромный табачный трест, и аналогичная участь постигла все другие отрасли промышленности: серебро, никель, цинк, каучук, кожу, стекло, сахар, соль, сухари, сигары, виски, конфеты, нефть, газ, электричество. По данным 1904 г., 319 промышленников с капиталом, превышавшим 7 миллиардов долларов, поглотили примерно 5 тысяч 300 предприятий, бывших прежде независимыми, а 127 коммунально-бытовых предприятий, в том числе и железнодорожных, с общим капиталом, превышавшим 13 миллиардов долларов, поглотили около 2 тыс. 400 более мелких предприятий.

Все эти перемены глубочайшим образом отразились на жизни среднего человека и, в особенности, городских жителей. Почти всё, что человек ел и надевал, всё, чем был обставлен его дом, все инструменты и средства передвижения, которыми он пользовался, — всё это либо было произведено трестами, либо находилось под их контролем. Когда человек садился за утренний завтрак, он съедал бекон, упакованный мясным трестом, посыпал яйцо солью, произведенной Мичиганским соляным трестом, в кофе клал сахар Американского сахарного треста, брал сигару «Американ Табакко Компани» и зажигал ее спичкой «Даймонд Матч Компани». Потом он садился на велосипед собранный велосипедным трестом, или ехал на работу в трамвае, тоже принадлежавшем монопольной компании и шедшим по рельсам, изготовленным «Юнайтед Стейтс Стилль Компани». Правда, как пища, так и средства передвижения, по всей вероятности, были лучше того, что знало предыдущее

поколение. Больше всего, однако, средний человек ощущал влияние трестов на местной деловой жизни. Местная промышленность чахла, фабрики либо вообще переставали существовать, либо оказывались поглощенными более крупными компаниями; ипотеками ведали восточные банки, а людям, работавшим не для самих себя, а на находившиеся где-то далеко корпорации, приходилось мириться с неприемлемыми для них решениями, которые выносились без их ведома.

Процесс консолидации шел не только в области тяжелой и легкой промышленности: в области транспорта и связи он был выражен еще ярче. Вслед за первой крупной монополюющей компанией «Уэстерн Юнион» возникла «Белл Телефон Систем», а впоследствии и гигантская организация «Американ Телефон энд Телеграф». Грубоватый коммодор Вандербилт довольно рано усмотрел, что для действенной железнодорожной системы необходимо произвести слияние отдельных линий, и в шестидесятых годах прошлого столетия он объединил 13-14 железных дорог в одну линию, соединяющую Нью-Йорк и Буффало. В течение следующих десяти лет он приобретал железные дороги между Чикаго и Детройтом. Так, в конце концов, возникла система Нью-Йорк Централ. Одновременно происходила консолидация других железных дорог и вскоре большинство из них были организованы в магистрали или сети («системы»), во главе которых стояли Вандербилт, Гулд, Гарриман, Хилл и банкиры Морган и Белмонт. Гарриман объединил железные дороги, составившие сети Иллинойс Централ, Юнион Пасифик, Саутерн Пасифик и приблизительно шесть других. Он же помышлял и о консолидации в общегосударственных масштабах, но ближе всех к осуществлению этой мечты подошел Морган.

Возвышение Моргана показательны для заключительного, быть может, самого важного этапа процесса консолидации — создания так называемых «денежных трестов». В 1864 г. Джулиус Спенсер Морган, который в течение многих лет занимался продажей американских акций английским вкладчикам, поставил своего сына Джекя Пирпонта Моргана во главе американского филиала этой организации. Через несколь-

ко лет молодой Морган вошел в компанию со старым банком Дрекслея в Филадельфии. В 1873 г. фирма Дрексель, Морган и Ко. была настолько богатой, что вместе с Джейм Куком финансировала 750 миллионов долларов государственного долга. Серьезные неудачи, постигшие в том же году Джей Кука, укрепили позиции компании Моргана, а несколько лет спустя, когда она продала за границу огромное число акций Нью-Йорк Централ, ее репутация была полностью утверждена. Эта связь с Нью-Йорк Централ предопределила основную финансовую деятельность компании Моргана на следующие двадцать лет.

В течение восьмидесятых годов Морган производил реорганизацию и финансирование железных дорог и его влияние в этой ключевой области народного хозяйства неустанно возрастало. Во время паники 1893 г. половина железных дорог страны попали во власть кредиторов и владельцы их начали обращаться к «Юнитеру» Моргану, ища у него спасения. Отчасти потому, что это дело было очень заманчивым, а также и потому, что необходимо было удерживать стабильность проданных им за границу акций, Морган пошел им навстречу. Когда же паника рассеялась, оказалось, что акции Моргана давали ему контроль над десятком важнейших железных дорог, в том числе и Нью-Йорк Централ, Саузерн, Чесапик энд Охайо, Санта-фе, Рок-Айленд и другими.

Тем временем интересы Моргана распространились и на другие области. К началу XX в. едва ли можно было найти такое важное предприятие, которое не испытывало на себе решающего влияния банка Моргана. Морган финансировал компанию «Федерал Стилль» и произвел колоссальную денежную операцию, в результате которой возникла компания «Юнайтед Стейтс Стилль». Он же объединил враждовавших друг с другом фабрикантов сельскохозяйственного оборудования и создал компанию «Интернационал Харвестер». Им же была организована американская морская торговля заopolучной компании «Интернационал Меркантил Марин»; он помог финансировать компанию «Дженерал Электрик», «Американ Телефон энд Телеграф», «Нью-Йорк Рэпид Транзит Компани» и двенадцать других огромных коммунально-бытовых пред-

приятий. В 1912 году специальная комиссия Конгресса установила, что находившиеся в руках Моргана и Рокфеллера банки контролируют 341 предприятие. Они ведали железными дорогами, водным и сухопутным транспортом, банками, углем, медью, железом и сталью, страховыми обществами, коммунально бытовым обслуживанием и услугами. Их общие ресурсы составляли 22 миллиарда долларов. «Величайшая монополия в этой стране, — говорил Вудро Вильсон, — это монополия денежная».

Каковы были последствия роста промышленных объединений и возникновения трестов? Это создало систему владения предприятиями издалека в таких масштабах, которые прежде здесь были неизвестны. Богатейшие залежи угля, меди, железа, огромные леса и железные дороги принадлежали корпорациям, находившимся в Нью-Йорке, откуда они руководили эксплуатацией этих ресурсов. Появление монополий и трестов сконцентрировало в руках немногих такую власть над деньгами миллионов людей, что им могли бы позавидовать монархи. Экономическая власть над страной сосредоточилась в небольшой части Северо-Запада, что вызвало новое районирование. Произизошло отделение функций владельца от функций управляющего предприятием. Предприятия стали принадлежать десяткам тысяч акционеров, у которых не было чувства ответственности за судьбу своих компаний и лишь поверхностное представление о проводимой ими финансовой и трудовой политике. Появились отдельные группы людей, располагавшие настолько крупными капиталами, что они могли навязывать свои интересы штатным и даже федеральным законодательным органам и влиять как на внешнюю, так и на внутреннюю политику страны. Несомненно также, что возникновение монополий и трестов упразднило значительную часть ожесточенной конкуренции, привело к большей эффективности, освободило средства для введения усовершенствований и производства исследовательской работы, а также сделало возможным массовое производство по пониженным ценам. Но обществу пришлось за это дорого заплатить.

Вмешательство правительства. Эндрю Карнеги назвал все это «триумфом демократии». Другие готовы были признать, что это триумф, но вовсе не были уверены в том, что это демократия. По правде говоря, озираясь вокруг, они видели, что огромная часть природных богатств, промышленности, железных дорог и коммунально-бытовых предприятий управлялись таким образом, что приносила выгоду лишь небольшой группе людей, а не обществу в целом, и видя это, они опасались за судьбу демократии. Чудовищные обвинения, дискриминация, захват огромных земель железными дорогами, неэтичные действия Рокфеллера и Карнеги при уничтожении конкурентов, жестокость, с которой многие гигантские корпорации расправлялись с трудовыми организациями, присвоение трестами сбережений, добытых наукой и изобретениями, кулуарные махинации агентов корпораций, протаскивавших выгодные для них законы через инстанции штатных легислатур, и обход юристами корпораций налоговых и прочих законов, всё это вызывало большую тревогу и горечь в широких кругах населения.

Согласно обычному праву, монополии были с давних времен нелегальны, и в конституциях многих штатов содержались специальные статьи, запрещающие их существование. Тем не менее, эти конституционные запреты не имели почти никакой силы. В восьмидесятых годах многие штаты внесли в свои своды законов более строгие положения, а некоторые даже распустили ряд трестов с особенно скверной репутацией. Однако трест, распущенный в одном штате, мог с успехом инкорпорироваться в другом, где законы были либеральнее и не так строго соблюдались. Совершенно естественно, что эта проблема была скорее делом федеральных, а не штатных законодательных органов.

Еще в 1876 г. философ-миллионер Питер Купер, кандидатура которого на пост президента была выдвинута по списку анти-монополистов, предупреждал: «только восстание может быть большей угрозой для нашего свободного строя, чем та угроза, перед которой он находится сейчас... В нашей стране быстро формируется денежная аристократия, худший вид аристократии для материального благополучия лю-

бой страны». В конце семидесятых годов, когда материальное положение в стране вновь улучшилось, агитация против монополистов временно затихла, но в восьмидесятых годах население вновь насторожилось. Хотя антимонополистическая партия и фигурировала в предвыборной кампании 1884 г., но она привлекла мало голосов, так как население находилось в состоянии радостного возбуждения по поводу возможного прихода к власти демократической партии. Прошло еще четыре года и появление шести главных трестов заставило страну отдать себе отчет в назревающей опасности. Президент Кливленд заявил Конгрессу, что «корпорации, которым следует находиться в строгих рамках закона и служить интересам народа, вместо этого быстро превращаются в средство владычества над ним». Обе главные партии выступили в предвыборной кампании в качестве противников любой формы монополии.

Первые практические результаты всей этой агитации дали себя знать в области регулирования железнодорожного транспорта. Еще в семидесятых годах возмущенные фермеры жаловались на железнодорожные монополии, обвиняя их в чрезмерно высоких тарифах по перевозке товаров, в плохом обслуживании и в том, что они удерживали в спекулятивных целях миллионы акров земли. По требованию таких фермерских организаций, как «Грейндж», средне-западные штаты приняли законы, устанавливавшие границы максимальных железнодорожных тарифов и запрещающие комбинации, вроде скидок и специальных тарифов для изблюбленных клиентов, введение на одной и той же линии более высоких тарифов за короткие перевозки, чем за длинные, а также выдачу бесплатных билетов. Эти законодательные меры немедленно вызвали протест со стороны владельцев железных дорог, утверждавших, что это равносильно «лишению имущества без должного судебного разбирательства» и вмешательству в контроль Конгресса США над межштатной торговлей.

В 1876 г. суды вынесли по этому вопросу ряд важных решений. Они поддержали штатные легислатуры на том основании, что всякое имущество, связанное с «общественными интересами» или предназначенное

для общего пользования, подлежит контролю штатных правительств. Что же касается вопроса о вмешательстве штатов в область, подлежащую ведению Конгресса США, суды заняли неясную позицию. Впрочем, более поздние решения уже не оставляли сомнений в том, что штаты могут регулировать чисто местную торговлю и не имеют права затрагивать всего того, что в какой-то мере носило межштатный характер. Эта область подлежала исключительно ведению федерального правительства. Ввиду того, что почти вся коммерция была межштатной, Конгресс был поставлен перед необходимостью заняться этим вопросом.

В 1887 г. Конгресс принял акт о межштатной торговле, преследовавшей двоякую цель: во-первых, избавление самих железных дорог от скверных последствий войны за тарифы и скидки, во-вторых, защиту интересов населения путем запрещения «нулей» (соглашений между предпринимателями для устранения конкуренции), скидок, дискриминации в тарифах и обслуживании, и требования о том, чтобы тарифы были «справедливыми и умеренными». Но гораздо важнее этих туманных запретов и требований было постановление о создании Комиссии межштатной торговли, которая должна была следить за проведением в жизнь положений этого акта. Так возник первый из многих административных советов, которые со временем стали играть настолько важную роль, что составили как бы четвертую ветвь государственной власти. Сам по себе акт о межштатной торговле долго оставался мертвой буквой, но принятые впоследствии законы, вроде акта Экинса 1903 г. и акта Хепбёрна 1906 г., при более строгом проведении их в жизнь комиссией и судами привело к тому, что удалось упразднить наиболее порочные явления и создать эффективную систему контроля над железнодорожными тарифами и обслуживанием.

Регулирование железных дорог оказалось довольно легким делом по сравнению с задачей регулирования трестов. В сущности, основная трудность этого заключалась не столько в огромном объеме и сложности структуры американской промышленности и торговли, сколько в царившем в американских умах смущении.

Американцы опасались монопольных предприятий, но одновременно восхищались ими. С одной стороны, им хотелось оградить себя от связанных с монополиями опасностей, а с другой, — пользоваться преимуществами массового производства и избегать дорогостоящего дублирования усилий. Они были за то, чтобы правительство контролировало предприятия, но с таким же рвением защищали преимущества частного предпринимательства и «бескомпромиссного индивидуализма». В сущности, они стремились не к упразднению трестов, а к их очищению от порочных явлений. В одном из своих посланий, касавшихся трестов, президент Теодор Рузвельт заявил:

«Наша задача состоит не в том, чтобы упразднить тресты. Напротив, эти крупные единицы являются неотъемлемой частью современного индустриализма... Мы не нападаем на корпорации, а пытаемся устранить всякое кроющееся в них зло».

Эта дилемма вдохновила известного комика того времени Филея Питера Дэнна на следующую пародию: «Тресты — страшные чудовища, созданные просвещенным предпринимательством тех людей, которые так много сделали для прогресса нашей возлюбленной страны. С одной стороны, их надо растоптать, а с другой стороны, ...только не сейчас!»

«Только не сейчас!» — это действительно очень верно отражало царившие настроения. И Конгресс не торопился. Когда же выяснилось, что штаты одни с проблемой трестов справиться не могут, Конгресс был вынужден начать действовать. Антитрестовским актом Шермана 1890 г. все контракты, комбинации и заговоры, направленные на ограничение торговли, а также и все монополии были объявлены противозаконными. Многие считали, что, воспользовавшись этим актом, правительство найдет управу на такие гигантские корпорации, как например, «Стандард Ойл» или на тресты, вроде тех, которые захватили монополию на производство сахара и виски. Но когда правительство сделало робкую попытку раздробить некоторые монополии, они нашли защиту в лице судов и бодро продолжали шествовать по намеченному пути. «То,

что обычному человеку кажется каменной стеной, для адвоката — триумфальная арка», — острил неунывавший Дани. Провал правительства был настолько полным, что в течение десяти лет после принятия акта Шермана возникли одни из самых крупных и неприемлемых для населения трестов.

Буря общественного негодования разразилась после основания корпорации «Юнайтед Стейт Спиль». Критика раздалась как со стороны печати, так и со стороны общественности. Такие книги, как «История компании Стандарт Ойл» Иды Тарбелл или «Величайший в мире трест» Расселя о мясном тресте, расходились в десятках тысяч экземпляров, в то время, как изобличение незаконных крупных предприятий наводняли новые популярные журналы, вроде «МакКлур», «Эврибоди'з», «Коллиер'с» и даже пропикали на страницы почтенных старых журналов. Эта критика была настолько распространенной и ожесточенной, что первое десятилетие XX в. получило прозвище «эры разгребателей грязи».

Требования о более интенсивном проведении в жизнь антитрестовских законов приняли неумолимый характер, и в лице Теодора Рузвельта они нашли энергичного поборника. «Что касается антитрестовых законов, — сказал он, — они будут проведены в жизнь, и при предъявлении иска мы не пойдем ни на какие компромиссы, за исключением компромиссов, основанных на победе правительства». К удивлению Уолл-стрита президент приказал своему генеральному прокурору раздробить Трансмиссисипскую железнодорожную компанию, находившуюся под управлением трех железнодорожных магнатов — Моргана, Гарримана и Хилла. В деле компании «Норзерн Секьюритиз» президент также одержал верх. Затем быстро последовали меры, принятые против мясного треста, табачного, а также компании «Стандарт Ойл», и всякий раз победу одерживало правительство.

Впрочем, эти победы были не столько существенными, сколько сенсационными. После распада, входившие в крупные монополии элементы находили новые способы сохранения общности интересов. К тому же, за исключением созданного им Бюро корпораций, успешно применявшего политику «беспощадной огла-

ски» темных корпоративных махинаций, Рузвельт ничего не сделал для усиления антитрестовских законов. Несмотря на одержанные им в судебных залах победы и на его публичные изобличения «богатейших злодеев», к концу президентства Рузвельта тресты были сильнее, чем в начале. Повидимому, прав был Рокфеллер, сказавший: «Комбинированные предприятия будут существовать и впредь. Эпоха индивидуализма кончилась и никогда не вернется».

ГЛАВА 14

РАБОЧИЙ КЛАСС И ИММИГРАЦИЯ

Рабочий и его устройство на работу. Разработка природных богатств страны, механизация промышленности и возвышение монополий способствовали непрерывному обогащению небольшой группы удачливых капиталистов и несколько большему числу расчетливых вкладчиков. Но это приносило мало пользы рабочим, на чью долю выпадала вся тяжесть работы. Рабочий класс был одним из основных факторов роста крупного капитала, но при распределении прибылей он явно оставался ни при чем. Он оставался также за бортом и при распределении общественных наград: трудящиеся редко оказывались на «правой стороне колен», их не просили о вступлении в число членов деревенских клубов; их вождей обходили колледжи и университеты, ежегодно присуждавшие почетные звания владельцам капиталов. Новые источники богатства должны были бы содействовать и их более широкому распределению, но оно развивалось медленно; применение машин, сокращавшее потребность в рабочей силе, должно было бы обозначать и сокращение рабочего времени, но и это также долго оставалось недостижимым идеалом; наука должна была бы обеспечивать трудящимся более безопасные и приятные условия труда, но большинство из них продолжало работать в жарких, шумных, плохо вентилиро-

вавшихся заводах или в окруженных опасностями рудниках и карьерах; количество несчастных случаев на промышленных предприятиях и число профессиональных заболеваний грозно возрастало из года в год. Загнанные в тупики больших городов, подверженные экономическим спадам и безработице, вынужденные состязаться с ордами прибывавших с Юга и из-за границы необученных рабочих, трудящиеся имели незавидную долю. К тому же им было не легко найти пути к улучшению своего положения. Организации рабочих и забастовки находились под подозрением, а в законодательных учреждениях штатов и в Конгрессе трудящиеся располагали незначительным числом представителей.

Действительно, некоторые процессы, способствовавшие росту американской промышленности, нанесли определенных ущерб рабочему классу. Мы можем вкратце отметить два таких процесса: механизацию промышленности и возвышение корпораций. В целом механизация обозначала тенденцию к снижению жизненного уровня рабочих. С таким трудом приобретенные трудящимися знания теряли свою былую ценность, так как машина могла изготовлять лучше, дешевле и скорее большинство предметов, выпускавшихся вышколенными ремесленниками. Творческий инстинкт мастеров был в значительной степени уничтожен, а рабочие были обращены в простую частицу механического процесса, в автомат, выполняющий в течение целого дня однообразную и бездушную операцию. В своем романе «Джунгли» Антон Синклер описывает это так:

«Каждая из сотен частей работавшей машины была сделана отдельно, но ее подчас мастерили сотни людей. Там, где работал Джорджис, была машина, резавшая и штампующая стальную деталь, размером примерно в два квадратных дюйма; детали падали на поднос, а человеческим рукам оставалось только складывать их правильными рядами и по временам менять подносы. Все это проделывалось единственным парнем, стоявшим с устремленными на поднос глазами и мыслями, а пальцы его взлетали так быстро, что звуки стукавшихся один о дру-

гой кусочков стали были похожи на музыку скорого поезда, которую можно услышать ночью в спальном вагоне... Тридцать тысяч таких деталей он пропускал через свои руки каждый день, девять или десять миллионов каждый год, а сколько за всю жизнь — могут сказать только боги. Вблизи от него сидели люди, согнувшиеся над вращавшимися точильными камнями, заканчивая отделку стальных ножей для жаток; они брали их из корзины правой рукой, прижимая к камню сперва одной, затем другой стороной и, наконец, бросали их левой рукой в другую корзину. Один из них сказал Джарджису, что в течение тринадцати лет он ежедневно оттачивал по три тысячи стальных ножей».

Машинное оборудование имело также тенденцию узурпировать места рабочих в промышленном хозяйстве. Оно представляло собой громадное капиталовложение, оно могло работать двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю, и оно определяло условия труда; необходимость поддержания доменных печей была на протяжении полувека решающей в установлении двенадцатичасового рабочего дня в чугуно- и сталелитейной промышленности. В конечном счете, машинное оборудование было отчасти повинно и в значительной доле безработицы. Верно, что впоследствии машины создали больше рабочих мест, чем отменили, но не всегда те же самые люди получали новые места, и обычно бывали тягостные периоды ожидания, прежде чем старые работники находили себе новое применение. Безработица большого масштаба является продуктом машинного века.

Рост гигантской корпорации, как работодателя, также наносил ущерб рабочему классу. У мелких промышленных предприятий были близкие взаимоотношения с трудящимися и их средой. Рабочие могли с большим успехом договариваться с живущими на месте работодателями, чем с какой-то отдаленной и безличной организацией. Это хорошо подметил Теодор Рузвельт:

«...Прежние близкие отношения между хозяевами и рабочими исчезали. Несколькими поколениями

ранее хозяин знал каждого человека, занятого в его предприятии; он знал своих людей Билл, Том, Дик, Джон; он справлялся об их женах и детях; он обменивался с ними шутками и рассказами, а подчас и щепоткой табака. В небольшом предприятии между владельцем и рабочими были дружественные, человеческие отношения.

Таких отношений не было между крупными железнодорожными магнатами, контролировавшими антрацитовую промышленность, и ста пятидесятью тысячами людей, работавших в их рудниках, или полумиллионом женщин и детей, чей хлеб насущный зависел от труда этих рудокопов».

Один владелец завода в Новой Англии, свидетельствуя перед сенатским комитетом, вкратце заметил: «Я никогда не разговариваю с рабочими. Все разговоры я веду с надзирателями».

Несколько других факторов, свойственных только Соединенным Штатам, обусловили благосостояние рабочего класса. Первый из них заключался в предоставлении трудящихся хорошей дешевой земли примерно спустя двадцать лет после Гражданской войны. Может быть, было бы преувеличением сказать, что Запад послужил в качестве «предохранительного клапана» по отношению к недовольству рабочих, или же как прибежище для многих трудящихся. Но ясно, что на протяжении сорока-шестидесяти лет вновь открытая земля вобрала в себя излишки сельского населения, из деревень и даже городов, так же, как и иммигрантов из-за границы. Если бы все пять миллионов иммигрантов, прибывших в страну между 1850 и 1870 годами, остались в промышленных городах Востока и не устремились бы через всю страну, то положение рабочих было бы значительно хуже, чем оно оказалось на самом деле. С повышением стоимости земледельческого имущества и исчерпанием хорошей дешевой земли избытки населения стали оседать в промышленных районах. Земледелие перестало быть единственным выходом из положения. Рабочий класс не мог больше держаться в стороне от проблем индустриального общества и был вынужден стать к ним лицом к лицу.

Второй фактор, свойственный лишь Соединенным Штатам, как одному из промышленных государств, заключался в постоянной и неограниченной иммиграции. За сорок лет, с 1870 по 1910 год, в страну прибыло свыше двадцати миллионов человек. Даже за вычетом женщин и детей, из которых многие работали, это означало, что ежегодно несколько сот тысяч новых работников вступали в ряды трудящихся и были готовы работать на заводах и рудниках, по большей части за любую плату и в любых условиях труда. Эта масса представляла собой не единственного конкурента, с которым столкнулись рабочие Севера. С Юга прибывали десятки тысяч крепких негров, готовых занять места рядом с поляками, итальянцами и венграми. Не каждый новый пришелец из-за границы или с Юга обязательно вытеснял имеющего работу. Во времена бума работы хватало на всех, и пришельцы так же часто вытесняли местных рабочих, как и способствовали их продвижению вверх. Все же это массовое движение создавало тенденцию к снижению заработной платы, падению жизненного стандарта и распаду рабочих союзов.

Третий фактор, опять-таки свойственный только Соединенным Штатам, состоял в сосуществовании бок о бок народного хозяйства и федеральной политической системы. Проблемы труда — в угольной промышленности, в текстильной промышленности, на чугуно- и сталелитейных заводах — были одними и теми же для всей страны, но правом решать их до самых недавних времен были облечены только власти отдельных штатов. Так, если рабочие могли бы добиться значительных уступок от владельцев текстильных предприятий Новой Англии или пошивочных мастерских в Нью-Йорке, то они могли бы лишиться работы вследствие перевода этих отраслей в те штаты, где законы были менее требовательными. Однако, после вступления в силу социальных реформ «Нового Курса» все это изменилось. Федеральное правительство нашло пути к установлению общегосударственного контроля над всеми видами взаимоотношений труда и капитала.

Достоин внимания еще одно обстоятельство: та глубокая подозрительность, с которой многие амери-

каппы относились к рабочим союзам, и их нежелание подходить к проблемам труда с такой же симпатией, с какой они рассматривали проблемы промышленников. Лилиан Уолд, возглавлявшая известный нью-йоркский дом для переселенцев, вспоминает, как в ее молодые годы на Восточной стороне города рабочих союзов боялись так же, «как позже социалистов, и как коммунистов теперь».

Направленный против трестов закон Шермана сперва и наиболее действенно применялся против рабочих; это было так типично для того времени. До самых последних лет многие американцы полагали, что комбинированные усилия капиталистов вполне оправданы, но на комбинированные усилия рабочих они взирали неодобрительно; считалось естественным, что капитал может принимать участие в политических делах, но если рабочие желали заняться политикой, то их намерения почитались не-американскими; если одобрялась правительственная помощь промышленникам, то такую же помощь рабочим называли социалистической или капитуляцией перед группами, оказывающими давление; считалось, что вкладчики располагают естественным правом на хороший доход со своих вкладов, но одновременно полагали, что трудящийся не имеет права на плоды своего труда, кроме того небольшого, что он мог урвать у своего унывающегося хозяина, и что безработица наступает по воле Божьей. Эти взгляды изменились, когда страна ознакомилась с проблемами современной индустриальной жизни, но эти взгляды еще долго тормозили развитие, ставя серьезные препятствия на пути рабочего класса.

Все же мы не должны слишком мрачно рисовать картину условий трудовой жизни в промышленном веке. Ибо в большинстве случаев работы было достаточно для искавших ее, а заработная плата, хотя далеко не всегда удовлетворявшая требования, была достаточно высокой для того, чтобы обеспечить семье рабочего пищу, одежду и кров.

В США не было «рабочего класса» в европейском смысле слова, но в то же время в США существовали возможности перехода с работы одного рода на работу другого рода и продвижения из группы меньшего дохода в группу большего дохода. Одни англи-

чавин, посетивший США сразу после окончания Гражданской войны, проникновенно писал по этому поводу:

«В этой стране трудящийся находится в положении, значительно отличающемся от положения его собрата по классу у нас в Англии. Если он располагает деньгами, то может пойти куда угодно, и ему не нужно иметь при себе свидетельства с характеристикой. Действительно, в здешних общественных отношениях так же допустимо, чтобы ищущий работу человек мог потребовать характеристику того «босса», к которому он собирается обратиться, как если бы и у него потребовали его собственную. В делах такого рода Джэк так же хорош, как и его хозяин... Эта страна обладает редкостным преимуществом для роста своего национального величия, ей не пришлось испытать муки феодализма, и ее прогресс не был задержан тиранией горделивой касты».

Конечно, наступали перемены. Было время, когда трудящиеся были обязаны носить при себе свидетельства с характеристикой, когда, благодаря бывшим тогда в ходу черным спискам, многие из них, как «агитаторы», не принимались на работу. Путешественник, прибывший в страну даже в двадцатом веке, не смог бы обнаружить в США четких классовых линий. Свободное народное образование давало возможность детям рабочих приобретать профессии и продвигаться на должности в деловых кругах. А голосование стало действенным оружием, при помощи которого трудящиеся, будучи соответственно осведомленными, могли принудить законодателей издавать благоприятные для них законы.

В союзах — сила. Пример организованности капиталистов не пропал даром для рабочих. Уже в первые дни после основания республики в США существовало некое подобие рабочих союзов, но в большинстве своем они были слабыми и носили скорее местный характер. В пятидесятых годах возникло некоторое число сильных цеховых профсоюзов, среди которых старейшим и самым мощным был союз типографских

работников. Но союзы охватывали лишь малый процент рабочих, и многие из них уменьшились в своем составе во время перестройки и черных дней экономического кризиса, последовавшего за паникой на бирже в 1873 году.

После Гражданской войны возникли три типа рабочих организаций. Первый тип — союз промышленных рабочих, наилучшим образом представленный «Рыцарями Труда». Второй тип — цеховой профсоюз, развившийся впоследствии в федерацию цеховых профсоюзов и превратившийся в Американскую Федерацию Труда. Третий тип был представлен радикально социалистическими или революционными группами рабочих, численно незначительными, но крепкими. До конца тридцатых годов двадцатого века ни одна из этих организаций и ни все они, вместе взятые, не охватывали большинство американских трудящихся. Значительные массы трудящихся — сельскохозяйственные рабочие, кочующие с места на место непостоянные рабочие, домашняя прислуга, «белые воротнички» (канцелярские служащие) оставались за рамками организаций.

Важнейшей и, возможно, наиболее интересной из ранних рабочих организаций был «Благородный Орден Рыцарей Труда», основанный в 1869 году, и чья история начинается лишь с 1879 года, когда Теренс Поудерли стал его гроттмейстером. Наиболее выдающимися чертами Рыцарей были их демократичность и широта социально-экономических взглядов. Орден был открыт для всех трудящихся — квалифицированных и неквалифицированных рабочих, земледельцев, заводских рабочих, рудокопов и ремесленников; только картежники, владельцы трактиров, банкиры, юристы и биржевые маклеры не принимались в орден. Его целью было «обеспечение трудящимся причитающейся им доли из создаваемых ими богатств, большего, по праву им принадлежащего досуга, больших общественных преимуществ и льгот... и всех тех прав и привилегий, которые необходимы им для того, чтобы иметь хорошее правительство, дорожить этим правительством, защищать и утверждать его навеки».

Эти благородные цели должны были достигаться не путем забастовок или насилия, но посредством поли-

тической агитации, просвещения, создания рабочих кооперативов. Программа Рыцарей была радикальной, но и несколько расплывчатой: восьмичасовой рабочий день, отмена детского труда, общественная собственность на предприятия, подоходный налог и налог на наследство, земельная реформа. Сочетание яркого идеализма с джентельменским способом убеждения оказалось недостаточным для того, чтобы провести коренные экономические перемены, и когда, начиная с 1885 года, Рыцари прибегли к забастовкам, то им действительно удалось кое-чего добиться. Количество членов росло очень быстро. Они могли гордиться возросшим в течение года до семисот тысяч человек составом ордена и успешными действиями, когда они поддерживали плохо спланированную всеобщую восьмидневную забастовку. В Чикаго забастовка послужила поводом для большого митинга на площади Сенного рынка, где какой-то неизвестный анархист бросил бомбу, убившую многих полицейских. Хотя Рыцари и не были ответственны за нарушение закона, все же общественное мнение связывало их с этим преступлением. Этот случай, провал ряда забастовок и врожденные организационные недостатки привели Орден к упадку. Когда в 1892 году Рыцари связали себя с Народной партией, упадок Ордена завершился его смертью.

Тем временем начала нарастать мощь новая организация — Американская Федерация Труда. В 1863 году один голландский еврей, Соломон Гомперс, решил ликвидировать свою небольшую фабрику сигар в Лондоне и попытать счастья в Америке. Он привез с собою тринадцатилетнего сына Сэмюеля, сразу же нанявшегося на сигарную фабрику. На следующий год мальчик вступил в Союз рабочих сигарной промышленности. С этого времени жизнь Сэмюеля Гомперса отождествлялась с рабочим движением, а история рабочего движения в США с Сэмюелем Гомперсом. У него не было законченного образования, но работа на сигарной фабрике дала ему возможность тщательно изучить историю рабочего класса и его экономического положения.

«Природа нашей работы», — как вспоминал он впоследствии, — «развила на фабрике товарищество

до такой степени, какой пользуются лишь немногие рабочие. Она сама по себе была целым миром — миром космополитов. Ее работники стекались отовсюду, а некоторые из них побывали почти везде... На фабрике были организованы чтения. В обычай рабочих сигарной фабрики вошло поддержание фонда для покупки в складчину газет, журналов и книг. В то время как все работали, один из наших членов читал нам в течение часа, а иногда и дольше. А чтобы чтец не страдал в материальном отношении, каждый из слушателей давал ему определенное число сигар».

Так сам Гомперс ознакомился с писаниями британских реформистов, немецких и русских социалистов. Он получил также и практическое образование: путем горького опыта забастовок, трудных периодов жизни, осознания недостатков существовавших тогда рабочих союзов, Гомперс познал необходимость практической и трезвой политики рабочего класса. Он усмотрел необходимость дисциплины, образования крупных резервных фондов для финансирования забастовок и на случай экономических спадов, необходимость воздержания от каких-либо сделок с политиками, радикалами или доктринерами. В 1881 году он объединил представителей различных рабочих союзов в Федерацию Организованных Проффессиональных и Рабочих Союзов США и Канады. Пять лет спустя эта организация превратилась в Американскую Федерацию Труда.

А.Ф.Т. была ближе к современным ей британским рабочим организациям, чем к Американским Рыцарям Труда. В противоположность Рыцарям, это были цеховые союзы, ограничивавшие состав своих членов рабочей аристократией и организованные в систему самоуправлявшихся профессиональных союзов, федерированных по образцу штатов Америки. В противоположность Рыцарям, А.Ф.Т. была также весьма практичной и оппортунистической в своей политике. «У нас нет окончательных целей», — заявил один из ее представителей. — «Мы движемся вперед от случая к случаю. Мы боремся только за ближайшие цели». Такими целями в большинстве своем были повышение

заработной платы и сокращение часов работы, хотя не предавались забвению и такие проблемы, как детский труд, законы о здравоохранении, запрещение пользоваться трудом заключенных и работой по контрактам, пресечение иммиграции из Китая. В течение своей долгой и отмеченной успехами истории А.Ф.Т. оставалась, однако, консервативной, оппортунистичной и в какой-то мере замкнутой организацией. Уклоняясь от чистой политики, сотрудничая, когда и где возможно, с капиталом, поддерживая забастовки за счет запасных фондов, составленных путем высоких взносов, поддерживая дисциплину и приобретая общественное доверие своей трезвой политикой, А.Ф.Т. вызывала по отношению к себе враждебность и соперников; ей приходилось переживать и тяжелые времена; когда же Гомперс согласился в 1924 году в последний раз стать ее председателем, то он мог с удовлетворением констатировать, что в ее рядах было почти три миллиона членов.

Третий тип рабочих организаций остался отнюдь слабым. Социализм и коммунизм обладали давними предпосылками в американской истории. Но их ранние проявления по большей части были чем-то в роде таких утопических начинаний, как ферма Брук; пожалуй, ближайшим к социалистическому порядку явлением, известным в США, было содружество мормонов в штате Юта, но рабочие приняли в нем небольшое участие. В семидесятых годах темная тайная организация, известная под именем Молли Мэгвайр (тайная антибританская организация ирландцев), терроризовала разработки антрацита в Пенсильвании, где условия труда были ужасными, пока не была подавлена силой. Тогда же, т. е. в семидесятых годах немешкие интеллигенты, более знакомые с учениями Карла Маркса и Фердинанда Лассалля, чем с американским рабочим движением, пытались учредить американский социализм, впрочем без особого успеха. Прибытие в 1882 году Йоганна Моста придало левому крылу рабочего движения революционный уклон. Мост, за которым охотились в Германии и Англии, пытался склонить американских рабочих к политике насилия.

Со временем радикальные рабочие группировки са-

ми освободились от иностранных пут. «Промышленные Рабочие Мира», юридически организовавшиеся в 1905 году, были целиком местного происхождения, хотя они и позаимствовали кое-что из синдикалистских учений Фореля. Несмотря на некоторые успехи в лагерях дровосеков и рудокопов Запада и в текстильных центрах Востока, «Промышленные Рабочие Мира» никогда не имели сколько-нибудь значительного количества сторонников. Их враждебное отношение к первой мировой войне 1917-18 гг. подорвало их позиции всюду, за исключением лагерей дровосеков на Северо-Западе и среди кочующих сельскохозяйственных рабочих.

Трудовые конфликты. История американского рабочего класса отмечена забастовками и насилием. С самого начала трудящиеся были вынуждены бороться за большую часть своих будущих достижений: за право на организацию союзов, забастовок и пикетирования, за сокращение рабочего времени и повышение заработной платы, за безопасные условия труда и денежную компенсацию за несчастные случаи на производстве, за отмену детского труда, против предписаний о прекращении забастовок, против кабальных рабочих контрактов и посятательств на карман рабочих со стороны принадлежавших хозяевам предприятий фабричных лавок, за ограничение иммиграции в США и за прием на предприятия только членов профсоюзов. Но большей частью борьба велась на промышленной арене, но иногда она переходила и в область политики. В этой длительной и жестокой борьбе рабочий класс по большей части был в одиночестве, в то время как капитал находил себе мощных союзников в лице общественного мнения, полиции и судов. Натолкнувшись на такое сильное сопротивление, рабочий класс во время забастовок больше терял, чем добивался, но все же его победы были достаточно многочисленными, чтобы оправдывать дальнейшее применение забастовок в качестве оружия. Не нужно забывать, что применение силы в промышленных отношениях есть такой же памятник отсутствию здравого смысла, как и применение силы в отношениях между народами.

С 1881 по 1905 год произошло не менее тридцати семи тысяч забастовок. Некоторые из них были кратковременными и носили местный характер, а некоторые длились долго и распространялись на всю страну. Наиболее внушительными забастовками этого периода были: железнодорожная забастовка в 1877 г., впервые ознакомившая американцев с широко разлившимся насилием; забастовка на заводах сельскохозяйственного машиностроения МакКормика в 1886 году, zenithом которой явился трагический бунт на площади Сенного рынка; забастовка в Хомстеде в 1892 году, отмеченная рукопашными схватками на берегах Мононгахелы; большая забастовка рабочих пуллмэнских вагонов в 1894 году, парализовавшая половину железных дорог в стране; ужасная борьба в Крик, — в каменноугольном бассейне Колорадо; забастовка в угольно-антрацитовый промышленности в 1902 году, создавшая угрозу паралича промышленности во всей стране и в конечном счете улаженная благодаря вмешательству президента Теодора Рузвельта. Невозможно, да и не нужно исследовать историю забастовок во всех их подробностях, но мы можем избрать одну из них, а именно, забастовку рабочих пуллмэнских вагонов в 1894 году, поскольку во многих отношениях она была сходной с остальными.

Она началась в «образцовом» городке Пуллмэн, в штате Иллинойс, где рабочие жили в удобных, принадлежащих компании домах (а в этих домах квартирная плата была на 25 процентов дороже, чем в таких же домах в других населенных пунктах), платили компании за газ и воду и покупали необходимые им товары в лавках, принадлежавших также компании — какое прибыльное дело для Джорджа Пуллмэна и его акционеров! В связи с экономическим кризисом начала девяностых годов, заработная плата была понижена, чтобы обеспечить вкладчикам выплату обильных дивидендов. Когда представители трудящихся обратились к Пуллмэну с просьбой об арбитраже по вопросу о заработной плате, то были сразу же уволены. Трудящиеся немедленно бросили свои инструменты и прекратили работу. Создавшийся около того времени под руководством молодого Евгения Дебса Американский Союз Железнодорожников счел дело

рабочих Пулмэна своим делом и отдал своим членам директиву прекратить обслуживание всех пулмэновских вагонов. Эти действия Союза привели к борьбе между железными дорогами и рабочими, охватившей половину страны. В течение немногих недель транспорт на большей части пространств Севера и Запада был парализован. Одна столичная газета, предвосхищая способы подавления забастовки, заявила, что забастовка — «война против правительства и общества». Встревоженная явным успехом забастовки и решившая сокрушить народившийся союз железнодорожников, прежде чем он смог причинить новые неприятности, организация работодателей — Генеральная Ассоциация Директоров — потребовала от Федерального правительства вмешательства в забастовку в целях установления непрерывного движения на железных дорогах.

Обращение Ассоциации увенчалось успехом. Министром юстиции при президенте Кливлэнде был Ричард Олни, бывший до того адвокатом железнодорожных компаний, полностью разделявший точку зрения владельцев дорог. На их просьбы он ответил изданием предписания, решительно запрещающего какие бы то ни было действия забастовочного характера. Вскоре разразилась беспорядки, но никогда не удалось установить, были ли они вызваны провокаторами или хулиганами. Губернатор штата Иллинойс Альтгельд был намерен поддерживать порядок силами милиции своего штата. Но президент Кливлэнд, не дав ему возможности действовать, приказал федеральным войскам вступить в Чикаго. Предписание о прекращении забастовки нанесло ей удар, а применение войск почти на-нет свело рабочее движение. Дебс отказался подчиниться предписанию и был посажен в тюрьму за неповиновение суду. Когда федеральные войска были введены на территорию штата, Альтгельд протестовал против такого нарушения конституции. На его протест президент Кливлэнд ответил выговором, а суды отклонили его доводы. Таким образом, железные дороги как будто победили на всем фронте.

Но последовавшие затем расследования комиссий Конгресса и ученых оправдали забастовщиков и Альт-

гельда почти по всем пунктам. Промышленный феодализм городка Пуллмана был осужден, большинство забастовщиков освобождено от ответственности за беспорядки, Генеральная Ассоциация Директоров была заклеена за наглость и попрание законов, действия Олми были признаны неправильными, предписание о прекращении забастовки --- как сомнительное по своей законности, и применение федеральных войск --- ненужным и неуместным. Этот несчастный эпизод словно в фокусе собрал многие силы, обуславливавшие положение рабочих в эти годы: наглость крупной корпорации, роль забастовки, вспыхнувшей по признаку рабочей солидарности, применение направленного против трестов акта, предписание о прекращении забастовки для обуздания рабочих, враждебность к ним судов и тенденции правительственных органов становится скорее на сторону капитала, чем на сторону рабочих.

К 1900 году рабочий класс завоевал большинство основных прав -- права на организацию союзов, на забастовку, на заключение коллективного договора -- и добился некоторого прогресса в своей кампании за улучшение условий труда и быта. И все же было ясно, что эти завоевания были ограниченными, они охватывали лишь незначительное количество трудового народа, они едва прикоснулись к более широким проблемам защиты интересов трудящихся и благосостояния общества в целом. Постепенно становилось ясным, что рабочий вопрос неотделим от других социальных и экономических проблем, и что у общества имеется законный интерес в благосостоянии и защите трудящихся. Там, где владельцы предприятий не удосуживались выплачивать соответствующую жизненным интересам заработную плату, общество должно было что-то делать. Там, где промышленники не сумели предоставить работу, общество должно было принять на себя заботу о безработных. Там, где промышленные предприятия калечили рабочих или преждевременно выводили их из строя, общество должно было сделать что-то для поддержки их. Труд женщин и детей не был простым вопросом их взаимоотношений с хозяевами, ибо он был связан с будущим нации. Вставал также вопрос, как долго общество

может разрешать себе роскошь борьбы между трудом и капиталом? Ведь, кто бы ни оказался в ней победителем, общество всегда будет в проигрыше.

В борьбе за социальные реформы рабочий класс имел мощных союзников среди работников учреждений социальной помощи, протестантского духовенства, ученых и интеллигенции. В любом описании борьбы с злоупотреблениями в промышленности и трущобной нищетой особенно ярко светятся имена необыкновенно талантливого газетного репортера Джекоба Ринса, Джейн Аддамс из чикагского Халл-хауза, священника Объединенной протестантской церкви Вашингтона Глэддена, профессора Висконсинского университета Джона Коммонса. Они неустанно осведомляли общественное мнение о социальной значимости детского труда и опасностях, заложенных в бытовых условиях многоквартирных домов, пытались побудить к действиям медлительные законодательные палаты штатов. В некоторых штатах — Массачусеттс, Нью-Йорк, Висконсин, Орегон — реформаторы достигли значительных успехов, но задачи их были трудными. В передовых штатах достигались более высокие стандарты, но появление новых законов как бы приглашало промышленников переводить свои предприятия в штаты отсталые, где ограничений для них не существовало.

И все же наблюдался действительный прогресс. Ко времени Первой мировой войны в большинстве штатов — по меньшей мере теоретически — был воспрещен труд маленьких детей; многие штаты установили восьмичасовой рабочий день для женщин, выработали систему компенсаций за несчастные случаи на производстве, организовали тщательное наблюдение за условиями труда на заводах и в рудниках, запретили кабальные контракты или использование частных сыщиков и частной полиции в случаях трудовых конфликтов на предприятиях, и во многих других отношениях проявили заботы о трудящихся. Не представляется возможным подробно проследить за всем этим законодательством, но его можно проиллюстрировать историей законов о детском труде.

Около 1900 года детский труд стал объектом общественного скандала. Один и три четверти миллио-

на детей в возрасте от десяти до пятнадцати лет эксплуатировались с большой выгодой для предприятий. Одни дети работали на заводах и в рудниках, другие — в консервной промышленности, на свекловичных полях или в болотах, где взращивали клюкву. Один исследователь обнаружил 556 детей до двенадцати лет, работавшими на восьми хлопчатобумажных фабриках; другой нашел шести- и семилетних детей, работавшими в два часа утра на фабрике овощных консервов. Джон Спарго, чья книга «Горький плач детей» поразила нацию, так описывает то, что в начале века он увидел в угольных конях Пенсильвании и Западной Виргинии:

«Нагнувшись над наклонными жолобами, мальчики сидели часами, отбирая куски породы и иные отбросы из угля, поступающего к ним после промывки. Из-за сгорбленной позы, в которой они были вынуждены сидеть, тела их в большей или меньшей степени деформировались, и у них, подобно старикам, были согнутые спины... Уголь тверд, и такие несчастия с руками, как порезы, переломы и раздробление пальцев, были среди мальчиков обычными явлениями. Иногда случались несчастия похуже: вдруг раздавался душераздирающий крик, и погибал захваченный машиной мальчик, или исчезал в жолобе другой, которого потом находили задохнувшимся и уже мертвым. Облака пыли наполняют угледробилки, ею дышат мальчики, закладывая основы астмы и чахотки. Однажды в течение получаса я простоял в дробилке, пытаясь проделать ту работу, которой был ежедневно занят двенадцатилетний мальчик... Я не мог бы исполнять эту работу и жить, а здесь были десяти- и двенадцатилетние ребята, выполнявшие ее за пятьдесят-шестьдесят центов в день. Некоторые мальчики никогда не были в школе, и мало кто из них держал в руках букварь».

Конечно, законы против этих зол имелись, но часто они были неудовлетворительными, и их легко обходили. Так, в Южной Каролине был выработан закон, запрещающий принимать на работу в промышленности детей в возрасте до двенадцати лет, но при этом

разрешавший исключения в тех случаях, когда он накладывал лишения на семьи! А когда штат Мериленд потребовал, чтобы все лица моложе шестнадцати лет подали заявления о разрешении работать, то таких заявлений оказалось в два раза больше того числа молодежи до шестнадцати лет, которое было установлено незадолго до этого проведенной переписью населения. Законодательство охватывало преимущественно фабрично-заводских рабочих, оставляя без защиты сотни тысяч детей, работавших посыльными, чистильщиками обуви, подручными на ягодных полях или в консервных предприятиях, которые не считались фабриками. Лишь в 1909 году Конгресс издал закон, запрещающий отправку продуктов детского труда в торговых операциях между отдельными штатами. Казалось, что проблема решена, но суды вежливо заявили, что закон превышает полномочия Конгресса и потому не имеет силы. Три года спустя Конгресс опять пытался, на этот раз путем обложения налогом, изжить наличие продуктов детского труда. Суды еще раз наложили свое вето. Конгресс не смог добиться косвенными путями того, чего раньше он не сумел добиться непосредственно. Однако, спустя двадцать лет, Верховный Суд признал, что все это было ошибкой, причинившей тем не менее много вреда. В течение всего периода процветания в двадцатых годах нашего века продолжалось использование детского труда. Всенародная перепись 1930 года показала, что свыше двух миллионов юношей и девушек моложе восемнадцати лет имели оплачиваемую работу. Вскоре после этого социальные мероприятия «Нового курса» покончили с противоречиями в законодательстве и положили предел злоупотреблениям.

Путем двух методов — заключением коллективных договоров и осуществлением законодательства — трудящиеся значительно улучшили свое положение. Капитал также стал усваивать более просвещенный взгляд на проблему труда и приступил к наведению порядка в своем собственном доме. С этого времени ни один предприниматель не смог больше говорить так, как выразился один железнодорожный директор: «Труд представляет собою товар, который и впрямь будет абсолютно управляться законом предложения и спро-

са». «Закон предложения и спроса» был сформулирован в пользу фабрикантов, банкиров и собственников ферм; теперь его исправили на пользу рабочим.

Плавильный котел. Большинство американцев не понимало роли иммиграции в истории страны. Обычно они думали об иммиграции, как о «проблеме», возникшей лишь в течение каких-нибудь последних пятидесяти лет. Когда они размышляли об иммигрантах, то в их воображении возникали образы итальянцев, обладателей кожи оливкового цвета, или бородатых евреев, или польских крестьянок в ярких шالях, сходивших вниз по сходням на Эллис-Айленд. Но они не думали о первых колонистах из Англии, о французских гугенотах или выходцах из Шотландии и Ирландии; они также не думали о несчастных черных людях, насильно вывезенных из Африки и прошедших через ад рабства.

За исключением индейцев, все американцы — иммигранты или потомки иммигрантов: Колониальные дамы и члены Цинциннатского ордена так же, как и рабочие-поляки сталелитейных заводов в Гэйри, или негры Харлема. Конечно, иммигранты прибывали в разные времена, при различных обстоятельствах и из разных частей земного шара. Но все они проходили через те же испытания — они были вынуждены покинуть свои родные места и переселяться на новые. Все они, даже невежды и люди скромного происхождения, приносили с собою свою силу, культуру и религию. Все они стали частями сплава в гигантском плавильном котле Америки.

Мы уже рассмотрели часть потоков людей, из которых образовалось население Америки колониального периода. В течение всех первых лет после основания республики продолжалась эмиграция из Старого Света в Новый, и была она, как правило, добровольной. С 1820 года, когда впервые начался учет иммигрантов, и до начала Гражданской войны, около пяти миллионов новых переселенцев из Ирландии, Англии и Германии связали свою судьбу с Америкой. Даже война не смогла сколько-нибудь серьезно задержать поток иммигрантов, а после капитуляции южан

в Аннонатоксе он усилился еще больше. Поэтому население Америки в 1870 году было весьма разнородным. В этом году на тысячу американцев приходилось 435 белых, родившихся от природных американцев, 292 родившихся в США от родителей иностранного происхождения или от смешанных браков, 144 родившихся за границей белых, 127 негров, 1 индеец и 1 китаец. В период с 1870 по 1920 год в США прибыло почти двадцать миллионов новых иммигрантов. В это время соотношение между рожденными за границей и природными американцами оставалось примерно тем же. Возможно все же, что наиболее приметными переменами были тогда относительное уменьшение числа негров и увеличение числа мексиканцев.

Но одно весьма важное явление, относившееся к менявшемуся характеру населения Америки, поражало каждого наблюдателя. Это явление заключалось в резком росте числа людей, вышедших из стран южной и восточной Европы. В течение семидесятых и восьмидесятых годов большинство иммигрантов продолжало прибывать из тех стран, откуда их прибыло уже не мало — из Великобритании, из Германии, из Скандинавских стран. Но именно в эти годы и наблюдался лишь небольшой приток «новой» иммиграции. Предпринимчивые пароходные компании установили прямые сообщения с Неаполем, Даниигом, Мемелем, Фiume и Афинами. Они содержали тысячи агентов, заманивавших на пароходы палубных пассажиров. Предпринимчивые корпорации встречали иммигрантов на Эддис-Айленде и затем переправляли их в районы шахт или фабричные города. Когда в Великобритании, Германии и скандинавских странах стал ослабевать напор избыточного населения, то соответственно сократилось и переселение в Новый Свет из этих стран. В первом десятилетии двенадцатого века, например, из Ирландии прибыло только 340.000 иммигрантов и еще 340.000 человек из Германии, но зато свыше двух миллионов приехало из Италии и еще два миллиона из разных провинций Австро-Венгрии. Прежде чем были окончательно выработаны ограничения для иммиграции, Италия направила к нам свыше четырех с половиной миллионов своих сыновей и дочерей, Австро-Венгрия

--- четыре миллиона, Россия и Польша --- три с четвертью миллиона.

Для всех этих пришельцев, бежавших от религиозных преследований и жаждавших свободы исповедывать свою веру, для спасавшихся от войн и уклонявшихся от обязательной воинской повинности, для тех, кто стремился к более демократическому строю, и тех, кто надеялся избавиться от гнетущей бедности, получив свою долю из баснословных богатств Нового Света, Америка явилась обетованной землей. Каковы бы ни были их побуждения к переселению, но все иммигранты были полностью захвачены смелым своим начинанием; все они мечтали о лучшей жизни, и большинству удалось устроить такую жизнь для себя и своих детей.

«Старая» иммиграция распределилась довольно равномерно на просторах Севера и Запада; одна ее половина устроилась в сельском хозяйстве, другая --- в промышленности. Поскольку для основания фермы были нужны деньги, и поскольку лучшая земля была уже занята, «новым» иммигрантам оставалось только сосредоточиваться в промышленных центрах Востока и Среднего Запада, где они находили не только работу, но и уже образовавшиеся колонии своих соотечественников и католические приходы. К 1900 году две трети родившегося за границей населения проживали в городах и поселках, а к 1920 году эта пропорция возросла до трех четвертей. В Нью-Йорке находились сотни тысяч итальянцев, поляков, русских и евреев; многочисленные итальянцы и французы из Канады устроились в степенном Бостоне; русские --- в заселенной квакерами Филадельфии; русские и поляки --- в Кливленде; скандинавы в Сэнт-Поле и Миннеаполисе; а в то же время Чикаго представляло собой такую неструю смесь рас, как ни один город в мире. В малых промышленных городках, наподобие Фолл-Ривера, Скраптона или Хамтрэка, процентное содержание родившихся за границей было даже выше, чем в крупных городах. Это обозначало, что новые пришельцы из южной и восточной Европы находили работу на шахтах, на заводах и фабриках. Например, около 1910 года три четверти шахтеров Пенсильвании родились за границей; в своем большинстве это были

итальянцы, поляки и словаки. В 1920 году родившиеся за границей составляли восьмую часть всего населения; одна треть из них была занята работой на фабриках, и больше половины работало в шахтах.

Какой вклад сделали иммигранты? В большинстве случаев - самих себя, свою силу, свой труд, свою веру. Они были многим обязаны приютившей их стране, но и страна была многим обязана им. Они проделали тяжелую, изнурительную работу, необходимую для быстрой и дешевой разработки природных богатств страны. Они подняли целую ступень; они предложили колоссальные трансконтинентальные железные дороги; они разрабатывали залежи железной и медной руды и угля; они рубили и валяли лес в тайге Северо-Запада. Но их вклад был не только вкладом чернокожих. Они придали американской жизни яркость и красочность, а в некоторых областях значительно увеличили ее культурное наследие. Немало своего творческого порыва они внесли в изящные искусства и музыку. В 1930 году ни в одном крупном оркестре США не было дирижера, носившего англо-саксонское имя.

Иммиграция порождала и свои специфические проблемы. На трудящихся она отражалась ростом соревнования за места работы. Как выразился один рабочий лидер, «наша жизнь измеряется иммиграцией, наша заработная плата основана на иммиграции, положение наших семей измеряется иммиграцией». Перед городскими самоуправлениями возникали проблемы постройки новых жилищ, соблюдения санитарных мер, увеличения подлинности. Перед школами возникали проблемы преодоления неграмотности и оказания помощи иммигрантам по их приспособлению к жизни в стране. Все же ассимиляция родившихся за границей не была трудной, вопреки опасениям многих американцев, которые трепетали, когда слышали «Угрожающий акцент, чуждый нашему воздуху». Средний иммигрант страстно стремился стать американцем. Переживания, описанные Мэри Энтин в ее книге «Обетованная земля», разделялись сотнями тысяч иммигрантов:

«Я переживала величайшую гражданскую гордость и чувствовала личное удовлетворение в яр-

кое сентябрьское утро, когда переступала порог общедоступной начальной школы. Этот день я должна помнить всегда, даже если стану настолько старой, что не смогу назвать свое собственное имя. Первый день в школе — незабываемое событие для большинства людей. В моем же случае важность этого дня увеличивалась во сто крат, если учесть годы ожидания, пройденный мною путь и те осознанные цели, которые я ставила перед собой... Сам отец отвел нас в школу. Он не поручил бы эту миссию даже президенту Соединенных Штатов. Он ожидал этого дня с таким же, как и я, нетерпением, а надежды его, когда он торопливо вел нас по залитой солнечным светом мостовой, превосходили все мои мечты... Наконец, мы вчетвером окружили стол учительницы. Мой отец, вручая нас ей, заговорил своим невозможным английским языком и, вырвавшимся из его взволнованного сердца ломаными словами, выразил свои надежды на наше будущее».

Но не столько перед самими иммигрантами, сколько перед их детьми вставали проблемы ассимиляции и приспособления к жизни страны. Многие чувствовали себя выкорчеванными и деморализованными. Дома они жили в одном мире, а вне дома — в другом. Они еще были связаны со Старым Светом через своих родителей, а нередко — со своей Церковью; но эта связь была больше унаследованной, чем реальной. Отличаясь своей внешностью и акцентом, они не сливались полностью со своими американскими товарищами. Часто они восставали против своего старого наследия, прежде чем познавали новое. Общественная начальная школа была прекрасным средством для решения этих проблем, но иногда школа обостряла различия вместо того, чтобы сглаживать их. «Второе поколение» американцев причиняло хлопот больше, чем первое, в силу необходимости приспособления к жизни, проявлений насилия и преступности.

Около 1900 года стало развиваться и распространяться сознание необходимости положить предел неограниченной иммиграции. Рабочие возмущались конкуренцией со стороны иммигрантов, «старозаветные»

американцы опасались, как бы не испортилась их порода при наличии такого количества выходцев из славянских и средиземноморских стран. Средний человек считал, что в Соединенных Штатах и без того уже имелось достаточно людей и проблем, чтобы звать к себе в страну других. В 1882 году Конгресс прекратил иммиграцию из Китая; в том же году он не допустил в страну тех, кого называли «нежелательными» --- больных, психически расстроенных, безнравственных, анархистов и других. Это могло бы иметь некоторый качественный, но отнюдь не количественный результат. Ибо было необходимо сито для процеживания и качества, и количества. Как выход из положения, был предложен экзамен на грамотность. Неграмотность была очень небольшой на Британских островах, в Германии и Скандинавии, но в то же время очень высокой в Италии, Польше, России и других странах южной и восточной Европы; казалось, что найдено средство, могущее резко понизить число «новых» иммигрантов, не затронув сколько-нибудь серьезно приток «старых» иммигрантов.

Три президента --- Кливленд, Тафт и Вильсон --- накладывали свое вето на законопроекты, требовавшие экзамена на грамотность от желающих переселиться в США. Они считали, что такой экзамен не был критерием способностей, но лишь критерием возможностей. Однако, в 1917 году Конгресс, наконец, добился своего. С окончанием Мировой войны возникла перспектива широкой эмиграции из опустошенных войною стран Европы, и проблема сводилась уже не к простому ограничению, но к недопущению иммиграции. Рядом законов, принятых в 1921, 1924 и 1929 годах, Конгресс ограничил количество иммигрантов ежегодной квотой, равной 150.000 человек. Ограничения не распространялись на иммиграцию из Канады, Мексики и стран Латинской Америки, но строгое толкование положений, воспрещающих въезд лиц, которые могли бы лечь на плечи общественных и правительственных учреждений, сократило иммиграцию также и из этих стран.

Таким образом, в начале тридцатых годов пришел конец одной эре американской истории. Соединенные Штаты продолжали оставаться плавильным котлом. Но

вследствие перенаселенности некоторых районов, они не могли быть впрямь обетованной землей, на прежних свободных началах, для бедных и угнетенных людей из других стран.

ГЛАВА 15

ЗАПАД ДОСТИГАЕТ СОВЕРШЕННОЛЕТНЯ

Освоение крайних Западных районов. В то время как Юг восстанавливался после мук войны и хаоса реконструкции, и в то время как Север преобразовывал свое хозяйство, переходя к фабрично-машинному производству, еще более яркие перемены происходили на пространствах к западу от реки Миссури. В 1860 году этот край, составлявший примерно половину всей площади США, представлял собой преимущественно дикую местность. Так, новый штат Калифорния мог тогда гордиться населением, достигшим почти четырехсот тысяч человек; в долине реки Уильяметт находилось около пятидесяти тысяч первых поселенцев штата Орегон; сгруппировавшиеся вокруг Большого Соляного озера содружество мормонов насчитывало сорок тысяч, в то же время вдоль верхнего течения Рио Гранде разбросанными группами проживало около девяноста тысяч индейцев, мексиканцев и белых пионеров края. Остальная часть этих величественных просторов была землей индейцев - воинственных Сну, Блэкфут и Кроу на северных равнинах, Ютэ, Шайен и Кайова - в средней части края, жестоких Команчи и Апачи - на засушливом Юге. Все это - многочисленные племена, имена которых воспеты американским фольклором. Промышлявшие крупными стадами буйволов, от которых они получали все, начиная от пищи и кончая топливом, верхом на быстроногих пони они поселились по равнинам, горам и пустыням, никем не тревожимые, за исключением разве собственных соседей, горных львов и степных волков.

Прошло тридцать лет, и все переменялось. Индейцы были побеждены и подверглись сомнительному

влиянию цивилизации. Стада мячавших буйволов были уничтожены. Шахтеры рыскали по всей горной местности, зачерпывали воду из чистых ручьев, одни названия которых — сама поэзия, — Сан Джоакин, Бобровая голова, Красивые виды, Горький корень, Сладкая вода — пробивали штольни под землею, с лихорадочной скоростью строили небольшие поселки в Неваде, Монтане, Колорадо и даже в Черных горах Дакоты. Железные дороги быстро протягивались по нетронутой степной целине, переваливали через вздымавшиеся кверху Скалистые горы и соединяли Атлантическое побережье с Тихоокеанским. Скотоводы, используя наличие сочных кормов, железных дорог и новых рынков, предъявили претензии на обширное царство пастбищ, протянувшееся от Панхендл в Техасе до верхнего течения Миссури, а овцеводы соперничали с ними в долинах и на склонах гор. Затем на равнины и в горные долины массами устремились фермеры, заполнив брешь между Востоком и Западом. К 1890 году здесь уже не было границы, сплошная полоса штатов протянулась через континент, и от пяти до шести миллионов мужчин и женщин занялись земледелием там, где недавно резвились антилопы и степные собаки.

Почему же надолго задержалось покорение всего этого громадного края? Почему, когда пробил час, оно проходило с захватывающей дух скоростью? Ведь уже в течение двух столетий американцы неуклонно продвигались на запад от Атлантического побережья, в «Старый Запад» колониальных времен, через Аппалачинские горы, вниз по Огайо и в долину Миссисипи. К 1850 году граница достигла приблизительно пятидесяти девятого меридиана, и здесь, впервые в нашей истории, она прекратила свое продвижение вперед. Затем, вместо равномерного движения вперед, она перепрыгнула через равнины и Скалистые горы и уперлась в воды Тихого океана. Это объяснимо географией и климатом. Европейские иммигранты прибывали из стран лесов и рек, и в Новом Свете они находили леса и реки, с обильными дождями для своих полей. Но великие равнины они встретили впервые за два столетия, обнаружив и кое-что новое. Это были земли с малым количеством воды. Осадков выпадало мале

и по временам наступали длинные периоды засухи; ручьи были мелкими и пересыхавшими; к тому же здесь было мало леса для постройки домов и заборов. Не удивительно, что первые пионеры прошли через эти места и продвинулись дальше, к богатому водой и лесами побережью Тихого океана.

До тех пор, пока земледелец не обзавелся орудиями, помогавшими ему приспособиться к окружающей его новой природе, не было надежды на покорение Великих равнин.

Со временем фермеры освоились с местными условиями. Железные дороги обеспечили доставку грузов; появилась колючая проволока для заборов; глубокие колодны и ветряные двигатели обеспечили водоснабжение; благодаря ирригации, поливное земледелие в известной мере решило проблему там, где количество осадков не соответствовало тем приемам земледелия, к каким привыкли фермеры. Имея новые орудия и пользуясь новыми методами, пионер мог жить, выращивать урожай и строить новые поселения на равнинах. Жизненный опыт создал не только новые способы земледелия, но и новый образ жизни — новые социальные, экономические и культурные учреждения.

Великий Замиссурийский Запад, хотя и был в значительной степени не заселенным, все же он не оставался неведомым. Смелые землепроходцы, такие, как Льюис, Кларк и Джон Фремонт, обследовали его; охотники за пушным зверем и торговцы мехами, работая на себя или для Северо-Западной компании и компании Астор, сами ознакомились с ним; торговцы и оптовики, следуя по шляху Санта Фе, проложили путь к испанскому Юго-западу; протестантские и католические миссионеры работали среди индейцев; пионеры, продвигаясь вдоль Орегонского, Энтского и Мормонского шляхов, и искатели приключений, шедшие Калифорнийским шляхом, проложили через него ряд путей; армия построила укрепления для защиты иммигрантов и торговцев; топографы нанесли край на карту в связи с постройкой железных дорог; и вот тогда началась новая эра после утверждения президентом Линкольном закона о постройке первой трансконтинентальной железной дороги.

Уже начиная с сороковых годов мечтатели грезили

о железной дороге, пересекающей весь континент. Но только после начала переселения в Калифорнию эта проблема приобрела срочный характер. Событию предшествовали оживленные дебаты о направлении ее трассы. Южане хотели, чтобы дорога соединила южную Калифорнию и Техас с Новым Орлеаном или Мемфисом; северяне же решительно предпочитали дорогу, которая связала бы Северо-запад с Сент-Луисом или Чикаго. Были проделаны изыскания, но споры кончились лишь тогда, когда конфедерированные штаты предоставили свободные руки сторонникам северян. Закон 1862 года о Тихоокеанской железной дороге относился к двум дорогам -- Центральной Тихоокеанской и Объединенной Тихоокеанской. Объединенную Тихоокеанскую дорогу было решено построить на запад от Каунсил Блэффс в штате Айова, а Центральную Тихоокеанскую -- на восток из Калифорнии до места их слияния. Дабы сделать возможным такое гигантское предприятие, федеральное правительство предоставило обеим дорогам около двадцати четырех миллионов акров земли из государственного фонда и займы в общей сложности на сумму около шестидесяти пяти миллионов долларов.

Ободренные такими вложениями и поддержанные дополнительными дарственными актами со стороны законодательных палат штатов, директора дорог энергично взялись за осуществление своих планов. Им предстоял геркулесовский труд. Они должны были проложить около 1.700 миль пути сквозь дикие степи, горы и пустыни, в которых проживали лишь враждебно настроенные индейцы. Особенно трудная проблема встала перед инженерами Центральной Тихоокеанской дороги. Здесь не было рабочих рук, вследствие чего из далекого Китая было привезено около десяти тысяч кули. Каждый фунт стальных рельсов, каждый вагон, каждый паровоз, любая часть машинного оборудования, должны были доставляться морем, минуя мыс Горн или через Панамский перешеек. Был один момент, когда для этих перевозок компания наняла пятьдесят кораблей. В сьерре не было дорог, и тысячи тонн оборудования рабочие тащили волоком на громадных салазках по снежным сугробам. Продовольствие, порох и другие виды снабжения следовали тем

же утомительным путем. Чтобы проложить железную дорогу, нужно было взрывать скалы, перебрасывать через ущелья мосты, на протяжении шестидесяти миль пришлось пробить через сьерру пятнадцать туннелей. Когда глубокий снег угрожал остановить все строительные работы, изобретательные инженеры соорудили тридцать семь миль щитов от снега, и под их прикрытием удалось продолжать работу.

Задачи инженеров Объединенной Тихоокеанской дороги были менее трудными, возможно, отчасти потому, что в лице генерала Гренвилля Доджа у них был один из величайших живших тогда инженеров. Его рабочая сила была составлена из ирландских рабочих и ветеранов Союзной и Конфедератской армий, быстро менявших кирки на ружья, когда появлялись индейцы. Под его динамичным руководством дорога продвигалась на две, три и даже четыре мили в день; когда одна строительная группа укладывала шпалы, то другая следовала за ней, быстро накладывала рельсы и прибавала их костылями к шпалам.

10 мая 1869 года обе дороги сомкнулись в Промонтери Пойнт, в штате Юта. Вся нация приняла участие в торжествах, когда это событие было отмечено вбиванием в шпалы золотых и серебряных костылей. Постройка дороги была большим достижением инженерного искусства, эпической повестью о непреклонной воле, изобретательности и мужестве. «Когда я думаю», — писал Роберт Лунс Стивенсон, —

как продвигалось строительство железной дороги сквозь безводную пустыню, в которой кишели дикие племена... как на каждой стадии постройки вдруг возникали и затем опять исчезали шумные, импровизированные городки с их золотом, вожделением и смертью; как в этих неуютных местах китайские пираты с косичками за спиной работали бок о бок с негодьями из пограничья и сломленными европейцами; как они разговаривали между собой на смешанном диалекте и по большей части богохульствовали, играли в карты, пьянствовали, ссорились и убивали друг друга, как волки... и затем, когда я начинаю вспоминать о том, что вся эта эпическая суматоха осуществлялась господами в

сюртуках, стремившимся нажить необычайно крупные состояния, с последующим визитом в Париж, то мне кажется, что эта железная дорога была одним из типичных достижений века, в котором мы живем.... Если здесь были нужные нам романтика, контрасты и героизм, то чем же по сравнению с этим была бы Троя?»

Конечно, были тут и романтика, и героизм, но были также мечты о «состоянии и визите в Париж». Действительно, вызвавшее такую гордость достижение одновременно породило и чувство стыда. Директора Объединенной Тихоокеанской дороги, не удовлетвовавшись щедростью правительства, создали фиктивную компанию и заключили с нею жульнические контракты, по которым получили прибылей на сумму свыше шестидесяти миллионов долларов. А великая «четверка» Центральной Тихоокеанской дороги — Хантингтон, Стенфорд, Крокер и Гоккинс — организовала свою собственную строительную компанию и нагрела свою дорогу примерно на сумму свыше шестидесяти миллионов долларов: каждый из них после своей смерти оставил свыше сорока миллионов. Обе группы директоров были замешаны в грандиозном взяточничестве; обе группы опутали свои дороги такими долгами, что правительство напрасно вызвало о возврате предоставленных займов, а обслуживавшиеся ими города и села в течение десятков лет были вынуждены платить по весьма высоким тарифам.

В то же время были запроектированы другие трансконтинентальные железные дороги, из которых четыре были закончены. Получив от Конгресса по дарственному акту сорок миллионов акров земли из государственного фонда, Джей Кук начал, а Фредерик Биллингс и Генри Виллард закончили постройку Северной Тихоокеанской дороги, которая в 1883 году связала Верхнее озеро с Паджетским проливом. Две другие трансконтинентальные железные дороги были не менее счастливыми — они также получили даром землю: Санта Фе, которая была проведена вдоль старого шляха из Канзаса в Новую Мексику и затем продолжена сквозь пустыню в нижнюю Калифорнию; Южная Тихоокеанская дорога, которая была протя-

пута из Нового Орлеана в Лос Анджелес и Сан Франциско. Эти дороги, равно как и другие, проведенные в западном направлении, получили землю по дарственным актам не только от федерального правительства, но также от отдельных штатов и округов. Только одна трансконтинентальная дорога была построена без какой бы то ни было правительственной помощи — Большая Северная. Эта дорога, детище родившегося в Канаде Дж. Дж. Хилла, прошла параллельно Северной Тихоокеанской дороге от Сэнт-Пола до Сиэтла. В финансовом отношении она оказалась самой здоровой из них, и весьма благотворной была ее социально-экономическая деятельность.

Царства горняков и скотоводов. Первые передовые посты на Дальнем Западе были основаны горняками. Находка золота в Калифорнии превратила ее из пастбищ Новой Испании в цветущий американский штат и породила новые различные виды экономической деятельности — земледелие, торговый флот, железные дороги и обрабатывающую промышленность. Подобные примеры неоднократно повторялись в истории царства горняков — во время золотой лихорадки в районе Пика Пайка в 1859 году; в Алдер Галч и Лэст Чэпс в Монтане и на берегах Сунтвогер в Вайоминге в середине шестидесятых годов; в районе Черных гор Дакоты в семидесятых годах. Повсюду освоение страны начинали горняки, создавая местные общины и закладывая основы для будущих постоянных поселений. Когда золото и серебро истощались или попадали в руки восточных корпораций и ослабевала горная лихорадка, то поселенцы принимались за земледелие и скотоводство в своей округе или находили работу на железных дорогах, прокладывавшихся с Востока и Запада. Некоторые общины оставались почти исключительно горняцкими, но подлинное богатство Монтаны и Колорадо, Вайоминга и Айдахо, как и Калифорнии, заключалось в их пастбищах и земле. Ценность драгоценных металлов в минеральных богатствах была вскоре превзойдена ценностью меди, угля и нефти, имевшихся в таком изобилии.

Упадок горняцкого царства бывал столь же быстрым, как и его подъем, но он оставил неизгладимые

впечатления в умах американцев. Лагери горняков были на редкость живописными. Вновь открытая руда тотчас же привлекала к себе тысячи охотников, пробравшихся в направлении какого-нибудь затерянного в глуши передового поста. В течение немногих дней сотни палаток и жалких лачуг вырастали вдоль берегов какого-нибудь ручья или реки, или беспорядочно раскидывались по склонам горы, таившей в себе богатства. Каждый второй дом мог быть трактиром или залом для танцев, где за пятьдесят центов продавали стаканчик плохого алкогольного напитка, и где девицы с харди-гарди* развлекали обросших бородами горняков. Беззакония здесь были не столь распространенными, как это представляли себе авторы романов, но было мало прелестей цивилизации, и жизнь в лагере была варварской. Все же со временем, когда домовитость, школа, церковь и закон приходили сюда, постепенно улучшалось благоустройство горняцких общин.

Царство горняков очень много сделало для того, чтобы оповестить о сельскохозяйственных богатствах Запада, оно привлекало сюда переселенцев и впоследствии предоставило темы романистам и кинорежиссерам. Оно ускорило развязку индейской проблемы, повлекло за собою постройку железных дорог, направило поток богатств в сундуки восточных вкладчиков, к богатствам государства прибавило около двух миллиардов долларов драгоценными металлами и дало ему возможность разменивать зеленые денежные банкноты на звонкую монету, ввело «денежный вопрос» в американскую политику.

Именно в то время, когда горняки проникали в недра холмов Невады и Монтаны, в историю Запада была вписана новая и более важная глава. Она касается роста царства скотоводов. Физической основой царства были пастбища Запада, непрерывно тянувшиеся от Рио Гранде до северной границы и от Канзаса и Небраски до долины Скалистых гор. Миллионы буйволов бродили здесь на воле, но в течение двух десятилетий

* Род струнного инструмента, звучащего при посредстве колесика и ударного рычажка. **Примечание переводчика.**

они почти вымерли, а их место было занято еще большим количеством длиннорогих техасских, монтанских и вайомингских быков.

Примерно в течение века испанские домы и миссионеры занимались скотоводством в северной части Мексики, вдоль Рио Гранде и в долинах южной Калифорнии. Но этот скот был ценным в рамках местного потребления, а также ценность представляли его жиры и шкуры. С появлением железных дорог, возникновением мясозаготовительных компаний в Сэнт-Луисе, Канзас-Сити и Чикаго и появлением вагонов-холодильников стало выгодным улучшать породу скота и перегонять его на рынки в северном направлении. Сразу же после Гражданской войны дальняя переброска скота стала ежегодным занятием. Были пробиты тропы копытами десятков тысяч голов скота — чисхольмской, некосской, гуднайтской и боземанской пород — и шумные скотоводческие городки, наподобие Абилене и Шайенна, выросли у конечных станций железных дорог. В то же время скотоводы обнаружили, что они могут устраивать зимовку скота, используя обширные пастбища Севера, и их царство распространилось на Колорадо, Вайоминг и Монтану. Больше всего скота было в Техасе, но наиболее типичное объединение скотопромышленников существовало в Вайоминге. Здесь в течение многих лет не было конкуренции между скотоводами, и Ассоциация скотоводов Вайоминга беспрепятственно управляла всеми делами.

Сначала почти каждый мог завести свое личное стадо из нескольких коров и телят, пустив их пастись на государственной земле. Но вскоре крупные скотоводы и скотоводческие компании, из которых многие были организованы на Востоке или в Англии, захватили контроль над скотоводством, перевели свои стада на общественные пастбища или на заарендованные у индейских племен пастбища, огородили заборами места водопоев. Одна скотоводческая компания огородила заборами площадь в один миллион акров общественных земель в Колорадо; другая целиком огородила весь округ Джонс в Техасе; в Шайенне было сдано в аренду одной группе скотоводческих компаний четыре миллиона акров общественных

земель, а цивилизованные племена Индейской территории сдали одной единственной компании шесть миллионов акров. Скотоводческие тузы безжалостно устраняли мелких конкурентов и вели непрестанную борьбу против овцеводов, чьи овцы уничтожали травы до самой земли, тем нанося ущерб пастбищам.

У царства скотоводов, как и у царства горняков, была своя романтика, и воспоминания о ней долго жили в американском сознании. Уединенная жизнь на равнине, загон скота, выжженные пероглифами тавро, дальняя переброска скота, панчическая скачка, борьба с похитителями скота, ловкая езда верхом на лошади, бьющий не на эффект, но отличающийся своей практичностью живописный костюм, дикая жизнь, скотоводческих городков, наподобие Абилена или Шайенна - все это нашло свое отражение в американском фольклоре и песне. Подражая взрослым, дети наряжались в ковбойские костюмы, запечатленные в кинофильмах владельцы скотоводческих ферм без промаха стреляли по похитителям скота, а уличные пострелы распевали вариант техасской «Колыбельной»:

«С гиком, воєм навалились на бычков моих,
Хоть далек наш стан, должен я снасти их.
С гиком, воєм навалились, должно гнать бычков на
запад,
Может быть, Вайоминг станет домом нашим».

Появление фермеров. Для Верхних равнин разведение крупного рогатого скота и овец было вполне естественным, и многие скотоводы были убеждены в том, что фермеры совершили бы ошибку, пытаясь обосноваться в этих краях. В начале столетия Зебюлон Найк сообщал, что «на реках Канзас, Плэйт, Арканзас и их различных притоках, как мне кажется, может проживать лишь немногочисленное население... обитатели этих мест смогут извлечь пользу для себя, если обратят свое внимание на размножение рогатого скота, лошадей, овец и коз». А полвека спустя один американский сенатор, будучи против возведения Канзаса в ранг штата, заявил, что «после того, как мы перешли за реку Миссури, за исключением небольшого числа рек, там не обнаружили земель, годных для заселения и жилья». Эти обобщения оказались

ошибочными, но последовавшие события показали, что на значительных пространствах засушливого Запада земледелие не было выгодным. Во всяком случае, скотоводы были уверены в том, что сама природа даровала им права на все пастбища Запада. Любими средствами они попирали законы о земле, огораживали заборами большие районы, монополизировали реки и водоемы и пытались задержать продвижение фермеров.

Но в этой борьбе скотоводы проигрывали. Они могли запугивать отдельных фермеров, но они не могли бесконечно оказывать сопротивление федеральному правительству, и когда президентты Артур и Кливленд приказали снести заборы из колючей проволоки и открыть пастбища владельцам усадеб, их игра была проиграна. В семидесятых и восьмидесятых годах железные дороги открыли доступ ко всему равнинному краю, что повлекло за собой его колонизацию в широком масштабе. Северная Тихоокеанская дорога, располагавшая сорока миллионами акров земель, затопила Европу рекламами, описывавшими почти тропическое богатство почв на Западе, откуда и возник «банановый пояс» Джея Кука: преемник Кука, Виллард, одно время располагавший более чем восемьюстами агентов за границей, зазывал покупателей земли. Дорога Санта Фе привезла сюда тысячи русских меннонитов; Южная Тихоокеанская дорога привлекла немцев и скандинавов; Хилл отстроил свою империю, давая займы не имевшим денег бедным фермерам, субсидируя научно поставленное земледелие, строя церкви и школы. Сопротивление индейцев было сломлено, а остатки побежденных племен были вытеснены с земель или размещены на специальных отведенных для них территориях. Фабрики, выросшие на окраинах равнинного края, вырабатывали миллионы миль колючей проволоки, тысячи ветрогопов и буров, благодаря которым стало возможным земледелие на засушливой земле. Восемь миллионов иммигрантов влились в край, и его население возросло на двадцать два миллиона человек. Приток людей в уже заселенные районы усилился, в то время как расширялся внутренний рынок для сбыта сельскохозяйственной продукции.

Под такими добрыми предзнаменованиями в семидесятых и восьмидесятых годах был зарегистрирован настоящий бег людей в равнинный край. Хэмлин Гарленд вспоминает, что когда он явился в Дакоту для предъявления своих прав на землю, то:

«Поезда, кишевшие иммигрантами из всех стран мира, часто останавливаясь, ползли вдоль полей. Норвежцы, шведы, шотландцы, англичане и русские сменялись воедино в этой лавине искателей земли, двигавшихся по равнине навстречу заходящему солнцу, туда, где добрым дядей Сэмом была предоставлена долина с плодородной землей для обогащения каждого человека... Улица кишела возбужденными людьми. Все разговоры — только об участках, только о земле. Когда село солнце, то ежедневно возвращались разведчики в отель из своих походов в еще незанятую территорию, голодные и усталые, но ликующие».

Такие же сцены происходили на всем протяжении равнины. За два десятилетия Миннесота увеличила свое население в три раза, Канзас — в четыре раза, Небраска — в восемь раз, а Дакота подскочила с четырнадцати тысяч до полумиллиона; а величественный Техас со своими двумя с четвертью миллионами вытеснил Массачусетс с шестого места в США по количеству народонаселения. В общем, в течение этого двадцатилетнего периода население преимущественно сельскохозяйственных штатов — Миннесоты, Канзаса, Небраски, обеих Дакот, Колорадо и Монтаны — увеличилось с одного миллиона до примерно пяти миллионов — темпы роста, в восемь раз большие, чем по стране в целом. Еще за пятьдесят лет до этих событий французский путешественник де Токвилль высказался так: «Это постепенное и непрерывное движение европейской расы по направлению к Скалистым горам обладало величием providentialного события. Оно было похоже на неудержимый поток людей, который каждый день вела вперед рука Бога».

К концу восьмидесятых годов прилив переселенцев на равнины начал терять свою силу, а в некоторых

местах начался даже отлив. Тяжелые времена и засуха вынудили многих предприимчивых фермеров уйти назад, на восток, с засушливых земель западной части Канзаса, Небраски и обеих Дакот. Темпы прироста населения заметно замедлились: например, в начале девяностых годов Небраска увеличилась только на четыре тысячи жителей, Канзас - только на сорок тысяч, тогда как и в других местах прирост был едва ли большим, чтобы его можно было рассматривать как естественный прирост размножающегося населения.

Все же самая выдающаяся глава в истории освоения Запада еще не была написана. В течение полувека пионеры смотрели голодными глазами на богатые земли между Техасом и Канзасом, которые были закреплены за пятью цивилизованными индейскими племенами. Около середины восьмидесятых годов желание воспользоваться богатыми поймами рек Арканзаса, Канадской, Красной и Вашишты, а также холмистой степной землей, расположенной между ними, стало таким сильным, что правительство не могло больше сопротивляться ему. Были откуплены права индейцев, и в апреле 1889 года территория была предоставлена для заселения. Наплыв в новый край был неистовым. Несколькоми годами позже повторился такой же наплыв, когда была открыта для заселения Чирокская полоса в северной части Оклахомы. К 1900 году на этой новой территории проживало уже около восьмисот тысяч человек.

Царство горняков и царство скотоводов исчезли; к этому моменту исчезла и граница. Конечно, на Западе по-прежнему производились горные разработки, но это были уже отлично организованные предприятия, принадлежавшие восточным корпорациям и ими управлявшиеся. Миллионы голов скота по-прежнему бродили по пастбищам от Техаса и Нью-Мексико до Монтаны и обеих Дакот, но исключительность скотоводства пришла к концу, и оно стало лишь одной из разновидностей экономики. На Западе все еще имелась земля, но она была по большей части в горах или в таких засушливых местах, где только наличие орошения могло бы сделать земледелие доходным.

Все больше и больше в экономическом отношении Запад ассимилировался с остальной частью страны.

В политическом отношении ассимиляция проходила также быстро. Невада была сделана штатом в 1864 году -- главным образом потому, что Линкольн считал, что ему могут пригодиться голоса ее выборщиков. Небраска стала штатом в 1867 году, а Колорадо -- в 1876 году, когда отмечалось столетие провозглашения независимости США. Затем последовала долгая задержка, в течение которой Запад продолжал заселяться, а между политическими партиями происходила борьба за контроль над новыми территориями. Наконец, в 1889-1890 годах, были устранены все преграды, и в число штатов, после принятия общего законопроекта, вошли шесть западных земель --- обе Дакоты, Вайоминг, Монтана, Айдахо и Вашингтон. Юта, давно обладавшая достаточным для штата количеством населения, стала штатом несколькими годами позже, потому, что ей не доверяли из-за наличия в ней засилья мормонов; Оклахома --- в 1907 году; а две юго-западных территории --- Аризона и Нью-Мексико --- стали штатами в 1912 году. Таким образом, политические границы государства приняли окончательные контуры, и процесс, начатый под светлыми предзнаменованиями Указа 1787 года о Северо-Западе, был доведен до своего конца.

Своей политической структурой западные сообщества были похожи на восточные. Известная уже форма правления, с ее разделением власти на три ветви, двухпалатными законодательными учреждениями, системой городского и окружного самоуправления, были приняты повсеместно. Однако, в некоторых отношениях конституции новых штатов несколько отличались от конституций старых штатов. Они были значительно более подробными, лучше отредактированными и более либеральными в целом. Большая часть конституций предоставляла некоторые права женщинам для участия в голосовании, запрещала создание трестов и монополий, регламентировала деятельность железных дорог и создавала предпосылки для постепенного подъема стандарта жизни рабочих. Однако, ни вдохновившая их философия, ни их динамика в

основном ничем не отличались от того, что было общим для США в целом.

Жизнь на границе. Граница всегда означала лишения и опасности. Новая граница не составляла исключения. Для мужчин и женщин, покинувших расположенные в лесах фермы или города Востока, чтобы попытаться счастья на Высоких равнинах, жизнь обычно была тяжелой, а нередко приносившей и горькие разочарования. Работать приходилось тяжелее, а вознаграждение за труд было значительно скромнее, чем на фермах в долинах Огайо или Миссисипи. Хотя безграничные степи, тянувшиеся вдаль за горизонт, с громадными плавучими по небу облаками и ярко расцветенным солнечным закатом, и обладали своей собственной красотой, все же, как правило, равнины казались унылыми и однообразными. Летом палящее солнце безжалостно обрушивалось на пахарей и жнецов, а душные с юга сухие горячие ветры делали даже ночи непереносимыми. Зима наступала быстро и отличалась жестокими холодами; температура падала до двадцати-тридцати градусов ниже нуля; слепящие снежные бураны бушевали иногда по несколько дней подряд, и в степи гибли тысячи голов скота. Бури губили и калечили мужчин и женщин, застигнутых ими врасплох; иногда люди гибли, когда пытались ощупью найти дорогу от своего дома к коровнику.

У мужчин были свои занятия и свои цели; но тяготы труда и одиночество сильнее всего отражались на женщинах. Многие из них, выросшие в комфортабельных условиях Востока, были вынуждены сначала устраиваться в землянках или в обложенных дерном хижинах. В этих темных и плохо проветривавшихся жилищах окна и двери были прикрыты одеялами или шкурами, а каждый дождь превращал в слякоть земляной пол. Грубые бревенчатые дома, которые заменили эти примитивные жилища, были более удобными, но не менее безобразными. Возведенные в голой, без единого дерева, степи, эти маленькие, наскоро сколоченные, окрашенные в мрачные серые тона, домики были летом жаркими, зимой холодными и всегда угрюмыми. Деревья, кусты и цветы, украшавшие да-

же беднейшие фермы Востока, здесь отсутствовали, хотя их иногда сажали, а когда бывала вода, то и поливали. Для садоводства здесь было мало воды, ее было мало даже для стирки белья и уборки дома. В периоды засухи, когда высыхала кукуруза и увядали виноградники и иссякали колодцы, а южный ветер задувал мелкий колючий песок в любой угол и каждую щель дома, даже самый мужественный человек приходил в отчаяние.

Но еще хуже жары, грязи и тягот труда были одиночество и изолированность. Отрезанные от удовольствий общения с ближними, лишённые церковного утешения, помощи врачей, многие женщины пограничья, наподобие Берет в книге Оле Роваага «Гиганты земли», становились неуравновешенными. При родах помогали соседи, а часто они происходили совсем без какой бы то ни было помощи. Детская смертность, как о ней свидетельствуют скорбные маленькие кладбища, была страшно высокой. Болезней боялись всегда, ибо получить врачебную помощь было трудно, да и стоила она дорого. Малярия, которую разносили разводившиеся в болотах и стоячих лужах комары, поражала всех; загрязненная вода вызывала брюшной тиф; холера, воспаление легких и корь были обычными явлениями; и в то же время было велико количество несчастных случаев. Не имевшие покоя сельские врачи производили сложнейшие операции, подчас не имея анестезирующих средств и пользуясь грубейшими хирургическими инструментами. Эверетт Дик рассказывал об одном молодом враче, который произвел свою первую операцию аппендицита при отсутствии анестезирующих средств и при свете керосиновой лампы. Когда лампа перестала светить, операция продолжалась при мерцающем свете пани-росы.

Жизнь в городках была более разнообразной, были возможности общения, но и она была тоже унылой и обособленной. Типичные равнинные городки этого периода были небольшими и нудными; их обитатели мечтали о новом великолепном будущем, и готовы были быстро уложить свои вещи и в мгновение ока двинуться туда, где жизнь казалась многообещаю-

щей. Картина узкой грязной улицы с деревянными тротуарами, круто обрывавшимися на грани городка, с вытянутыми по обеим сторонам рядами жалких бревенчатых домов, окрашенных в серую краску, облупившуюся под лучами солнца, была невеселой. Лучшими зданиями были трактиры, лавка, платная конюшня, гостиница и станция, на которой собирались горожане в ожидании поезда, привозившего им газеты и журналы, письма от живших на Востоке друзей и родственников, а иногда --- случайно заехавшего коммивояжера, или агента, предлагавшего деньги взаймы, или покупателя зерна. На одном конце улицы находилась церковь --- обычно методистская, баптистская или пресвитерианская --- где раз в месяц с трудом перебивавшийся, плохо оплачиваемый священник отправлял требы. Напротив церкви располагалась в глубине квадратного неопрятного двора начальная школа --- неуклюжее двухкомнатное строение, с деревянными скамьями для учеников, стулом и столом для учителя, каким мог оказаться молодой паренек, год тому назад вышедший из нормальной школы, или некая старая дева, или нуждающаяся в работе вдова. Немногие передовые горожане сажали деревья; возникшие тут и там ряды подсолнечников, махвы и дикого винограда обозначали те места, где домовитые хозяйки совершали смелую попытку украсить свои жилища. Одетые в ситец и парусину дети играли во дворах или, как зачарованные, любовались работой кузнеца; бородатые мужчины в комбинезонах бездельничали в лавке или в платной конюшне, разговаривая о видах на урожай, о ценах на кукурузу или пережевывая политическую жвачку.

Пороков и преступлений здесь было мало, но зато было много пьянства, а вечером в субботу, когда после трудовой недели возвращались с ферм рабочие, случались многочисленные уличные ссоры и скандалы. Изредка происходили большие собрания --- по случаю Национального праздника 4 июля или пикника, устраивавшегося Объединением фермеров; тогда все горожане и фермеры из дальних окрестностей запрягали своих лошадей в коляски и выезжали к берегам ближайшей реки на празднование, длившееся иногда несколько дней. Вот как Эверетт Дик описыв-

вает празднование Четвертого июля в Блю Спринге, в штате Небраска:

«Группа из трех человек получила задание наловить рыбы... к 4 июля они наловили свыше тысячи фунтов крупной рыбы, которую они загнали в устье впадавшего по близости в реку ручья. Другая группа из трех человек соорудила навес из веток кустарника и доставила с лесопилки доски для стола длиной в сорок футов и танцевальной площадки. С лесного склада был взят на топливо большой штабель бревен. Распорядители послали в лежаный в сорока милях отсюда Браунсвилль за кабаном, весившим двести пятьдесят фунтов, жира которого было больше чем достаточно для того, чтобы зажарить рыбу. Импровизированная дробилка кукурузы была сделана из листов железа. Много было здесь хорошего кукурузного хлеба, хотя мука для него была плохо размолота и плохо просеяна. Были тут и прекрасное рыбное блюдо, и кукурузные лепешки, и маленькие белые хлебцы, взятые кое-кем с собою на десерт. После полудня третьего числа начали прибывать люди. Шли они сюда пешком, или ехали в запряженных волами повозках, словом, добирались сюда, кто как мог. Дамы были в шляпках защищавших их от солнца и в самых незамысловатых платьях. На всю толпу нашлось одно единственное шелковое платье; кое-кто из мужчин был босиком. Взошел флаг по флагштоку высотой в семьдесят метров; была прочитана Декларация независимости; а после того, как был сервирован сытный обед, музыканты, привезенные из отстоящего отсюда в восьмидесяти милях района, принялись играть на своих струнных инструментах, и начались танцы».

Некоторые из этих небольших городков процветали. В них были мощенные улицы и тротуары; кирпичные и каменные дома заменили деревянные постройки; новая гостиница, оперный театр, банки и магазины, средняя школа — все это свидетельствовало о зажиточности и гражданской гордости. Другие же городки прозябали и увядали; в одном Канзасе исче-

зло с карты две тысячи географических названий. Успешное развитие или исчезновение городка в пограничье в значительной мере определялось наличием или отсутствием железной дороги, а равно и политическими делами. Так, борьба за превращение того или иного городка в административный центр округа не раз оставляла по себе дурную славу.

Как и ее предшественница, новая граница была насквозь проникнута демократическим духом. Большая часть новых общин узаконила некоторые права женщины на участие в голосовании, и начиная с 1869 года Вайоминг был ведущим штатом в борьбе за эти права. Некоторые новые конституции предусматривали проявление инициативы и проведение референдумов по вопросам, имевшим общественное значение; большинство должностных лиц, и даже судьи, избирались народным голосованием. Все же демократия была здесь осязаемой больше в социальном, чем в политическом смысле. К каждому, кто одевался лучше своих соседей, кто напускал на себя важный вид, кто бравировал наличием домашней прислуги, относились настороженно. Банкир, лавочник, адвокат, фермер и извозчик, закатив рукава, усаживались вместе на городской площади; они занимали те же скамьи в церкви; все дети учились в общеобразовательных школах; претендовавшие на большее образование юноши и девушки посещали соответствующие специальные колледжи, нормальные школы и университеты, созданные каждым западным содружеством при своем возникновении. Множество рас смешалось в этих пограничных общинах -- англичане, немцы, норвежцы, чехи, небольшое число евреев, а равно и природные американцы из ближних штатов; здесь царил всеобщая терпимость по отношению к расе, языку и вере. Во многих отношениях новая граница была самой демократической и самой американской из всех предшествовавших ей.

ФЕРМЕР И ЕГО ПРОБЛЕМЫ

Сельскохозяйственная революция. Уже давно промышленная революция считалась главным событием новейшей истории. Однако, не менее важной была и революция в сельском хозяйстве. Триумфы владельцев сталелитейных заводов, строителей железных дорог, инженеров, капитанов промышленности и финансовых магнатов потрясали воображение двух поколений американцев; но триумфы фермеров и «борьбы с голодом», хотя и менее заметные, были все же не менее замечательными. Конечно, обе революции — промышленная и сельскохозяйственная — зависели одна от другой. Без машин и железных дорог сельскохозяйственная революция не могла бы иметь места; но и без потока зерна, лившегося в товарные склады больших городов, не стала бы возможной и промышленная революция. В течение веков люди боролись за достаточное для обеспечения их существования количество продовольствия; да и рост народонаселения сам по себе определялся количеством имевшегося продовольствия. В течение веков призрак голода неотступно следовал за людьми, а сам голод не раз уносил миллионы жизней; он, вероятно, был самым страшным из четырех всадников Апокалипсиса. Девятнадцатый век освободил большую часть человечества от преследовавшего его страха нехватки продовольствия, и этим освобождением оно в значительной мере обязано американским фермерам.

За сорок лет, с 1860 по 1900 год, посевная площадь в США удвоилась, а вся обрабатывавшаяся площадь земель утроилась. Иначе говоря, на протяжении жизни одного поколения стало в три раза больше обрабатываемой земли, чем за предшествовавшие до этого двести лет нашей истории. Продуктивность хозяйства росла быстрее, чем расширение посевной площади. Два миллиона ферм в 1860 году произвели несколько меньше 200 миллионов бушелей пшеницы,

немногим меньше миллиарда бушелей кукурузы и около четырех миллионов кип хлопка. Шесть миллионов ферм в 1900 году подняли продукцию до уровня свыше 655 миллионов бушелей пшеницы, свыше двух с половиной миллиардов бушелей кукурузы и почти десяти миллионов кип хлопка. За этот же самый период население США увеличилось больше, чем в два раза --- и большая часть прироста пришлась на города --- но американский фермер выращивал так много зерна и хлопка, производил такое количество говядины и свинины и настригал так много шерсти, что всего этого было не только достаточно для снабжения американских рабочих, но и для отправки образцовывающихся излишков в Европу.

Два основных фактора в значительной степени объясняют это необычайное достижение. Первый заключался в распространении сельскохозяйственных угодий на западные территории; второй --- в применении машин и науки в земледельческих процессах. С первым мы уже несколько знакомы. Новооткрытый Запад с его горными долинами и равнинами был преимущественно сельскохозяйственным краем; в удивительно короткие сроки он занял ведущее место в сельскохозяйственном производстве всей страны. Пшеничный пояс продвигался на запад к долине Миссури из штатов, расположенных вдоль реки Огайо. Иллинойс, Индиана, Висконсин, Огайо, Виргиния и Пенсильвания в 1860 году были по производству пшеницы ведущими штатами; к 1900 году из этих шести штатов только Огайо с некоторой неуверенностью еще пребывал в числе ведущих штатов: десять лет спустя и он исчез из списка ведущих штатов. Сдвиг в производстве кукурузы был не столь разительным, но и здесь также происходило продвижение от Огайо к долине Миссисипи. История развития хлопководства была примерно такой же. К началу столетия Техас был далеко впереди и вел за собой остальные штаты; немногим меньше половины всей продукции хлопка добывалось к западу от Миссисипи. И в те же самые годы огромные стада рогатого скота и овец неудержимо устремлялись на горные и равнинные пастбища.

Это смещение сельского хозяйства на Запад обозна-

чало, конечно, и лишения для фермеров Востока и южного побережья. Не будучи в состоянии конкурировать с богатыми целинными землями Запада, обремененное более высокими налогами и задолженностью по капиталовложениям, сельское хозяйство этих районов вступило в полосу упадка, от которого оно никогда не оправилось полностью. Большая часть морского побережья Виргинии была отведена под осоку для вешиков и превратилась затем в ту «Бесплодную землю», которую Эллен Глазгоу описала в своем романе; большие районы Пенсильвании и в штате Нью-Йорк пришли в дикое состояние или стали местом развлечения для отдыхающих. Сотни тысяч акров земли в Новой Англии заросли кустарниками и лесами; в течение пятидесяти лет после окончания Гражданской войны сельскохозяйственные угодья в этом районе сократились почти на пятьдесят процентов. Один проезжавший по Новой Англии путешественник писал так:

«На пути между Уилльямстауном (в штате Массачусеттс) и Брэттлборо (в штате Вермонт) на фоне нечерного неба я увидел на вершине холма что-то похожее на большой собор. Подъехав туда, я обнаружил большую двухэтажную церковь прежних времен, большую школу, село, улица которого была широкой и вероятно достигала 150 футов. Я поехал дальше и нашел церковь брошенной, школу - разобранной, а село - опустевшим. Фермер, владевший фермой на севере села, жил на одной стороне широкой улицы, а тот, что владел фермой на юге, жил на другой стороне, и были они только двумя жителями этого села. Все остальные ушли в фабрично-заводские поселки, в большие города или на Запад. Были здесь промыслы, школа, церковь, комфорт и довольство, но от них осталось только мрачное одиночество покинутых домов».

Само по себе расширение посевных площадей недостаточно для объяснения резкого роста сельскохозяйственной продукции, который не был пропорционален увеличению площади обрабатываемых земель и числу занятых в земледелии людей. Этот рост объ-

является скорее увеличивавшейся продуктивностью земледелия. Следует отметить и тот факт, что механизация сельского хозяйства значительно отставала от механизации промышленности. Фабричный рабочий и шахтер 1800 года пользовались орудиями, которые не были известны их отцам и дедам, но фермер 1800 года обрабатывал землю почти так же, как ее обрабатывал его предок тысячу лет тому назад. Его плуг представлял собою примитивное деревянное или железное орудие, которое тянула единственная лошадь или вол; фермер вручную сеял пшеницу, вручную же сажал кукурузу и картофель; он полол поля мотыгой, жал хлеба серпом или косил косой, молотил на земляном полу тузла, вручную очищал и лунил кукурузу. Самое большее, что могла обработать семья --- это восемь или десять акров, да и то при условии, что на помощь приходили женщины и дети.

Первое важное американское изобретение --- хлопкоочистительная машина Эли Уитни. Она оказала большое влияние на сельское хозяйство и произвела революцию в экономике Юга. Но все же эта машина имела отношение к обработке, а не к возвращению хлопчатника. Фактически, за исключением таких операций, как пахота, культивация и обрызгивание, возделывание хлопчатника оставалось мало механизированным. С другими культурами дело обстояло лучше, но машинная обработка в отношении большей части этих культур задерживалась в течение долгого времени. Между тем, производились непрерывные эксперименты. Типичной в этом отношении была история плуга. Первый патент на плуг был взят в 1797 году, и с того момента на рынок было выпущено около двенадцати тысяч плугов. Основной задачей было создание такого плуга, который мог бы чисто резать землю и отваливать ее, не застревая в земле и не ломаясь о корни и камни. Проводя свои эксперименты, Джефферсон создал отвал плуга такого очертания, которое свело к минимуму сопротивление земли; за это он был награжден золотой медалью Королевского Сельскохозяйственного Общества в Париже. В 1837 году Джон Дир настолько эффективно облицовал сталью свои деревянные плуги, что смог поднимать целую стену в Иллинойсе, и вскоре его продукция на-

шла широкий спрос. Закаленный плуг Оливера, появившийся на рынке в конце шестидесятых годов, сочетал в себе ровную стальную поверхность и прочное чугунное основание; он отвечал всем запросам фермеров. С тех пор было осуществлено множество усовершенствований.

История жатки еще более показательна. Фермер 1800 года, пользуясь ручным серпом, мог убрать в день лишь половину акра, если при этом он работал достаточно напряженно: тридцать лет спустя при наличии специальной «люльки», прикрепленной к косе, он мог убрать два акра в день. Располагая такими примитивными орудиями, фермер не мог выращивать зерно на больших площадях, не мог бы он и выйти на равнины Запада. В начале тридцатых годов девятнадцатого века два фермера проводили опыты с механической жаткой — Обид Гассен и Сайрус МакКормик. Около 1840 года они совершали чудеса, скашивая своими занятыми машинами по пять-шесть акров пшеницы в день. Гассен перебрался в Балтимор, где организовал производство и продажу своих жаток. Будучи более дальновидным, МакКормик направился на запад к юному степному городку Чикаго. Здесь в 1847 году он построил свой завод уборочных машин и начал их производство. Ко времени начала Гражданской войны заводы МакКормика продали четверть миллиона жаток; поставка машин высвобождала людей, которые были нужны в армии; этот переселенец из Виргинии для победы Севера сделал так много, как ни один генерал.

С каждым годом жатки все больше и больше совершенствовались. Утомительная для спины работа по подборке хлеба и связке его в снопы была устранена подвижной площадкой, на которой хлеб подавался в руки людей, стоявших на подножке и связывавших их. Затем в 1872 году появилась автоматическая связка проволокой, а немногими годами позже — шпигатная сноповязалка Эпплбая. Тем временем были усовершенствованы молотилки; в шестидесятых и семидесятых годах эти громадные исполнцы, каждый со своей группой молотильщиков, двигались вдоль Среднего Рубежа от одной фермы к другой. Герберт

Квик так описывает сцену на одной ферме в штате Айова:

«На время молотбы отменялся обычный распорядок. Утром, когда семья МакКонки начинала молотбу, в доме поднялись в три часа утра, взволнованные прибытием машины, которая до позднего вечера работала у соседа и была привезена сюда перед зарею... Громадная красная машина стояла между высокими, похожими на улы, стогами. Десять лошадей были припряжены к пяти длинным деревянным волокушам. Погонщик стоял в центре на деревянной площадке с длинным бичом в руке. Подавальщики снопов взобрались на стога, держа в мозолистых руках вилы, отполированные за долгое время работы; трезубцы их вил вонзились в верхние снопы... В чреве машины раздался рокот, похожий на рычание увеличенного в пятьдесят раз бульдога; а когда цилиндр набрал скорость, то рокот поднялся с басовых тонов до баритона, а затем до тенора, и такой мощи звука, что им покрылась площадь в четыре квадратных мили степи, покрытой дымкой тумана. Питающий машину взглянул вверх на подавальщиков, посмотрел на человека, подававшего на полók приготовленные снопы, посмотрел на Франка, стоявшего с ножом для резки связок, готового мягким движением взрезать связку, и затем осторожно вдвинул в зубья два первых снопа, ловко подвернул вверх их концы, и началась большая работа».

В восьмидесятых годах появилась революционизировавшая хозяйство жатка-молотилка или комбайн, который косил, молотил, очищал зерно и наполнял им мешки, проделывая при этом лишь одну последовательную операцию. Перевозившийся двадцатью-сорока лошадьми, а позже — при помощи парового или газолинового трактора, такой комбайн мог убирать урожай по семьдесят-восемьдесят акров в день.

В любой отрасли сельского хозяйства, за исключением разве сбора хлопка, машины пришли на помощь фермеру. Механические кукурузосажалки, машины для резки кукурузы, лушильные машины, сепаратор для снивок Де Лавалья, разбрасыватели на-

воза, картофелесажалки, сенокосилки, инкубаторы для птицеводства, искусственные удобрения и сотни других открытий и изобретений в огромной мере облегчили труд «человека с мотыгой» и повысили продуктивность его труда. Три обслуживающих комбайна человека могли проделать работу, которую раньше проделывали триста человек, причем делали они ее лучше. Очистная машина для кукурузы заменила работу восьми человек одним работником, ее обслуживающим, а лущильные машины — пятьдесят человек каждая. Время, нужное для уборки тонны сена, сократилось на восемьдесят процентов. А применение в двадцатом веке пара, бензина и электричества в земледелии высвободило миллионы акров земли, до этого занятых под пастбища, и в еще большей степени сократило число рабочих рук и повысило продуктивность сельского хозяйства.

Большую часть новых уборочных машин, молотилок и тракторов поглотили Средний Запад и Дальний Запад, и с такой скоростью, с какою могла производить их промышленность. На Востоке фермы были слишком малы, а земледелие — слишком разнородным, чтобы иметь возможность оправдывать вложения в дорогое стоящее машинное оборудование; на Юге хлопчатник и табак еще не имели нужных им типов машин, а рабочие руки там были дешевыми. Стоимость сельскохозяйственного машинного парка США с четверти миллиарда долларов в 1860 году возросла до трех с половиной миллиардов долларов в 1920 году; большая часть этого прироста приходилась на районы к западу от Миссисипи. Только в одной Айове фермеры вложили в машинное оборудование больше, чем фермеры всех среднеатлантических штатов и штатов Новой Англии, вместе взятых; в среднем, ферма Южной Дакоты имела машин на 1.500 долларов, а ферма хлопкового пояса — на 215 долларов.

Механизация земледелия дала фермеру возможность кормить растущее число городских жителей и отправлять за границу излишки, которые, в свою очередь, помогали финансировать дальнейшее развитие промышленности и железных дорог. Для самих фермеров механизация не была абсолютным благом. Она

вовлекала их в расходы, более крупные, чем они могли себе позволить, вынуждала их расширять производство для оправдания этих вложений и заставляла сосредотачиваться на производстве отдельных культур для сбыта на рынке. Она предоставила богатым фермерам заметное преимущество над мелкими конкурентами и сразу же ускорила развитие высокодоходного и арендного земледелия. Небольшие самоснабжавшиеся фермы пятидесятых годов с их пшеничными, кукурузными и овсяными полями, огородными грядками, курятником и свиноматкой, с восемью-десятью пасущимися на лугу коровами, уступили место крупным пшеничным или хлопковым хозяйствам, зависевшим от бакалейных лавок, в которых их владельцы покупали себе продукты питания.

Вряд ли наука была менее важной, чем машина. Сначала американское сельское хозяйство было больше экстенсивным, чем интенсивным, так как казалось более легким братья за обработку новой земли, чем сохранять под культурами старую. Но быстрое истощение почв на южном побережье испугало земледельцев; в то время Вашингтон и Джефферсон были наиболее выдающимися южанами, пытавшимися облегчить кризис путем разведения новых культур, введением севооборотов и улучшением пород скота. «Величайшую услугу любой стране может оказать введение в хозяйство новых полезных культур», — так писал Джефферсон. Но эти первые нововведения не получили распространения. В это время были открыты новые просторные земли за Аппалачскими горами, и изобретение хлопкоочистительной машины предоставляло фермерам больше выгод в переходе на новые плодородные земли, чем в попытках восстанавливать плодородие старых путем более тщательного ухода за ними. «Горный» период в освоении новых пространств, вероятно, составлял неотъемлемую часть пограничной экономики, и он не раз повторялся на последовательных рубежах.

Свое первое специальное ассигнование на сельское хозяйство федеральное правительство осуществило в 1839 году; но по-настоящему оно заинтересовалось им после принятия в 1862 году закона Морилла о предоставлении земли для колледжей. Этот закон

обеспечивал создание сельскохозяйственных и промышленных колледжей путем предоставления им фондов из государственного имущества; за каждого своего посланного в Вашингтон конгрессмена штат получал из государственного фонда тридцать тысяч акров земли. В соответствии с положениями этого закона один штат за другим приступил к созданию сельскохозяйственных колледжей, которые вели свою работу либо самостоятельно, либо в связи с университетом данного штата; в конечном итоге колледжи принимали на себя исследовательскую деятельность в области научного земледелия. Равным образом важен был также закон Хэтча, изданный в 1887 году и предоставлявший значительные средства для организации сельскохозяйственных опытных станций по всей стране. В это же время прямые ассигнования на научно-исследовательскую деятельность министерства земледелия выражались миллионами долларов. Около 1930 года примерно от семи до восьми тысяч научных работников было занято в различных правительственных организациях, изучавших самые разнообразные проблемы; большого значения вклады поступали с их опытных ферм и лабораторий.

Типичным представителем таких «борцов с голодом» был Марк Альфред Карлтон, везший в западную часть США семена прекрасной кубанской и харьковской пшеницы. Занимаясь опытами на ферме и преподавая в Канзасе, Карлтон заметил, как из года в год засуха и черная ржа губила все виды пшеницы, которые фермеры выращивали на равнинах. Но он также заметил, что русские меннониты, которых привезла в страну железнодорожная компания Санта Фе для поселения на своих землях, были более удачливыми; он установил, что они растили свою пшеницу, пользуясь семенами, вывезенными со своих родных мест. Впрочем, все сорта пшеницы в США были привозными; и у Карлтона сложилось убеждение, что тайна твердых, засухоустойчивых и не поддающихся рже видов пшеницы может быть раскрыта где-то на Украине или в степях Евразии.

В 1898 году, с благословения министерства земледелия, он направился в землю обетованную. В конечном счете, в тургайских степях, непосредственно

к западу от реки Урал, где климат и рельеф местности сходны с климатом и топографией западного Канзаса, он нашел то, что искал --- кубанскую пшеницу. На равнинах она давала больше зерна с акра, чем сорта «б» и «синий стебель», и проявила себя удивительно стойкой по отношению к черной рже. По своим наибольшим триумфам кубанка достигла в районе Миннесоты и к северу от нее, в Саскачеване. Следует отметить, что на южных равнинах таких успехов достигнуто не было. Это вынудило Карлтона еще раз отправиться в Россию; на Украине, вблизи от Харькова, где сорок лет спустя немцы и русские безжалостно уничтожали друг друга, он нашел харьковскую пшеницу. К 1914 году половина посевов озимой пшеницы в стране засеивалась семенами кубанской и харьковской пшеницы.

Другие борцы с голодом сделали не менее важные вклады. Маррион Дорсет справился с грозной холерой, поражающей свиней, а Джордж Молер --- с таинственной болезнью, поражающей копыта и рты животных и вносившей страшные опустошения в стада скота. Из северной Африки Дж. Х. Уоткинс вывез семена каффирской кукурузы, а Нилс Ганзен --- желтоцветную люцерну. Лютер Борбэнк развел в своих калифорнийских лабораториях множество новых сортов фруктов и овощей, а Дэвид Р. Кокер, на своей опытной ферме в Южной Каролине, доказал, что длинноволокнистый хлопок может произрастать на плато между приморской равниной и Аппалачскими горами, а равно и на возвышенностях. В Висконсинском университете Стефен Бэбкок открыл способ определения жирности молока. Негр, ученый Джордж Вашингтон Карвер, работая в институте Тюскиги нашел сотни новых возможностей применения таких общеизвестных продуктов, как орех, сладкий картофель и соевые бобы. Симэн Кнани выручил рисовые плантации, пришедшие в упадок после Гражданской войны, рекомендовав введение новых сортов с Востока, и учредил весьма развившуюся систему показательных хозяйств, указывавших пути к улучшению сельскохозяйственных методов на Юге страны.

Трудные времена на фермах. С каждым годом американский фермер обрабатывал свою землю все более и более эффективно и выращивал большие урожаи. Прилежный, разумный, имевший богатые почвы, прекрасные машины и готовые рынки, он должен был бы преуспевать и жить в довольстве. Но его доля была тяжелой и становилась все тяжелее. К концу самого замечательного в истории фермеров периода расширения сельскохозяйственных площадей, вместо того, чтобы стать, по словам Джефферсона, «избранными Богом людьми», они сами стали представлять собою крупную экономическую проблему. Чем объяснить такой парадокс?

Фермерская проблема была сложной, по-своему представлявшейся для плантатора на Юге, для того, кто растит хлеба, или того, кто выращивал кукурузу и разводил свиней, для скотовода, для хозяина молочной фермы, для садовода всех отраслей. Одно время казалось, что их положение зависит от железнодорожной проблемы; в другое время представлялось, как вопрос недостатка денег или еще, как вопрос земельной политики; сюда втягивались групповые интересы, партийные программы и международные отношения. Все же основным для большинства сторон фермерской проблемы являлись некоторые неизменные факторы. Главными среди них были: истощение почвы, капризы природы, перепроизводство главных видов сельскохозяйственной продукции, падение уровня самоснабжаемости ферм продуктами питания, недостаток соответствующей защиты и помощи со стороны законодательства.

Почва Юга уже давно была истощена культурами табака и хлопка и несовершенными приемами труда невежественных сельскохозяйственных рабочих. В более старых районах этого края миллионы акров земли покрылись кустарником, в то время как вода, сбегавшая по не имевшим преград оврагам, ежегодно смывала миллионы тонн верхнего плодородного слоя почвы. Еще одно, сочетавшееся с обеднением южных почв, обстоятельство состояло в том, что Юг потреблял семьдесят процентов всех продававшихся в стране удобрений, и у фермеров Южной Каролины расходы на удобрения составляли четвертую часть

стоимости урожая хлопка. Также и на Западе, эрозия и пыльные бури опустошали земли. Значительная часть Верхних равнин стала негодной для земледелия и даже для того рода пастбищ, который там практиковался; земля здесь была использована до такой степени, что дело кончилось возникновением «пыльных котлов».

Повторные засухи также принесли много бед фермерам. В течение шестнадцатимесячного периода в 1859-1860 годах ни одна капля дождя не упала на землю фермеров Канзаса и Небраски, и разоренные пионеры, явившиеся сюда с такими большими надеждами, были спасены благодаря милосердию жителей Востока. Это испытание, хотя по своему размаху и редкостное, было вообще свойственно равнинам; иногда же засуха длилась по несколько лет.

Не менее грозными были нашествия насекомых и болезней растений. Несомненно, самым вредным был долгоносик, поражавший семенные коробочки хлопчатника. Этот бич хозяйства, перейдя через Рио Гранде из Мексики в 1892 году, затем продвигался дальше по пятьдесят миль в год и захватил все царство хлопка. Фермеры в Питерсрайз, в штате Алабама, поставили долгоносику памятник за то, что он вынудил их к переходу к другим культурам. Но в течение ряда лет, когда он наносил наибольший вред, продукция хлопка сократилась больше, чем на пятьдесят процентов. Все усилия, направленные к уничтожению долгоносика, были напрасными, и только ранние посадки и обильное применение ядов дали возможность фермерам справиться с вредителем.

Вредных насекомых на равнинах было множество, но самым ужасным из них была саранча. Впервые фермеры равнин вынесли самое страшное испытание в 1874 году, испытание, не раз повторявшееся. Стюарт Генри описывает, как

«на пространство от Скалистых гор до реки Миссури и дальше саранча поедала каждый клочок зеленой растительности. Я вспоминаю, как вернувшись поздно к ужину домой, я отшатнулся назад, с удивлением увидев то, что потом стало известным под названием саранчи Скалистых гор, буквально по-

крывшей одну сторону дома. Пробравшись в дом, они пиrowали на занавесах. Тучи сараачи вскоре опустились на весь край — всюду и с непреодолимой силой. Люди пытались избивать ее, пытались спасти сады, но вскоре это оказалось смешной попыткой. Специально придуманные машины с конной тягой вычерпывали сараачу в хлебных полях целыми бочками с тем, чтобы затем предавать сожжению. Но и это оказалось бессмысленным. Огромные орды, мириады. В течение недели хлебные поля, кустарники, виноградные лозы были съедены до корней и до коры. Ничего нельзя было сделать. Вы сидели и видели, как на ваших глазах исчезало все».

Лесной клон, кукурузная моль и поражающий хлопчатую долготосик были почти в такой же мере вредными.

Фермер продавал продукцию на мировом рынке, конкурируя с крестьянами России, Аргентины, Канады, Австралии, и покупал на рынке, защищенном протекционными тарифами. Цена, по которой он продавал свою пшеницу, хлопок, и мясо, определялась в Ливерпуле; цена, которую он платил за свою уборочную машину, удобрения, колючую проволоку, обувь, одежду, шломатериалы и мебель определялась в престамах, действовавшими под прикрытием протекционных тарифов. Расходы фермера немолжно лезли вверх — повышалась стоимость всех необходимых для ведения хозяйства товаров, стоимость перевозок, росли проценты по займам и оплата правительственного аппарата. Новая земля и машины давали ему возможность с каждым годом производить больше, но доходы его не поднимались в сколько-нибудь ощутимой степени. В годы самой большой сельскохозяйственной экспансии (1870-1890) общая стоимость продукции американских фермеров увеличилась только на полмиллиарда долларов; за этот же период стоимость продукции промышленников выросла на шесть миллиардов долларов. Цены на большую часть сельскохозяйственных продуктов беспорядочно устремлялись вниз. Пшеница, приносявшая доллар за бушель, в семидесятых годах, упала до пятидесяти центов в середине девяностых годов. Хлопок упал с семнад-

цати центов за фунт в 1873 году до девяти центов несколькими годами позже, а затем — до шести центов. Примерно то же самое можно сказать о кукурузе, овсе, ячмене, табаке и других продуктах сельского хозяйства; средняя стоимость продукции с одного акра по десяти ведущим культурам в начале семидесятых годов была равной четырнадцати долларам, а в начале девяностых годов — девяти долларам.

Вероятно, самой серьезной из всех экономических тягот фермера был рост стоимости кредита. Когда он приходил к местному банкиру, или к агенту гипотечного банка, чтобы занять денег, то должен был считаться с тем, что ему придется платить по займу от восьми до двадцати процентов. Положение осложнялось еще больше значительным падением цен на продукты его труда. Если мы сделаем расчет в выраженных долларом ценах, а не в ценах на продукцию фермеров, то сможем понять это еще лучше. В 1870 году фермер мог получить один доллар за бушель пшеницы, или за два бушеля кукурузы, или за десять фунтов хлопка. Около 1890 года фермер мог получить один доллар за два бушеля пшеницы, или за четыре бушеля кукурузы, или за пятнадцать фунтов хлопка. Фермер, занявший тысячу долларов в 1870 году, мог уплатить свой долг тысячей бушелей пшеницы; если же он не выплачивал по закладной до 1890 года, то, чтобы освободиться от нее, ему потребовалось бы уже две тысячи бушелей пшеницы.

При наличии таких неблагоприятных условий было не удивительно, что задолженность по закладным у американских фермеров быстро возрастала. Около 1890 года в Иллинойсе имели закладные свыше девяти тысяч ферм, сто тысяч — в Небраске, и еще больше — в Канзасе. Большая часть закладных была в руках держателей на Востоке; жители одного штата Нью-Гемпшир имели около двадцати пяти миллионов долларов в закладных, сделанных под имущество в западных штатах. Арендные цены росли также. Средний для всей страны показатель достигал двадцати восьми процентов, а на Юге и на Западе пропорция была значительно выше.

Таковы были главные стороны фермерских проблем. То, что фермер не сумел использовать правительство

в качестве орудия для защиты своих интересов, было в равной мере и следствием, и причиной его неблагополучия. Хотя фермеры составляли половину населения страны, они редко избирали кого-нибудь из своей среды в Конгресс и даже в законодательные учреждения штатов, и когда в начале девяностых годов фермеры, подобно сенатору Пефферу или конгрессмену Симпсону, попали в Вашингтон, то на них там смотрели как на диковинку. Люди, писавшие законы для страны, были гораздо более усердными в обслуживании интересов фабрикантов, банкиров и владельцев железных дорог, чем в заботах о фермерах, и это усердие находило свое отражение в законодательстве. Покровительственный тариф мог оказывать помощь капиталистам, но он вынуждал фермера платить больше почти за все предметы, которые он покупал. Законодательство о банках и денежном обращении было вписано в своды законов и было оно благом для банкиров и вкладчиков, но для фермеров оно являлось страшным бременем. Законы, предназначенные для регулирования дел трестов и железных дорог, были написаны и толкуемы так, чтобы причинять как можно меньше неприятностей для последних, и когда сельскохозяйственные штаты попытались исправить законы, то суды отвергли их изменения. Даже законодательство, явно направленное для облегчения фермеров, как, например, закон Хомстеда, оказывалось неэффективным; до 1890 года больше земли было продано прямо или при посредстве железных дорог и спекулянтов иным покупателям, чем владельцам ферм.

Ник, по прошествии тридцати лет после капитуляции южан в Аннематоксе, американский фермер расширил свои владения на весь континент и, с помощью новейших машин и достижений науки, увеличил свою продукцию до такой степени, что был готов снабжать продовольствием весь Западный мир. Он был на пути к превращению в крестьянина.

Фермеры создают свои организации. Капиталисты, банкиры и даже рабочие организовывались; пришла пора и фермеру последовать их примеру. Но не было ничего труднее создания такой организации. Земледельцы представляли собою миллионы разрозненных

единиц, из которых каждая работала на себя, конкурируя в каком-то направлении; фермер, естественно, был индивидуалистом, не склонным к контролю со стороны; кроме того, ни почвой, ни погодой нельзя было управлять с успехом. В конечном итоге контроль над продукцией фермеров был создан лишь тогда, когда этим делом занялось федеральное правительство. Между тем, если фермер хотел избавиться от эксплуатации железными дорогами, трестами, гипотечными конторами и посредниками, то ему следовало бы действовать.

Первой общенациональной организацией была Ассоциация фермеров, известная также под именем «Защитников сельского хозяйства». В 1886 году правительственный чиновник, Оливер Келли, совершил длинное путешествие по разоренному войной Югу; то, что он увидел, убедило его в необходимости объединенных действий фермеров для того, чтобы изжить их бедность, отсталость и изолированность. С небольшой группой друзей он положил основание организации «Защитников сельского хозяйства», как некоего общественного и просветительного ордена, ставившего перед собой задачи «развивать среди нас самих лучшие и высшие достоинства мужчины и женщины. Повышать комфорт и привлекательность наших жилищ и усиливать преданность нашим целям и задачам... Превратить наши фермы в стоящие на собственных ногах хозяйства». Некоторое число «амбаров» (как назывались местные отделы Ассоциации) было открыто в штатах Нью-Йорк и Пенсильвания; но до тех пор, пока орден имел свои отделы только на Востоке, он развивался слабо. В 1869 году его центр был переведен на Средний Запад, и в трудные времена начала семидесятых годов он распространился с быстротой лесного пожара. К 1873 году «амбары» открылись почти во всех штатах, а количество членов достигло 750.000 человек. Особенно мощной Ассоциация была на Среднем Западе, но процветала она также на Юге и вдоль Тихоокеанского побережья.

По мысли Келли, Ассоциация должна была быть преимущественно общественной организацией. В нее принимали и мужчин, и женщин; тщательно разработанный ритуал приема в члены был отчасти заимство-

ван у масонов; ежемесячно должны были проводиться собрания, посвященные просветительной работе, патриотическим празднествам и развлечениям. Главная цель состояла в том, чтобы покончить с изолированностью фермера, украсить и сделать более интересной его жизнь, привести к обмену взглядами между членами и создать солидарность интересов. Деятельность Ассоциации в этой области была весьма успешной. Ее печать находила широкое распространение, ее библиотеки рассылали фермерам специальные издания, ее лекторы выступали на собраниях в сельских школах, ее пикники вошли в обиход сельской жизни. Хэмлин Гарленд, вспоминая об этих пикниках, писал:

«Был для нас грандиозным и ободряющим вид этих длинных веренищ колясок, змеевизшихся по проселкам, присоединявшихся одна к другой на скрещении дорог, пока, наконец, не собрались в одну мощную колонну все «амбары» северной части округа, направляясь к месту пикника, где полные решимости, спокойствия и достоинства ораторы ожидали нашего прибытия. Никогда ничего более живописного, более восхитительного, более полезного не дала сельская жизнь Америки».

Но когда фермеры сходились вместе, даже ради развлечения, неизбежными становились разговоры на хозяйственные и политические темы. Разговоры затем вели к действиям, и вскоре многие штатные «амбары» образовали на кооперативных началах организации для сбыта своей продукции на рынке, товарные склады, кредитные учреждения и даже фабрики. Не всегда они хорошо управляли своими предприятиями; а со стороны уже существовавших деловых кругов они встречали яростную оппозицию. Все же они дали возможность членам сэкономить немало денег; например, «амбар» штата Айова отправил в Чикаго пять миллионов бушелей зерна, сэкономив при этом от десяти до сорока процентов; покупки через кооперативы позволили членам сэкономить по сто долларов на каждой приобретенной жатке. Для поддержания такого начинания и непосредственного обслуживания

нужд членов в Монгомери Уорд была учреждена контора, выполнявшая заказы по почте.

Конечно, члены «амбаров» втянулись также и в политику, несмотря на записанный в уставе Ассоциации запрет политических дискуссий и действий. В ряде штатов Среднего Запада члены «амбаров» избирали своих людей в законодательные палаты и проводили через них так называемые «амбарные законы», которые должны были регламентировать деятельность железных дорог и товарных складов. Но нигде члены Ассоциации не организовывали политических партий и не образовывали чего-либо похожего на создавшийся позже в Конгрессе «фермерский блок».

После провала ряда деловых начинаний, срыва «амбарных» законопроектов и возврата относительного экономического благополучия в конце семидесятых годов, Ассоциация начала увядать. Несколько позже она восстановилась, но уже как чисто общественная и просветительная организация. Тем временем некоторые недовольные фермеры вступили в партию Гринбэка — довольно случайное собрание фермеров, чернорабочих и доктринеров-реформаторов — которая выбрала своим первым кандидатом в президенты старого лидера Ассоциации фермеров, Джеймса Уивера из штата Айова.

Однако, подлинными преемниками Ассоциации были Союзы фермеров — самая интересная в американской истории организация фермеров. Эти Союзы своим зарождением обязаны экономическому кризису конца восьмидесятых и начала девятых годов. Времена тогда были труднее, чем когда-либо раньше. Засуха обрушилась на охваченные горем равнины, продолжалась из года в год; система оплаты частью урожая со взятой в аренду земли и практика наложения ареста на урожай за долги погрузили Юг в нищету; пшеница упала до пятидесяти центов за бушель, хлопок — до шести центов за фунт; было выгоднее употребить кукурузу на топливо, чем везти ее на рынок. А в Вашингтоне близорукие конгрессмены, чутко откликавшиеся на требования крупного капитала, поспешили в 1890 году навязать стране тариф Мак-Кинли — самый высокий из когда-либо бывших; они поддерживали до жестокости немоло-

сердную банковскую и кредитную систему; они голосовали за ассигнование сотен миллионов долларов на выплату субсидий и средств на местные нужды с таким расчетом, чтобы избиратели на местах были довольны своими избранниками, заседавшими в Конгрессе.

Руководившееся Союзами фермеров движение, будучи возмущено несправедливыми действиями правительства, подобно эпидемии, распространилось повсюду, и к 1890 году в его различных организациях состояло почти два миллиона членов.

Во многих отношениях Северо-западный и Южный Союзы были сходны с прежней Ассоциацией фермеров. Они занимались выработкой учебных программ, распространяли книги (такие, как «Прогресс и бедность» Генри Джорджа или «Оглядываясь назад» Эдуарда Бэллэма), издавали газеты Союза — только в Канзасе их выходило свыше ста — посылали лекторов для чтения лекций на темы последних достижений научного земледелия и для того, чтобы вести агитацию за изменения в законодательстве, и учреждали сельскохозяйственные институты и клубы для повышения знаний.

Они принялись также за выработку широких экономических программы. Техасский Союз учредил на кооперативных началах закуску товаров, сбыт продукции на рынке и свои собственные товарные склады; в обеих Дакотах Союз организовал страхование урожая; в Иллинойсе он создал для фермеров ряд обменных пунктов. Некоторые из этих начинаний были успешными, и фермерам удалось выручить миллионы долларов из тех прибылей, которые могли бы оказаться в руках посредников; другие же начинания, натолкнувшись на непримиримую враждебность банков и железных дорог, окончились неудачно.

Вскоре Союзы создали боевую политическую партию. Сначала они обратились с призывом выработать программу политических реформ, в которую входили: передача железных дорог в собственность государства, удешевление кредита, упразднение частных общенациональных банков, запрещение иностранцам владеть землей в США, снижение тарифов и создание системы по предоставлению фермерам дешевого кре-

дита. Последнее предложение было особенно интересным. Оно приглашало федеральное правительство приступить к постройке в каждом сельскохозяйственном округе товарных складов, в которых фермеры могли бы хранить свою продукцию, получая под нее свидетельства, эквивалентные восьмидесяти процентам рыночной стоимости продукта. Такая система предоставляла бы фермеру кредит под очень небольшие проценты, позволяла бы ему хранить продукцию до того момента, когда цены на рынке станут для него выгодными, и с подъемом денежной стоимости таким образом поднималась бы общая стоимость урожая. Когда эта идея была высказана впервые, то ее разоблачали, как безрассудство и социалистический трюк; но затем, на протяжении жизни одного поколения, в своих основных чертах, она была одобрена федеральным правительством.

В 1890-1892 годах Союзы превратились в Народную партию - наиболее яркую из всех американских политических партий. Рядовые члены партии вербовались из среды фермеров Юга и Запада, но охватывала она и многие другие мелкие группы --- остатки Рыцарей Труда, партии Гринбэка и Объединенной рабочей партии, сторонников женского равноправия, социалистов, сторонников единого налога, сторонников серебряного доллара и профессиональных реформистов. Сильнее всего она была в районе Среднего Рубежа, и из этих краев вышли ее руководители. Главным из них был ирландец из Миннесоты, Игнациус Доннелли --- фермер, оратор, агитатор, открыватель потонувшего континента Атлантиды, сторонник теории Бэкона, автор популярного романа «Колонна Цезаря», в течение двенадцати лет мутивший воду в американской политике. Из очага народничества --- Канзаса --- вышел сенатор Уильям Пеффер, своей длинной волнистой бородой напоминавший еврейского пророка, и кого молодой Теодор Рузвельт разоблачал, как «добронамеренного, ничтожного, анархического чудака». Из Канзаса же вышла самая великая из женщин-возрожденек --- Мэри Эллис Лиз, красноречиво умолявшая фермеров «выращивать поменьше кукурузы, но побольше перца». Из Джорджии вышел, похожий на мертвеца, рыжеволосый Том Уот-

сон, «мудрец из Гиккори Хилла», возмнивший себя преемником Джефферсона; он привлек под знамя народников арендаторов земли и заводских рабочих, и от его действий не раз бегали мурашки по спинам всех южных Бурбонов. А в Небраске молодой демократ, по имени Дженнингс Брайен, призывал свою партию к слиянию с новой народнической организацией.

Никогда еще в американской политической жизни не было ничего подобного народническому бунту, пронесшемуся в начале девяностых годов по стенам и хлопковым полям. «Он был похож на религиозное возрождение, на крестовый поход, на Пятидесятницу в политике, во время которой языки пламени опустились на всех людей, и каждый из них говорил так, словно дух облагодетельствовал его даром слова», — так писал один из свидетелей; это был «фанатизм, свойственный крестоносцам», — вспоминает другой. После трудового дня, проведенного в поле, фермеры запрягали лошадей в коляски и вместе с женами и детьми неслись к отделу Ассоциации фермеров или к зданию школы, чтобы там бурно приветствовать оратора, выросшего из корней степных трав. «Уолл-стрит владеет страной», — с пафосом провозглашала Мэри Лиз. — «Это уже больше не народное правительство, избранное народом для блага народа, а правительство Уолл-стрита, избранное Уолл-стритом, для блага Уолл-стрита. Наши законы — порождение системы, одевающей мошенников в мантлы, а честных людей — в лохмотья». И оскорбленные в своих чувствах фермеры стали голосовать за новые декларации независимости. «История США, — говорится в одной из них, — в течение прошедших двенадцати восьми лет есть история повторных несправедливостей, тирании и узурпации, не имеющих себе равных в истории мира, а все вступившие в силу законы преследуют одну определенную цель, а именно: учредить денежную аристократию на развалинах того, что однажды было Америкой».

Выборы 1890 года привели новую партию к власти в двенадцати южных и западных штатах; около двенадцати домогканных сенаторов и представителей явилось в Вашингтон, чтобы изумить своими речами

степенные залы заседаний Конгресса. В 1892 году, в День Независимости, тысяча восторженно настроенных, изнемогавших от жары депутатов собралась в Омаха для того, чтобы избрать кандидатом в президенты Игнацуса Доннелли и одобрить пылкое введение к его смелой прогрессивной платформе:

«Мы собрались в центральной части страны, поставленной на грань моральной, политической и материальной катастрофы... Плоды труда миллионов людей бесцеремонно расхищаются немногими, создающими себе колоссальные состояния... и обладатели последних презируют республику и подвергают опасности свободу. Из одного и того же плодородного чрева правительственных несправедливостей рождаются два великих класса - бродяги и миллионеры».

Народники собрали на выборах свыше миллиона голосов. Но в Белый дом вошел Гровер Кливленд, а не Джеймс Уивер, неудачно руководивший целым рядом начинаний. Ветрами восстания дуло с опаленных солнцем хлопковых полей Юга и жарких, пыльных степеней Запада, но старые партии продолжали идти проторенным путем. Только землетрясение могло бы стряхнуть с них апатию самодовольствия. И это землетрясение случилось.

1896 г. В 1892 году дела были плохи и чем дальше, тем становились хуже. Едва дородный Гровер Кливленд успел вторично принести президентскую клятву, как по всей стране пронеслась страшная паника. Лопались торговые фирмы, банки закрывали свои двери, железные дороги переходили в руки судебных исполнителей, замирала торговля, кредиторы отказывали в выкупе залогов. Длинные очереди безработных ожидали выдачи супа у кухонь, а в стране в армию бродяг вливались тысячи новобранцев. Положение было хуже, чем во время паники 1873 года, гораздо шире и опустошительнее были ее последствия.

Невзирая на бедствие, правительство продолжало следовать традиционной политике невмешательства в экономические потрясения. Кливленд был способным руководителем, мужественным и благонамеренным,

отличным представителем манчестерского либерализма, боровшимся с коррупцией и особыми привилегиями. В течение своего первого срока (1885-1889) он создал себе хорошую славу. Но он был предан довлевшей тогда философии полной экономической свободы. Его программа по-прежнему состояла в сокращении тарифа и административной реформе; он отклонил большую часть законодательных предложений, направленных к оздоровлению экономики. Он считал, что буря уляжется сама собой, что кризис будет изжит самой экономикой автоматически. В течение двух лет дела ухудшались все больше и больше. В 1894 году произошли большая забастовка рабочих предприятий Пуллмана, поход армии безработных на Вашингтон под руководством Кокси и дальнейшее падение цен на продукцию сельского хозяйства. На хлопковых, кукурузных и пшеничных полях назревал бунт. Демократы Юга и Запада угрожали отколом от своей старой партии, и когда в 1894 году Кливленд не согласился на проведение одного мероприятия, которое он считал ведущим к инфляции, то старый «боевой конь» из Миссури, Ричард Блэнд, заявил: «наши пути разошлись». Осенью этого года множество недовольных демократов протянуло руку народникам, которым удалось собрать на выборах почти полтора миллиона голосов.

Многие люди предвкушали повторение кризиса 1854-1856 годов, когда распалась одряхлевшая организация вигов, и ее место заняла сильная, молодая республиканская партия. Но хитрые вожди западных демократов еще не были готовы к сдаче, в то время как на Юге демократы настолько отождествили себя с превосходством белой расы, что там не было никаких шансов на возникновение третьей партии. Поэтому, вместо того, чтобы перейти на сторону народников, радикальные вожди южных и западных демократий решились на захват партийной организации. «Потом, — как позже описывал это Брайен, — началась борьба. С пылом, похожим на пыл, воодушевлявший следовавших за Петром Отшельником крестоносцев, наши серебряные демократы шествовали от одной победы к другой».

Демократы-аграрники решили вести борьбу по по-

просу о деньгах. Это часто рассматривалось, как их ошибка, но сомнительно, чтобы какой-либо другой вопрос мог привлечь на их сторону такое большое число голосов или придать что-либо большее к уже достаточно драматическому моменту. Тогдашний вопрос о деньгах был сложным, но не будет заблуждением сказать, что в общем он сводился к вопросу об инфляции и противостоящей ей дефляции. В течение многих лет, когда росло население страны и расширялась экономика, правительство следовало политике сокращения количества находящихся в обращении денег. В 1873 году, как раз накануне того момента, когда серебряные прииски начали угрожать обесценением валюты, Конгресс чисто рутинным приемом изъяс серебро из обращения, то есть, отказался от покупки серебра и чеканки серебряных монет. Затем, в 1878 и опять в 1890 годах, правительство было вынуждено к таким усиленным закупкам серебра, что создалась серьезная опасность подержанию золотой основы американской валюты. Ряд президентов, которых поддерживали консервативные силы страны, решительно отстаивали золотой стандарт. Особенно титаническую и успешную борьбу за него пришлось выдержать Квинленду. Такого рода денежная политика, как были убеждены многие фермеры, была источником низких цен на их продукты. Восстановите в правах серебро, превращайте всю добычу в монеты, начинайте чеканить монеты из всех драгоценных металлов во всем мире, и тогда стоимость денег упадет до нормы, цены подскочат вверх, и вернется благоденствие — так рассуждали сторонники серебра.

Люди, стоявшие на точке зрения твердой валюты, оставались убежденными в том, что такого рода политика будет губительной для финансов страны. Однажды начавшаяся, инфляция не сможет быть остановлена, и само правительство кончит банкротством. Только золотой стандарт дает валюте устойчивость. Больше того, они заявляли себя верящими в то, что золотой стандарт не только основа здоровых финансов, но и здоровой морали, самым несправедливым образом они осуждали серебряный доллар, как «нечестный» доллар. Это было старой и вечно юной ссорой сторонников и противников «дешевых» денег.

Многое должно быть сказано о стратегических основах ведения борьбы за свободу серебра. Очутившиеся на грани банкротства, владельцы серебряных приисков рассматривались как лица, могущие финансировать выборную кампанию. Владельцы серебряных промыслов были всемогущими в шести редко населенных штатах Запада, которые обычно голосовали за республиканцев и которые располагали в коллегии выборщиков непропорциональным числом голосов; если бы их можно было привлечь на сторону демократов, то этим изменялся бы исход выборов. «Легкие» деньги могли бы привлечь к себе широкий класс должников во всей стране, а равно некоторое количество рабочих и фермеров. В конечном счете, серебро обладало эмоциональным свойством, которое можно было легко использовать. Золото — деньги богатого человека; серебро — друг бедного человека. Золото — деньги Уолл-стрита и улины Ломбардов; серебро же — деньги степей и небольших городов.

Но было недостаточно поставить проблему; сторонники серебра должны были иметь и своего кандидата. «Единственно в чем пугаются сторонники серебра — только в Моисее, — писала газета Нью-Йорк Уорлд, — «У них есть принципы, есть твердость воли, имеются духовные оркестры, значки и знамена, мощный клич и энергия, за ними голоса, у них имеются и так называемые лидеры. Но они странствуют по дикой местности подобно заблудившимся овцам, ибо в их среде еще не появился человек, обладающий мужеством, смелостью, притягательной силой и мудростью, необходимыми для подлинного вождя».

В лице Уильяма Дженнингса Брайена, из Небраски, они обрели своего Моисея. Будучи делегатом на партийном съезде в Чикаго в 1896 году, он выступил с докладом по денежному вопросу. Когда он взошел на трибуну в этот жаркий вечер 8 июня, то сразу же прославился во всей стране:

«Мы появились не как агрессоры. Наша война — не завоевательная война: мы боремся, обороняя наши дома, семьи и потомство. Мы обращались с петициями, но они были с презрением отвергнуты; мы просили, но наши просьбы были оставлены без

внимания; мы умоляли, но они ответили насмешками, когда над нами грянулась беда. Мы больше не умоляем, не просим и не подаем петиций. Мы шлем им наш вызов!..»

Так говорил «юный оратор с реки Плагг», и каждая его фраза вызывала бурю аплодисментов. Когда он закончил выступление своим знаменитым заключительным призывом, то зал разразился такой мощной, похожей на гул Пиагары, овацией, какой до сих пор не было никогда ни на одном американском собрании:

«Если они осмелятся явиться в открытое поле, чтобы защищать, как благо, золотой стандарт, то мы будем бороться с ними самым решительным образом. Имея за собой производительные силы нации и мира, располагая поддержкой в торговых кругах, имея поддержку рабочих и трудящихся в других местах, на их требование о сохранении золотого стандарта мы ответим так: вы не оденете на чело рабочего класса терновый венец, вы не сможете распылять человечество на золотом кресте!»

Брайен мог быть выдвинут кандидатом в президенты и без этой речи, ибо уже до съезда он провел основательную кампанию и логически, по всем данным, уже был кандидатом. Выдвижение его кандидатуры после этой речи было лишь выводом из предшествовавших событий. Победа «серебряного» крыла демократов была полной. Они составили программу, выдвинули кандидата и принудили пародников к переходу в свой лагерь.

После этой кампании обаятельная личность Брайена появляется на государственном поприще, и в течение двух десятилетий, с небольшими перерывами, он находится в центре внимания. В некоторых отношениях он был самым замечательным политическим лидером после Генри Кляя. С величественной внешностью, с черными как уголь волосами, черными горящими глазами и звучным певучим голосом, сообразительный и остроумный, мудрый и бесстрашный, он поражал воображение людей и был очень почитаем

миллионами простых людей. Вырос он на ферме, учился в окружном колледже, переселился в равнинный край, где занимался юридической практикой и политическими вопросами; был он набожным пресвитерианцем, и его политические речи были усыпаны умело заимствованными цитатами из Священного Писания; был он простым демократом, неизбалованным успехами, искренно преданным общественному благу; был он убежден и в том, что глас народа есть глас Божий. Хотя во многих отношениях он был ограниченным человеком --- читать ему пришлось немного, и был он далеко неоригинальным или глубоким мыслителем — все же он был весьма представительным американцем.

Выборная кампания 1896 года сопровождалась такой ожесточенной борьбой, какой не было со времен Джаксона. Сначала задачи Брайена казались невыполнимыми. Его партия зияла брешью раскола, ее номинальный глава, Кливленд, был в оппозиции, а большинство ее лидеров в восточных штатах переместилось в лагерь республиканцев. К тому же демократов обвиняли в трехлетнем экономическом кризисе. Против Брайена собрались почти все силы, пользовавшиеся в стране уважением: деловые круги, университеты, печать, финансовые тузы. Глава республиканской партии, Марк Ганна, образовал для кампании фонд, насчитывавший от трех до семи миллионов долларов; такой сумме демократы могли противопоставить меньше полумиллиона. В единственном отношении у демократов было совершенно явное преимущество — сам Брайен. Псколесив страну от Новой Англии до Запада, разъезжая в жарких, пыльных дневных каретах, выступая с речами по восемь-десять раз в день, призывая рабочих и фермеров, либералов и прогрессистов, он проделал самую выдающуюся в американской истории кампанию.

Это было великолепно, но все же этого было недостаточно. В конечном результате выиграл Уильям Мак-Кинли, собравший на полмиллиона голосов больше, чем Брайен. Запад и Юг, то-есть, то сочетание, которое привело к власти Джефферсона и которое оказало поддержку Джексоу и Доуглэсу, на этот раз не получилось. Поэтому Мак-Кинли и республи-

канцы смогли одержать успехи в таких штатах Среднего Запада, как Иллинойс, Айова и Висконсин, и в таких штатах Дальнего Запада, как Калифорния и Орегон. Но кампания Брайена осталась легендарной. В конечном счете идеи народников и аграрников-демократов, за малым и несущественным исключением, вошли в законодательство. Они оказали свое влияние, изменив ход американской истории.

ГЛАВА 17

ВРЕМЯ РЕФОРМ

Вызов, брошенный демократии. Когда Брайен приступил к составлению истории кампании 1896 года, то назвал ее «Первой битвой». Название оказалось вдохновляющим. Хотя эта битва и кончилась поражением сил аграрной демократии, все же она положила начало борьбе за прогресс. Еще до окончания Гражданской войны, армиям фермеров и рабочих удавалось захватить один штат за другим; они одерживали в своих кампаниях одну победу за другой, брали штурмом бастионы реакции, водрузили свое победное знамя над Белым домом и привели к восстановлению традиционного демократического курса в деятельности федерального правительства.

Эти два десятилетия между первой битвой Брайена и второй битвой Вудро Вильсона были эрой прогресса. Эта эра была отмечена бунтом и реформами почти во всех областях американской жизни. Были удалены старые политические лидеры, и на их место выдвинуты новые; политическая машина была перестроена и обновлена; политические обычаи были подвергнуты критическому обследованию и было устранено все, что не отвечало идеалам демократии. Экономическим учреждениям и порядкам --- частной собственности, корпорациям, трестам, владельцам крупных состояний --- был указан путь благоразумия, а их возглавителей просили доказать основательность применяе-

мых ими методов или изменить последние в случае отсутствия положительных доводов. Были пересмотрены и общественные взаимоотношения --- воздействие городов на жизнь, иммиграция, материальное неравенство, рост классов --- все это стало предметом критического взгляда. Почти каждая выдающаяся личность этого периода, будь то в политической жизни, в философии, в кругах ученых, или в литературе, обязана своей славой связи с движением в пользу реформ: Уинер, Брайен, Ля Фоллет, Рузвельт и Вильсон выдвинулись на политическом поприще; Уильям Джеймс, Джосна Ройс и Джон Дьюи --- в философии: Торстин Виблен, Ричард Элай и Фредерик Тэрнер --- в среде ученых: Уильям Дин Хоуэллс, Франк Норрис, Хэмлин Гарленд и Теодор Дрейзер --- в литературе. Героями дня тогда были реформисты. С мужеством и дерзанием они продвигали своих людей к твердыням демократии и с целью новых завоеваний даже прибегали к боевым вылазкам. Никогда еще, начиная с сороковых годов, не было такого брожения в среде интеллигенции; именно с этого момента упрочилось дело реформистов.

Чем же была прекрасна эта буря реформ? Что так мучило воды американской жизни? Мы уже коснулись некоторых проблем фермеров и рабочих. Но как они ни были печальны, все же они представляли собой скорее симптомы, чем причины. Проблема была не просто экономической, и ее нельзя было свести только к интересам фермеров и рабочего класса. Она затрагивала все стороны жизни американского общества.

Дело заключалось в том, что в американской жизни не соблюдались принципы, на которых она должна была покониться. Здесь, в Новом Свете, предстояло создать общество, в котором всем людям обеспечивались бы свобода и равенство, и государство, в котором повсюду охранялась бы свобода. Конечно, это было мечтой, но не пустой мечтой, да и создатели американской республики не были фантазерами, теплившими себя несбыточными надеждами. Никогда ранее в истории природа не одаряла людей такими благоприятными возможностями, никогда ранее не было больших оснований полагать, что люди смогут создать себе рай на земле. И сначала американский

народ действительно был, по словам Тюрго, «надеждой рода человеческого».

Но надежда эта не осуществилась. Американцы были лучше своих заморских современников, но были они все же хуже, чем им следовало бы быть. Материальные достижения нации были внушительными, но зато малыми были достижения в социальной и культурной областях. Вступая в обязанности президента, в своем первом обращении Вильсон сказал:

«Зло пришло вместе с добром, и немало было попорчено высококачественного золота. С богатством пришла и непростительная расточительность. Мы проматывали значительную часть того, что могло бы еще служить нам, мы не делали усилий, чтобы охранять громадные природные богатства... презирая заботливость, мы были бесстыдными расточителями и в то же время на удивление способными людьми. Мы гордились нашими промышленными достижениями, но до сих пор не относимся достаточно идумчиво к их цене, выражающейся человеческими жизнями, жизнями угасших людей, стоимостью перенапряженных и сломленных человеческих сил и теми страшными физическими и духовными издержками, понесенными мужчинами, женщинами и детьми, на которых в течение многих лет безжалостно возлагались их бремя и тяготы. Вместе с нашим великим правительством уходили многие тайные дела, которые мы слишком долго откладывали, прежде чем заглянуть в них и рассмотреть их беспристрастно и безбоязненно. Любимое нами великое правительство слишком часто было использовано в частных и эгонистических целях, а те, кто использовал его, забывал о народе».

Так случилось не потому, что злые люди причиняли зло; не потому, что сильные люди отвергали демократию и намеревались уничтожить ее; не потому, что тирания и деспотизм воцарились на месте свободы. Нет, причины были гораздо глубже. Основное затруднение было общим для всего западного мира. Наука и техника обогнали науку об обществе и государственном устройстве. Порядки и принципы,

унаследованные от аграрной республики восемнадцатого века, уже больше не отвечали требованиям урбанизированного государства двадцатого века. Это было истиной в политической области, где страх перед правительством продолжал существовать и тогда, когда только правительство могло соответствующим образом контролировать силы, которые были выпущены на свободу достижениями техники. Это было истиной и в области морали, где старые понятия о личной ответственности потеряли свою действительность благодаря парождеанию безличных корпораций. Это было истиной и в социальной области, где обычаи сельского бытия в однородном обществе уже не отвечали требованиям жизни разнородного городского общества.

Да и самый рост создавал множество проблем. Сельское хозяйство переросло определенные ей природой границы; иммигранты вливались в страну в темпах более быстрых, чем возможности их устройства; города росли так быстро, что не представлялось возможным обеспечивать всех жилищами, и они не справлялись с проблемами, возникавшими вследствие быстрого роста населения; фабричное производство увеличивалось в размерах, превышавших возможности потребления; деловой мир стал таким большим, что никто не мог в нем разобраться полностью, не мог и управлять им; некоторые люди стали такими богатыми, что не знали, как поступать с деньгами, а общество еще не научилось тому, как облегчить им их бремя.

Таковы были основные трудности, но было еще недостаточно проникательных людей, способных понять их. То, что виделось реформистам, представлялось скорее бедностью, несправедливостью, коррупцией, земельным вопросом, рабочим вопросом, женским вопросом, денежным вопросом. И они обрекли самих себя на борьбу с тучаками; они наводили порядок в политических делах; они умеряли тресты и боролись с «злодеями из среды богачей»; они вели войну с пьянством, использованием детского труда, потогонной системой; они боролись за улучшение положения индейцев, негров и «маленьких коричневых братьев» наших новых островных владений; они выдвигали новые методы в деятельности правительства — прояв-

ление инициативы, референдумы, осуществление женского равноправия, предварительные выборы кандидатов в президенты, издание законов против коррупции, установление системы заслуг; они спасали от расхищения лесные и водные ресурсы и украшали города. Возникли и процветали сотни благотворительных обществ. Печатные станки выпускали множество книг, разоблачавших несправедливости существующего порядка и предлагавших схемы лучшего устройства жизни. Редакторы журналов не щадили красок, выступая со статьями, разоблачавшими все и вся. Романисты повернулись от любовных и провинциальных романов к романам, в которых ставились проблемы и велась проповедь нравственности; поэты позабыли о своих «триолях, вилянеллях, ронделях и рондо», открыв «человека с мотыгой»; ученые сошли со своих сияющих высот, чтобы заняться социальными проблемами; проповедники вновь нашли вкус в социальной проповеди и трогали почтенных прихожан дословным чтением Нового Завета.

Все это полностью укладывалось в американскую традицию. Это выражалось протестом и возмущением условиями жизни в старой Англии, что и побудило отцов-пилигримов и пуритан переселиться в Новую Англию; сменявшие один другого колониальные вожди — Роджер Вильямс, Патанаэль Бекон, Джеймс Лейслер — когда обосновались здесь, то возмущались тиранией и деспотизмом; нация была рождена революцией, а ее национальные герои — Джефферсон, Франклин, Сэм Адамс, Томас Пэйн — были бунтовщиками не только по отношению к своей матери-родине, но они выступали и против правящих классов своей страны; большие писатели, проповедники и философы Новой Англии в сороковых и пятидесятых годах — Эмерсон, Уитьер, Гаррисон и Паркер — поднимались на борьбу за равенство и свободу. Расследовать, бросить вызов, протестовать, проверять всякие дела — все это было прирожденными свойствами американского характера.

Ни идеология, ни методы новых прогрессистов не отличались от идеологии и методов более ранних реформистских движений. Идеология утверждала полноту веры в демократию; все болячки, поражавшие

общество, приписывались недостаточному воплощению демократии; все могло быть излечено большей долей демократизма. Отсюда и уверенность в необходимости таких мероприятий, как женское равноправие, проявление инициативы, референдумы, избрание сенаторов народным голосованием. Методы были преимущественно политическими и сводились больше к улучшению деятельности уже существующих партий, чем к созданию новых: появление новых совершенно определенно тормозилось инерцией и консерватизмом старых больших партий.

В течение этих лет слились в одно два главных реформистских течения. Одно из них зародилось на аграрном Западе, было оно занято преимущественно хозяйственными вопросами и своей настоящей радикализм проявляло лишь случайными всплесками. Идеологами, представлявшими протест Запада, были Генри Джордж, автор книги «Прогресс и бедность», и Эдуард Беллами, чья книга «Оглядываясь назад» предусматривала утопическую экономику; ее политическими лидерами были Альгелль, Доннелли, Брайен и Ля Фоллет. Другое течение зародилось в восточных штатах, оно было даже английским по своему происхождению и обращенности к таким проблемам, как реформа тарифа, установление системы заслуг и антимпериализм. Его теоретиками были Е. Л. Годкин, редактор могущественной газеты «Нью-Йорк Хэйшин», Джордж Вильям Кэртис и глава Гарвардского университета Чарльз В. Эллиот; его политическими лидерами были Карл Шуриц, Абрам С. Хьюитт, Гровер Кливленд и Вудро Вильсон.

Борьба за социальную справедливость. В 1890 году один иммигрант из Дании, Джекоб Ринс, работавший репортером в газете «Нью-Йорк Сан», опубликовал свою книгу «Как живет другая половина». Это был ничем неприкрашенный отчет об условиях жизни в трущобах Нью-Йорка, с их непрерывно растущим населением, с их перенаселенностью, грязью, болезнями, преступностью, пороками, характеризовавшими быт «другой половины», плетшейся в хвосте демократии. Вскоре сотрудники газет в других городах написали подобные очерки, и народу стало ясно, что нужды

городской жизни стали не менее срочными, чем нужды деревни.

Как заметил лорд Брайс в «Америкэн Коммонвэлтс», город доказал явный провал американской демократии. Разрыв между богатством и нищетой здесь оказался наиболее вопиющим, трущобы теснились вокруг мраморных дворцов богачей, нищие преследовали посетителей у входов в роскошные рестораны. Коррупция здесь оказалась самой бесстыдной, «банды» и «кружки» обрастали жиром, пользуясь государственными средствами, торгуя общественными льготами и эксплуатируя преступность и пороки. Трактиры и дурной славы заведения здесь пользовались покровительством и поощрением со стороны политиков и кругов, извлекавших из них пользу для себя, в то время как банды преступников, вроде Хьюс и Мэлберн Бенд, в Нью-Йорке или «деятели озерного берега» в Кливленде, занимались своими грабежами и хищениями, не тревожимые вмешательством полиции. Здесь предприятия потогонной системы свидетельствовали об эксплуатации женщин, и отсутствии заботы о детях в отношении мальчиков — разносчиков газет и чистильщиков обуви. Здесь проблемы жилищ, народного здравоохранения, народного образования и работы органов власти были особенно острыми.

В первую очередь внимание реформистов было привлечено жилищной проблемой, так как она касалась не только жалких обитателей трущоб, но и всех городских жителей вообще. В годы после Гражданской войны рост городского населения значительно обогнал жилищное строительство, в результате чего началось строительство дешевых многоквартирных домов, непрочных деревянных пяти- и шестизэтажных строений, темных, плохо вентилировавшихся, грязных очагов болезней и колыбелей пороков. В одном Нью-Йорке в 1890 году примерно 500 тысяч людей проживало в таких трущобах, где смертность была в четыре раза выше, чем в более зажиточных частях города. В типичном квартале нижней части Восточной стороны насчитывалось 2.781 жителей — и на весь квартал не было ни одной ванны. Одна треть из 1.588 комнат была без света и вентиляции, а другая треть

выходила окнами в «сумеречные колоды дворов». Вот как Ринс описывает одну из трущоб южного Манхэттана:

«Предположим, что мы заглянули в одну из них, № —, что на Улице Черри. Пожалуйста, будьте хоть немного осторожнее! В темном коридоре вы можете натолкнуться на детей, занятых игрой и подбрасывающих вверх центовые монетки. Ведь, дело не в том, что можно нанести им ушибы — пинки ногой и удары кулаком включены в их каждодневное меню. Впрочем, у них мало чего другого. Вот тут коридор заворачивает, утоная в крошечной темноте; нащупывается ступенька, другая, третья. Лестница. Вы можете на ощупь почувствовать ваш путь, но видеть его вы не можете. Душно? Да. Чего же вы еще хотите? Весь свежий воздух, поднимающийся когда-либо по этим ступеням, проникает через входную, обычно захлопнутую дверь, и из окон темных спален, которые тоже получают с лестницы единственный приток воздуха. ...То была женщина, наполнявшая водой свое ведро из гидранта, о который вы только что ударились. Раковины для оглива воды расположены вдоль коридора, чтобы все жильцы могли иметь доступ к ним, и все они будут одинаково отравлены их летним зловонием. Слышите, как лязгает насос? Это он поет колыбельную песню трущобным малышам».

Борьба с трущобами была в действительности длительной кампанией, ведшейся на многих фронтах. Указывая на опасность пожаров и эпидемий, реформисты, подобно Ричарду Уотсону Гильдеру, убедили несговорчивых законодателей издать закон об уничтожении самых плохих домов и потребовать, чтобы в других была проведена соответствующая вентиляция и осуществлены меры по улучшению санитарного состояния. Неутомимые общественные работники, подобные Джейн Адамс и Лиллан Уолд, вдохновившись примером Дома Тойнби в Лондоне, построили дома для поселенцев в центрах трущоб больших городов. Некоторые из них, как, например, Дом Хэлла в Чикаго и поселок на улице Генри в Нью-Йорке, стали

известными на весь мир: незадолго до конца десятилетия было воздвигнуто почти сто таких домов, и была принята широкая и разнообразная программа помощи и мер по улучшению народного образования и здравоохранения. Для того, чтобы увести детей с улиц, вырвать их из уличных шашек и создать им более здоровые и благопристойные условия жизни, в наиболее густо населенных частях городов были устроены площадки для игр, были образованы денежные фонды для отправки детей в деревню на каникулы, для немущих была организована бесплатная выдача молока; были открыты дневные детские ясли, освободившие работающих матерей от страха за детей; Ассоциации медицинских сестер, посещающие дома, оказывали бесплатную медицинскую помощь и ухаживали за больными; организации, как, например, Христианская Ассоциация молодых людей и бой-скауты, организовывали для молодежи здоровый и нормальный отдых.

Одной из наиболее срочных проблем, занимавших внимание реформистов, была преступность, в частности их беспокоил рост правонарушений среди молодежи: в течение декады восьмидесятих годов на пятьдесят процентов увеличилось число заключенных в тюрьмах, и пятую часть среди них составляли дети. Правительство США пользовалось хорошей славой, так как проявляло свой неизменный интерес к реформам в уголовном законодательстве и к тюремным порядкам. Но невзирая на усилия таких просвещенных критиков, как Эдуард Линнигстон, Доротея Дикс и Фредерик Уайнс, уголовный кодекс во многих штатах оставался жестоким, а условия содержания в тюрьмах некоторых штатов невольно напоминали посетителям «черную яму Калькутты». Старый взгляд на природу наказания не способствовал исправлению преступников и, наоборот, делал их неисправимыми; с другой стороны, полиция совершала жестокости; в-третьих, один и тот же закон применялся значительно мягче по отношению к богатым и сильным, чем к бедным и не имевшим друзей и заступников людям. В штате Иллинойс Альтгелд, простивший «анархистов» с Сенного рынка, доказывал, что общество больше, чем отдельные личности, повинно в совершении преступлений. Он героически боролся за реформу

уголовного кодекса в своем штате. Один из его учеников, мэр города Толедо Джонс, прозванный «золотым правилом», держался того же образа мыслей и драматически подчеркивал его.

«Он всегда посещал городские тюрьмы и исправительные дома, — писал Брэнд Уитлокк, — и беседовал с беднягами заключенными так, словно он сам был одним из них... Он только и был занят все время тем, что добивался освобождения их из тюрьмы. Наконец, он заключил со мной договор, согласно которому он оплачивал судебные издержки по их делам... при условии, что я должен заняться их делами... Например, если некая бедная девушка была арестована и выдвигалось требование о предании ее суду присяжных, а ее делу оказывались такие заботы и внимание, словно она была некой богатой персоной, то полицейские, считая, что она не будет осуждена проявляли себя более внимательными в отношении свобод личности; они начинали понемногу проявлять уважение к правам человека и к человеческой жизни».

Но, конечно, такого рода меры были лишь паллиативами, а не реформами. Более важным было принятие закона об условном приговоре виновному и об установлении для него испытательного срока. Пример Томаса Молта Осборна вдохновлял власти заняться приведением в порядок некоторых наиболее отвратительных тюрем; были приняты решительные меры против сковывания цепями групп арестантов, а равно и использования их труда за денежную плату, как это широко практиковалось на Юге. Были также учреждены специальные суды для несовершеннолетних преступников. Судья Бен Линдси, в течение четверти века председательствовавший в суде для малолетних в Денвере, в штате Колорадо, привлек внимание всей страны своими успехами по пресечению преступности среди молодежи.

Одной из явных причин преступности и нищеты, как об этом думали, были трактиры. В эти годы велась энергичная борьба с пьянством, в конечном счете завершившаяся запрещением продажи спиртных

напитков во всей стране. Начало борьбы за трезвость восходило еще к первым годам американской республики, и уже до Гражданской войны тысячи людей «подписывали обязательство» о полном воздержании от напитков, а несколько штатов Новой Англии занимались опытами, воспрещаая законом продажу алкоголя. Однако, в послевоенные годы потребление пива и крепких напитков увеличилось, как увеличилось и число трактиров в городах. К 1900 году в таких городах, как Нью-Йорк, Буффало и Сан-Франциско, на каждые двести жителей приходилось по одному трактиру. Некоторые трактиры были просто «клубами бедных людей»; но многие другие отличались полным невниманием к степени трезвости посетителей, напивавшихся до потери элементарных приличий. Законы о закрытии трактиров по воскресным дням не соблюдались, их владельцы уклонялись от уплаты дорого стоивших разрешений на право торговли и повсеместно вступали в бесчестный союз с самыми отъявленными элементами политических кругов.

Желая изменить такое положение вещей, выступившая на политическую арену в 1869 году партия prohibitionистов потребовала запрета производства и продажи спиртных напитков, но ее выступления были безрезультатными. Значительно более успешными оказались такие организации, как Христианский Женский Союз трезвости, Антитрактирная лига и евангелические церкви. Политическая агитация их не удовлетворяла, и они вели непрестанную пропаганду в печати, в храмах, в лекционных залах и в школах. В течение многих лет боевым вождем prohibitionных сил был Френсис Виллард, который вторгаясь во вражеский стан, водил по трактирам дам-трезвенниц, распевавших псалмы и припадавших с молитвами на колени.

Такими способами к концу девятнадцатого века были «высушены» семь сельскохозяйственных штатов, а многим другим был предоставлен «местный выбор» — желают ли они или нет запрещения продажи напитков. В течение первых лет двадцатого века дело prohibitionистов продвинулось далеко вперед, и к началу Первой мировой войны две трети населения жили под действием сухих законов. Упорствовали только

города. Удалось ли бы сторонникам сухих законов овладеть крепостью в нормальное время — неизвестно. Но мировая война сыграла им на руку. В начале войны Конгресс, по соображениям экономии, морали и производительности труда запретил производство и продажу спиртных напитков, и еще до истечения срока действия этого закона, запрет был внесен в федеральную конституцию. Так продолжалось свыше десяти лет, но «благородный эксперимент» не удался. В 1933 году запрет был отменен, и вопрос о его дальнейшей судьбе был передан на усмотрение штатов.

Штаты определяют пути. История всех этих реформистских движений привела к безошибочному выводу: частные лица и организации могут добиться немногого, если не воспользуются помощью законодательства. Обескураженная неудачами в своей частной благотворительной деятельности, Джозефина Шоу Лоуелл, основательница Нью-Йоркского Благотворительного Общества и участница других благотворительных начинаний, решила отойти от этих дел. «Я думаю», — объясняла она, — «что имеется много других более важных дел, которые требуют своего осуществления ради пользы трудящихся. В этом городе работает пятьсот тысяч наемных рабочих, из них 200.000 женщин, а 75.000 работают в ужасных условиях, или получают плату, обеспечивающую жизнь впроголодь. Это важнее 25 тысяч иждивенцев... Если трудовой народ имел бы все, что он должен иметь, то у нас не было бы нищих и преступников. Лучше спасать их раньше, чем они пойдут ко дну, чем тратить наши силы на вылавливание их тогда, когда они уже наполовину утонули, и затем возиться с ними».

Благотворительность была лишь паллиативом, и благотворители, обычно сомневающиеся в пользе правительственного вмешательства, кончили тем, что с пашкой в руке явились в законодательные палаты просить о помощи. Ликвидация трущоб, реформа тюрем, спасение детей, запрещение спиртных напитков требовали издания новых законов. И если было желательно добиться чего-либо существенного, то нужно было действовать при содействии государственных учреждений.

Свои первые большие битвы реформистское движение проводило в отдельных штатах, продолжавших оставаться полями сражений и после того, как отдельные вопросы стали решаться в общегосударственном масштабе. В силу особенностей американской конституции такая передача дел на рассмотрение федеральных властей не могла случаться слишком часто, поскольку штаты обладали собственной юрисдикцией почти по всем вопросам общественного характера. Рабочее время и заработная плата, условия фабрично-заводского труда, оказание помощи женщинам и детям, тюрьмы, исправительные школы и благотворительные учреждения, народное образование, избирательное право, местное самоуправление — все эти вопросы находились в ведении не федерации, а отдельных штатов. Конечно, реформы «Нового курса» все это изменили, но понадобились всенародное несчастье и смелый президент, который провел эти изменения, преодолев решительное сопротивление со стороны Верховного Суда.

Штаты, между прочим, были лабораториями реформ. Именно в них сперва проводились опыты, которые затем вели к реформам в общегосударственном масштабе; здесь, в штатах, реформы находили себе принципиальное оправдание или же провалом доказывали свое практическое несоответствие. Штаты были также школами, в которых учились реформисты, выходявшие затем на общегосударственную арену. Перед тем как отправиться в Вашингтон, Теодор Рузвельт прошел школу в Нью-Йорке и Олбани; прежде чем применить свои знания в рамках всего государства, Ля Фоллет изучил экономику железных дорог и управление трестами в Висконсине; прежде чем стать президентом США, Вильсон побывал губернатором штата Нью-Джерси, где завоевал себе репутацию либерала; Альберт Камминс, Джордж Норрис и Франклин Д. Рузвельт прошли подготовку в своих штатах.

Какова же была природа реформ, осуществленных в отдельных штатах? Многие штаты были заняты демократизацией политической жизни — проявление инициативы, референдум, прямые выборы кандидатов в президенты, прямые выборы в Сенат США, законы о борьбе с коррупцией, положение о местном

самоуправлении и женское равноправие. Другие реформы преследовали хозяйственные цели: регламентация деятельности трестов и железных дорог, налоговые реформы, регулирование рабочего времени и условий труда, компенсация рабочим по несчастным случаям, запрещение детского труда. Кроме того, им сопутствовали иные мероприятия, имевшие широкое социальное значение: реформы народного образования, заботы о народном здравии, охрана природных богатств.

Ближайшей проблемой являлось установление контроля над органами власти. Щекогливым был вопрос о том, правительство ли штата или органы местного самоуправления были больше подвержены коррупции. Везде поле для коррупции было широким и заманчивым, а возможности получения мзды были почти безграничными. Законодательные палаты штатов и городские советы выдавали разрешения на организацию весьма доходных предприятий коммунального обслуживания, устанавливали тарифы на этих предприятиях и на железных дорогах, контролировали деятельность страховых учреждений, оценивали недвижимость и устанавливали размеры ее обложения, предоставляли выгодные контракты на постройку шоссе и дорог, могли покровительствовать трактирам или закрывать их. Дело шло о многих сотнях миллионов долларов, и деловые круги были готовы щедро платить за благосклонность властей, освобождение от разных обязательств и покровительство. Плата за такие услуги производилась не всегда в формах откровенного взяточничества: она могла принимать форму политической поддержки выдвиженцам, или как пожертвование в фонд предвыборной кампании, или под видом легальной деятельности «обращенных в веру» адвокатов. Но какую бы форму взяточничество ни принимало, оно обычно было эффективным, в чем, к своему ужасу, реформисты могли не раз убедиться.

Суд присяжных, занимавшийся в начале двадцатого века разбором дел в штате Миссури, пришел к заключению, что «в течение двенадцати лет... коррупция была обычной и принятой в законодательных кругах штата, при чем — без вмешательства и каких-либо помех». Такое же обвинение, в то или иное вре-

мя, могло быть выдвинуто против почти каждого штата Америки. От Нью-Гемпшира до Калифорнии и от Нью-Мексико до Монтаны, законодатели продавались с торгов. Повсюду крупные корпорации имели своих закулисных «толкачей», занимавшихся бесстыдным подкупом, а если подкуп не удавался, тогда они прибегали к шантажу. Как рассказывает Уинстон Черчилль в своей книге «Коннстон и карьера мистера Круэ», в штате Нью-Гемпшир высшей властью были железные дороги; в сильном романе Франка Порриса о жизни Калифорнии «осьминогом» была Южная Тихоокеанская железная дорога. «Короли меди» покупали Монтану; железные дороги и страховые компании купили всю нижнюю палату штата Нью-Йорк. Даже в таких малых пограничных штатах, как Нью-Мексико, безраздельно господствовал бесчестный союз двух или трех железных дорог, угольных или медных компаний, спекулянтов землей и лесами и владельцев скотоводческих ферм. Угольные компании захватывали тысячи акров богатых минералами земель, лесные компании грабили государственные леса, скотоводы пасли тысячи голов крупного рогатого скота и овец на общественных угодьях, железные дороги и рудники отменяли законы о труде, и все они уклонялись от уплаты налогов.

Было бы слишком сложно рассказывать и повторять подробно о всех обстоятельствах борьбы с коррупцией или пытаться проследить за всем ходом политических реформ в разных штатах. История одного содружества, хотя и в несколько оптимистических тонах, иллюстрирует то, что в широком плане происходило во всех штатах. В восьмидесятых годах 19-го века Висконсин был процветающим и просвещенным штатом, но его правительство было в руках трех боссов — Босса Кийеса, миллионера, владевшего крупными лесопильными предприятиями, Филетуса Сойера и железнодорожного адвоката Джона Спунера. Они господствовали над политической жизнью штата посредством предварительных закрытых собраний политических лидеров и системы партийных съездов с выборами кандидатов и выработкой программ. Весь штат, по словам Фредерика С. Хоу,

«был феодальным имением железной дороги, лесопромышленников и владельцев различных отраслей промышленности, которые при помощи аппарата чиновников федеральных учреждений выдвигали кандидатов и избирали губернаторов, в свою очередь употреблявших свою власть для обогащения своих благодетелей. Тем же целям служило покровительство богатым в рамках Федерации и отдельных штатов. Собиравшаяся каждые два года сессия законодательных палат была карнавалом, приносившим прибыли немногим. Политика была привилегированным занятием, желающие заняться ею должны были получить предварительное одобрение со стороны аппарата штата. Мало кто верил в возможность каких-либо иных методов властвования, никто не покушался нарушить засилье олигархии, распределявшей как выборные должности, так и посты, получаемые по назначению, для обеспечения ее политической и промышленной мощи. Организованного протеста не было. Печать же была либо безразлична, либо находилась под контролем корпораций».

Взволнованный реформами, проводившимися в восьмидесятых годах в степных штатах, и только что выпущенный из университета своего штата, молодой Роберт М. Ля Фоллет решил принять в них участие. Не располагая поддержкой со стороны аппарата штата, он пробил себе дорогу в Конгресс и в течение четырех последовательных сроков оправдывал доверие, которое ему оказали полюбившие его избиратели. Потерпев поражение на выборах 1890 года, принесших огромное большинство демократам, Ля Фоллет окунулся в политическую жизнь своего родного штата. У него было много сторонников, но политический аппарат не желал вести с ним дела; три раза подряд находившиеся в руках боссов партийные съезды проваливали его кандидатуру и избирали более подходящих боссам кандидатов. Жизненный опыт убедил Ля Фоллета в необходимости ликвидировать систему закулисных собраний политических лидеров и систему партийных съездов, введя всепартийные прямые выборы кандидатов.

Наконец, в 1900 году нерасположенный к «задорному Бобу» партийный съезд был вынужден выдвинуть его кандидатуру, и его избрание губернатором было для него подлинным триумфом. В течение последовавшей четверти века, с небольшим перерывом во время войны, он и его последователи господствовали в штате и превратили его в самый демократический, самый прогрессивный и лучший всех других управляемый штат Америки. «Висконсиннанская идея», сформулированная и осуществленная Ля Фоллетом, в течение первых десяти-двенадцати лет XX века не была какой-то мимолетной доктриной, но являлась целесообразной и последовательной программой. Она расширила поле демократии благодаря введению прямых выборов кандидатов, инициативы и референдума, права отзыва всех, за исключением судей, должностных лиц, пресечению подкунов во время выборной кампании, публикации сведений о расходах на предвыборные кампании и ограничения фондов для них, местного самоуправления, упорядочения гражданской службы и создания бюро экспертов в помощь управительным органам. Для того, чтобы защитить граждан штата от эксплуатации корпорациями, Ля Фоллет образовал комиссию, регулировавшие тарифы железных дорог и других предприятий общественного обслуживания, обязал железные дороги и крупные лесопромышленные компании выплачивать причитающуюся с них долю налогов и возместить все недонмки по налогам за прошлые годы, когда они уклонялись от уплаты; установил подоходный налог в штате и страхование штатом вкладов в сберегательные банки. Для ограждения интересов рабочего класса были изданы законы о компенсации пострадавших от несчастных случаев, запрещении детского труда и ограничении рабочего времени для женщин. Содействие сельскому хозяйству осуществлялось путем снижения железнодорожных тарифов, охраны природы, развитием гидроэнергетики и энергичной поддержкой связанных с университетом штата опытных станций и показательных хозяйств.

Весьма интересно проследить за тем, как Ля Фоллет превратил университет в нервный центр штата. Президент университета Ван Хайз, который сам был за-

мечательным ученым, из расположенной на берегах озера Мендота школы создал один из самых замечательных факультетов, имеющих где-либо в других вузах мира. Но важнее всего было установление им понятия о том, что задачей университета является обслуживание населения штата. Посланные университетом экономисты служили на железных дорогах и в налоговом ведомстве; государственники составляли законопроекты; историки занимались изучением местной истории; сельскохозяйственный факультет обучал фермеров приемам животноводства и производил научные исследования, давшие возможность фермерам штата и федерации сэкономить сотни миллионов долларов, и был главным орудием превращения Висконсина в Данию Нового Света.

Здесь производились опыты по практическому применению прогрессивных идей, привлекавшие к себе интерес всей нации. Ля Фоллет показал, что реформе не нужно доктринерство, что ученый и студент могут внести свою лепту в текущую политику. Он показал, как штат может регламентировать деятельность предприятий коммунального обслуживания, не навлекая на себя обвинений в социализме, и как такая регламентация может быть выгодной и предприятиям, и обществу. Он выявил возможности превращения штата в лабораторию для проведения политических экспериментов и указал путь не только другим штатам, но и нации в целом.

Теодор Рузвельт и Сквер Дил (справедливое распределение). Как бы ни были замечательны достижения таких штатов, как Висконсин, все же было ясно, что большая часть проблем, вставших перед реформистами, не могла быть решена в отгороженных друг от друга территориях федерации. Только в том случае, когда реформы задуманы в общегосударственном масштабе, они могут быть эффективными, и только у общенациональной власти имеется достаточная мощь для их успешного проведения в жизнь. Конгресс уже ввел в действие несколько законов умеренно прогрессивного характера — изданный в 1883 году Акт Пендлтона о гражданской службе, Акт 1887 года о торговле между штатами, Акт 1890 года, направлен-

ный против трестов, принятый в 1898 году Акт Эрдманна об арбитраже рабочих конфликтов на железных дорогах. Но эти и подобные им законы были мало эффективными по двум причинам: они не шли достаточно далеко и не было строгого их исполнения. Короче говоря, они представляли собой жесты и подачки, которые Конгресс с неохотой сделал для успокоения общественного мнения.

В течение примерно тридцати лет, федеральное правительство находилось преимущественно в руках республиканских лидеров, молчаливо придерживавшихся свойственной тому времени идеи полной экономической свободы и относившихся с безразличием к большей части новейших социальных и экономических требований. Они неизменно благоприятствовали крупному капиталу, хотя в то же время издавали законы о щедром вознаграждении пенсиями ветеранов Гражданской войны. Влиятельные кланы и группы, обладавшие своими особыми интересами, оказывали почти непреодолимое давление на правительство. Республиканские президенты — Грант, Хэйес, Гарфилд, Артур, Гаррисон, Мак-Кинли — были способными и уважаемыми людьми; у Хэйеса и Гарфилда были сильно выраженные либеральные тенденции; но в целом, все они были лишены дальновидности и творческого порыва. Лишь один демократический президент, Кливленд, обладал сильным характером, неукротимым мужеством и программой реформ, преследовавших общественные интересы. Он реформировал федеральные министерства, потребовал от корпораций возвращения захваченных ими земель государственного фонда, боролся против раздачи субсидий штатам и против других особых законов, упорядочил гражданскую службу и даже добился через Конгресс уменьшения тарифа, сочетав его с законом о подоходном налоге, но этот закон был вскоре отменен Верховным Судом. Но пребывание Кливленда у власти было беспокойным и мимолетным. Крупные промышленные штаты и в известной мере штат Вашингтон в действительности находились под контролем таких людей, как Платт в Нью-Йорке, Куэй в Пенсильвании, Ганна в Огайо, не претендовавших на роль государственных деятелей или на что-либо иное, кроме обслуживания интере-

сов своих хозяев и выплаты вознаграждений своим приспешникам из партийной среды. В своем большинстве конгрессмены были наемниками партий, они заполняли своими ораторскими выступлениями «Вестник Конгресса» и, одевшись в сюртуки и цилиндр, украшали собой не одну праздничную трибуну. Но средний американец с трудом мог бы воскресить в своей памяти хотя бы один единственный принятый ими закон, который сколько-нибудь менял ход американской истории.

Аграрные силы, находившиеся под руководством сперва Уивера, а затем Брайена, не на шутку испугали старую гвардию обеих партий; во многих штатах назревал бунт, указывавший на то, что нельзя откладывать реформы на долгий срок. Затем пришла война с Испанией, и временно реформы были преданы забвению. Кампания 1900 года велась вокруг такого нереального вопроса, как империализм: Мак-Кинли, сумевший поправиться обем противостоявшим сторонам, с триумфом был переизбран президентом, в то время как Брайен провалился во второй раз. Казалось, что вместе с дальнейшим подъемом благосостояния страна будет в течение долгого времени продолжать опыт, основанный на молчаливом согласии с философией существующего строя.

Затем, 6 сентября 1901 года, в Мак-Кинли стрелял один анархист; через неделю Мак-Кинли скончался, и с его смертью, сразу же изменилась вся картина американской политической жизни. В молодом Теодоре Рузвельте, который стал президентом в столь драматической обстановке, страна обрела лидера замечательной динамики и мощи, а прогрессивное движение — общенационального вождя. Рузвельт родился в богатой семье, вращался среди состоятельных людей Востока, получил высшее образование в Гарварде. Но был он насквозь демократом, страстно заинтересованным в реформах. В то же время он был политическим реалистом, пламенным националистом и правоверным республиканцем. После Джефферсона он был наиболее разносторонним из американских президентов, хотя ему и не были свойственны интеллектуальная глубина, тонкость, философский идеализм и дальновидность Джефферсона. Он занимался ското-

водством, охотился за крупным диким зверем, написал многочисленные книги, служил в законодательных учреждениях штата Нью-Йорк, управлял полицией Нью-Йорка, способствовал упорядочению федеральной гражданской службы, руководил военно-морским флотом, воевал на Кубе и оказался первоклассным губернатором. Читал он обо всем, интересовался всеми людьми, имел мнение по любому вопросу. Он умел отливать мысли во врезающиеся в память фразы, его горячность, энергия и красочность слога помогли ему стать чрезвычайно убедительным защитником гражданских прав. Подобно Эндрью Джексону, он обладал гениальной способностью завоевывать доверие простого человека и умел наполнить драматизмом борьбу, которую он вел. Также подобно Джексону, он считал, что президент ближе к народу, чем Конгресс, и что исполнительная власть — главное средство для достижения доверия. Но в противоположность Джексону, он без подозрительности относился к экспертам на гражданской службе.

На протяжении одного года Рузвельт показал свое понимание великих перемен, происходивших в Америке, намереваясь действовать так, как подобает государственному деятелю. Он не был радикалом, но просвещенным консерватором; он не желал революционной ломки существующего экономического строя и стремился спасти его путем устранения внедрившихся в него злоупотреблений. Он был полон решимости доказать, что правительство стоит выше интересов капитала и готово приобщить простого человека к более справедливому распределению экономических благ.

В этих своих начинаниях Рузвельт воспользовался общественными настроениями, порожденными движением народников, стремлением к прогрессу, исходившему из штатов и городов, и смелой группой писателей-разоблачителей, бичевавших в своих книгах и журнальных статьях взяточничество и продажность, злоупотребления капиталистов, социальные язвы, подавление расовых меньшинств и множество иных зол, отравлявших американскую жизнь. Сами по себе разоблачители не были орудием реформ, но их изуми-

тельная популярность была симптомом того, что общество созрело для восприятия их проповеди.

«Величественное развитие индустриализма», — говорил Рузвельт, — «обозначает необходимость усиления контроля со стороны правительства над капиталистическими предприятиями». Вводя в силу направленные против трестов законы, Рузвельт преподал пример такого «усиления контроля». Его выше отмеченные действия против комбината, образованного Северной Гарантийной Компанией, и против нефтяных и табачных трестов, и создание Бюро корпораций в качестве наблюдающего политического органа научили капиталистов настоящему уважению к правительству.

Но тресты никоим образом не были единственными группами, почувствовавшими его «большую палку». Распространение правительственного контроля на железные дороги явилось одним из наиболее примечательных достижений президентства Рузвельта. Сам Рузвельт называл регламентацию деятельности железных дорог «первостепенным вопросом» и, оказывая непрестанное давление, он добился принятия двух важных законопроектов о регламентации деятельности компаний. Изданный в 1903 году закон Элкинса положил в основу законности опубликование тарифов во всеобщее сведение и сделал отправителей наравне с железными дорогами ответственными за скидки, и на основе этого закона правительство успешно преследовало крупные чикагские мясозаготовительные компании и нефтяную компанию Стандарт Ойл. Еще более важным был изданный в 1906 году закон Хэнберна, который предоставил Междоштатной Торговой Комиссии настоящую власть в установлении тарифов, распространил юрисдикцию Комиссии на склады и оборудование конечных станций железных дорог, спальные вагоны, транспортные конторы, нефтепроводы и вынудил железные дороги к отказу от интересов, связывавших их с пароходными линиями и угольными компаниями. К концу президентства Рузвельта скидки исчезли из практики, и железнодорожные тарифы перестали быть тягостной проблемой.

Применение «большой палки» в трудовых конфликтах было драматичным и значительным по своему мо-

ральному эффекту. По настоянию президента Конгресс включил правительственных служащих в число лиц, имеющих право на получение компенсаций по Акту для рабочих, принял закон о запрещении детского труда в округе Колумбии и закон об обеспечении безопасности на железных дорогах, и сам президент озабочен был тем, чтобы был введен восьмичасовой рабочий день в правительственных учреждениях, который кое-кому казался чем-то вроде насмешки. Еще поразительнее оказалось вмешательство Рузвельта в большую забастовку угольщиков, происшедшую в 1902 году. Возглавлявшееся молодым Джоном Митчеллом Объединение рабочих угольной промышленности одержало успех, добившись от предпринимателей значительных уступок. Когда же владельцы предприятий решили отменить их, то рабочие прибегли к забастовке. Во главе углепромышленников был тогда представитель палеонтологической эры американской промышленности, Джордж Бэйр, который заявил, что «права и интересы трудящегося человека будут защищаемы и оберегаемы не агитаторами из рабочей среды, а христианами, которым по Своей бесконечной мудрости Бог даровал собственность на орудия производства в стране». Когда они отказались от арбитража, то дело стало складываться так что на пороге зимы страна должна была остаться без топлива. Такой оборот дел вызвал вмешательство Рузвельта, угрожавшего послать в шахты солдат и взять управление шахтами в руки правительства, если хозяева предприятий не сговорятся с рабочими. Угроза подействовала. Рабочим была повышена заработная плата и сокращено рабочее время.

Для среднего американца постоянный интерес представляло законодательство, обеспечивающее доброкачественность продовольствия и медикаментов, которое было внесено в кодексы в 1906 году. В течение многих лет мясозаготовительные фирмы, поставщики продовольствия и фармацевтическая промышленность продавали фальсифицированные продукты и вредные медицинские средства и патентованные лекарства. Ряд разоблачений, сделанных старшим химиком министерства земледелия, доктором Гарни Уайли, и писателем Антоном Сиклером в его книге «Джунгли» относи-

тельно ужасающих условий на чикагских скотобойнях, вызвал всеобщее народное негодование. Конгресс ответил на них Актом об организации инспекции мясных продуктов и Актом, обеспечивающим доброкачество продуктов питания и медикаментов, которые способствовали ликвидации наиболее вопиющих злоупотреблений.

Но самым важным достижением Рузвельта во внутренней политике было проведение мероприятий по охране природных богатств. В течение долгого времени страну вводили в заблуждение концессией неистощимости ее лесов и земель. В конце девятнадцатого века она очнулась, обнаружив, что исчезли три четверти ее лесов, что значительная часть ее минеральных богатств оказалась использованной, что водная энергия находилась в эксплуатации частными предпринимателями, что почвы размыты наводнениями или засыпаны песками. Любовь Рузвельта к природе и его знакомство с Западом пробудили в нем интерес к охранительным мероприятиям. В своем первом послании Конгрессу он заявил, что «проблемы лесного и водного хозяйства являются самыми жизненно важными проблемами внутренней политики США». Он рекомендовал принять широкую программу охраны и мелиорации земель. Воспользовавшись Актом 1891 года о создании занасного государственного лесного фонда, Рузвельт выделил в него около 150 миллионов акров земли и изъял из общественного пользования еще 85 миллионов акров на Аляске и Северо-Западе под предлогом необходимости изучения их лесных и минеральных богатств. В то же самое время он поставил охрану леса под контроль энергичного и просвещенного Джибфорда Пинчота. Мелиорационный Акт 1902 года предусматривал проекты создания в широком масштабе оросительных систем за счет федерального правительства и под его наблюдением, и в соответствии с этим актом вскоре были начаты работы по сооружению Большой плотины имени Рузвельта в Аризоне, Эрроурокской плотины в Айдахо и Элефент-Бюттской плотины на Рио Гранде. Все это, конечно, было лишь началом, но были созданы прецеденты, а у общества пробудился интерес к ним, что впоследствии создало возможности выработ-

ки дальнейших, более широких программ преемниками Рузвельта.

К 1908 году Рузвельт закончил, как свой первый, доставшийся по наследству от Мак-Кинли срок, так и второй, когда он сам был избран президентом. Он находился в зените своей популярности и мог бы, если бы того пожелал, быть избранным еще на один срок. Но он постеснялся нарушить традицию, не позволявшую стать президентом в третий раз, и вместо этого воспользовался возможностью указать себе преемника, который продолжал бы «его политику». Его выбор пал на образованного и способного Вильяма Хоуэрда Тафта; этот выбор был сперва утвержден съездом республиканской партии, а затем всенародным голосованием, состоявшимся после бесцветного состязания с Брайеном.

Тафт был одно время судьей выездной сессии суда, а затем генерал-губернатором Филиппин и военным министром. На всех этих административных постах он отлично справлялся со своими обязанностями, но ни на одном из них не проявил политического таланта или сколько-нибудь подлинно динамичного либерализма. Действительно, он стремился продолжать программу Рузвельта, и его достижения нельзя недооценивать. Он продолжал преследовать тресты, повысил значение Междунатной Торговой Комиссии, учредил почтовые сберегательные кассы и организовав отправку посылок почтой, усовершенствовал систему выслуг на гражданской службе и проявил свою инициативу по проведению двух изменений в федеральной конституции. Одним из них устанавливались прямые выборы сенаторов, а другим вводился подоходный налог. Против этих прогрессивных нововведений были направлены политика и выступления консерваторов реакционного толка. Самыми удивительными из них были: принятие тарифа, покровительственные параграфы которого вызвали возмущение в среде либералов, увольнение в отставку возглавлявшего Лесное управление Пинчота, оппозиция предложению Аризоне прав штата на том основании, что в ее конституции предусматривался отзыв судей народным голосованием, и все более нараставшая тен-

денция опираться на ультраконсервативное крыло партии.

Благодаря политике Тафта, около 1910 года в партии возник глубокий раскол, и получив на выборах огромное большинство голосов, демократы установили свой контроль в Конгрессе. Желая предоставить своему преемнику свободные руки, Рузвельт отправился в Африку охотиться на львов. А в эти дни народная песенка так выражала надежды его последователей:

Тэдди, вернись домой и затруби в рог,
Овцы на лугу, коровы в кукурузе.
Парень, оставленный тобой смотреть за овцами,
Крепко спит под стогом сена.

После триумфального путешествия по Европе, Рузвельт вернулся в США, и такие республиканцы, как Ля Фоллет и Нинют, поспешили излить ему свое негодование. Рузвельт внимательно выслушал их, но не выразил готовности к действиям. Зато Ля Фоллет был к ним готов. В 1911 году он начал кампанию за выдвижение Рузвельта кандидатом от республиканцев. Его кампания вызвала такую широкую поддержку, что Рузвельт решил реализовать ее. В начале 1912 года он объявил — «моя шляпа в ринге». Затем последовала оживленная кампания, в которой соревновались Рузвельт и Тафт. Первый получил поддержку от народа, а второй от большинства делегатов съезда. На съезде в Чикаго партийный «паровой коток» раздавил горластых сторонников Рузвельта и выдвинул Тафта кандидатом в президенты. Рузвельт назвал решения съезда «грабежом среди бела дня» и обещал начать борьбу за кандидатуру под флагом независимых. Через несколько недель двадцать тысяч его восторженных последователей собрались в Чикаго, основали прогрессивную партию и избрали своего любимого вождя кандидатом в президенты.

С нескрываемым восторгом демократы наблюдали за событиями в лагере республиканцев. В течение долгих лет они с Брайеном странствовали по политической пустыне; теперь же они обрели проблеск надежды на приход в обетованную землю. Напряженным было

соревнование при выборах кандидата от демократов. Консерваторы объединились вокруг «старого боевого коня» — Чэмпа Кларка из Миссури, в то время председателя Палаты Представителей; либералы горячо поддерживали кандидатуру повичка Вудро Вильсона, губернатора штата Нью-Джерси. В конечном счете избранник был определен Брайеном, тем самым неудачником Брайеном, который не сумел добиться для себя президентского поста, но теперь, в самый драматический момент своей карьеры, сумевшим выдвинуть Вудро Вильсона на пост следующего президента США.

ГЛАВА 18

ПРЕВРАЩЕНИЕ США В МИРОВУЮ ДЕРЖАВУ

Новая мощь и новые горизонты. Когда мы рассматриваем политическую историю США в течение первых тридцати лет после окончания Гражданской войны, то наталкиваемся на целый ряд драматических явлений: послевоенное восстановление хозяйства, движение Защитников сельского хозяйства, ликвидацию системы раздачи государственных должностей членам победившей на выборах партии, борьбу вокруг тарифов, возникновение движения народников, рост прогрессивных течений. Когда мы рассматриваем историю промышленного развития, то обнаруживаем эру, не менее богатую разными явлениями: созданием могущественных железнодорожных компаний, ростом трестов, зарождением новых видов промышленности и достижениями таких ее великанов, как Рокфеллер, Карнеги, Морган и Хилл. Контраст представляли международные отношения США, едва находившие свое отражение в хронике. Только два или три эпизода, оставившие свой след, произошли за годы между вызванным давлением американцев уходом французов из Мексики в 1867 году и потоплением боевого американского корабля «Мэйни» на рейде в Гаване в 1898 году. «Каким у нас могут быть дела за грани-

цей?» — восклицал в те времена местнически настроенный конгрессмен.

Но международное поле деятельности было более важным, чем казалось, ибо стали возникать некоторые неустранимые явления, прямо касавшиеся каждого американца. США становились настоящей мировой державой, весьма заинтересованной в поддержании мира, порядка и благоденствия семьи народов, становившихся все более и более зависимыми друг от друга. Особенно озабочены были США своими отношениями с Великобританией. Доктрина Монро, расширение торговли, а после 1899 года и переход к политике «открытых дверей» на Востоке потребовали, чтобы океаны находились под господством миролюбивых держав, и вследствие общности своих деловых интересов и стремления к укреплению и распространению демократии, США устремились к установлению более тесных взаимоотношений с Великобританией. В то же время США приняли более выраженный курс покровительственной политики в отношении Латинской Америки. Поскольку сбыт промышленных товаров и приобретение сырья предъявляли свои требования, США стали уделять больше внимания развитию заокеанских рынков. Исходя отчасти из торговых и стратегических интересов, отчасти по идеалистическим мотивам и отчасти из гордости своей мощью, США повернули в сторону бурной экспансии за моря.

Уже задолго до испано-американской войны США начали выявлять понимание своего положения как настоящей мировой державы. При президентах Артуре и Кливленде США приступили к постройке мощного современного военно-морского флота. В 1890 году «белая эскадра» была предметом особой национальной гордости. Общая стоимость экспорта из США около 1880 года была свыше 835.000.000 долларов, а двадцать лет спустя, она достигла примерно 1.400.000.000 долларов. Ни одна нация не могла бы экспортировать такое количество товаров, не будучи живо заинтересованной в международных делах. В первое время после Гражданской войны былая жажда экспансии почти полностью исчезла. После покупки Аляски в 1867 году большинство граждан осознало,

что американский флаг развевается над достаточно просторной территорией, и усилия Гранта аннексировать Сан Доминго были отвергнуты в Сенате подавляющим большинством голосов. Но постепенно стали нарастать опять экспансионистские настроения. Когда Германия пыталась наложить свои жадные руки на острова Самоа, то США, совместно с Великобританией, заняли здесь твердую позицию, защищая свои права. Над островами Самоа был учрежден протекторат трех держав, а в конце столетия США заняли все острова, за исключением двух, самых крупных островов, получив при этом гавань Паго-Паго, приобретения которой они давно добивались. На Гавайях, где американцы установили свой контроль над сахарной промышленностью, США приобрели в 1887 году исключительное право пользования не имеющей цены гаванью Перл-Харбор, где была создана военно-морская база. Шестью годами позже почти удалась попытка аннексировать Гавайи, но вторичный приход к власти Кливленда задержал аннексию, так как президент с основанием считал неподходящим намеченные способы действий. Но затем Гавайские острова контролировались американскими резидентами до 1898 года, когда они были окончательно включены во владение США. Тем временем, в 1889 году, США созвали около двадцати южно-американских республик на первую Панамериканскую конференцию в Вашингтоне. Все дальше и дальше за пределы США стало распространяться американское влияние.

В течение тридцати лет после Гражданской войны большая часть внешних споров у США возникала с Великобританией — единственной другой великой державой Западного полушария. Некоторые из споров были трудными для разрешения. Но многозначителен тот факт, что все они были урегулированы путем арбитража или решениями юридических комиссий, что способствовало улучшению англо-американских отношений.

Внимательным был полный список дружественных соглашений между США и Великобританией. Во время Гражданской войны Великобритания вызвала к себе сильный антагонизм на Севере США. Но многое в этих чувствах было необоснованным: признание Вели-

кобританней конфедератов в качестве воюющей стороны было естественным, британский военно-морской флот проводил политику, в целом благоприятную Северу, и массы британского народа, даже в сильно страдавших округах Ланкашира, были на стороне Линкольна. Но недружелюбие со стороны торн и опустошения, причиненные построенными или оборудованными в Великобритании крейсерами конфедератов, долго вызывали гнев северян. Один момент казалось возможным столкновение с Англией, когда такие лидеры, как фанатик Чарльз Самнер, нажимали, требуя непомерно больших компенсаций за нанесенный ущерб. К счастью, в лице Гамильтона Финна США тогда имели одного из самых мудрых государственных секретарей. Под его руководством был выработан арбитражный план удовлетворения американских претензий по возмещению убытков, нанесенных «Алабамой» и другими крейсерами южан.

В Женеве приступил к работам первый в новейшей истории международный трибунал; он исчерпал все спорные вопросы, присудив Соединенным Штатам 15.500.000 долларов; Великобритания быстро выплатила эту сравнительно умеренную сумму. В то же время был разрешен путем арбитража возникший между США и Канадой пограничный спор относительно нескольких островов вблизи от северо-восточного побережья Сев. Америки. Через несколько лет возник спор о правах на ловлю рыбы в северной части Атлантического океана, который был урегулирован решениями смешанной комиссии. В конце восьмидесятых годов возник новый спор о том, имеют ли канадцы право охотиться на тюленей у Аляски в Беринговом море. Государственный департамент с большой самоуверенностью настаивал на том что эти воды представляют собой закрытое море, находящееся исключительно в американской юрисдикции. И на этот раз конфликт был передан на рассмотрение в международную арбитражную комиссию, которая решила его в пользу англичан.

Самым выдающимся было урегулирование спора о венесуэльской границе, вспыхнувшего с таким драматизмом в последние дни 1895 года и угрожавшего крупными осложнениями. Возник этот спор с потре-

сающей внезапностью. 16 декабря 1895 года в США и Англии было очень мало таких людей, которые могли мечтать о сколько-нибудь серьезных трениях между обеими странами. А 17 декабря общественное мнение обеих стран, словно ударом молнии, было поражено новостями о том, что президент Кливленд отправил Конгрессу послание, в котором заключалась угроза войны против Великобритании. Как стало возможным такое послание?

Уже в течение долгого времени оставался нерешенным вопрос о границе между Британской Гвианой и Венесуэлой. Несколько раз Соединенные Штаты предлагали свои любезные услуги для разрешения этого вопроса. Но претензии венесуэльцев были до абсурда преувеличенными, а англичане отказывались от арбитража по этим претензиям, за исключением территории к западу от намеченной лет за пятьдесят до этого так называемой линии Скомбургка. Многие американцы стали подозревать англичан в намерении захватить земли, принадлежащие слабой нации. Наконец, летом 1895 года Государственный департамент послал в Лондон то, что Кливленд называл «нотой двадцатидюймовой пушки», в которой Великобритания обвинялась в фактическом нарушении доктрины Монро. Эта нота требовала категорического ответа на вопрос об арбитраже. «Сегодня Соединенные Штаты на практике являются сувереном этого континента» — так утверждалось в ноте. Когда был получен долго задержавшийся британский ответ, то в нем содержалось утверждение, что спорная граница не имеет ничего общего с доктриной Монро; отмечая некоторые исторические ошибки, содержащиеся в американской ноте, англичане еще раз отказались от арбитража. Кливленд был выведен из себя. Он немедленно же отправил Конгрессу послание, в котором требовал срочной отправки в Венесуэлу комиссии для установления точной линии границы; по завершению работ этой комиссии США «должны сопротивляться любым, имеющимся в их распоряжении средствами» любым покушениям на землю, закрепленную за Венесуэлой.

Был момент, когда многие боялись, как бы не произошло худшее, а ура-патриотические элементы в Америке остро переживали свой большой день. Но

эпизод завершился вполне благополучно. Британский народ и его правительство проявили замечательную выдержку, а появившаяся в самом начале 1896 года телеграмма немецкого императора вождю буров Крюгеру отвлекла их внимание от других новостей. Влиятельные американские газеты во главе с «Нью-Йорк Уорлд» осудили опрометчивый поступок Кливленда. Коммерческие и религиозные организации также восстали против Кливленда. Люди свободных профессий были огорчены и негодовали. Множество людей по обе стороны океана заявляло, что война бессмысленна. Происходил обмен посланиями дружбы и взаимного доверия. Около 1.300 британских авторов призывали к дружбе с США; свыше 350 депутатов парламента потребовали передачи всех спорных дел на рассмотрение арбитража. В конечном итоге, пользуясь любезными услугами США, Великобритания и Венесуэла согласились на арбитраж при условии, что каждая сторона сохранит за собой земли, находившиеся в администрации каждой из них в течение пятидесяти и более лет. Решение этого вопроса полностью очистило воздух англо-американских отношений, возросло взаимное уважение и стало ясным, что под поверхностью внешнеполитических отношений действуют мощные силы, связывающие обе страны.

Хорошо, что было так. Все больше и больше внешняя политика США стала ощущать на себе мощь новых факторов. Страна вступала в период, когда она уже была способной играть роль на большой сцене, и англо-американский антагонизм уступил место англо-американской гармонии.

Испано-американская война. В большинстве великих держав последнее десятилетие девятнадцатого века было отмечено ростом империалистических настроений. Заканчивался раздел Африки. Казалось, что Китай будет разорван на части великими державами. Часть истоков империализма была экономического характера, поскольку рост населения и развитие промышленности требовали новых рынков. Другая часть — политического характера, поскольку соперничавшие между собой государства стремились усилить свою мощь путем приобретения заморских террито-

рий. Было в нем кое-что от стратегии: так, в книгах Альфреда Т. Мэйхена подчеркивалась важность обладания ценою военно-морских баз. Наконец, была в нем и религиозно-этическая сторона: так, евангелическое духовенство считало своим долгом распространять свет во тьме, а протестантское духовенство говорило о миссии белого человека, направленной к подъему отсталых народов. К выше отмеченным истокам применялись еще и чисто эмоциональные: заполненные разными сенсациями газеты прививали вкус к авантюрам в чужих краях. Биржевая паника 1893 года в США и переизбрание антиимпериалистически настроенного Кливленда в значительной степени умерили дух ура-патриотизма и экспансионистских стремлений. По мере изживания экономического кризиса и после дискредитации Кливленда этот дух стал возрождаться. Когда на Кубе стало разрастаться кровавое восстание, то он нашел удобный повод для своего проявления.

Испанская администрация на Кубе была продажной, тиранической и жестокой. Из года в год она выкачивала с острова по меньшей мере две пятых его годового дохода, понижая его производственную способность и разоряя народ. Испанцы практически монополизировали административный аппарат, выплачивали самим себе непомерно большие жалования и охраняли систему непрерывных хищений. Промышленность и торговля были обложены невыносимыми налогами. Связанные со злоупотреблениями акцизные сборы тяжким бременем ложились на сельское хозяйство и горные разработки, и в то же время тариф предоставлял испанским фабрикантам и кушачам монополию, пользуясь которою, они назначали разорительные для покупателей цены. Жизнь и собственность не были в безопасности. По произволу властей любой кубинец мог быть арестован и «убит при попытке к бегству». Суды были орудием испанских администраторов, и судебное преследование было лишь другим названием грабежа. Печать безмолствовала. Находясь в руках испанских прелатов церковь была изъедена коррупцией, она плохо обслуживала простой народ и не пользовалась его симпатиями. Ее реакционная иерархия до такой степени удущала

школьное образование, что неграмотность была всеобщей.

За счет народа содержалась значительная постоянная армия. Бунт всегда таился под покровом внешне-го спокойствия. Но когда на остров обрушился тяжелый экономический кризис, усугубленный американскими пошлинами на сахар, то бедствовавшие массы нельзя было удержать в повиновении. В 1895 году патриот Хосе Марти поднял свой флаг, и вскоре весь остров был охвачен пламенем восстания.

Хотя оба президента, Кливленд и Мак-Кинли, всячески старались сохранить нейтралитет США, все же было ясно, что если война затянется, то Америка будет вынуждена вмешаться в нее. Борьба на Кубе заметно отражалась на экономике США, так как в предприятия Кубы было вложено около пятидесяти миллионов долларов американских капиталов, а торговля США с островом достигала 100.000.000 долларов в год. В отношениях с Испанией стали возникать дипломатические трения. Когда кубинские революционеры начали пользоваться территорией США, как базой для своих военных экспедиций, Мадрид стал выражать свое недовольство. Но справиться с положением было не легко, так как сами испанцы недостаточно эффективно охраняли остров. Американские граждане, проживавшие на Кубе, страдали от потери собственности, свободы, а подчас и жизни, и Вашингтон не раз заявлял протесты против плохого обращения с ними. Кроме того, чувства американцев были возбуждены, как жестокостью испанской политики, так и зверствами, которыми с обеих сторон сопровождалась война на острове. После того, как способный, но беспощадный Валериано Вейлер был послан для усмирения восстания, борьба стала одной из самых страшных в истории. Обе стороны опустошали страну и убивали пленных. Бессмысленные безобразия творились над беззащитными мирными жителями. Осенью 1896 года Вейлер превратил некоторые города и поселки в концентрационные районы, в огороженные места которых сгонялись женщины, дети и старики: здесь они гибли как мухи. К концу 1897 года вымерло больше половины из 101-ой тысячи заключенных в

концентрационных районах Гаванской провинции; американский генеральный консул сообщил, что на всем острове насчитывалось 400.000 несчастных женщин и детей, просящих милостыню и живших словно дикие животные; ежедневно хоронились сотни умерших от истощения и болезней.

Испанское правительство перебрасывало войска на Кубу, и к началу 1898 года оно довело их численность до 200.000 человек. Для предотвращения вмешательства США испанское министерство иностранных дел пыталось образовать союз европейских держав, но его инициатива была холодно встречена в России, Великобритании активно ей воспротивилась, и лишь некоторое одобрение Испания нашла в Германии, Австро-Венгрии и Франции. Но в 1898 году положение обострилось. В Конгрессе всё чаще и громче стали раздаваться требования перейти к решительным действиям. Общественное мнение, откликнувшееся как на голые факты, так и на шум богатой сенсациями печати, возглавленной принадлежавшей В. Р. Херсту газетой «Нью-Йорк Джорнэл», было готово к войне. Президент Кливленд и группа сенаторов, представлявших интересы крупных капиталистов и бывших его ближайшими советниками, хотели избежать конфликта. Но политические соображения и вера в правоту народной воли вынудили Кливленда прекратить сопротивление оказывавшемуся на него давлению. Глупый испанский посланник в Вашингтоне, Дюшон де Лом, осложнил положение в феврале, когда в руки херстовской печати попало его письмо, в котором он называл Мак-Кинли «претендентом на звание политика», «ищущим преклонения толпы» и человеком, ведшим себя вероломно по отношению к Испании. Через неделю на рейде в Гаване произошел взрыв американского линейного корабля «Мэйн», повлекший гибель 260 человек. Был ли этот взрыв делом рук безответственных испанцев или актом кубинских провокаторов, но он сделал войну почти неизбежной. В последнюю минуту испанское правительство поспешило сделать уступки. Если бы эти уступки были правильно поняты, то они могли бы привести к мирному освобождению Кубы. Но Мак-Кинли считал дальнейшую отсрочку, и 11 апреля он отправил Конгрессу посла-

ние, известившее о начале войны. Несомненно, что в широких кругах США этот шаг был популярен.

Ни одна другая война Соединенных Штатов не принесла столь быстрых результатов и такой славы, как испано-американская война. Военные действия начались 1 мая 1898 года, а закончились по истечении десяти недель. За это время не произошло ни одной сколько-нибудь значительной неудачи. На рассвете 1 мая 1898 года Дьюи вошел в свободные от мин воды Манильской бухты, приблизился на нужную дистанцию к превосходившему его в дальности испанскому флоту и сказал: «Грилли, когда будете готовы, можете открывать огонь». Не потеряв ни одного человека, он нанес врагу решительное поражение. Это событие так приветствовал канзасский поэт:

«Да, росистым было утро
Первого мая
И Дьюи был адмирал,
Что вошел в Манильский залив.
И росистыми были очи испанцев,
Багровея темными снзяками.
И роса ли нас обезкуражила?
Я не думаю, что это было так!»

Войска, равные силой примерно одному армейскому корпусу, были высажены вблизи от Сант-Яго на Кубе; в ряде столкновений они одержали успех и взяли под свой огонь порт Сант-Яго. Эскадра адмирала Серверы в составе четырех крейсеров вырвалась из бухты Сант-Яго, но через несколько часов от нее остались разбитые остовы, протянувшиеся вдоль побережья, в то время как у американцев был убит только один моряк. Армия генерала Майлса высадилась в Пуэрто-Рико и прошла церемониальным маршем через весь остров. Дули писал о завоевании острова под заголовком — «Большой пикник и экскурсия при лучшем свете генерала Майлса в Пуэрто-Рико».

Американский народ встретил войну с патристическим воодушевлением. Каждый оркестр играл новый марш Сузы «Звезды и Полосы на вечные времена», и на каждом рояле танцевальным ритмом звучал мотив «Сегодня вечером жарко будет в старом городе».

Были позабыты партийные разногласия в дни, когда Брайен в чине полковника служил в одном из полков Небраски. В огне национального чувства сгорели последние остатки сектантского антагонизма между Севером и Югом, а Джо Уиллер, знаменитый кавалерийский начальник конфедератов, в бою под Сант Яго воскликнул, что один бой под флагом федерации стоит пятнадцати лет жизни. В тот жаркий июльский день, когда пришло известие о падении Сант Яго, от Бостона до Сан-Франциско свистели свистки и реяли флаги. Газеты в срочном порядке отправили своих корреспондентов на Кубу и Филиппины, чтобы на месте убедиться в радости побед; эти репортеры прославили добрую дюжину новых национальных героев. Среди них были: «заданный Боб» Эванс из Айовы, взявший Серверу в плен на борту его сдавшегося корабля; капитан Филиппс с «Техаса», который после потопления испанского корабля говорил своим морякам: «Не радуйтесь, ребята, гибели бедных малых»; лейтенант Виктор Блю, пробравшийся в джунгли Кубы для сбора сведений об испанских силах; капитан Р. Н. Гобсон, который потопил угольный транспорт «Мерримак» в напрасной попытке закрыть выход из Сант Ягской бухты. Но над всеми героями парил Джордж Дилон, которому нация преподнесла дом в Вашингтоне, и командир полка Линих Всадников, Теодор Рузвельт, чьи военные подвиги помогли ему вступить в еще более знаменитый واشингтонский дом. Эта война казалась идеальной войной. Спирски ее потери были невелики, стоимость ее не вызвала большого государственного долга; она подняла американский престиж за рубежом страны, и страна вышла из нее с большой военной добычей.

Но при внимательном рассмотрении оказалось, что победа выявила и кое-какие отрицательные стороны. Слава была приобретена за счет беспомощного противника, оказавшего слабое сопротивление. Испанский флот был так плохо снабжен и деморализован, что, несмотря на малую меткость американской судовой артиллерии, он едва ли нанес американским кораблям хотя бы одну царапину. Благодаря неспособному командованию и никуда негодной организации транспорта, 200.000-ная армия очутилась в невыгодном по-

ложении, и в момент приближения американских сил к Сант-Яго, в городе было сосредоточено только 12.000 человек. Частично наши победы объяснялись стремительным натиском и мужеством, но в еще большей степени мы были обязаны слабости испанцев. Эти победы были одержаны на фоне изъеденного коррупцией бюрократического аппарата с его неноворотливостью и ошибками, в высшей степени подрывавшими к нему доверие со стороны вдумчивых граждан. Военное министерство управлялось так плохо, что его главу принудили покинуть кабинет Мак-Кинли; занявший его место отличный руководитель, Элиху Рут, поднял министерство и армию на должную высоту. Высокая смертность от болезней в армии давала повод для размышлений не только о постановке ее медицинской службы, но и о санитарном состоянии и службе здравоохранения в США вообще. Нужно было резко улучшить стрельбу морской артиллерии. И еще раз было выявлено разлагающее влияние политики на военные учреждения в Вашингтоне. Подводя итоги, Теодор Рузвельт оказался прав, говоря, что Америка была не готова к ведению войны. Численность армии вскоре была доведена до 100.000 человек, был создан постоянный генеральный штаб, быстрыми темпами увеличивался военно-морской флот и была налажена профессиональная подготовка кадров в обеих отраслях вооруженных сил. Хорошо учтя уроки войны, США сумели соответствующим образом подготовиться к страшным испытаниям 1917-1918 годов.

После переговоров полномочных представителей в Париже был быстро заключен мир с Испанией. В ходе переговоров споры вызвали только два пункта. Испанский представитель пытался настоять на том, что Куба должна принять на себя выплату долгов, сделанных Испанией под залог доходов с острова; затем он требовал сохранения за Испанией всех Филиппин или хотя бы части архипелага. Но в этих вопросах американская делегация проявила твердость. Куба возродилась и стала республикой, не имеющей долгов. Весь Филиппинский архипелаг и Пуэрто-Рико были уступлены Соединенным Штатам. С приобретением заморских территорий, населенных чуждым по языку, культуре и политическим традициям на-

родами, Америка, казалось, вступила на новый путь. Антимпериалисты, которыми руководили Брайен, Карл Шури, Е. Л. Годкин, Марк Твен и сенатор Джордж Фрисби Хор, яростно возражали против этих приобретений. Но то, что договор был встречен всеобщим одобрением, было доказано президентскими выборами 1900 года, закончившимися переизбранием Мак-Кинли и увеличившими большинство голосов, поданных за него. Понадобилось время, чтобы доказать, что принятие на себя ответственности за заморские владения было в известной мере временным, и что в душе американская нация оставалась антимпериалистической. С течением времени вышло так, что США не только не увеличили своих заморских владений, но и сократили их.

Тем не менее испано-американская война была важным поворотным пунктом в американской истории. Наконец-то нация осознала самое себя великой державой; все меньше и меньше она чувствовала себя изолированной и занятой лишь собственными делами и все больше и больше она выходила на руководящие роли при заключении важных международных соглашений. Она сознательно стала одной из покровительниц отсталых народов. Под руководством таких губернаторов, как генерал Леонард Вууд, были решены большие задачи по реорганизации, реформам и развитию Флориды, Кубы, Пуэрто-Рико, а несколько позже — и Панамы. Получив в свое ведомство такие племена, как Айгоро и Морос, мы были вынуждены заняться обучением тех, кого Киплинг называл «только что пойманными, замкнувшимися в самих себя людьми — наполовину чертями, наполовину детьми». Победа над желтой лихорадкой, одержанная благодаря проведенным на Кубе опытам доктора Вальтера Рида и других врачей армейской медицинской службы, была триумфом, вполне оправдывавшим все расходы на войну. В течение веков «желтый враг» истреблял жизнь во всех районах тропического пояса и представлял постоянную угрозу для наших южных портов. До конфликта с Испанией Соединенные Штаты молчаливо полагались на британский флот, как на защитника доктрины Монро; после конфликта США опирались на свой флот, уже способный без посто-

рошней помощи отстаивать ее. Война и особенно шестидесятивосемидневный поход линейного корабля «Орегон» от побережья Тихого океана до вод Кубы вокруг мыса Горн показал каждому жителю США необходимость прорыть канал через перешеек. В конечном счете борьба вокруг этого вопроса усилила англо-американскую дружбу и повела к охлаждению отношений между США и Германией в то время, когда германская эскадра ревниво наблюдала за Манилой, причиняя Дьюи раздражение и беспокойство.

Политика открытых дверей. Дипломатия Рузвельта. Первым проявившимся после войны признаком нового образа действий США в международной политике было заявление о принципе «открытых дверей». Победенный в 1894-1895 годах Японией, Китай стал добычей европейских держав, обрушившихся на него с целью приобретения для себя экономических выгод и концессий на его территории. Россия фактически владела северной частью Манчжурии; Германия получила в аренду порт Киао-Чао и установила свой контроль над провинцией Шангунг; Франция выговорила себе различные привилегии. Соединенные Штаты и Великобритания с тревогой наблюдали за этими грабежами. Они дорожили торговлей с Китаем и опасались возникновения преград для своей торговли в виде высоких коммерческих тарифов. Как раз накануне испано-американской войны англичане предлагали устроить совместное англо-американское выступление в пользу сохранения свободы торговли с Китаем, но Государственный департамент отнесся холодно к этой идее. Затем в 1899 году Вашингтон занял в этом вопросе иную позицию. Промышленные и торговые круги начали оказывать на него давление, требуя проведения более твердой политики на Востоке, и напоминали о том, что Управление Внешней Торговли считало Кигай «одним из наиболее перспективных» мест для «американского вторжения на мировые рынки». Миссионерские круги также подняли свой голос. Вышедшая в это время книга Чарльза Виресфорда «Распад Китая» вызвала волнение в США. За кулисами же работали разные люди, и наконец, в сентябре государственный секретарь, Джон Хэй, просил держа-

вы, имевшие свои сферы влияния в Китае, дать обещание не устанавливать специальных пошлин, портовых налогов и железнодорожных надбавок в пределах этих сфер. Хотя большая часть полученных ответов содержала некоторые оговорки, все же в начале 1900 года Хэй смог оповестить об «окончательном и определенном» согласии этих держав.

После того, как в 1901 году Рузвельт стал президентом (первым при нем государственным секретарем был Хэй, а вторым — Рут), американская внешняя политика устремилась в двух основных направлениях. Первое из них было занято проблемами новых островных владений и Панамскими воротами: это направление было естественным следствием испано-американской войны, которая привела к тому, что США ощутили уязвимость своего положения со стороны обоих океанов — Атлантического и Тихого. Другим направлением являлись некоторые личные начинания Рузвельта в мировой дипломатии и говорили о достижении Соединенными Штатами ранга мировой державы. Главными из этих начинаний были предложение Рузвельтом любезных услуг США для ликвидации русско-японской войны в 1905 году и участие США в Алжирасской конференции 1906* года; оба эти события не заслуживают особого внимания. Оба они, несомненно, эффективны, а с точки зрения Рузвельта и успешны. Но ни в одном из них нужды не было; Россия и Япония могли бы урегулировать свои отношения не в Портсмуте, в штате Нью-Гемпшир, а в каком-нибудь другом месте, и Генри Уайта не следовало посылать для оказания поддержки Франции в ее исторической дуэли с Германией по вопросу о северо-африканских портах и прочих привилегиях. По-настоящему важной для американцев была политика Рузвельта в отношении Филиппин, островов в Карибском море и Панамы.

И мы могли бы включить сюда еще его политику, касающуюся англо-американских отношений; ибо, хотя того многие люди и не подозревали, но в двух титанических войнах надежды демократии, и даже самой цивилизации, воплотились в сотрудничество двух говорящих по-английски великих держав. Соединенные Штаты, как еще несколько неуверенный в себе

новичок, вышедший на открытую арену мировых дел, достаточно ясно понимали необходимость и желательность поддержки со стороны британского военно-морского флота. Что касается Великобритании, то повсюду она сталкивалась с угрозой со стороны мощной Германии. В международной торговле Англия встречала немецкую конкуренцию; в Африке немцы добивались своей доли; в Азии они были враждебны политике открытых дверей; в Европе Германия организовала Тройственный союз и соперничала с Англией в морских вооружениях. И ни в коем случае нельзя было полагать, что у Германии не было претензий на территории в Вест-Индии или Латинской Америке, а некоторые ее лидеры были не прочь приобрести здесь военно-морскую базу. Но вполне понятным соображением Соединенные Штаты и Великобритания все больше и больше согласовывали свою политику на Дальнем Востоке, в Карибском море, а также по вопросу об охране морских путей, которая впоследствии была названа «Атлантической системой».

Как только выяснилось, что Соединенные Штаты приняли решение прорыть канал через Панамский перешеек, то, желая облегчить им их задачу, британское правительство пошло на великодушные уступки. Старый, заключенный в 1850 году договор Клейтона — Батлера предоставлял обоим странам равные права при пользовании любым каналом и обязывал каждую страну не возводить укреплений около каналов. Переговоры между государственным секретарем Хэем и британским послом в Вашингтоне привели к заключению договора Хэй — Понсефот, который был ратифицирован в 1901 году. Так как договор предоставлял США право «построить, содержать и контролировать» канал, то он представлял собой отказ Великобритании от прав, содержавшихся в старом договоре. Делая эту уступку, британское правительство не потребовало ничего взамен, и этот жест был должным образом оценен американцами. Немного позже Великобритания заняла по вопросу о венецуэльских долгах такую позицию, которая вновь пришлась по душе Вашингтону. Три державы — Великобритания, Италия и Германия — имели претензии к пользовавшемуся плохой репутацией правительству

президента Кастро. Не получив никакого удовлетворения, осенью 1902 года они пришли к соглашению о «совместных принудительных мерах». Германия, Великобритания и Италия приступили к блокаде венесуэльского побережья, захватили несколько канонерских лодок и бомбардировали два форта. Соединенные Штаты считали, что Венесуэле следовало предъявить строгие требования, но не подвергать ее такому давлению. Когда в Великобритании стало известно, что ее действия вызвали раздражение американского общественного мнения, то она отказалась от давления на Венесуэлу. Во время дебатов, состоявшихся в Палате Общин, были осуждены совместные действия с Германией, и британский кабинет заявил, что он хотел бы избежать применения силы. Несколько позже Рузвельт поведал драматическую повесть (неточную, но не совсем лишнюю оснований) о том, как он подготовил Дьюи и его флот к решительным действиям с тем, чтобы вынудить кайзера к отказу от его намерений.

В самом начале XX века британское правительство опять оказало США содействие при решении вопроса о границе между Аляской и Канадой, причем это решение было очень благоприятным для американцев, но сильно разочаровало канадцев. Согласно старому англо-русскому договору 1825 года, граница узкой длинной полосой Аляски вдоль Тихого океана проходила «по вершинам гор, расположенных параллельно побережью», и таким образом за Россией оставалась полоса шириной в тридцать миль. Соединенные Штаты унаследовали эту полосу. Но встал вопрос, проходит ли граница извилистой линией, огибая оконечности глубоко врезающихся в материк бухт, или перерезает их по прямой линии. Канадцы надеялись на предоставление им нескольких выходов в океан через эти оконечности. После долгих споров дело было передано юридической комиссии, составленной из представителей Великобритании, Канады и США. Желая выиграть дело, Рузвельт вел себя угрожающе. Но в этом не было необходимости, так как право было на стороне американцев, а британский юрист, лорд Олверстон, все время голосовал заодно с американцами. Наконец, когда в 1906 году британский флот

был переформирован в три главных флота — Средиземноморский, Ламанский и Восточно-Атлантический — была отозвана прикрывавшая Вест-Индию эскадра, долгое время базировавшаяся на Бермудских островах. Вывод этой эскадры был вызван угрозами со стороны Германии, но США, уже располагавшие мощным флотом, восприняли это как предоставление им свободных рук в Карибском море.

Отчасти они поступили так вследствие начатого строительства Панамского канала. «Я взял Панаму», — так сказал Рузвельт на одном собрании на Западе. — «Это был единственный путь, обеспечивавший постройку канала». Первая половина этого заявления почти целиком верна. В соответствии с принятым в 1902 году законом, Конгресс уполномочил президента откупить права одной французской компании, уже приступавшей к постройке канала на перешейке, с тем, чтобы получить от Колумбии в постоянное ведение США полосы земли от Атлантического до Тихого океана и приступить к постройке канала. Были начаты переговоры с Колумбией. Но эта республика, зная, что Панама является одним из ее наиболее ценных владений, не хотела уступить ее за чечевичную похлебку. Сенат Боготы отверг составленный в Вашингтоне договор о предоставлении американцам полосы шириною в шесть миль. Такого рода неудачи были достаточно обычными в США, где американский Сенат не один раз расстраивал важные проекты. Но Рузвельт воспринял отказ Колумбии как оскорбление и характеризовал колумбийских политиков как жадных и продажных людей. Он был полон решимости приобрести место для постройки канала до начала декабрьской сессии Конгресса, ибо опасался, что если он не добьется этого, то и могут быть расстроены некоторые другие его планы. Два важных обстоятельства требовали немедленных действий. Одно из них заключалось во французской компании, уже незадолго до этого решившей вложить в дело сорок миллионов долларов. Другое состояло в том, что население Панама опасалось, что если США вскоре не начнут постройку канала здесь, то вместо Панама канал будет проведен через Никарагуа. Издававшаяся одним из близких друзей Рузвельта газета «Ревью ов рев-

юс» в один прекрасный день украсилась статьей под заголовком «А что если в Панаме произойдет восстание?» Воздух Вашингтона был переполнен толками о восстании, и к побережью Панамы были отправлены крейсеры. Агенты французской компании в это время действовали на перешейке. 3 ноября 1903 года, сразу же после прибытия военного корабля «Нэшвилл» в Колон, Государственный Департамент послал каблогранмму американским консулам в Панаме:

«Получено сообщение о восстании на перешейке. Быстро и полностью информируйте Департамент. Лумис, исполняющий обязанности».

Консул в Панаме, будучи неглупым человеком, телеграфировал в ответ: «Восстания еще нет. Сообщение последует вечером. Положение критическое». Через час или два он доносил:

«Восстание произошло сегодня в 6 часов вечера, кровопролития не было. Офицеры армии и флота взяты в плен. Сегодня будет организовано правительство».

Американская морская пехота высадилась и помещала колумбийским солдатам подавить восстание. Вскоре в Вашингтон из Панамы прибыл посланник, и с необычайной скоростью новая республика подписала договор, предоставлявший Соединенным Штатам требованную им полосу земли за десять миллионов долларов и дальнейшую ежегодную умеренную арендную плату. Позже Рузвельт заметил: «Если бы я следовал традиционным консервативным методам, то я должен был бы представить Конгрессу пространную докладную записку на двух стах страницах, и дебаты по этой записке еще продолжались бы. Но я захватил зону для канала и предоставил Конгрессу возможность вести дебаты, а в то время, когда шли дебаты, уже строился канал». Это довольно верно. В течение десяти лет, благодаря инженерному гению Вильяма Горгаса, канал был готов к эксплуатации. Но грубые действия Рузвельта поразили и встревожили общественное мнение во всей Латинской Америке.

Теодор Рузвельт был движим желанием улучшить отношения с Латинскими республиками; но, как его политика, так и ее результаты были весьма насыщены контрастами. Когда третья Пан-американская кон-

ференция была намечена к созыву в Рио-де-Жанейро, он отправил государственного секретаря Рута в поездку доброй воли по странам Южной Америки. Он дал ясно понять, что желает установления дружественных отношений с Латинской Америкой. Он трактовал доктрину Монро, как дело, жизненно важное для защиты интересов южно-американских республик. Но он дополнил эту доктрину знаменитым выводом, вызвавшим большую тревогу во многих республиках. Подчеркивая, что Соединенные Штаты не позволяют европейским державам предпринимать грубые действия против плохо управлявшихся малых стран, не справлявшихся со своими обязательствами по уплате внешних долгов, или захватывавших принадлежавшее иностранцам имущество, или плохо обращавшихся с проживавшими у них иностранными подданными, Рузвельт одновременно заявил, что ответственность за все происходящее в этих странах неизбежно падает на плечи США. Иначе говоря, сам для Сам намеревался наблюдать за поведением этих республик. Он иллюстрировал этот принцип своими действиями в отношении Сан Доминго. Когда этому государству в 1904 году угрожало вмешательство извне, то он убедил его правительство предоставить ему право учредить нечто вроде судебно-исполнительного органа для упорядочения его финансов. Этот акт создал по существу прецедент для установления протекторатов в районе Карибского моря. Это была политика, направленная к охранению мира и порядка, но она внушала опасения в странах Латинской Америки, где считали, что США вступали на путь политики грабежей.

В Тихом океане Рузвельт также следовал курсом, полным контрастов. С самого начала японо-американские отношения стали источником беспокойства. Президент вмешался в спор между Японией и городом Сан-Франциско, проводившим в школах дискриминацию по отношению к японцам. Приложив большие усилия, он успокоил раздраженные чувства японцев, добился «джентльменского соглашения» о прекращении иммиграции японских рабочих и убедил власти Сан-Франциско следовать более умеренным курсом. Но поскольку он думал, что будет уместно

предостережение по адресу Японии, то отправил флот в кругосветное путешествие, с заходом в японские порты, где флоту был оказан учтивый прием. Это было как раз в духе одного из наиболее часто цитировавшегося его высказывания: «Нужно выражаться мягко, но держать в руках большую палку».

С течением времени все более и более становилось ясным, что США не только мировая держава, но и одна из трех-четырех величайших держав. США приняли выдающееся участие в обеих Гаагских мирных конференциях. Они на всем земном шаре оказывали моральную поддержку принципам демократии и свободе торговых взаимоотношений. Несмотря на случайное проявление бестактности Рузвельта и «дипломатию доллара» Тафта, то-есть, применение средств дипломатии для распространения американской торговли и капиталовложений, они преуспевали в завоевании доверия Латинской Америки. Вопреки обмену случайными булавочными уколами, США неуклонно сближались с Великобританией и Британским Содружеством народов. Когда началась Первая мировая война, то США в известной степени были еще в изоляции. Но они не были изолированы настолько, чтобы не оказаться втянутыми в ужасный водоворот событий.

ГЛАВА 19

ВУДРО ВИЛЬСОН И МИРОВАЯ ВОЙНА

Личность Вудро Вильсона. Со времени Джефферсона Вудро Вильсон был во многих отношениях наиболее замечательной фигурой в американской политике. Ученый исследователь и интеллигент, не привыкший к суете общественной жизни, он тем не менее был проинициативным, трезвым и изобретательным. Мечтатель и идеалист, он в то же время после Линкольна был вполне законченным реалистом и ловким политическим лидером. Он был сторонником морали в международных делах, в нем воплотился дух его

предков, участников Соглашения шотландских пресвитерианцев 1638-1643 годов. Вместе со старомодной изысканностью в нем сочеталась умеренно пылкая воинственность, а со страстной привязанностью к принципам — непреклонная воля в отстаивании их. В его речах не было ничего от простоты Брайена и прямолинейной мончи Рузвельта, но им были свойственны рвущееся ввысь красноречие и поэтическая красота, со времени Линкольна не имевшие себе равных. Он занимался исследованиями в политической области, написал несколько капитальных трудов об управлении государством, а свои собственные, весьма зрелые понятия о природе должности и деятельности президента США, партийной системе и месте США в обществе наций он был готов провести в жизнь. «Чистый, сильный, возвышенный и хладнокровный» — как заметил о нем секретарь Лэйн, Вильсон в интеллектуальном смысле был также высокомерным, не склонным к соглашательству, и он мог затань зло, если ему становились поперек пути. Беспристрастный в своих отношениях с людьми, он привлекал их к себе словно некий отвлеченный принцип; он никогда не позволял личному чувству вторгаться в политику и был готов простить любого друга, не сумевшего подняться до его собственного высокого уровня.

Большую часть своей жизни Вильсон провел в академических стенах — на посту профессора политических наук и президента (ректора) Принстонского университета. В 1910 году боссы демократической партии в штате Нью-Джерси выдвинули его для того, чтобы украсить его личностью губернаторский пост, и он принял на себя руководство политической работой. В течение двух лет он вытеснил боссов из их политических капниц и превратил Нью-Джерси из заурядного «гнилого местечка» американской политики в образцовое содружество; в процессе работы он усовершенствовал многие стороны техники управления, которые он позже применял с таким мастерством: дерзновенную смелость, обезоруживающую прямооту, упорство в отстаивании своих взглядов, как лидера партии, обращение к народным массам поверх голов политиков и стратегию быстрого и неослабного натиска. Поразительные достижения Вильсона в Нью-

Джерси превратили его в фигуру общенационального масштаба, обеспечили ему поддержку таких людей, как Брайен, и выдвижение кандидатом в президенты США. Он добился победы над Рузвельтом благодаря своей собственной кристальной искренности и несравненному красноречию выступлений во время предвыборной кампании.

Обращение Вильсона в день его вступления в должность президента было и вызовом, и обещанием. «Никто не может ошибаться», — говорил он, — «в намерениях, которые сейчас преследует народ, оказывая доверие демократической партии. При ее посредстве он стремится объяснить перемены, происшедшие в его планах и взглядах на вещи». Затем последовала программа конструктивных реформ, направленная к достижению «новой свободы», программа заодно смелая и разносторонняя. «Мы расписали по пунктам все, что подлежит изменению», — сказал Вильсон, отмечая «тариф, превращающий правительство в послушное орудие в руках частных лиц», банковскую и денежную систему, в совершенстве приспособленную к «концентрации наличных денег и ограничению кредитов», индустриальную систему, которая «сужает свободы и ограничивает возможности рабочего класса», недостаточно производительное и запущенное сельское хозяйство и использование природных богатств страны в целях частной наживы. В положительной части своей программы правительство обязывалось «поставить себя на служение людям», охраняя здоровье и благополучие детей и женщин и слабых в социально-экономическом отношении группы населения.

Эти реформы должны были проводиться обдуманно и эффективно. И процесс реформ не был «холодным процессом только науки».

«Народ был глубоко возмущен, возмущен со всем пылом страсти, когда узнал, как творилась неправда, как гибли идеалы, как слишком часто обуреваемое корыстью правительство превращалось в орудие зла. Чувства, с которыми мы встречаем новую эру права и новые возможности, глубоко вол-

нуют наши сердца, и словно сам Бог присутствует там, где сочетаются справедливость и милосердие, и где судья и брат составляют одно. Мы знаем, что наши задачи --- не простые задачи политики, но задачи, которыми мы должны проникнуться целиком и полностью...»

Новые свободы в действии. Это были красноречиво изложенные, возвышенные идеалы. Смог ли бы претворить их в жизнь университетский профессор, так сказочно быстро поднявшийся до поста президента? Но он сразу же показал, что умеет претворять слова в дела. Вильсон созвал Конгресс на специальную сессию, и когда она была открыта, то вернувшись к почти забытому обычаю, он лично выступил с речью перед Конгрессом. Он сказал: «Мы должны изменить тарифные ставки. Мы должны отменить все, что носит хотя бы видимость привилегий». Он поставил опасный вопрос. Ибо до сих пор со времени Гражданской войны не было еще настоящей ломки в покровительственной системе: Кливленд сумел добиться от сторонников протекционизма лишь незначительных уступок, а хитрый Рузвельт вообще уклонился от рассмотрения этой проблемы. Ундервуд из Алабамы и Хэлл из Теннесси приготовили свой законопроект, и под давлением исполнительной власти Палата Представителей довольно быстро одобрила его. Но когда Сенат занялся рассмотрением законопроекта, то закулисные деятели, словно гарниз палестинские в столицу, оказывали свое сопротивление, и наблюдатели предсказывали повторение фиаско, случившегося уже в 1894 году. Затем последовало открытое письмо президента Вильсона, разоблачавшее деятельность закулисных дельцов. «Это дело представляет большой интерес для страны», говорил он, --- «и широкие массы народа не нуждаются в закулисных махинациях... в то время, когда сильные группы хитрых людей стремятся создать искусственное мнение и ради своих частных прибылей обойти интересы общества». Это выступление Вильсона оказало свое воздействие на ход дела, и спустя шесть месяцев после занятия президентского поста Вильсон получил удовлетворение, подписав закон о тарифе, который в точ-

ности отражал программные обещания и обязательства, данные им во время предвыборной кампании; тем самым впервые за пятьдесят лет по-настоящему был пересмотрен и снижен тариф.

Страна вдруг осознала, что в лице Вильсона она имеет исполнительную власть, которая думает так, как говорит, и поступает так, как предлагает. Вильсон не давал передышки своей партии; даже когда Конгресс боролся против предложенных им ставок тарифа, он напомнил ему о своем обращении при вступлении в должность президента, в котором предлагал реформировать «банковскую и денежную систему, основанную на необходимости для правительства продажи его облигаций пятьдесят лет назад и в совершенстве приспособленную к концентрации денег и ограничению кредитов». Этот вопрос, как и вопрос о тарифе, обладал большой взрывчатой силой. Страна уже давно страдала от негнбкой кредитной и денежной системы; почти каждый американец был согласен с диагнозом, но мало кто знал, как лечить болезнь. При правительстве Рузвельта принимались временные законодательные меры, разрешавшие частным национальным банкам выпускать деньги в случае срочной нужды в них, и Финансовая комиссия осведомляла страну подробными отчетами о банковской практике в других странах. Но банковская система уже давно нуждалась в коренной перестройке. Банкиры объединились для издания такого закона, который позволял бы им и впредь продолжать контроль над финансовой жизнью; Брайен, уже давно утверждавший, что финансовый вопрос — важнейший вопрос, решительно высказался за передачу контроля над кредитом в руки правительства. Вильсон, не слишком много знавший о технической стороне банковского дела, но не напрасно изучавший историю первого и второго банков США и более поздние эксперименты, примкнул к Брайену. Он говорил: «Контроль должен находиться в руках общества, а не в частных руках, он должен быть передан самому правительству с тем, чтобы банки были орудиями, а не господами в делах частного предпринимательства и частной инициативы». Акт о создании федеральной системы резервных банков подоспел как раз во-время; без него правительство вряд ли смогло

справиться с финансовым кризисом, вызванным мировой войной.

Третье крупное достижение нового правительства выразилось в установлении контроля над деятельностью трестов. Акт Шермана был более эффективным против рабочих организаций, чем против крупных промышленных комбинатов; произведенными около того времени обследованиями было установлено, что движение в сторону концентрации капиталов в промышленности, транспорте и банковском деле было стремительным. Как только было принято законодательство о тарифах и деятельности банков, Вильсон занялся выполнением своих обязательств, данных во время кампании. Принятый в 1914 году против трестов Акт Клейтона точно установил ряд злоупотреблений в этой области, запретил различия в ценах, которые могли бы вести к созданию монополий, запретил связи между крупными корпорациями при посредстве взаимно «переплетающихся дирекций» и сделал директоров корпораций лично ответственными за нарушения законов, направленных против трестов. В то же время была образована Федеральная Торговая комиссия для обследования деловых операций, заслушивания жалоб на неблагоприятные способы ведения дел и прекращения вредной практики путем издания приказов о «запрете деятельности и отказе от дальнейших попыток».

Не были забыты фермеры и рабочие. Федеральный Акт о займах фермерам предоставил им возможность дешевого кредита и вместе с Актом о товарных складах, по которому предоставлялись займы под урожай основных продуктов сельского хозяйства, он оказал большое влияние на прежнюю народническую схему отделов казначейства. Одна из статей направленного против трестов Акта Клейтона касалась специально рабочих организаций, освобождая их от предписаний и положений этого закона и запрещая применение административного вмешательства в забастовки во время рабочих конфликтов. Два акта, направленных к ликвидации детского труда в промышленности, были одобрены Конгрессом, но они были отменены решениями судов. Принятый в 1915 году Акт Ля Фоллета о положении моряков освободил находившихся в

тяжелых условиях рядовых матросов от тирании, от которой они так долго страдали, а принятый в следующем году Акт Адамсона установил восьмичасовой рабочий день на железных дорогах.

Таким образом, в течение трех лет Вильсону удалось осуществить в законодательной области больше, чем кому-либо со времени президента Линкольна. Он выявил не подозревавшиеся никем до этого возможности исполнительной власти в деле руководства Конгрессом и в деле руководства партией президентом США. Он доказал, что во время кризиса демократия может функционировать быстро и эффективно.

Иностранная политика демократов. Как внутренняя, так и внешняя политика Вильсона резко отличалась от политики его предшественника. Рузвельт с удовольствием применял «большую палку» в международных делах, а Тафт поощрял то, что стало известным под названием «дипломатии доллара». Такие методы внешней политики несомненно привели к значительному росту влияния США на мировые дела, но они обернулись антагонизмом в государствах Латинской Америки и подвергали опасности наше собственное благосостояние, вовлекая страну в случайные дипломатические и деловые авантюры, которые на самом деле не представляли для нас интереса. Одним из первых актов Вильсона была отмена официального одобрения США предложенного банкирами займа Китаю на том основании, что Вильсон «не одобрял как условий займа, так и возникавшей в связи с ним ответственности». На той же неделе он объявил о своем намерении «культивировать дружбу» с латиноамериканскими республиками и желании «заслужить доверие» с их стороны. Немного позже, выступая с речью в Мобиле, он особенно решительно отмежевался от долларовой дипломатии и обещал, что Соединенные Штаты никогда не будут стремиться к завоеванию чужих территорий. Обстоятельства не раз вовлекали США в дела некоторых стран в бассейне Карибского моря и Центральной Америки, но в течение всего своего пребывания у власти Вильсон упорно отказывался применять вмешательство с целью эксплуатировать эти страны.

Трудности политики Вильсона могут быть хорошо иллюстрированы отношениями США с Мексикой. В течение тридцати пяти лет эта несчастная страна стояла под тираническим правлением Порфирия Диаса, который, распродавая свою страну иностранным горнопромышленникам и капиталистам, низвел свой собственный народ на положение батраков. В 1911 году средний класс и батраки подняли восстание, свергли Диаса и выдвинули вместо него президентом либерала Франциско Мадеро. Казалось, над Мексикой занялась заря новой жизни, но спустя два года руководившиеся Викториаго Хуэртой контрреволюционеры свергли и убили Мадеро. Узревши в этом событии возврат к льготным временам Диаса, иностранные нефтепромышленники, железнодорожные компании, горнопромышленники и крупные землевладельцы ликовали, а большая часть великих держав поспешила признать нового президента. Но Вильсон не оказался в их числе. Он сознавал, что признание Хуэрты равносильно прощению убийств, и его не тронули назойливые домогательства американских бизнесменов, заинтересованных только в своих собственных прибылях. Предвосхищая позицию, которую он занял позже в более трудных обстоятельствах, Вильсон сказал: «Мы считаем, что настоящее правительство всегда покоится на согласии управляемых, и не может быть свободны там, где нет порядка, основанного на законе и на общественной совести и признании». Такая политика, основы которой покоились на моральных императивах, тогда уже и позже подвергалась критике, как отступление от верной практики и требований целесообразности. По этому поводу немецкий император (Вильгельм Второй) выразился так: «Мораль — это верно, но как быть с дивидендами?» Вильсон, как двадцать лет спустя и Франклин Д. Рузвельт, прекрасно понимал, насколько роковыми могут оказаться последствия молчаливого согласия с беззаконием и признание плодов насилия.

Вильсон не только отказался признать Хуэрта, обогрившего свои руки кровью; он добился поддержки своей политики со стороны Великобритании, хотя за эту поддержку ему пришлось одновременно поступиться в вопросе о плате за пользование Панамским

каналом. Однако, отношения с Мексикой быстро ухудшались, и когда Хуэрта арестовал нескольких американских моряков в Тампико, Вильсон немедленно высадил морскую пехоту в Вера-Крус. Война казалась неизбежной, но Вильсон справился с положением, проводя разницу между мексиканским народом, с которым он хотел установить дружественные отношения, и мексиканским правительством, которое он был намерен свергнуть. Он укротил также воинственные настроения в США и ловкими маневрами поставил Хуэрту в безвыходное положение. Воспользовавшись кризисом в Мексике, он драматически подчеркнул отношение США к республикам Латинской Америки, как к равным партнерам, и обратился к Аргентине, Бразилии и Чили с просьбой помочь урегулировать конфликт. Когда эти страны примкнули к США, Хуэрта был вынужден бежать из своей страны, и к власти в ней пришел лидер конституционалистов Карранца. Но и после этого трудности не прекратились, и когда главарь мексиканских бандитов, Панчо Вилья, совершил рейд на город Коламбус, в штате Нью-Мексико, то, чтобы наказать его, Вильсон отправил экспедиционный корпус под командованием генерала Першинга. Карранца выразил свое негодование вторжением, а американские шовинисты призывали к войне. Все же мир был сохранен, и Мексике была предоставлена возможность заняться своим собственным спасением. Политика «бдительного ожидания», которую называли проявлением малодушия, оказалась успешной и выполнила двойную задачу — оказание помощи Мексике и приобретение доверия в странах Латинской Америки.

Свой интерес к поддержанию мира и соблюдению верности принятым на себя договорным обязательствам правительство Вильсона проявило в двух других случаях своей внешнеполитической деятельности. Брайен, в это время возглавлявший Государственный департамент, был давно убежден в том, что все международные конфликты могут быть урегулированы путем арбитража, и с благословения Вильсона он составлял соответствующие проекты и вел переговоры о заключении «охлаждающих» договоров с другими странами. Эти проекты открывали воз-

возможности арбитража и примирения по всем вопросам, не исключая и таких, которые касались национальной чести. Они предусматривали прекращение всех военных приготовлений на односторонний срок «охлаждающего» состояния возникшего спора. Двадцать два из тридцати соглашений такого рода вступили в силу; от одного из них демонстративно уклонилась Германия. А в 1915 году, когда Япония, уже направлявшаяся по пути агрессивной политики, в конечном счете велела ей к войне с США, предъявила Китаю свои постыдные «двадцать одно требование», то Государственный департамент опротестовал их, заявив, что они представляют собою вопиющее нарушение международного права и политики открытых дверей.

Мировая война и нейтралитет США. Но наиболее серьезная угроза миру Америки возникла в Европе. 28 июня сербский патриот произвел выстрел, эхо которого прокатилось по всему миру. Пять недель спустя вся Европа оказалась в объятиях величайшей войны новейшей эпохи. Американцы реагировали на события скептицизмом и замешательством. Когда президент формально заявил о нейтралитете США, то тем выразил единодушное мнение нации; даже тогда, когда он рекомендовал нейтралитет как в мыслях, так и в действиях, он выражал отношение к войне со стороны большинства американцев.

Все же американцы не могли оставаться к войне 1914 года более равнодушными, чем к войне 1939 года, и нейтралитет, будь то в мыслях или в политике правительства, в конечном счете оказался невозможным. С самого начала симпатии американцев были явно на одной стороне. Громадное большинство народа надеялось на то, что Великобритания, Франция и Бельгия одержат победу. С британским народом американцев связывало множество культурных связей, традиций, общность учреждений и общность взглядов на многие вещи: немногим слабее были чувства в отношении Франции, оказавшей свою помощь во время Революции, и восхищение мужественным сопротивлением французского и бельгийского народов. Сравнительно немногочисленные элементы, преимущественно американские немцы, отвечавшие на голос

крови, и американские ирландцы, унаследовавшие ненависть к Великобритании, проявляли симпатии к центральным европейским державам.

Политика Германии в Тихом океане, в Китае, в Карибском море, отмеченные жестокостью действия немецких милитаристов и высокомерие немецких интеллигентов и государственных деятелей уже задолго до войны лишили немцев расположения к ним американцев, а неспровоцированное вторжение в Бельгию лишь укрепило самые мрачные подозрения в отношении Германии. Было также ясно, что немцы отстаивали идеи абсолютизма в государственной и общественной жизни и то, что в случае захвата ими Европы, раньше или позже, они наверняка столкнутся с демократической Америкой.

Два соображения — симпатии к союзникам и боязнь последствий немецкой победы — стали решающими в определении американской политики. Соображения экономического характера усиливали политические и эмоциональные доводы. Американский народ предоставил займы Великобритании и Франции огромные суммы денег. Американская промышленность быстро перестроилась для обслуживания военных потребностей Англии и Франции, доставляя им громадное количество орудий, снарядов, сильных взрывчатых веществ и других материалов; эти поставки принесли ей громадные прибыли. Американские банки стали агентами по закупкам для союзников, размещали займы союзных стран и открывали им кредиты в Соединенных Штатах. Американское сельское хозяйство, поправившее свои дела после острого предвоенного кризиса, нашло в Англии и Франции готовые, выгодные рынки для сбыта хлопка, пшеницы и свинины. В то же время торговля с центральными державами была весьма незначительной, и, с другой стороны, британская блокада весьма эффективно препятствовала их торговле с нейтральными странами.

Все же не экономические соображения, но скорее немецкая политика «запугивания» убедила Вильсона и американский народ в необходимости войны. Подводные лодки топили торговые суда, при чем они не занимались спасением жизней их экипажей и пассажиров. Когда британский корабль «Лузитания» в

1915 году был пущен на дно океана и погибло свыше 1.100 человек, и из них 128 американцев, то по всей стране пронеслась волна ужаса и гнева. Германия обещала смягчить свои военные методы, и Вильсону удалось временно сохранить мир для страны. Но число людей, считавших необходимым подготовить Америку к войне, заметно увеличилось. Тем временем Вильсон сам убедился в том, что единственный путь сохранения мира для США заключался в попытке привести войну к ее окончанию. В течение всего 1916 года он героически пытался убедить воюющие державы в необходимости заявить о своих целях и проложить путь к организации послевоенного мира.

На президентских выборах 1916 года Вильсон добился успеха главным образом потому, что сумел «уберечь нас от войны». Все же он не давал обязательств на будущее время и не обещал купить «мир любой ценой». Действительно, уже в январе 1916 года он предупредил американский народ словами, к которым военные вожди Германии должны были хорошо прислушаться:

«Я знаю, что вы полагаетесь на меня в деле сохранения мира для нашей страны. До сих пор мне это удавалось, и даю вам мое слово, что с Божьей помощью, и если это будет возможно, то буду делать это и впредь. Но вы возложили на меня и другой долг. Вы просили меня следить за тем, чтобы ничем не была запятнана или нарушена честь Соединенных Штатов, а это дело не в моей власти: оно зависит не от того, что делает правительство США, а от того, что делают другие.»

Немцы, зная, что в течение шести месяцев они могут заморить Англию голодом и то, что в течение этого срока помощь США не сможет быть эффективной, в самом начале 1917 года объявили о переходе к неограниченной подводной войне. В течение ближайших недель были пущены на дно восемь американских судов, и вся страна была взбудоражена разоблачением заговора, который должен был втянуть США в войну с Мексикой и Японией. Сохранение как чести, так и мира стало «невозможным и противоре-

чащим» интересам США, и 2 апреля Вильсон выступил перед Конгрессом и просил его объявить страну на военном положении:

«Страшное дело --- вести наш великий миролюбивый народ на войну, на самую страшную и гибельную из всех войн: кажется, на чашу весов брошена сама цивилизация. Но право дороже мира, и мы будем бороться за все, что всегда было ближе всего нашим сердцам -- за демократию, за право подвластных на голос в управлении своими странами, за права и свободы малых народов, за вселенское объединение в правовом сообществе свободных наций, которое принесет мир и безопасность всем народам и наконец сделает самый мир свободным. Такому делу мы можем посвятить наши жизни и наши богатства, самих себя и все, чем мы обладаем, с гордостью сознавая, что настал день, когда Америка имеет честь проливать свою кровь и употреблять свою мощь для защиты принципов, давших ей жизнь, счастье и мир, которые она хранила как сокровища. Да поможет ей Бог, она не может поступать иначе.»

В Великую пятницу, 6 апреля 1917 года, Соединенные Штаты вступили в войну.

Война. «Создать силу, величайшую силу, силу беспредельную и безграничную» — так обещал президент Вильсон, и нация поспешила выполнить это обещание. Никогда ранее правительство не проявляло большего разума и бо́льших способностей руководить страной в военное время, никогда ранее американский народ не проявлял более производительно свою энергию, находчивость и изобретательский гений, которыми он славился. Вильсон показал себя одним из величайших президентов военного времени, он управлял каждой отраслью военного дела, поддерживал моральное состояние в стране и за границей, никогда не упускал из вида конечные цели, за которые боролась нация. В лице военного министра Н्यूтона Д. Бэйкера, министра финансов Мак-Аду и председателя Комиссии по делам военной промышленности Бернар-

да Баруха Вильсон нашел отличных помощников. Правительству приходилось принимать значительно более крутые меры, чем когда-либо в предшествовавших войнах, и проводило оно их с большой энергией и оперативностью. Оно стало диктатором над промышленностью, трудом и сельским хозяйством. Оно приняло на себя управление железными дорогами и телеграфными линиями. Когда появилась нужда в продовольствии, то производство продуктов сельского хозяйства было увеличено на одну четверть; когда понадобилось топливо, то добыча угля была поднята на две пятых довоенного уровня. Благодаря выпуску займов и повышению налогов, правительству удалось собрать около тридцати шести миллиардов долларов; десять миллиардов оно предоставило займам союзникам, а остальную сумму израсходовало на свои собственные военные нужды. Наибольшие свои усилия правительство сосредоточило на выигрыше битвы за Атлантический океан, которая весной и летом казалась проигранной. Правительство конфисковало интернированные немецкие суда, реквизировало принадлежавший нейтральным странам тоннаж, взяло в свои руки управление частными пароходствами и предприняло колоссальную судостроительную программу — свыше трех миллионов тонн в течение одного года. Эти мероприятия помогли одержать победу на морских путях.

В самом начале войны был принят закон об обязательной военной службе, и еще до окончания войны было зарегистрировано около двадцати пяти миллионов мужчин, что говорило о громадных людских ресурсах великой Западной демократии. Но возможно ли было для Соединенных Штатов обучить, снарядить и своевременно отправить во Францию армию для того, чтобы сдержать наступление немцев? Таким был большой вопрос, ставившийся в 1917 и 1918 годах.

Первый американский контингент высадился во Франции в июне 1917 года — его спешно перебросили сюда больше для поддержания морали союзников, чем для выполнения боевых задач. 4 июля небольшой отряд прошел церемониальным маршем по Елисейским полям с развевавшимися по ветру красно-

бело-синими американскими флагами. Брэнд Витлок так описывает это событие:

«Я услышал звуки оркестра, игравшего марш «Походом через Джорджию». Я не мог остаться равнодушным! Опрометью, с непокрытой головой, я скатился по лестнице и очутился на улице Риволи. По улице, вдоль высокой железной решетки Тюйлери́йского сада, между обочинами тротуаров, неслась толпа; разгоряченные и возбужденные мужчины, женщины и дети бежали в беспорядке, пытаясь не отставать от стройной колонны наших регулярных солдат, одетых в форму цвета хаки и быстро маршировавших вперед. Французские солдаты в своих серо-голубых формах поспешали за ними, стараясь быть к ним как можно ближе; они рассматривали наших солдат с почти детским интересом и изумлением, словно ребяга, несшиеся вслед за проезжавшим парадом цирка. наших солдат забрасывали цветами; в воздухе стоял неумолчный гул толпы, по временам выкрикивавшей «Да здравствует Америка!»

Но это был лишь скромный символ нашей мощи — настоящая американская армия была еще в учебных лагерях на родине.

А в ней ощущалась острая нужда, так как в 1917 году война приняла неблагоприятный оборот. В октябре итальянская армия была разгромлена под Капоретто и для того, чтобы остановить продвижение австрийцев, союзники были вынуждены перебрасывать туда подкрепления. В ноябре подорванные революцией русские стали сдавать свои позиции и запросили немцев о мире. Сорок новых немецких дивизий, снятых с русского и балканского фронтов были спешно переброшены на Запад. К началу весны 1918 года у немцев было явное численное превосходство на Западе, и они готовились к нанесению решительного удара по поредевшим и усталым англо-французским армиям. В марте 1918 года немцы перешли в свое первое большое наступление: в течение недели им удалось разгромить пятую британскую армию, взять в плен девяносто тысяч человек и захватить огромные

склады с военным имуществом. В апреле состоялось второе наступление, когда генерал Хэг издал свой памятный приказ: «Мы стоим спиной к стене, и с верой в правоту нашего дела каждый из нас должен биться до конца». Третье наступление развернулось в июне, и когда немцы достигли правого берега Марны, союзники вручили маршалу Фошу верховное главнокомандование всеми союзными войсками и сообщили президенту Вильсону о том, «что благодаря численному превосходству немцев, складывается большая угроза проигрыша войны, если в кратчайший срок на фронт не придут американские войска».

Так началось состязание с временем. Правительство США приготовило себя к гигантскому напряжению. Главное свое внимание оно уделило перевозкам через океан, и один крупный конвой за другим отправлялись из американских портов, с одетыми в форму цвета хаки американскими воинами. В марте было переправлено за океан 80.000 человек, в апреле — 118.000, в мае — почти 250.000. К началу октября американская армия во Франции насчитывала свыше 1.750.000 человек.

Войска прибыли как раз во-время. Сперва под Мондидье и Кангину, а затем в лесах Бэлло они проявили свое мужество, и немецкое командование, не принимавшее в расчет американскую помощь, с неохотой признало, что «американский солдат показал себя храбрым, сильным и умелым. Потери не подавляют его морали». Но самое трудное было еще впереди. В полночь 14 июля немцы начали свое давно ожидавшееся наступление на Марне, с целью прорыва последней линии союзников и дальнейшего движения на Париж, отстоявший от фронта всего в пятидесяти милях. Они повсюду молниеносно перешли через Марну, за исключением тех мест, где они натолкнулись на свежие американские дивизии. «Именно здесь, на Марне», — писал начальник немецкого штаба Вальтер Рейнхардт, — «мы почти везде достигли целей, поставленных нашим ударным дивизиям... в частности, так было у всех дивизий седьмой армии, достигших в начале блестящих успехов, за исключением одной, правофланговой дивизии, натолкнувшейся на американские части. Только здесь седьмая армия... встре-

тилась с серьезными трудностями. Она встретила неожиданно упорное и активное сопротивление со стороны свежих американских войск. В то время как остальные дивизии... с успехом захватывали территорию и огромную военную добычу, нам не представилось возможным продвинуть вперед, на юг от Марны, правофланговый клин наших линий для занятия позиции, выгодной для дальнейшего развития борьбы. Задержка наступления была вызвана результатами напряженной схватки между нашей 10-ой пехотной дивизией и американскими войсками». К восемнадцатому июля немецкое наступление выдохлось, и Фош отдал распоряжение американским войскам о переходе в контратаку. Выполняя приказ, они добились блестящих успехов. «Перелом в войне», — писал генерал Першинг, — «окончательно свершился в пользу союзников».

В сентябре была начата атака против Сен-Мийельского выступа. «Скорость продвижения наших войск ошеломила врага», — писал генерал Першинг. Потери достигали семи тысяч человек, но американцы очистили от противника выступ и захватили в плен шестнадцать тысяч неприятельских солдат. В октябре американская армия численностью свыше миллиона человек сыграла ведущую роль в обширном наступлении в районе реки Мёз — Аргоннская возвышенность, которое в конечном счете привело к прорыву хваленной линии Гинденбурга и подрыву морального состояния немецких войск.

Тем временем Вильсон своим красноречивым определением военных целей демократий делал для достижения победы не меньше, чем вооруженные силы. С самого начала он пытался посеять в Германии разногласия, настоятельно заверяя, что наша борьба направлена не против немецкого народа, а против его тиранического и самовластного правительства. Он также настаивал на том, что мирные договоры не должны включать в себя пунктов, о насильственном присоединении народов и уплате денежных контрибуций, носящих характер возмездия. В послании к Конгрессу он изложил свои знаменитые Четырнадцать пунктов. Содержание их таково: заключение мирных договоров на основе добровольного согла-

шения сторон; свобода морей в мирное и в военное время; устранение экономических барьеров между государствами; сокращение вооружений; беспристрастное урегулирование претензий на колониальные владения; сотрудничество с Россией в определении ею ее собственной национальной политики и установлении в ней строя по ее собственному выбору; исправление границ в Европе на основе принципа самоопределения народов; учреждение «всеобщей ассоциации наций» в целях достижения «взаимных гарантий политической независимости и территориальной неприкосновенности».

В обстановке безудержного отступления собственных войск, надвигавшегося развала на фронтах своих союзников и непрерывного притока на фронт свежих американских войск немецкое правительство пришло к выводу, что только немедленное заключение мира может предотвратить вторжение союзников на немецкую территорию. Поэтому оно обратилось к Вильсону и просило его приступить к переговорам на основе Четырнадцати пунктов. В то время, когда еще велись дипломатические переговоры, мятежи и революции в стране сделали невозможным дальнейшее сопротивление немцев. Кайзер отрекся от престола, и 11 ноября война пришла к своему концу.

Лига Наций и изоляционизм. Таким образом, до сих пор Вильсон проявлял себя весьма искусным государственным деятелем. Но с окончанием войны он совершил ряд следовавших одна за другою ошибок. Он призвал народ избрать демократическое большинство в Конгресс, но такое обращение в пользу одной партии вызвало недовольство избирателей, ответивших на это избранием республиканского большинства в обе палаты. Он принял решение лично присутствовать на работах мирной конференции, чем возбудил против себя чувства многих американцев, считавших, что президент никогда не должен покидать территорию страны; в конечном счете таким поступком он способствовал падению своего престижа в Европе. Он не назначил в свою Комиссию по подготовке мирного договора ни одного видного республиканца и вообще ни одного человека, обладавшего выдающимися спо-

способностями. И в то время, когда он совершал эти просчеты, страну захватывали усталость от войны, возобновившаяся подозрительность в отношении Европы, чувство разочарования и межпартийная борьба. Когда он отплыл во Францию, то бывший президент Рузвельт резко и вызывающе предупреждал «наших союзников и врагов» о том, что «мистер Вильсон в данное время не имеет никаких полномочий говорить от имени американского народа».

Творцы договора — Вильсон, Ллойд Джордж, Клемансо, Орландо и множество государственных деятелей меньшего ранга — встретились в Париже в обстановке ненависти, алчности и страха — ненависти к врагу, алчности в вопросах колоний и репараций и в страхе перед большевизмом. Мир был заключен не на основе равноправных переговоров, а под диктовку победителей. Версальский мир возложил вину за войну на Германию, отнял у нее все ее колониальные владения, произвел территориальные изменения на всех ее границах и обязал ее уплатить огромные репарации. Рядом других договоров были созданы или признаны новые государства, возникшие в соответствии с вильсоновскими принципами самоопределения народов, и среди них — Чехословакия, Югославия, Польша, Финляндия. Принимая эти договоры, Вильсон по некоторым из своих Четырнадцати пунктов был вынужден идти на компромисс: но соглашался он на него только будучи твердо убежденным в том, что в ходе работ Лиги Наций все ошибки будут исправлены. Преодолевши сильнейшее сопротивление, Вильсон добился включения Лиги Наций в рамки договоров. Идея ассоциации народов не была новой, и многие люди из многих стран внесли свой вклад в проповедь этой идеи. Но учрежденная в конечном итоге Лига Наций была творением Вильсона. В ее функции входило «развитие международного сотрудничества и обеспечение международного мира и безопасности». Все народы могли быть членами организации, во главе ее был поставлен Совет, в котором доминировали великие державы, и Ассамблея, в которой были представлены все ее члены. Члены Лиги обязывались «уважать и охранять против агрессии извне, территориальную неприкосновенность и фактическую полити-

ческую независимость» всех ее членов; знаменитая десятая статья Устава требовала передачи всех споров в третейский суд и применения военных и экономических санкций в отношении государств, в обход Лиги Наций прибегающих к войне. Дополнительно были выработаны положения о разоружении, управлении колониями по мандатам Лиги и создании постоянного Международного Суда и Международного Бюро Труда.

Когда Вильсон вернулся в Соединенные Штаты с Версальским договором и Уставом Лиги Наций, то встретил в стране широко разлившуюся, враждебную оппозицию. Многие республиканские лидеры, подобно такому озлобленному и резко выраженному партийному фанатику, как Лодж, узрели в этом вопросе подходящий повод для нанесения поражения демократам и унижения Вильсона. Личная неприязнь к президенту охватила многих. Американцы немецкого, итальянского и ирландского происхождения нашли основания для того, чтобы осудить условия мира. Некоторым, жаждавшим мести людям договор с Германией казался слишком мягким; многим же либералам он казался слишком суровым. Значительное число консервативно настроенных американцев опасалось вовлечения США в европейские конфликты и напоминало о том, что свыше ста лет США вообще сторонились дел Старого Света.

И все же казалось, что большинство народа, или по крайней мере большинство в среде наиболее образованных групп населения, одобрительно относилось к Лиге Наций, и не было никогда так, чтобы в Сенате не было большинства голосов, необходимого для ратификации Устава. Если бы Вильсон пожелал пойти на компромисс по вопросу о десятой статье, то он мог бы получить необходимые для ратификации две трети голосов. Он, однако, не пожелал поступиться в этом вопросе. «Статья десятая», — заявил он Сенатскому комитету, — «представляется мне самой важной во всем Уставе. Без нее Лига вряд ли будет больше совещательного органа, имеющего некоторое влияние». Но Вильсону не удалось переубедить республиканскую оппозицию, и он поставил вопрос на обсуждение народа. Когда он совершал пропагандную

поездку по Западу, здоровье его пошатнулось, и 25 сентября его разбил паралич, от которого он не смог оправиться. Большое дело, которому он себя посвятил, было им проиграно. В марте 1920 года окончательным голосованием Сенат отверг договор и Устав Лиги и тем обрек Соединенные Штаты на долгие годы бесплодного и бесславного изоляционизма.

Получив беспрецедентное большинство на выборах 1920 года, республиканцы вернулись к власти и сразу же попытались возвести изоляцию в партийный принцип. Слабый здоровьем, но крепкий духом Вильсон отошел от дел и с глубоким разочарованием наблюдал за крахом коллективной безопасности, который он предсказал. Он жил подобно тому Джеймсу Петигрю, чьим эпиграфом он так восхищался,

«Не боясь враждебного мнения,
Не соблазняясь лестью,
Не унывая от бедствий,»

и подобно ему

«Он противостоял жизни с античным мужеством
И Смерти — с надеждой христианина.»

Лишь тогда, когда случилась Вторая мировая война, еще более великая, чем первая, со всеми потрясениями основ мировой жизни, люди осознали обоснованность тех принципов, за которые он так доблестно боролся.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	7
<i>Глава 1</i>	
Создание колоний	9
<i>Глава 2</i>	
Наследие колониального периода	34
<i>Глава 3</i>	
Имперская проблема	64
<i>Глава 4</i>	
Революция и конфедерация	91
<i>Глава 5</i>	
Создание Конституции	118
<i>Глава 6</i>	
Укрепление республики	141
<i>Глава 7</i>	
Рост национального единства	157
<i>Глава 8</i>	
Победа демократии Джексона	173
<i>Глава 9</i>	
Запад и демократия	190
<i>Глава 10</i>	
Борьба внутри общества	209
<i>Глава 11</i>	
Братоубийственная война	234
<i>Глава 12</i>	
Рождение современной Америки	252
<i>Глава 13</i>	
Рост крупного предпринимательства	275
<i>Глава 14</i>	
Рабочий класс и иммиграция	303

	<i>Стр.</i>
<i>Глава 15</i>	
Запад достигает совершеннолетия	327
<i>Глава 16</i>	
Фермер и его проблемы	346
<i>Глава 17</i>	
Время реформ	373
<i>Глава 18</i>	
Преобразование США в мировую державу	399
<i>Глава 19</i>	
Вудро Вильсон и мировая война	419
<i>Глава 20</i>	
Между двух войн	439

Книги издательства «Телекс»

- С. П. Мельгунов «Красный террор в России»**
1-е изд. — 1979, совместно с изд-вом «BRANDY». 2-е изд. — 1989
- З. Гиппиус «Петербургские дневники»**
1-е изд. — 1982, совместно с изд-вом «Орфей», 2-е изд. — 1990
- Л. Ежовский «Катынь-1940»**
1-е изд. — 1983, 2-е изд. — 1985, 3-е изд. — 1987
- «СССР-Германия, 1939»**
1-е изд. — 1983, 2-е изд. — 1989
- «СССР-Германия, 1939-1941»**
1-е изд. — 1983, 2-е изд. — 1989
- С. П. Мельгунов «Золотой немецкий ключ большевиков»**
1-е изд. — 1985, 2-е изд. — 1989
- «Убийство Столыпина. Свидетельства и документы»**
1-е изд. — 1986, 2-е изд. — 1989
- Даниэл О. Грэм «Космический щит»**
1988
- «Хрущев о Сталине»**
1-е изд. — 1988, 2-е изд. — 1989
- Коран — 1989**
- П. А. Столыпин — «Речи, 1906-1911» — 1990**
- «Большевики, 1903-1916» — 1990**
- А. Голдберг — Американские профсоюзы — 1990**
- С. Падовер — Джефферсон, третий президент — 1991**

Сборники «Телекс»

- №1 «Западная пресса о важнейших событиях в мире»**
(январь 1981)
- № 2 «Западная пресса о важнейших событиях в мире»**
(ноябрь 1981)
- № 3 «Кризис детанта. Американские ученые о политике разрядки международной напряженности»**
(1982)
- № 4 «С позиции силы. Почему Запад, желая мира, готовится к войне»**
(1982)
- № 5 «Рональд Рейган о внешней политике США. Речи, заявления, интервью президента США за 1981-1983 гг.»**
(1983)